

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

**This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

891.706
L722
v. 4-5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законо-
менное число экземпляровъ. Москва, 23 мая 1862 года.

Ценсоръ И. Гиларовъ-Платоновъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕРВОПРОИЗВЕДЕНІЯ
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕРВОПРОИЗВЕДЕНІЯ
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕРВОПРОИЗВЕДЕНІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I. ИСЛѢДОВАНІЯ.

Мѣстные сказанія владимірскія, московскія и новгородскія. Двѣ лекціи изъ курса исторіи русской литературы <i>Ѳ. И. Буслаева</i>	стр. 3
---	-----------

II. МАТЕРІАЛЫ.

Русскія народныя пѣсни, собранныя въ саратовской губерніи <i>А. Н. Мордовцевой</i> и <i>Н. И. Костомаровымъ</i>	3
Повѣсти о царѣ Соломонѣ. Съ приложеніемъ шести хронолитогр- фированныхъ снимковъ съ рукописи, принадлежащей <i>И. Е. Забѣлину</i>	112
Рождественская драма	154

III. СМѢСЬ.

Нѣкоторыя черты о обществѣ духоборцевъ. (Писано въ 1805 году)	3
О народахъ на страшномъ судѣ, по одному лицевому сборнику XVII вѣка Новгородской Софійской Библіотеки. <i>Ѳ. И. Буслаева</i>	16
Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ. Сообщена <i>Н. Л.</i>	19
Апологъ отъ правоученія Кирилла Александрійскаго. Сообщенъ <i>А. Е. Викторовымъ</i>	28
Письма Сумарокова, Щербатова и Новикова къ <i>Г. В. Козицкому</i>	29
Донесеніе о масонахъ	49

	стр.
Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Сочиненіе <i>Паана Алек- сѣева</i> († 1755)	53
Письмо М. П. Муравьева къ Г. Карманову	69
Записка дочери Н. И. Новикова Вѣры Николаевны, исправленная рукою Н. М. Карамзина.	70
Нѣсколько народныхъ заговоровъ. Сообщены <i>А. Н. Аванась- евымъ</i>	72
Выписка изъ письма дочери Н. И. Новикова Вѣры Николаевны къ А. И. Тургеневу	81
Слова и поученія, направленные противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Съ предисловіемъ <i>Н. С. Тихонравова</i>	82

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МѢСТНЫЯ СКАЗАНІЯ ВЛАДИМІРСКІЯ, МОСКОВСКІЯ И НОВГОРОДСКІЯ.

(Двѣ лекціи изъ курса исторіи русской литературы).

1.

Словесность древняя и народная, какъ плодъ родной земли, была прикована къ извѣстной мѣстности; какъ растеніе своего климата, она постепенно возникала и процвѣтала то на сѣверѣ Россіи, то на югѣ, то на западѣ, то на востокѣ. Самыя раннія на Руси поэтическія и литературныя преданія сосредоточены къ двумъ древнѣйшимъ центрамъ русской жизни, къ Кіеву и Новгороду. вмѣстѣ съ расширеніемъ православія и княжеской власти умножаются средоточія исторической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ. И слагаются народныя сказанія во Владиміръ, Москвѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и въ другихъ областяхъ. И какъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сложилось наконецъ русское царство съ Москвою въ своемъ средоточіи; такъ и всѣ мѣстныя, такъ сказать, удѣльныя сказанія и преданія, какъ эпизоды великаго національнаго эпоса, составляютъ главное и существенное содержаніе древнерусской литературы. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о нравственномъ характерѣ русскаго народа, надобно войти въ мѣстные интересы всѣхъ частей, изъ которыхъ этотъ характеръ сложился. И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ сберегли свои мѣстныя преданія и сказанья, которыя даютъ особую нравственную фizioномію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго челоѣка, потому что всѣ вмѣстѣ составляютъ онѣ его завѣтное національное сокровище.

И тѣмъ необходимѣе обратить вниманіе на эти мѣстные черты общей русской національности, что, вошедши въ основу народной жизни, онѣ на время потеряли силу къ дальнѣйшему развитію въ литературѣ, потому что литература новая, т. е. съ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка до нашихъ временъ, стремится уже стать выше всякаго мѣстнаго стѣпенія. Это уже не кіевская литература, не новгородская, муромская или владимірская, даже не московская или петербургская, но вообще литература *русская* или, точнѣе сказать, *великорусская*. Даже въ самомъ вѣтшнемъ выраженіи, новая литература ревниво преслѣдуетъ свое отвлеченное отъ жизни стремленіе; она гнушается провинціализма, она не терпитъ при себѣ развитія литературныхъ идей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Конечно, можно бы вполне простить новой литературѣ, что она заглушила своей дѣятельностію все провинціальное, если бы она была дѣйствительно русскою, и если бы она сложилась изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ русское государство изъ удѣловъ и областей. Напротивъ того, отрѣшившись отъ мѣстной родной почвы, наша новая литература цѣлое столѣтіе робко влачила по слѣдамъ литературъ западныхъ и все болѣе и болѣе уклонялась отъ интересовъ національныхъ. Она избрала себѣ отвлеченный языкъ для того, чтобъ передавать отвлеченныя отъ русской жизни идеи, чуждыя ей понятія и убѣжденія. И такъ надобно обратиться къ историческому развитію древней литературы, чтобъ усвоить себѣ національныя основы русской жизни.

Монуменальные остатки прошедшей исторической жизни питаютъ въ народѣ его національное чувство, внушаютъ не только уваженіе къ своей прожитой старинѣ, но и сознаніе собственнаго своего достоинства. Эти историческіе остатки, хотя бы и бесполезныя для пракческаго употребленія развалины, имѣютъ въ жизни народа важное значеніе: онѣ говорятъ о старинѣ и преданіи и наглядно поучаютъ каждого, точно также какъ и стѣнная живопись въ средневѣковыхъ храмахъ и миниатюры въ народныхъ книгахъ предназначались некогда для назиданія неграмотныхъ. Ценноцімное богатство и разнообразіе этихъ монументальныхъ слѣдовъ на Западѣ и необыкновенная бѣдность и однообразіе у насъ—на

первомъ же шагу при вступленіи въ обзоръ національныхъ преданій по разнымъ мѣстностямъ нашего отечества—должны бы, кажется, остановить насъ.

И дѣйствительно, разнообразіе древнихъ зданій, сооруженій и вообще осязаемыхъ остатковъ прошедшаго сильно въкореняетъ въ народѣ его поэтическія и бытовыя преданія; народъ крѣпче и надежнѣе уславивается на мѣстности, которая уже сама говоритъ ему о его прошедшемъ, о его родѣ и племени, о его вѣковыхъ привычкахъ и симпатіяхъ. У насъ же на Руси при великомъ недостаткѣ въ мастерахъ и въ техническихъ средствахъ, самый матеріалъ, изъ котораго городили города и сооружали храмы, препятствовала долговѣчности: это не камень, а дерево, которое легко исчезало и отъ перемѣнъ суроваго климата и отъ огня. Сравнивая это, по видимому, противоположное отношеніе къ родной старинѣ и на западѣ и у насъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ приходили къ тому убѣжденію, что русскій народъ не привыкъ дорожить своею историческою жизнію, не умѣетъ и не можетъ дорожить ею; будто, за отсутствіемъ прочныхъ національныхъ преданій, русскій народъ, не будучи прикрѣпленъ къ родной мѣстности никакими историческими воспоминаніями, можетъ только, или безмысленно косить въ суетвѣріяхъ раскола, или же—безо всякаго сожалѣнія промѣнять свой получеловѣчскій бытъ на всякій другой, по новымъ требованіямъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Этотъ взглядъ, поселяющій презрѣніе къ русскому народу, могъ образоваться только по крайнему невѣдѣнію исторіи русскаго быта и литературы.

Чѣмъ однообразнѣе и бѣднѣе монументальными остатками наша старина, тѣмъ удивительнѣе должно быть для насъ, какъ и доселѣ сохраняются въ народѣ мѣстныя преданія не только отъ временъ Іоанна Грознаго, отъ временъ Татарщины и удѣловъ, но даже отъ эпохи мнѣической. Извѣстны древнѣйшія поэтическія и литературныя преданія Новгорода и Кіева: и доселѣ освѣжаются они въ памяти народа, будучи присоединяемы то къ какому-нибудь собственному имени монастыря, какъ, напр., *Сергійскій Скитъ*, въ новгородскихъ сказаніяхъ, то къ урочищу, какъ *Кожсеяки* въ Кіевѣ и т. п.

Теперь перехода въ стверовосточную глушь древней Руси XII и XIII в., въ Залѣсье, въ дикую страну суздальской области, увидимъ, что изъ нея доносятся до насъ самыя раннія преданія о городѣ Владимірѣ, объ этомъ центрѣ новаго порядка вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Москвѣ. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ литературныхъ и народныхъ сказаніяхъ начало Москвы связывается съ учрежденіемъ велико-княжеской власти въ Владимірѣ. Дѣйствительно и въ политическомъ отношеніи Владиміръ составляетъ естественный переходъ отъ Кіева къ Москвѣ.

Намъ уже извѣстны основныя нити преданія, сохранявшіяся въ родѣ Мономаховичей, нити домашняго, фамиліаго преданія, которыми съ кіевскою святынею связывалась земля ростовская и суздальская, то есть наследственная область Всеволодова дома или Мономаховичей. Мы уже знаемъ, какъ было дорого этому княжескому роду кіево-печерское преданіе о Варягѣ Шимонѣ, знаемъ, что варяжскія святыни прославлены были чудесами, особенно въ фамиліи Всеволода, и что сынъ его Владиміръ Мономахъ взявъ мѣру кіево-печерской церкви Успенія Богородицы, мѣру, опредѣленную варяжскимъ поясомъ, соорудилъ церковь во всемъ сходную съ кіево-печерскою и въ своемъ княженіи въ Ростовѣ; и что, наконецъ, сынъ его Георгій, какъ бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ, своего отца о чудесахъ печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи въ городѣ Суздаль. Андрей Боголюбскій, по внушенію фамиліальныхъ преданій, въ 1158 г. положилъ основаніе Успенскому собору на Клязьмѣ.

Это родовое кіево-печерское преданіе соединено было во Владимірѣ съ новою, уже чисто мѣстною святынею, впрочемъ все же связанною исторически съ Кіевомъ. Вмѣстѣ съ иконою Богоматери Пирогощей, была принесена изъ Царяграда ¹⁾ въ даръ Юрію Долгорукому въ Кіевъ другая икона Богородицы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою. Она была поставлена въ Вышегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и

¹⁾ Имя—слѣдуя преданіямъ—отъ купца, *Пирогоца*, который вывезъ икону, ичъърише отъ мѣста, гдѣ она была поставлена, на *Пироговкѣ*. И доселѣ около Кіева есть селеніе Пирогово.

скоро обратила къ себѣ вѣрующія сердца великими чудесами. «Кривошаны входятъ въ церковь—говоритъ кievскій летописецъ—а та чудная икона, съ мѣста своего вышедъ, стоитъ особѣ среди церкви своей. И молился князь Андрей (т. е. Боголюбскій) той иконѣ, и взялъ ночью святую икону безъ отчаго повелѣнія и побѣхалъ на русскую землю съ своею княгинею и съ своимъ дворомъ и взялъ съ собою кривошанъ Вышегородскихъ, попа Миколу и зятя его, Нестора дьякона. И много чудесъ было имъ идущимъ до Владиміра отъ чудной иконы; и поставилъ ей храмъ на рѣкѣ на Клязьмѣ и двѣ церкви каменныя.»

Благочестивый и всеневенный князь Андрей Юрьевичъ, во всѣхъ своихъ походахъ постоянно имѣлъ при себѣ двѣ святыни—эту икону, привезенную изъ Вышегородскаго монастыря, и мечъ св. Борнса, который былъ некогда княземъ въ землѣ ростовской, въ дѣдинѣ и отчинѣ князя Андрея Боголюбскаго. Этотъ князь при содѣйствіи святочтимой иконы, побѣдивъ 1-го января 1164 г. Болгарь, въ одинъ день съ побѣдою греческаго императора Мануила надъ Сарацинами, установилъ праздновать въ этотъ день память той и другой побѣды. Съ тѣхъ поръ икона получила имя Владимірской¹⁾. Къ этому надобно присовокупить, что 26 августа 1395 г., по желанію великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна, эта икона была перенесена въ Москву, спасла се отъ наше-

¹⁾ Съ Владимірской иконою не должно смѣшивать Боголюбскую, которая отличается отъ нея изображеніемъ, и, которая представляла виднѣе, бывшее Андрею Боголюбскому, по его заказу была писана иностранными живописцами (т. е. живописцами).—Отправившись изъ Вышеграда съ иконою, писанною свангелістомъ Лукою, Андрей Юрьевичъ черезъ Владиміръ хотѣлъ ѣхать въ Ростовъ. Но икона остановилась и ничѣмъ не могли ее сдвинуть съ мѣста. Великое было пѣть молебны. Къ ночи князь вошелъ въ свой шатеръ и долго со слезами молился; тогда въ полночи,—какъ сказано въ житіи этого князя,—явилась сама Пресвятая Богородица очевиднѣ въ намѣтъ стояла, держа въ одной рукѣ хартию, и сказала ему: не хочу, да образъ мой несеши въ Ростовъ, но постави его во Владиміръ, а на семъ мѣстѣ, во дни моего Рождества церковь каменную воздвигни и обиталище иноконъ состави.—Такииъ образомъ и былъ основанъ городъ Боголюбовъ, и монастырь Боголюбскій. И такъ подъ намѣтѣмъ высшихъ божественныхъ силъ, надобно было оставить старое города, бѣжать изъ Кіева, даже тайно—какъ говоритъ преданіе о князѣ Андрѣ, и, не доходя до старикаго Ростова, основатися на новонъ, дотолѣ необитанномъ мѣстѣ. Таковъ историческій смыслъ этихъ священныхъ преданій.

ствія Тамерлана, и постановлена въ Успенскомъ Соборѣ, которыми Москва также связывается съ Кіевомъ черезъ Владиміръ, Суздаль и Ростовъ.—Встрѣчена была икона въ Москвѣ на *Кучковомъ* полѣ, гдѣ тогда же былъ постройенъ Срѣтенскій монастырь.

Для насъ въ литературномъ отношеніи особенно важно это *Кучково* Поле, напоминающее родственниковъ и убійцу Андрея Юрьевича, т. е. фамилію *Кучковыхъ*, о которыхъ сказанія принадлежатъ къ древнѣйшимъ преданіямъ владиміромосковскимъ.

Теперь перейдемъ собственно къ поэтическимъ мѣстнымъ сказаньямъ и преданьямъ.

Мы уже не разъ замѣчали, что христіанскіе просвѣтителіи водружали крестъ и ставили храмъ истинному Богу на развалинахъ древнихъ языческихъ капищъ. Построеніе городовъ нашими князьями было вмѣстѣ и распространеніемъ на Руси государственнаго порядка и обращеніемъ народа въ христіанскую вѣру, особенно въ дикихъ мѣстахъ сѣверовосточной Руси. Судя по урочищамъ, и доселѣ удержавшимъ языческія названія, надобно полагать, что около города Владиміра издавна было какое-то средоточіе мѣстныхъ жителей—язычниковъ. Долина находящаяся между Владиміромъ и Боголюбовымъ, и доселѣ именуется *Яриловой*. *Ярило* (отъ *ярый*—свѣтлый и горячій и *яръ*—весна, отсюда *яровой* хлѣбъ) было божество плодоносящее, божество свѣта и тепла весенняго времени. Потому и доселѣ на *Яриловой* долині, между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ, ежегодно *весною*, въ день Сошествія Св. Духа бываетъ простонародное гулянье съ хороводами, въ которыхъ особенно въ этотъ день поется языческая пѣсня:

А мы просо съяли, съяли;
Ой, *Дидь Ладол* съяли.

По *Яриловой* долині протекаетъ рѣчка *Почайна* — южное имя, вывезенное, вѣроятно, изъ Кіева дружинами Мономаховичей. *Почайна* орошаетъ такъ называемый *Княжій Лугъ*.

Во владимірскихъ преданіяхъ сохранилась память о другомъ языческомъ божествѣ, о *Волосѣ*, въ наименованіи *Волосова*

Никольскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ Владиміра). По преданію, сохранившемуся въ народѣ, Николаевскій монастырь стоялъ на возвышенности, надъ рѣкою Каличкою, на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу Волосу, и церковь и монастырскія строенія были деревянныя. Но потомъ образъ Св. Николая угодника съ этого мѣста сходилъ туда, гдѣ впоследствии была построена каменная церковь — уже подъ горою, — и являлся на деревѣ висящимъ на *волосахъ*, почему будто бы и монастырь получилъ названіе *Волосова*: это уже этимологія позднѣйшихъ временъ, когда уже стало забываться мифологическое значеніе Волоса.

Теперь переходимъ къ сказаніямъ, связывающимъ начало Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго. Исторически извѣстно, что Москва какъ маленькое мѣстечко отдаленной суздальской области, существовала уже въ 1147 г., когда марта 28 угощала въ ней Георгій Долгорукій Святослава Ольговича и бояръ его. Рассказываютъ позднѣйшія лѣтописи, будто Георгій же и построилъ этотъ городъ. Къ этому при-совокупляютъ, будто бы этотъ князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ село богатаго боярина *Степана Ивановича Кучки*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, а сына его Андрея, княжившаго тогда во Владимірѣ суздальскомъ, женилъ на прекрасной дочери казненнаго боярина ¹⁾. По сказаніямъ, эта супруга Андрея называлась Улитю. Какъ бы то ни было, но исторически извѣстно, что братья ея Кучковичи ночью въ расплохъ умертвили князя Андрея въ Боголюбовѣ, мстя за то, что онъ казнилъ за какое-то преступленіе одного изъ ихъ братьевъ. Можетъ быть, въ этомъ убійствѣ и въ последованіемъ за тѣмъ грабежѣ, слѣдуетъ видѣть не одну семейную распрю; можетъ быть, это было возстаніе прежнихъ вотчинниковъ и дикаго населенія противъ водворившейся въ центрѣ ихъ новой силы. Но для насъ важна именно эта семейная драма, которая оставила по себѣ глубокіе слѣды въ мѣстныхъ народныхъ сказаніяхъ.

¹⁾ Карамзина, Ист. Госуд. Рос. Т. 2, стр. 217. примѣч. 301 по второму изданію.

Въ народѣ доселѣ живутъ преданія о мѣстѣ казни убійцъ Андрея Боголюбскаго. Верстахъ въ семи отъ города Владимира, нѣ въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ называемое *Пловучес Озеро* ¹⁾, съ одной стороны окруженное густымъ сосновымъ боромъ, а съ другой мелкимъ кустарникомъ. Болотистые заросшіе мхомъ берега его, обильные ягодами, привлекаютъ сюда горожанъ и поселянъ. Но лишь только начинается смеркаться, всѣ спѣшатъ удалиться отъ этого озера, въ черной водѣ котораго будто бы и доселѣ плаваютъ колоды съ тѣлами казенныхъ убійцъ князя Андрея Боголюбскаго. Мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега озера къ другому, преданіе обратило въ могильныя колоды, не сгнившія будто бы въ теченіе многихъ столѣтій. Тѣла Кучковичей, которыхъ,—какъ говоритъ преданіе,—вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятками, стали неподвержены тѣнію для вѣчныхъ томительныхъ мученій. Ночь на 2^ю іюня, когда въ 1175 г. было совершено убіеніе князя Андрея—по мѣстнымъ разсказамъ—бываетъ самая мучительная для Кучковичей и самая страшная для запоздалаго путника. Будто бы слышится тогда унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, колоды ихъ потрясаются и озеро волнуется.—Фантазія народная, отдаванъ такимъ образомъ по своему отчетъ объ историческихъ дѣятеляхъ отдаленной эпохи, не пощадила въ своихъ преданіяхъ и супруги Андреевой, Улиты, которая будто бы волею или неволею была соучастницею въ злодѣяніи.

Тоже въ верстахъ въ семи отъ Владимира, по большой муромской дорогѣ, есть другое озеро, называемое *Иоганымъ* или *Иоганцѣмъ*. Въ народѣ разсказывается, будто по повелѣнію брата Андреева, Михаила за свое преступленіе княгиня Улита, дочь Кучки, брошена въ это озеро съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, и будто бы съ тѣхъ поръ получило оно названіе *Иоганито*.

Та же самая семейная драма, съ измѣною, убійствами и местью вносится въ сказанія о началѣ Москвы, съ грубыми анахронизмами, но, очевидно по стариннымъ народнымъ пре-

¹⁾ Древній Боголюбскъ городъ и монастырь. Доброхотова 1852 г. стр. 116—118.

даніямъ. Кучковичи и Улита также играютъ главные роли, но стоятъ въ другихъ отношеніяхъ, и вмѣсто Андрея Боголюбскаго является какой-то, Данило Ивановичъ, иначе Александровичъ ¹⁾. Самое уже начало одного изъ этихъ сказаній, по рукописи XVII вѣка, своимъ размѣромъ напоминаетъ народныя стихи и сказки. «Почему было бы *на* Москвѣ царству быти, и кто зналъ, что Москвѣ царствомъ слыти? Были на семь мѣстъ по Москвѣ-рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучки Степана Ивановича. Боярина же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Данила Александровичъ Невскаго и нача просити у Кучки боярина дву сыновъ его къ себѣ во дворъ, а если не отдасть, то князь Данилъ суздальскій грозилъ ему войною; Кучка утрашился князя и отдалъ ему обонхъ сыновей. Данилъ одного изъ нихъ пожаловалъ въ стольники, другаго въ чашники. Были они оба прекрасны и супругу князя Данила, княгиню Улиту Юрьевну (?) — какъ сказано въ подлинникѣ *улзви врагъ*: возлюбила она «красоту лица ихъ» и вмѣстѣ съ ними составила преступный планъ, какъ бы погубить князя, и рѣшено было привести его въ исполненіе на охотѣ. Кучковичи позвали князя Данила *въ поле ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрскаю уловленія зайцевъ*. Во время охоты попали они на князя и его ранили. Раненный князь ускакалъ отъ нихъ на конѣ въ лѣсъ, потомъ бросивъ коня, дошелъ до Оки-рѣки, и хотѣлъ въ лодкѣ переѣхать на ту сторону. У князя въ ту пору денегъ съ собою не было, заплатить за перевозъ нечѣмъ и перевозчикъ не узнавъ князя, подплывая къ нему съ другой стороны, говорилъ: «лихи-де вы люди обманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку (по древнему вмѣсто: черезъ рѣку), и вы не давъ ничего такъ и уходите.» Несчастный Данилъ предлагаетъ перевозчику свой перстень.—Первозчикъ не довѣряя общанію, требуетъ, чтобъ перстень былъ ему отданъ впередъ. Протащувъ изъ лодки весло, и князь положилъ на него свой перстень. Но коварный лодошникъ, взявъ плату, отчалилъ лодку и оставилъ князя на берегу. Тогда князь, боясь сво-

¹⁾ Временникъ 1851 г., № 11. Сказаніе о вѣсчѣхъ Москвы. Слич. тоже у Карякина Т. 2 Пр. 301.

ихъ гонителей, влѣзъ въ маленькій срубъ, гдѣ былъ погребенъ какой-то мертвецъ. Между тѣмъ Кучковичи вездѣ искали его и не находили. Они очень безпокоились, чтобъ князь Данила не отправился во Владиміръ къ своему брату Андрею Александровичу и чтобъ вмѣстѣ съ нимъ не отомстилъ имъ за измѣну. Тогда княгиня Улита говорила братьямъ Кучковичамъ, повѣдая имъ всѣ тайны своего мужа: «есть де у мужа моего песъ *выслецъ*, и какъ де онъ, князь Данилъ, ѣздитъ противъ враговъ своихъ на побоище, на Татаръ или крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ, побѣдая: егда де я отъ Татаръ или крымскихъ людей убиенъ буду, или инымъ какимъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупяхъ человѣческихъ сыскати или познати мя немошно; и ты пошли на взысканіе дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ нустити того пса передъ собою просто, а самимъ ѣхати за псомъ, и той песъ взыщеть мя не ложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно.» И дала княгиня Улита Кучковичамъ того пса. Онъ бросился по слѣдамъ своего любимаго господина, и нашедши его *начи шією вертѣти и махати, радуясь ему*. Застигнувъ такимъ образомъ князя, Кучковичи убили его, похоронивъ его тѣло въ томъ самомъ срубѣ. Потомъ пріѣхали въ городъ Суздаль и привезли княгинѣ Улитѣ кровавую ризу съ убитаго супруга.

Но скоро дошла вѣсть объ этомъ злодѣяніи во Владиміръ городъ ко князю Андрею Александровичу. Отъ князя Данила остался юный сынъ Иванъ Даниловичъ. Вѣрный слуга по имени Давидъ, сжалившись надъ нимъ, увезъ его во Владиміръ и разсказалъ тамъ о случившемся.

Составитель сказанія сравниваетъ въ этомъ мѣстѣ убиенаго Данила съ Борисомъ и Глѣбомъ, а Кучковичей съ Святотополкомъ, *рекомыма Поганополкомъ*, Андрея же Александровича, какъ метителя за своего брата, сравниваетъ съ Ярославомъ. Это риторическое отступленіе имѣетъ для насъ ту цѣну, что, по Владимірскому сказанію, Андрей Боголюбскій также сближается съ св. Борисомъ: при немъ всегда былъ мечъ этого князя мученика.

Князь Андрей собралъ во Владиміръ войско и пошелъ на Суздаль. Кучковичи пришли въ ужасъ, не будучи въ силахъ

отразить нападеніе, а Суздальцы, нисколько не сопротивляясь Андрею, говорили: «Мы не совѣтники на смерть государя своего и не участники въ убіеніи твоего брата» — и выдали княгиню Улиту, которая тогда же была казнена. Потомъ, взявъ съ собой и суздальское ополченіе, Андрей отправился на Степана Ивановича Кучку, а около его красныхъ сель не было тогда *ограды каменной и острога деревяннаго*; потому князь легко взялъ приступомъ тѣ села и слободы *красивыя*, и плынувъ Кучку съ его обоими сыновьями, всѣхъ ихъ казнилъ смертію. Однако, сель и слободъ тѣхъ по обычаю времени не пожогъ; но остался тамъ отдохнуть, а на утро осмотрѣлъ всѣ села и слободы. — И вложилъ ему Богъ въ сердце поставить тамъ городъ, и молился князь Андрей со слезами: «Боже Вседержителю, Творче всѣмъ и создателю! Прослави, Господи, мѣсто сіе, и подаждь, Господи, помощь желанію моему устроить градъ и создати св. церкви.» И съ тѣхъ поръ князь Андрей сталъ тамъ жить. Построилъ деревянную церковь во имя Благовѣщенія, и основалъ городъ около тѣхъ красныхъ сель по Москвѣ-рѣкѣ, и назвалъ тотъ городъ Москвою. «Пособствовала Суздальцы, Владимірцы и Ростовцы и вси окрестніи» — говоритъ сказаніе, указывая на связь Москвы съ владимірскимъ княженіемъ.

И такъ родомъ Кучковыхъ и ихъ фамильною катастрофою связываются преданія владимірскія съ московскими. Съ основаніемъ Москвы, также какъ и съ возвышеніемъ Владиміра соединяется въ сказаніяхъ память о какомъ-то великомъ преступленіи, о кровавой драмѣ. Еще Карамзинъ (т. 2, стр. 217) приводитъ слѣдующія слова одного стариннаго повѣствователя: «Москва есть третій Римъ, а четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова чело-вѣческая: *Москва, также, на крови основана* и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ.» Согласно съ этимъ и доселѣ слыветъ въ народѣ пословица, что *Москва на крови стоитъ*.

2.

Къ сказаніямъ о связи основанія Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго присовокунимъ нѣсколько позднѣйшихъ по-

вѣствованій тоже объ основаніи этого города, повѣствованій вѣстныхъ, но имѣющихъ отношеніе къ русской народной поэзіи.

Подобно полянской сказкѣ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, повѣствованія эти основаны на этимологич. собственныхъ именъ урочищъ. Въ XVII в. разказывали ¹⁾, будто сынъ Афетовъ *Мосохъ* первый обитая съ родомъ своимъ въ московской области, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я* и дочь *Взу* или *Узу*, будто ихъ четырьмя именами названы рѣки: *Москва* (*Мосохъ* и *Ква*) и *Яуза* (*Я* и *Уза* или *Вза*), и будто *Мосохъ*, первый князь и патриархъ Россіи, основалъ городъ Москву на устьѣ *Яузы*. Какъ ни наивна эта дѣтская сказка, въ ней видна однако та мысль, что величіе московскаго царства должно опираться на мастистой давности библейскихъ преданій.

Другіе, болѣе скромные разказы заставляютъ принимать участіе въ основаніи Москвы только Грековъ и Римлянъ.

Въ XVII же в. разказывали будто какой-то великій князь *Данило Ивановичъ*, послѣ *Рюрика*, короля римскаго, въ 14 лѣто пришелъ изъ *Новгорода* въ *Суздаль*, гдѣ родился ему сынъ *Георгій*, и во имя его создалъ князь городъ *Юрьевъ Польскій*. Потомъ поѣхалъ *Данило* изыскивать мѣсто, гдѣ бы ему создать престольный городъ своему великому княженію. И взялъ онъ съ собою нѣкоего *Гречина*, мудра зѣло, и вѣдающаго, чему и впредъ быть; и вѣхалъ съ нимъ князь въ островъ темный и непроходимый, въ которомъ было болото великое и топкое, и посреди того острова и болота увидѣлъ великій князь, превеликаго звѣря, троегласна и красна зѣло (т. е. прекраснаго). Тогда Грекъ *Василій* сказалъ князю *Данилу*: «Великій Княже! на семь мѣстъ соиздается градъ великъ, и распространится царствіе *треугольное*, и въ немъ умножатся *разныхъ ордъ* люди.» Князь *Данилъ* въ томъ острову посреди болота наѣхалъ островецъ, а на немъ хижины, а въ ней живетъ пустышникъ, а имя ему *Букала*, и хижина потому называется *Букалова*: и нынѣ на томъ мѣстѣ *царскій дворъ* и церковь *Спасъ на бору*. Послѣ того в. к. *Данило*

¹⁾ Карамзинъ. Исторія Госуд. Россійскаго 2, прил. 301.

Ивановичъ съ тѣмъ же Гречипомъ наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, а въ той хижинѣ человекъ *Римлянинъ*, имя ему *Подонъ*, исполненъ Св. Духа, и сказалъ, тотъ Римлянинъ: «Возлюби, княже великій, мѣсто сіе!» И князь на хижинѣ Букаловой черезъ шесть лѣтъ послѣ того заложилъ городъ Москву, а на хижинѣ Подоновой заложилъ церковь Спаса. Къ этимъ страннымъ рассказамъ присовокупляется одна подробность, важная для исторіи народной поэзіи: будто бы Москва-рѣка называлась прежде *Смородиною*, а имя Москвы получила уже потомъ отъ *Мостковъ* — этимологія, безъ сомнѣнія, ошибочная, потому что слово *Москва*, вѣроятно, финскаго происхожденія. Но въ народной поэзіи рѣка-Москва дѣйствительно называется Смородиною, и описывается рѣкою глубокою, непроѣздною, черезъ которую очень опасны броды и переправы. Сверхъ того, какъ рѣка эпохи миѣнческой, изображается Смородина въ видѣ красной дѣвицы, соответственно тому, какъ рѣка *Лыбедь* была сестрою *Кія*, *Щека* и *Хорива*, и какъ *Дунай*, *Донъ* и *Волховъ* представляются въ народной фантазіи то витязями и богатырями, то полубогами и чародѣями.

Въ одной старинной пѣснѣ изображается печальная участь одного злосчастнаго добра молодца:

Скатилась ягодка съ сахарнаго дерева,
 Отломилась вѣточка отъ кудрявья отъ яблони —
 Отстаеъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери:
 А нѣтъ ужъ молодцу безвременье великое:
 Господь Богъ прогнѣвался, государь царь гнѣвъ возложилъ.
 Отецъ и мать молодца у себя не въ любви держать,
 А и родъ племя молодца не могутъ и видѣти,
 Сусѣди ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
 А друзья товарищи на совѣтъ не сѣзжаются,
 Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
 Про службу царскую и про службу воинскую.

И съ той кручины и печали великой, садился тотъ безсчастный добрый молодецъ на своего коня и поѣхалъ на чужую, дальнюю сторону.

Какъ же будетъ молодецъ у рѣки *Смородины*,
 А и взмолятся молодецъ:

«А и ты мать быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина!
 Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные,
 Про мосточки казиновы, перевозки частые.»
 Провѣщится быстра рѣка человѣческимъ голосомъ,
 Да и душей красной дѣвицей:
 «Я скажу тѣ (т. е. тебѣ) быстра рѣка, добрый молодецъ,
 Я про броды конные, про мосточки казиновы, перевозки частые:
 Съ броду коннаго я беру по добру коню,
 Съ перевозу частому по сѣделичку черкасскому,
 Со мосточку казинова по удалому молодцу;
 А тебя безвременнаго молодца
 Я и такъ пропушу.»

И дѣйствительно, добрый молодецъ переѣхалъ безпрепятственно, и отѣхавши съ версту, сталъ въ своемъ глупомъ разумѣ похваляться, что сказывали про быструю рѣку Смородину: «Ни пройти, ни проѣхать по ней ни пѣшему, ни конному», а она хуже той лужи дождевой!»

Тогда вскричала быстрая рѣка Смородина, будто въ погонь за молодцемъ гонится:

Безвременный молодецъ! Ты забылъ за быстрой рѣкой
 Два друга сердечные, два остра ножа булатные, —
 На чужой дальней сторонѣ оборона великая.

Воротился молодецъ за рѣку Смородину, но потерялъ бродъ, попалъ на глубокіе омуты и сталъ тонуть, громко жалуясь на быструю рѣку, что она его топить. Тогда провѣщала рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей:

Безвременный молодецъ! не я тебя топлю,
 Безвременнаго молодца: топить тебя молодецъ
 Похвальба твоя—пагуба.»

Утонуть добрый молодецъ въ *Москву-рѣчку—Смородину*.

Согласно владиміро-московскому преданію о семейной драмѣ, основанной на мщеніи и убійствѣ, и народныя пѣсни съ именемъ *Москвы-рѣчки—Смородины* соединяють, кромѣ гибели этого безвременнаго добра молодца, воспоминаніе, стольже мрачное, трагическое, о томъ, какъ нѣкоторый князь *Романъ женеу терялъ*¹⁾.

¹⁾ Древ. Рос. Стихотв. стр. 367—374.

Жену терзалъ, онъ тѣло терзалъ,
 Тѣло терзалъ, въ рѣку бросалъ,
 Во ту ли рѣку во *Смородику*.
 Слетались птицы разныя,
 Сбѣгались звѣри дубраные;
 Откуль взялся младъ сизой орелъ,
 Унесъ онъ рученьку бѣлую,
 А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Взыскалась своей матери молодая княжна Анна Романовна, спрашиваетъ князя Романа: «Государь мой батюшка! куда ты дѣвалъ мою матушку.» Отецъ отвѣчаетъ, «что княгиня ушла въ высокіе теремы — мыться и бѣлится, въ цвѣтно платье наряжати.» Отправилась княжна съ няньками и мамками въ терема, и, не нашедши тамъ своей матери, возвращается къ отцу, и опять его спрашиваетъ: «а и гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?» Князь отвѣчаетъ, что она пошла гулять во зеленый садъ, въ вишенье, въ орѣшене. Отправилась любящая дочь искать свою мать въ зеленый садъ, съ няньками, мамками: весь садъ повигуляли, никого не нашли. Только въ зеленомъ саду увидѣли новую диковину:

Ни отколь взялся младъ сизой орелъ,
 Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
 А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Уронилъ орелъ бѣлу руку,
 Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Въ тотъ ли зеленый садъ.

Подхватили ту руку нянюшки-мамушки, подавали своей княжнѣ:

А втапору Анна Романовна,
 Увидѣла она бѣлу руку,
 Опознавала она хорошъ золотъ перстень
 Ея родимыя матушки.
 Ударилась о сыру землю,
 Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
 Закричала тутъ молода княжна:
 «А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
 А сѣсныя красныя дѣвушки!
 Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,

На быстру рѣку Смородину!
А что тамо птицы слетаются,
Дубровные звѣри сбѣгаются.»

Только самая суровая эпическая старина могла внушить народной фантазіи такую грубую, ужасную сцену. Дикіе звѣри и хищныя птицы дѣлятъ между собою остатки несчастной супруги князя Романа. Но чѣмъ суровѣе эта кровавая картина, тѣмъ разительнѣе нѣжное чувство любящей дочери, безутѣшно оплакивающей потерю своей матери:

А ходить тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носить она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ...

Безвинно ли пострадала несчастная княгиня, или совершила какое преступленіе — пѣсня не помнитъ; ей этого даже не нужно: она воспѣваетъ только трагическое событіе, совершившееся нѣкогда на быстрой Москвѣ-рѣкѣ—Смородинѣ.

Таковы мрачныя преданія литературы и народной поэзіи, доносящіяся до насъ изъ темной, варварской эпохи съ береговъ Клязьмы и Москвы рѣки. Сколько ни старались украсить эти воспоминанія услужливые повѣствователи XVII в. различными риторическими выдумками, все же изображали мѣстность московскую въ темной глуши, съ дебрями и топкими болотами, а вмѣсто красныхъ селъ и слободъ боярина Кучки, видѣли бѣдныя хижины отшельниковъ, которыхъ даже лестное предсказаніе о Москвѣ облакало въ суровыя фразы, намекавшія на татарщину: «въ Москвѣ умножатся *разныхъ ордовъ* люди» говорило оно князю Давиду Ивановичу.

Отъ поэтическихъ гаданій народной фантазіи перейдемъ опять на болѣе твердую почву историческихъ сказаній. Нами разсмотрѣны еще не все національныя преданія, относящіяся ко времени Андрея Боголюбскаго. Мы уже знаемъ, въ какія отношенія ставятъ они возникающее владимірское княженіе къ кievской сзятинѣ и къ зарождающейся Москвѣ. Остается сказать о Повгородѣ. Ко времени Андрея Боголюбскаго, имѣющу къ 1170 г. (ноября 27 дня) относится мѣстное новгородское сказаніе о *Знаменіи* отъ иконы Пресвятой Богоро-

дицы, сказаніе, сдѣлавшееся въ послѣдствіи священнымъ достояніемъ всей земли русской. Извѣстно, что вслѣдствіе разныхъ неудовольствій Андрей Боголюбскій послалъ на Новгородъ сына своего Мстислава. Въ этомъ походѣ противъ Новгорода участвовали князья смоленскій, рязанскій, муромскій, полоцкій. Въ Новгородѣ княжилъ тогда Романъ Мстиславичъ, сынъ кіевскаго в. к. Мстислава Изяславича, у котораго войною отнялъ Кіевъ Андрей Боголюбскій въ 1169 г.

Въ новгородскомъ Трефологіонтѣ или Патерикѣ предлагается слѣдующее повѣствованіе объ осадѣ Новгорода и о Знаменіи отъ иконы Богородицы.

Какъ одно изъ самыхъ основныхъ мѣстныхъ сказаній, начинается оно издалека, объемля всю предъидущую исторію Новгорода въ общемъ обзорѣніи.

Когда Ярославъ Владиміровичъ Великій, отомстивъ Святополку за убіеніе св. Бориса и Глѣба, оставилъ Новгородъ и сталъ княжить въ Кіевѣ; тогда «Новгородцы отъ него за великое ихъ исправленіе къ нему и за премногую ихъ добродѣтель и помощь, юже показаша противъ враговъ его, почтени быша самовластіемъ, еже и по немъ имѣти имъ у себя начальствующаго князя по волѣ ихъ, егоже возлюбятъ они отъ сыновъ ярославлихъ и отъ внучатъ его и отъ всего корени ихъ въ роды и роды. И даемъ и послушанію положиша урокъ, еже не приходити предѣлъ, прежде уставленныхъ. И тако граждане они многа лѣта начальствуеми бяху отъ великихъ князей россійскихъ, ихъже сами себѣ избираху; урокъ же послушанію и даемъ княжимъ никогда же приступаемъ бываше, *иже и въ зависть многіе грады сподвиже.* Потомъ же навѣтомъ челоувѣкоубійцы дьявола по малу граждане *самовластіе на ся взяли и тордыню побѣдишася,* и ко княземъ ихъ многожды, аще и миръ содѣвающе и честнымъ крестомъ утверждахуся, но по малу правды удерживахуся; *и многожды мирное завьщаніе преступаху, и тако отъ обонихъ* (т. е. и отъ Новгородцевъ и отъ князей) *преступленію бывающу, потомъ отъ установленнаго урока:* овогда Новгородцамъ преслушаніе показующимъ и сопротивленіе къ державнымъ; овогда же и княземъ уставленный урокъ

преступающимъ: *но наипаче убо граждане множажды безлѣпно волнуящяся и крамолаху.»*

Затѣмъ разсказывается о знаменіи отъ иконы Богородицы, какъ о событіи, ниспосланномъ отъ Господа въ наказаніе и исправленіе Новгородцамъ.

Было въ лѣто державы в. к. Андрея Георгіевича, рекомаго Боголюбскаго, внука Владиміру Мономаху,—явилось знаменіе дивное: отъ трехъ святыхъ иконъ Пречистой Богородицы слезы текли; и таковымъ слезнымъ видѣніемъ увѣряла Владычица въ непреодолимыхъ своихъ молитвахъ къ Сыну своему и Богу нашему о родѣ человѣческомъ, да не искоренитъ его до конца, но помилуетъ; потому что Новгородцы колебались своимъ нестроеніемъ и посрамляя князей своихъ, отъ себя изгоняли и между собою много крови проливали. Того ради преславныя эти знаменія преобразовали бѣды и напасти, не только Новгороду, но и тѣмъ, которые собирались противъ него ратовать.

Сказаніе объясняетъ походъ на Новгородъ тѣмъ, что Андрей Боголюбскій разгнѣвался на Новгородцевъ за то, что они отразили его войска пришедшія брать съ Двинянъ дань. Собравши ополченіе съ различныхъ странъ, Андрей самъ хотѣлъ имъ предводительствовать: «Богъ же хотя удержати начпнающееся кровопролитіе, болѣзнь наведе князю оному, яко да престанетъ отъ начпнанія своего, и не ратуетъ Богомъ покрываемаго града онаго: но ума не наказаннаго ничтоже возможетъ исцѣлти. Якоже и лютый онъ Фараонъ, многими ранами отъ Бога Моисеомъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начпнанія, дондеже богоотступнымъ гнѣвомъ потопленъ бысть: такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша посылаетъ сына своего со всѣмъ воинствомъ суждальскія земли и т. п.» Въ то время, какъ новгородское мѣстное сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы изображаетъ Андрея Боголюбскаго лютымъ Фараономъ,—мѣстныя преданія владимірскія называютъ этого князя святымъ и вносятъ житіе его въ мѣстный владимірскій патерикъ. Подобныя столкновенія мѣстныхъ интересовъ и симпатій неоднократно замѣчаются въ исторіи древне-русской литературы. Между тѣмъ, какъ Боголюбскій герой побѣдоносно

идеть съ своей Вышегородской святынею въ сѣверовосточную Русь и во имя покровительствующей ему иконы Богоматери одерживаетъ въ 1164 г. побѣду надъ Болгарами—Новгородцы вооружаются на того же самаго *боголюбиваго* героя подъ покровительствомъ своей мѣстно чтимой святыни и въ слѣдствіе чудесной отъ нея защиты прогоняютъ союзныя войска владимірскаго ополченія въ 1170 г. Говоря о союзномъ ополченіи князей на Новгородъ, съ негодованіемъ продолжаютъ сказаніе, что князья эти—«забыша единокровнаго племени и по духу сродства св. крещенія, понеже вси единъ родъ суть російскій; и тако исполнися конникъ и пѣшець земля, якоже глаголють нѣщцы собраниа тогда вѣщше (т. е. больше) седмидесяти князей, свои съ своими, и до толика, яко мало не вся русская земля совокупися на разореніе единаго града онаго. Вси завистию взимающеса, понеже тогда бѣша Новгородцы словуще богатствомъ паче всѣхъ градовъ російскихъ зане самовластіемъ управляющеса и ни одному изъ прежде бывшихъ князей обладати собою попускающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ.»

Если враги Новгорода изображаются въ сказаніи о знаменіи завистливыми и несправедливыми, то сами Новгородцы благочестивыми: «ни откуда же помощи надѣющеса, но точію всю надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу возлагающе: бѣша бо зѣло благочестиви отъ отецъ, и церквамъ божіимъ прилежаще нелѣбно и къ нищимъ податливи и милостиви.» Великое утѣшеніе и помощь получили тогда Новгородцы отъ своего чудотворнаго архіепископа Іоанна († 1186). Въ то время, какъ граждане изнемогали, отражая отъ стѣнъ своего города великія союзныя силы, архіепископъ Іоаннъ однажды ночью молился передъ образомъ Спасителя и со слезами просилъ объ избавленіи города. И былъ ему отъ иконы гласъ: «Епископе! услышана молитва твоя. Иди въ въ церковь Всемиловитаго Спаса на Ильинку улицу, и возьми иконы Пресвятыя Богородицы и вознеси на забрала града противу супостатъ, и узришь спасеніе отъ Господа.» По этому случаю сказаніе, благословляя Новгородцевъ, гремитъ проклятіями противъ враговъ ихъ: Господь Богъ, говоритъ сказаніе, такъ прославилъ пречистый образъ матери своей: «да посра-

матся проклятіи иконоборцы, утвердятся же большею вѣрою правовѣрній иконопоклонницы, и да имѣють града сего жители въ вѣчніе роды сію яко стѣну необоротиму и твердую надежду града; противнымъ же въ большій студъ и посрамленіе, гражданамъ же въ похваленіе, яко таковое защищеніе имѣють.» И такъ взята была икона Богоматери и перенесена на городскія стѣны; но осаждающіе не убоились и не устыдились при видѣ иконы; разъярились пуще прежняго и въ гордости своей думали уже, что тотчасъ же и весь городъ будетъ въ рукахъ и уже улицы городскія дѣлили между собой по городамъ, хвалясь не только дома, но и церкви божія разорити; и до того дошли въ своемъ неистовствѣ, что даже въ тотъ чудотворный образъ Богородицы, стрѣлы пускали. Тогда дивная та икона сама собою отворотилась отъ враговъ, и своимъ лицомъ повернулась къ городу, и изъ очей своихъ испустила слезы, которыя тотчасъ же архіепископъ Іоаннъ принялъ въ фелонь свой. И этимъ великимъ знаменіемъ своимъ отняла она у враговъ силу и навела на нихъ слѣпоту: *«вѣрнымъ же своимъ рабамъ дерзновение дарова: по своему бо градъ Богородица поборающе безъ крови побѣду показа.»* Пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, враги слѣпли и поражали другъ друга, или же въ страхъ и трепетъ бѣжали. И тяжекъ былъ имъ обратный путь: многіе отъ голода и мороза перемерли; иные отъ великаго голода во св. великій постъ ѣли конину.

Таково новгородское сказаніе о Знаменіи проникнутое самымъ исключительнымъ мѣстнымъ характеромъ. Этотъ новгородскій колоритъ выступить для насъ еще разительнѣе, когда мы прочтемъ о томъ же событіи краткія и простыя слова суздальскаго лѣтописца, можетъ быть, также не чуждыя мѣстныхъ симпатій и нѣкотораго пристрастія къ князю владимірскому.

Союзныя войска русскихъ князей, по словамъ этого лѣтописца — подошли къ Новгороду, а Новгородцы затворились въ городѣ съ княземъ своимъ Романомъ и бились крѣпко изъ города, и многихъ избилъ *отъ нашихъ*. Осаждающіе ничего не успѣли сдѣлать и пошли назадъ; многіе едва воротились домой пѣши, а другіе едва померли съ голода, и никогда не

было болѣе тяжкаго пути людямъ: нны даже конину ѡи въ великій постъ. И было это за грѣхи наши. Слышали мы, что за три года передъ тѣмъ было въ Новгородѣ *знаменіе*, которое всѣ видѣли. Въ трехъ церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица Божія Матерь, провидѣвши пагубу, грозящую Новгороду и его волости, молила Сына своего со слезами, дабы Новгородцевъ отнюдь не искоренилъ, но помиловалъ. Такъ и было. Богъ и Божія Матерь очевидно избавили ихъ милостію своею, потому что они христіяне. «Наказуя, накажи мя, Господи, а смерти не предаждь мене»—сказалъ Давидъ. Такъ и людей новгородскихъ наказалъ Богъ и крѣпко смирилъ, за *преступленіе крестное* и за гордость, но милостію своею избавилъ ихъ городъ. *Мы не скажемъ: правы Повгородцы*, что издавна освобождены прадѣдами князей нашихъ. Но если бы и такъ было, то вѣдѣли имъ прежніе князья крестъ преступать, или внуковъ и правнуковъ срамить, и, цѣлуя честный крестъ, ко внукомъ ихъ и правнукамъ преступать крестное цѣлованіе? Доколь Богу терпѣть надъ ними? *За грѣхи навелъ и наказалъ по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея* ¹⁾).

Послѣднія слова явно выражаютъ ненависть Суздальца къ Новгородцамъ и тщетное желаніе во что быто ни стало хотя бы противорѣса самому себѣ выставить въ благопріятномъ свѣтѣ подвиги боголюбиваго князя Андрея.

. Сопоставленіе этихъ словъ суздальскаго лѣтописца новгородскому сказанію о Знаменіи, какъ кажется, лучше всѣхъ разсужденій убѣждать насъ въ той мысли, что древне-русская литература развивалась и видоизмѣнялась по различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества; она выражала мѣстные интересы, иногда наивно и пристрастно, но всегда подъ вліяніемъ искренняго чувства, подъ вліяніемъ страстей, которыми волновались цѣлыя города.

Но въ теченіе послѣдующаго историческаго развитія русской жизни время сгладило всѣ эти мѣстныя симпатіи и антипатіи; и, какъ всѣ города и области слились въ одно вели-

¹⁾ Собр. Рус. Лѣт. I стр. 154.

кое государство русское: такъ и мѣстныя сказанія владимирское и новгородское, нѣкогда проникнутыя духомъ удѣльной исключительности, впоследствии миролюбиво были приняты въ прологи и вмѣстѣ со многими другими, нѣкогда столь же исключительно мѣстными сказаніями, составили одно національное цѣлое, въ которомъ содержится завѣтное преданіе нашей родной старины.

Ф. Буслаевъ.

II.

8

МАТЕРІЯЛЫ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

*собранныя въ саратовской губерніи А. Н. Мордовцевой и
П. И. Костомаровымъ.*

I.

Лукоянтъ; Бегендзевичъ.

Изъ лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ дубровушки изъ зеленыя,
То не младъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Не по чистымъ полямъ перепархивалъ,
Молодые крылья расправляючи:
То изъ Кѣва, изъ столянаго города,
Выѣзжалъ добрый молодецъ на лихомъ конѣ.
Какъ гулялъ онъ добрый молодецъ, все разгуливалъ,
По степямъ по широкимъ черноморскимъ,
Какъ гулялъ онъ, удаленькой, не годъ не два,
Какъ гулялъ онъ, молоденькій, ровно три года;
Пригуляндяся, примотнуся въ землю дальнюю,
Въ чужедальную землю во абезскую.
Какъ увидѣлъ его, добра молодца,
Князь-абезскій съ своо терема,
Съ своо терема, со високаго,
Со крыльца своо, со параднаго,
Со параднаго, со наряднаго,
Какъ возгаркнетъ князь-абезскій зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы гой есте мои слуги вѣрные,
Ужъ и что это въ полѣ за дѣтинушка,
Ужъ и что это въ чистомъ за незнаемый?
Не спросяся, разѣзжаетъ онъ на лихомъ конѣ
По лугамъ ли моимъ княженецкимъ.
Вы берите, ребята, копыя длинныя,

Окружите вы, поймайте незнакомаго,
 Приведите его на рѣчи распросныя».

Какъ и слуги-то молодца подхватывали,
 За узду его добра коня прихватывали,
 Подъ бѣлы руки удалаго приваживали.
 Что возговорить молодцу абезскій-князь:
 «Ты скажи мнѣ, скажи дѣтинушка,
 Изъ которой пришелъ ты сторонунки,
 Отъ какого царя, чьего царствія?
 Сирота ли горемычная слоняешься,
 Или врагъ лихой пришелъ на высмотрю?»

Что возговорить удалый добрый молодець:
 «Не подумай ты, князь, чтобъ отдался я,
 Чтобъ отдался я тебѣ, убоямшися;
 Не боюсь я ничего на бѣломъ свѣтѣ, —
 Ни во темныхъ лѣсахъ звѣря прыскачугаго,
 Ни во чистыхъ поляхъ свиста богатырскаго,
 Ни въ синемъ небѣ змѣя летучаго;
 А боюсь я, князь-абезской, твоей немилости.
 Ужъ не я ли то, государь, добрый молодець,
 Не слоняюсь сиротой горемычною;
 Не лихой я врагъ пришелъ на высмотрю; —
 Какъ и я ли то, государь, роду русскаго,
 Изъ земли пришелъ святорусскія,
 Изъ того ли стольна города изъ Кѣва,
 Государя я князя-Володимира,
 Я по имени Лукояномъ называюсь,
 По изотчеству Берендѣичъ прозываюсь,
 А крещенъ я попомъ, Пантелеемъ званъ».

Какъ возговорить молодцу абезской-князь:
 «Ужъ ты гой еси дѣтинушка,
 Коли правду ты молвилъ мнѣ, истину,
 Покажи-ка мнѣ грамотку отъ князя Володимира;
 А живемъ вѣдь всѣ съ нимъ не въ разбратіи,
 Не въ разбратіи, а въ согласіи,
 Въ сватовствѣ живемъ, въ братствѣ названомъ.
 Кабы зналъ онъ, что поѣхалъ ты въ землю абезскую,
 Ужъ и далъ бы онъ тебѣ свою грамотку
 Ко мнѣ ли брату названому». —

«Не привезъ я государь, тебѣ грамотки,
 А за тѣмъ не привезъ—самъ собой пошелъ,

Безъ его государева дозволенія.
 Что возговорить тутъ абезскій-князь,
 Какъ возгаркнулъ, воскрикнулъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой вы слуги мои, вы слуги вѣрные!
 Не добра гостя намъ въ руки Богъ послалъ,
 Лиходѣи злого непріятеля,
 Что пріѣхалъ онъ къ намъ да на высмотрѣ!
 Вы сокуйте ему руки, руки бѣлыя,
 Руки бѣлыя, ноги его скорыя,
 Наложите на лихого цѣпь желѣзную,
 Цѣпь желѣзную въ тридцать три пуда,
 Вы забросьте его во темницу темную!»
 Оковали добра молодца слуги княжіе
 И забросили во темницу темную.
 Какъ сидѣть добрый молодецъ не годъ, не два,
 Какъ сидѣть удаленькій ровно три года,
 Какъ не знатъ удаленькій часу-времени;
 Онъ не знатъ, бѣдняжечка, что зима холодная,
 Онъ не знатъ, горемычный, что лѣто красное!
 Потому только знатъ онъ, что зима холодная,
 Что играли ребятушки подъ темницею
 Да швырнули глыбу снѣгу въ окошечко;
 Потому только знатъ онъ что лѣто красное,
 Что ходили красны дѣвушки въ лѣсъ по ягодки
 Да швырнули свѣту алаго въ окошечко!
 На четвертый годъ стало поворачивать.
 Приходила къ нему красна дѣвица,
 Красна дѣвица, дочь князя абезскаго,
 Приходила молодая, поклонилася,
 Отъ сердечности молодая слово молвила:
 «Ужь ты гой еси удалой русской молодецъ!
 Ужь не хочешь ли гуляти да по волюшкѣ?
 У меня ли, у княжны, есть разрывъ-трава:
 Разорветъ она твои цѣпи желѣзныя,
 Мы уйдемъ съ тобою, молодецъ, въ землю русскую,
 Ты возьмешь меня, дѣвушку, за хозяйшку,
 За хозяйшку, за вѣрную за любушку».
 Какъ вздохнулъ тяжело добрый молодецъ,
 Залился онъ слезами глубокими,
 Закрывалъ онъ руками лицо бѣлое,
 Проговоривалъ слово непривѣтливо:

«Ахъ ты дѣвка, ты дѣвчонка-потаскушечка!
 Потаскалась, знать, ты со ребятами;
 Надоѣли, знать, тебѣ полюбовники,
 Что ты хочешь бѣжать отъ отца матери,
 Въ чужедальную сторонушку во русскую.
 Ужъ и лучше мнѣ гнить во сырой тюрьмѣ,
 Чѣмъ принять тебя за хозяйку,
 За хозяйку, за вѣрную любушку:
 У меня ли, удалаго, добра молодца,
 Во отчествіи, во стольномъ во Кѣвѣ
 Есть невѣстуха—обрученная дѣвица,
 Обрученная красавица, сговоренная;
 Какъ она меня молодца поджидаетъ,
 День и ночь слезами обливается,
 Все по мнѣ, по своемъ миломъ дружкѣ!»
 Что возговоритъ красная дѣвина,
 Красная дѣвица, дочь князя абезскаго:
 «Коли есть у тебя душа красна дѣвица,
 Красна дѣвица обрученная невѣстуха,
 Обрученная красавица, сговоренная,—
 Такъ ступай себѣ къ ней, удалъ молодецъ,
 А меня, княжну, не кори неиривѣтливо.
 Коли вправду ждешь тебя дѣвица—позабудь меня;
 Коли замужъ пошла красная—вспомани меня;
 Хоть вспомянешь, не воротишь добрый молодецъ!»
 Вотъ вымала она разрывъ—траву изъ карманчика,
 Вотъ притронулась разрывомъ ко желѣзускамъ:
 Распадалась цѣпь желѣзная тяжелая;
 Выводила изъ конюшни коня сѣраго,
 Даровала молодцу сѣдло бранное;
 Полетѣлъ въ чисто поле добрый молодецъ.
 Утиралася княжна въ слѣдъ рукавчикомъ!
 Какъ во городъ было въ стольномъ Кѣвѣ,
 Во дворъ—то было княженецкинъ,
 Пировакъ Володиміръ со боярами,
 И увидѣлъ Володиміръ добра молодца,
 Добра молодца на лихомъ сѣромъ конѣ.
 Что возговоритъ Володиміръ князь:
 «Ужъ и что это за молодецъ къ намъ на дворъ идетъ?»
 Пріѣзжалъ Лукоянъ онъ ко терему,
 Привязалъ онъ коня у рѣшоточки,

Онъ снималъ съ головы шапку бобровую,
 И входилъ онъ въ горницы во расписаны,
 Поклонился онъ въ поясъ князю ласкову,
 А боярамъ богатырямъ по поклончику.
 Что возговоритъ Володиміръ князь ласковый:
 «Здравствуй, здравствуй, Луконя Берендевичъ!
 Ужъ и гдѣ то тѣ Богъ носилъ разудалаго?
 Знать шатался ты по чужимъ землямъ,
 Знать видалъ ты много дива дивнаго?
 Воротулся ты къ намъ въ добрый часъ,
 Да не въ добрый часъ отъ насъ выѣхалъ:
 Твоя матушка Богу душу отдала,
 А молода невѣстуха за мужъ пошла.»
 Какъ вздохнулъ тяжело добрый молодецъ
 Залился онъ слезами горячими:
 «Кабы зналъ я это, добрый молодецъ,
 Не корилъ бы я, не клялъ княжны абескія».

II.

Добрыня.

1.

Матушка Добрынюшкѣ наказывала:
 «Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!
 Не садися ты на добра коня,
 Не ѣздъ гулять въ зелены луга,
 Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
 Не подѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,
 Не смахивай рубашечку миткалиновую,
 Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»—
 Добрынюшка матушки не послушался;
 Осѣловалъ Добрынюшка ворона коня,
 Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,
 Въ зелены луга, въ батюшкины займища;
 Подѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,
 И смахивалъ рубашечку миткалиновую,
 Бросался купаться во быстру рѣку.
 Онъ половину рѣки переплылъ,
 А другую половину пер'нырнулъ,
 Очутился Добрынюшка на той сторонѣ

И сталъ Добрынюшка шуточкѣ шутить—
 Во круту гору камушки бросать.
 Увидѣла же змѣища Горынища
 И бросилась на Добрынюшку,
 Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,—
 Поймалъ же Добрынюшка змѣищу за жабрища,
 Ударилъ же змѣищу объ сыру землю.
 Тутъ-то змѣища возмолилася,
 Добрынюшкѣ покорилася
 И въ ноги ему поклонилася.

2.

Тамъ далече, тамъ далече во чистомъ полѣ
 Да еще того подалѣй—во раздольицѣ,
 Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
 Не шелковая въ полѣ травка разстилается,—
 Ужъ какъ кланяется сынъ своей матери:
 «Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
 Ты пожалуй мнѣ свое благословеньице:
 Я поѣду, погуляю, во чисто поле,
 Поищу я тамъ своего брата названого,
 Что старого казака Шлю Муромца.»
 — «Молодешенекъ, Добрынюшка, въ путь собираешься:
 На кого ты покидаешь свою матушку,
 На кого ты оставляешь молодую жену,
 Молодую жену Настасью Гурьешну?»
 «Что давно моей Настасѣ было сказано,
 За недѣлюшку было Гурьешнѣ повѣдано,—
 Что вдовѣть моей Настасѣ ровно девять лѣтъ,
 На десятиимъ годочкѣ ей своя воля:
 Хоть во вдовахъ она сиди, хоть за мужъ поди,—
 Хоть за князя, хоть за боярина,
 Хоть за сильного могучаго богатыря,—
 Не ходи только за Олѣшку за Поповича:
 Что Олѣшка-то Поповичъ онъ насмѣшникъ былъ,
 Онъ любилъ, любилъ смѣяться на чужинхъ женъ,
 На чужинхъ женъ, на красныхъ дѣвушкѣхъ.»
 Не видали, какъ Добрынюшка коня сѣдалъ;
 Только видѣли, какъ Добрынюшка со двора съѣзжалъ.
 Ужъ какъ минуло Добрынѣ ровно девять лѣтъ,
 • На десятиимъ годочкѣ ей своя воля:

Выходила она замужъ за Олѣшку за Поповича,
 А и сватомъ-то былъ самъ Володимерь князь.
 Что не ясные два сокола солеталися,
 Два сильные могучіе богатыря соъзжались:
 Соъзжались Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,—
 И отъѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечъ.

III.

Алѣша Поповичъ.

Какъ по морю, морю, морю синему,
 Здунивай по синему,
 Ужъ какъ плаваеътъ Соколъ-корабль ровно тридцать лѣтъ,
 Что на якорь Соколъ-корабль не ставвалъ,
 Ко крутому берегу не причаливалъ,
 Онъ желтаго песочку и въ глаза не видалъ:
 Онъ носомъ состроенъ по змѣиному
 А кормою онъ содѣланъ по звѣриному.
 Какъ напали на Соколъ-корабль разбойнички,
 Хотѣли Соколъ-корабль разбить, разграбить.
 По кораблику гуляетъ свѣтъ Олѣша Поповъ,
 Что возговоритъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы гой есте ребята, удалые матросы,
 Вы беритесь за сабли и копыя остря,
 Вѣдь напали на насъ злы разбойнички
 И хотятъ нашъ корабликъ разбить-разграбить».
 Вдругъ матросы всѣ вскочили съ саблями, съ копыями
 И стали разбойниковъ рубить и крошить,
 Самого же атамана въ полонъ взяли
 И, сковавши руки-ноги, въ городъ отвезли.—

IV.

Илья Муромецъ.

1.

Ужъ какъ по морю, по морю синему,
 Здунивай Дунай морю синему,
 По синему морю было хвалынскому
 Тутъ плывеътъ Соколъ-корабль по тридцать лѣтъ:
 По тридцать лѣтъ корабль на якорь не ставвалъ,

Къ крутому берегу не причаливалъ
 И онъ желтаго песку въ глаза не видалъ,
 А бока-то сведены по туринному,
 А носъ да корма по змѣнному,
 Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ.
 А на Муромцѣ кафтанъ — рудожелтый цвѣтъ,
 На кафтанѣ были пуговицы значеныя,
 А на каждой пуговкѣ по лютому льву.
 И напали на Соколъ-корабль разбойнички,
 Ужъ какъ зме-то Татары со Калмыками
 И хотять они корабль разбить-разгромить,
 Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
 Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ
 Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
 Его пуговицы значеныя разгорѣлися,
 Его лютые львы да разревѣлися,
 Ужъ какъ зме-то Татары испугался,
 Въ синемъ морѣ Татары побросался.

Вариантъ.

Какъ по морю, морю синему,
 По синю морю по каспійскому,
 Тутъ и плаваесть-гуляесть Соколъ-корабль,
 А онъ плаваесть-гуляесть ровно тридцать лѣтъ:
 Онъ на якорѣ Соколъ-корабль не ставвалъ,
 У крутыхъ зеленыхъ бережковъ не быввалъ,
 Онъ церквей, монастырей не видывалъ,
 Колокольнаго звону онъ не слыживалъ.
 Хорошо добре Соколъ-корабль изукрашенъ былъ:
 Выгнуть носъ со кормой по змѣнному,
 А и киль сдѣланъ по змѣнному,
 Парусъ вѣвалъ, что орлиное крыло.
 Атаманомъ на немъ былъ Святогоръ-богатырь,
 Есауломъ былъ—Илья Муромецъ:
 На немъ шуба была во пять сотъ рублѣвъ,
 На немъ шапочка—во сотенку,
 А пуговицы на шубѣ чиста золота.
 По кораблику Илья Муромецъ похаживаетъ;
 Его пуговицы разгремѣлися,—
 Всѣ товарищи подымалися,
 Наступали они на турецкій флотъ:

Агаряне ихъ испужалися
Во сине море кидалися.—

Примѣчаніе. Иныя прибавляютъ еще слѣд. 2 строки:
А богатство свое оставили
На добычу добрымъ молодцамъ.—

2.

Какъ далече далече во чистомъ полѣ ¹⁾
Не ковыль-трава въ полѣ шатается— ²⁾
Зашаталъ, загулялъ старъ-матѣрь человекъ,
Старъ-матѣрь человекъ—Илья Муромецъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажнымъ,
На сѣдельцѣ на черкасскимъ; ³⁾
У старого денегъ не водилося, ⁴⁾
Только было при немъ сорокъ тысячей,
А коню подъ нимъ—цѣны не было;
Конь-то былъ подъ нимъ—что лютый звѣрь,
А самъ онъ на конѣ—что ясѣвъ соколъ.
Какъ набѣжали на него станишнички, ⁵⁾
По русскому сказать—воры разбойнички,
Хотятъ они старого ограбить, ⁶⁾
Хотятъ его добра молодца убить-срубить,
Убить-срубить—душу погубить.
Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ: ⁷⁾
«Ужъ вы братцы мои станишнички!
Убить вамъ меня, старого, не за что, ⁸⁾
А взять-то вамъ у меня нечево:
Только есть на мнѣ безсермяжечка,
Безсермяжечка—она въ сто рублѣвъ, ⁹⁾

1) *Вариантъ.* Первой строки нѣтъ.

2) Вм. *ковыль* — «былина».

3) Слѣдуетъ послѣ этой строки: *Стрелена успѣла булатныя.*

4) Пяти строкъ недостаетъ.

5) Вмѣсто какъ *набѣжали*—«набѣжали».

6) Этой строки нѣтъ и въ слѣд. строкѣ опущено слово: *его*.

7) Вм. этой строки: «Возмоглася мнѣ добрый молодець».

8) Слово *старого* опущено и въ слѣд. строкѣ вм. на *мнѣ*—«у меня».—

9) Опущ. слово *она* и въ слѣд. строкѣ вм. *да*—«и».—

Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
 Шапочка моя—во всю тысячу,
 А добру моему коню и цѣны нѣту: ¹⁰⁾—
 Оттого моему коню цѣны нѣту,
 Что онъ броду не спрашивать,
 А котóra рѣка—и цѣла верста—
 Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»—
 Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свой крѣпкій лукъ,
 Накладалъ онъ казену стрѣлу—
 Онъ стрѣляетъ по сыру дубу,—
 Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
 Ищепала дубъ въ черепья въ пожевыя.
 А станишнички испужалися
 Что того ли грому богатырскаго,
 Всѣ съ добрыхъ коней попадали,—
 Безъ ума часовъ пять лежать.
 А и стали станишники пробужатися:
 Встаётъ Сѣма—пересѣмываетъ,
 Встаётъ Спиря—поспириваетъ,
 Да и бьютъ челомъ Илья Муромцу:
 «Ты старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ—свѣтъ Ивановичъ!
 Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
 Станемъ тебѣ служить вѣрой-правдою
 Отнынѣ и до вѣку.»—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
 —«Ужъ вы гой есте братцы станишнички!
 Вы ступайте во чисто поле,
 Вы скажите Олѣшкѣ Поповичу,—
 Что каковъ есть старой казакъ Илья Муромецъ.»—

V.

СУРОВЕЦЪ.

Въ старые вѣки прежніе,
 Не въ нынѣшнія времена послѣднія,
 Какъ жилъ на Руси Суровецъ-молодецъ,
 Суровецъ-богатырь онъ Суроженицъ,
 По роду города Суздаля,

¹⁰⁾ На этой строкѣ вариантъ кончается.—

Сынъ отца-гостя богатаго;
 Охочъ онъ ѣздить за охотою,
 За гусями, за лебедями,
 За сырми за утицами.
 Ѣздить онъ день до вечера,
 А покушать молодцу нечего.
 Какъ побѣхалъ Суровець во чисто поле,
 Какъ набѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ на сѣрый дубъ,
 Не простой дубъ—колокольчетый;
 Что на томъ на дубу сидитъ черный вранъ,
 Черный вранъ, птица вѣшая.
 Онъ снимаетъ съ себя крѣпкій лукъ,
 Крѣпкій лукъ и калену стрѣлу,
 Онъ накладываетъ калену стрѣлу
 На тетивочку шелковую,
 Онъ и хочеть стрѣлить поверхъ дерева,
 Онъ и хочеть убить черна ворона,
 Черна ворона, птицу вѣщую.
 Что возговорить ему черный вранъ,
 Черный вранъ, птица вѣшая:
 «Ой ты гой еси, Суровець-молодецъ,
 Суровець-богатырь да Суроженинъ!
 Тебѣ меня убить—не корысть получитьъ,
 Мясомъ моиъ не накушаться,
 Кровью моиъ не напиться,
 Перьёмъ моиъ не нѣтъшиться;
 А скажу я тебѣ вѣсточку,
 Скажу вѣсточку я радостну:
 Что далече, далече—во чистомъ полѣ,
 А еще того подалѣ—въ зеленыхъ лугахъ,
 Что стоитъ тамъ Курбанъ царь,
 Курбанъ царь да и Курбановичъ,
 Со своей силой могучею,
 Что со всею поляницею удалю;
 Стоитъ онъ, широкими рвами окопавшись,
 Землянымъ валомъ оградившись.»—
 Молодецкое сердечко неутерпчивое;
 Разгоралася кровь богатырская,—
 И онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
 Подымается его добрый конь
 Выше лѣсу стоячаго,

Ниже облака ходячаго,
 Горы-долы межъ ногъ пропускаетъ,
 Быстры рѣки перепрыгиваетъ,
 Широки раздолья хвостомъ устиляетъ;
 По землѣ бѣжитъ—земля дрожитъ,
 Мимо лѣсу—въ лѣсу стонъ стонѣтъ,
 Въ лугахъ раздается, на нивахъ чуть.—
 И онъ взялъ поскакалъ во чисто поле,
 Къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
 Первый ровъ—его Богъ перенесъ,
 Другой ровъ—его конь перескочилъ,
 Въ третій ровъ—онъ обрушился,
 Его добрый конь набрюшился.
 А въ тутъ взяли наскочили удалые молодцы,
 Подъ лѣвую руку взяли—его двадцать человекъ,
 Подъ правую руку взяли—его сорокъ человекъ,
 Поперѣкъ его схватили—что и смѣты нѣтъ;
 Взяли повели его къ Курбану царю,
 Къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
 Молодецкое тутъ сердце разъярилося,
 Богатырская кровь разыгралася,—
 Какъ схватилъ онъ Татарина за волосы,
 Да какъ началъ Татаринѣ помахивати:
 Какъ куда побѣжитъ—тамо улица лежитъ,
 Гдѣ повернется—тамо площадью.
 И пробѣлся молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
 До бѣлаго шатра—до Курбана царя.
 Какъ возговорить ему Курбанъ-царь
 Курбанъ-царь да и Курбановичъ:
 «Ой ты гой оси Суровець-молодецъ,
 Суровець-богатырь да Суроженинъ!
 Погляди ты, что въ книгѣ написано:
 Что не велѣно вамъ князей казнить,
 Князей казнить и царей убивать.»—

Прим. Къ этому нѣтъ варианта, ибо списана отъ холщевника—
 верховаго мужика, а не отъ дѣшнихъ.

VI.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

1.

КАЗАНЬ.

Кто бы намъ сказалъ про царѣвъ походъ,
 Про Грознаго царя Ивана Васильевича? ¹⁾
 Какъ онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
 Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года,
 Скоплѣвши свою силушку воевать пошелъ
 Онъ подъ славное царство казанское;
 Не дошедши до Казани, становился,
 Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
 Въ зеленыхъ лугахъ въ заповѣданныхъ,
 Какъ онъ Грозенъ царь подъ Казань подступилъ,
 Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
 Подъ другую сторону—подъ Булатъ-рѣку ²⁾
 Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
 Со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
 Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова,
 Зажѣвши свѣчи, сами прочь отошли,
 А злые Татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
 Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подраживаютъ:
 —«Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать ³⁾».
 На то Грозный царь Иванъ Васильевичъ осбѣдился:
 «Подавай мнѣ пушкарѣвъ казнить-вѣшати!»
 Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкаръ:
 «Не изволь, государь, насъ вѣшати-казнить,
 Дай ты намъ, государь, рѣчи стговорить:
 Наружи-то свѣчи онъ скоро горятъ,
 Въ подземельѣ свѣчи не скоро теплятся.»—
 Не успѣлъ слова сказать—стало бочки рвать,
 Стало бочки рвать—зсмяю на-розно метать
 Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку ⁴⁾
 И побило всѣхъ всѣхъ татаръ камѣничкомъ.

¹⁾ *Вариантъ.* Ви. начальныхъ 3 строкъ—три слѣд.:

«Ви молодые ребята послушайте,
 Что имъ стары старики будоуъ сказывать
 Про Грознаго царя Ивана Васильевича.

²⁾ Ви. *Булатъ*—«Сулай».

³⁾ Ви. *тылъ*—непечатное слово.

⁴⁾ Ви. *Булатъ*—«Сулай».—

Вариантъ 2-й.

Вы молодые ребята послушайте,
 Что мы стары старики будемъ сказывати
 Про Грознаго царя Ивана про Васильевича,
 Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань-городъ ходилъ,
 Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
 За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
 А пушки, снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
 А Татарченки по городу похаживаютъ,
 Всяко грубянство оказываютъ,
 Они Грозному царю насмѣхаются:
 «Не бывать нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!»
 Ужъ какъ тутъ нашъ государь-царь прогнѣвался,
 Приказалъ онъ пуцкаревъ казнить,
 Подкопщиковъ и зажигальщиковъ,
 Что отъ нихъ измѣна учинилась,—
 Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
 А подрывъ такъ долго медлится.
 А и тутъ всѣ пушкарни призадумались,
 Большой за меньшого хоронится,
 А одинъ пушкарь отважился:
 «Прикажи, государь-царь, слово молвить,
 Не вели, государь, насъ казнити:
 Что на полѣ горитъ свѣча скорѣе,
 Подъ землей-то свѣча идетъ тише.»—
 Не успѣлъ пушкарь слово выговорить,
 Подъ землею свѣча догорала,—
 И тутъ разорвало бочки съ порохомъ,
 Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку,
 Забросало палаты бѣлокаменны:
 Всѣ Татары тутъ, братцы, устрашились,
 Они бѣлому царю покорились.—

2.

Мамстрюкъ.

Ой вы люди, людошки мои,
 Ужъ вы людошки умненькіе,
 Старички вы стародавненькіе!
 Вы повѣдайте, что встарь было,

Что встарь было, на Руси слыло,
 Какъ женился православный царь,
 Православный царь Иванъ Васильевичъ.
 Да и бралъ же онъ много приданого:
 Коробимъ съ добромъ счету не было,
 Злату,—серебру—мѣры не было,
 Бѣлу жемчугу—вѣсу не было.¹⁾
 Вотъ и гости къ царю съѣхались:
 Всѣ князья, бояре, люди ратные,
 Да боярскихъ дѣтей до полуторасти,
 Да посадскихъ людей четыреста;
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,—
 Удальца-бойца, славна витязя,—²⁾
 Самого ли князя Черкаскаго,
 Мамстрюка ли Мамстрюковича.³⁾
 Загремяло на дворѣ государевомъ,
 Какъ прѣѣхалъ данно жданный гость—
 Князь Черкасскій Мамстрюкъ Мамстрюковичъ,⁴⁾
 Со храброю своею со дружиною,
 Со своею молодою княгинею.⁵⁾
 Какъ прѣѣхалъ-то князь опобѣлъ всѣхъ,
 А садится онъ повыше всѣхъ;
 Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
 Гуся-лебедя не рушаетъ,
 Зелена вина въ ротъ не беретъ;
 А глядитъ онъ на князей, бояръ,⁶⁾
 Царску гридницу златомъ убранну,—
 Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
 Добра молодца кузешничка;
 Да изъ этихъ изъ князей, бояръ.⁷⁾

¹⁾ Приб.: «На прибавку молоду жену.»—

²⁾ Пропущ.: «Удальца, бойца, славна витязя.»—

³⁾ Вж. Мамстрюковича—Ермолянча.—

⁴⁾ Вж. Мамстрюковичъ—«Ермолянчъ.»—

⁵⁾ Вж. Со храброю своею со дружиною,
 Со своею молодою княгинею:—
 Со своею молодою княгинею,
 Еще съ братцомъ ея роднымъ,
 Удальцомъ, бойцомъ, славнымъ витяземъ,
 И со храброю своею дружиною.»—

⁶⁾ Вж. князей, бояръ—бояръ, дворянъ.—

⁷⁾ Вж. князей, бояръ—дворянъ, бояръ.—

Не нашель себѣ поборничка,
 Что поборничка-супротивничка.
 Какъ возговорить Черкасскій князь: ¹⁾
 «Ой вы гой есте, добры молодцы!
 Вы напрасно землю топчете,
 У царя дарми ѣдите хлѣбъ,
 Зеленѣ вино распиваете,
 На боку лежа, дары получаете.»—
 Всѣ князья-бояре призадумались,
 Со стыда носы повѣсили,
 Отколь вѣлся тутъ крестьянской сынъ,—
 Съ ноги на ногу прихрамываетъ;
 Съ ноздри на ноздю присапываетъ,
 Языкомъ пришепетываетъ: ²⁾
 — «Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
 Великъ рогомъ уродился ты,
 Златомъ сѣребромъ украсился,—
 Не пытавъ силы похваляешься;
 Да гляди—рано не радуйся. ³⁾
 На бѣду я слово вымолвлю:
 Не пытай силу съ крестьяниномъ!»
 Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
 Во гнѣву изъ-за стола выскочилъ,
 На бѣгу за столъ зацѣпилъ, ⁴⁾
 Десяносто скамей повалилъ,
 Подтораств гостей подавилъ,—
 И схватилъ крестьянина за воротъ, ⁵⁾
 Одолѣлъ князя крестьянской сынъ,
 Приподнялъ выше могучихъ плечь
 И ударилъ объ сыру землю:
 Золотые перстни у князя съ рукъ скатилися, ⁶⁾
 Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,—
 Растянулся князь Черкасскій за-мертво,
 Что князья-бояре разъахалися, ⁷⁾

¹⁾ Вм. *возговоритъ*—«возговорилъ.»—

²⁾ Приб.: «Какъ возговорить крестьянской сынъ.»—

³⁾ Приб.: «И хотя и крестьянской сынъ.»

⁴⁾ Пропущ.: *На блгу за столъ зацѣпилъ.*

⁵⁾ Приб.: «Долго съ нимъ они возмися

По широку двору государеву.»—

⁶⁾ Вм. *перстни*—«кольца.»—

⁷⁾ Вм. *Что князья, бояре*—«бояре, дворяне.»—

Молодая княгиня расплакалася ¹⁾
 Въ слезахъ по двору побѣгивала,
 Бѣлы рученьки заламывала,
 Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
 — «Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
 Вы схватите сына крестьянскаго,
 Вы убейте вора безъименнаго,
 Разорвите его тѣло на мелкія части ²⁾
 Да и бросьте псама на сѣденье.» — ³⁾
 Какъ возговоритъ православный царь,
 Православный царь Иванъ Васильевичъ:
 — «Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
 Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія!» ⁴⁾»

3.

Малюта.

Въ старые годы прежніе,
 При зачинѣ каменнѣй Москвы,
 Зачинался тутъ и грозный царь,
 Грозный царь Иванъ сударь Висмльевичъ;
 А вѣдпоры у царя былъ почестный столъ,
 Почестный столъ, шированье великое
 Про всѣхъ про князей, про бояръ,
 Про гостиныхъ людей, купцовъ сибирскихъхъ.

¹⁾ Приб. «его.»—

²⁾ Пропущ. *тѣло*.

³⁾ Проп. *Да и*, и приб. «тѣло.»—

⁴⁾ Прибав. слѣд. окончаніе:

•Пусть другой съ нимъ кто попробуетъ
 Попытать силу богатырскую.»
 Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
 Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 — «Ой ты гой еси, крестьянской смышь!
 Выходи скорѣй на борьбу со мной,
 На борьбу со мной последнюю,
 На последнюю драку смертную.»—
 И сивилися они за воротъ,
 И возмиса вплоть до вечера,—
 Одолвъ крестьянина владъ княгининъ братъ,
 Разорвалъ его тѣло смнее,
 Разбросалъ, разметалъ по широку двору,
 По широку двору—псама на сѣденье.»—

А и столъ былъ во' полустолъ,
 А и пиръ былъ во полупиръ,
 Гости царскіе навѣселя,—
 Стали они промежду себя похвалятися:
 Сильный хвалится своєю силою,
 Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
 Не золотая трубонька вострубливала,
 Не серебряна сиполица възъигрывала—
 Возговорилъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 — «Ужъ какъ я ли могу похвалятися,
 Что и взялъ я казанское царство,
 Рязань городъ, славу Астрахань;
 Ужъ и я ли вывелъ измѣну изъ Пскова,
 Изъ Пскова и изъ Новагорода.»—
 Какъ возговорить молодой царевичъ:
 — «Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
 Что и взялъ ты царство казанское,
 Рязань городъ еще Астрахань,
 Ужъ ты вывелъ измѣну изъ Пскова,
 Изъ Пскова и изъ Новагорода,—
 Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
 Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
 Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
 Онъ и ѣсть съ тобой съ одного блюда,
 Съ одного плеча носить платье цвѣтное.»—
 Какъ и тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ догадается,
 Онъ гнѣвомъ великимъ воспаленъ,
 Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
 — «А и кто есть у меня слуги вѣрные!
 Берите царевича за бѣлы руки,
 Ведите царевича за Москву-рѣку,
 Ко тому ли болоту стоячему,
 Ко той ли лужѣ кровавои,
 Ко той ли плахѣ поганои.»—
 Какъ тутъ всѣ князья, бояре испужались,
 Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжались,—
 Оставался одинъ злодѣй Малюта,
 Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ.
 Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
 И ведетъ его за Москву-рѣку,
 Ко тому ли болоту стоячему,

Ко той ли лужь кровавом,
 Ко той ли плахъ поганом. -
 Распрѣдалъ про то большой бояринъ,
 Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
 Онъ сидится на добра коня,
 На добра коня невъжжаннаго,
 И онъ скачетъ за матушку за Москву-рѣку,
 И онъ машетъ шапкой бархатной;
 Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой, народъ православный разступися,
 Люди добрые, сторонитесь,
 Давайте мнѣ, боярину, дорогу!»
 Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
 Ко тому ли болоту стоячему,
 Ко той ли лужь кровавом,
 Ко той ли плахъ поганом,—
 Вырываетъ царевича у Малюты,
 У Малюты злодѣя Скурлатовича,
 Онъ беретъ его за бѣлы руки,
 Приводитъ его на царскій дворъ.
 А тутъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ взрадовался,
 Онъ на шеюшку царевичу кидался,
 А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонился:
 «А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
 А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
 Ты бери у меня что вздумаешь:
 Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
 Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
 Золотой ли казны сколько надобно.»—
 Какъ возговоритъ честной бояринъ,
 Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
 «Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
 Мнѣ не надобенъ твой добрый ковь,
 Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
 Не хочу я твоей золотой казны:
 Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
 Повели мнѣ его, сударь, казнити.»—

4.

СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНАГО.

Ужь ты батюшка свѣтѣлъ мѣсяць,
 Что ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому не по прежнему,
 Изъ-за облачка выкатаясь,
 Черной тучею закрываешься?
 У насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 У Ивана было у великаго,
 У собора у Успенскаго ¹⁾
 Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ ²⁾,
 Во гробу лежитъ православный царь,
 Православный царь Иванъ Васильевичъ. ³⁾
 Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебряный,
 Во ногахъ его корона царская,
 Вокругъ гроба стоятъ свѣчи восковыя,
 Передъ гробомъ стоятъ поны, патриархи,
 Они служатъ и читаютъ, память отпѣвають,
 Отпѣвають память царю православному,
 Православному царю Ивану Васильевичу.

VII.

Тушинскій воръ.

Изъ-за шведскія изъ литовскія изъ земелюшки,
 Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
 На добромъ конѣ во чисто поле.

¹⁾ Вн. у собора у Успенскаго—

«У Михайлы у Архангела».

²⁾ Вн. этой строки—

«Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ».

³⁾ Вн. этой строки:

Православный царь Иванъ грозный Васильевичъ.—

И за тѣмъ продолжается такъ:

• Въ головахъ у него животворашій крестъ,

У креста лежитъ его корона царская,

Во ногахъ у него острый мечъ.—

Животворящему кресту всякъ молится,

Золотой царской короной всякой кланяется,

На грозный мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется. •

Становилса воръ-собачушка подь столицю,
 Подь столицю въ славномъ Рубежъ,
 Онъ разставлятъ бѣль-тонкой шатеръ,
 Разстилаеть во шатрикъ шелковой коверъ,
 Разсыпаетъ на коврикъ золоты бобы,
 По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
 Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
 Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ.
 Садилса воръ-собачушка на добра коня,
 Онъ повѣхалъ воръ-собачушка во чисто поле,
 Изъ чиста поля во царевъ дворецъ;
 Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
 Пріѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
 Слзаетъ воръ-собачушка со добра коня,
 Онъ свою коня не привязывать,
 Не привязывать, никому не приказывать.
 Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,
 Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,
 Онъ самимъ боярамъ не кланятся
 И самой государинѣ челомъ не бьетъ.
 Онъ садилса воръ-собачушка за дубовый столъ,
 Вынимаетъ воръ-собачушка ярыки на столъ,
 По ярыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
 Я самихъ же то боаръ во полонъ возьму,
 А съ самою царицею обвѣнчаюся.

VIII.

Михайло Скопинъ.

I.

У насъ было въ каменнѣй Москвѣ,
 У князи было Воротынского,
 Было пированье великое; ¹⁾
 Кстили дитя княженецкое. ²⁾
 Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
 Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
 А кумою была дочь Скурлатова.

¹⁾ Вн. *великое*—«почетное.»

²⁾ Приб. «Ой, кто куля-то былъ, кто кума была?—»

Много было тутъ князей, бояръ, ¹⁾
 Князей, бояръ, гостей званныхъ,
 Они ѣли, пили прохлажались.
 Напивались гости до-пьяна,
 Выходили на красенъ крылецъ,
 И ўчали они хвастатися:
 Сильный хвастается силою,
 Богатый богатствомъ;
 Одинъ скажетъ: «у меня много чиста сѣребра»,
 Другой скажетъ: «у меня больше красна золота.»—
 Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
 Онъ и не пилъ зеленá вина,
 Не пригубливалъ пива крѣпкаго,
 Только пилъ одни меду сладкіе,
 А и съ меду князь захмѣлѣлъ,
 Во хмѣлю онъ похвалиться сталъ:
 «Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались,—
 Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?—
 А ужъ я ли могу похвалитися: ²⁾
 Я очистилъ царство Московское,
 Я вывелъ вѣру поганскую,
 Я сталъ за вѣру христіанскую,—
 И за то мнѣ князю слава до-вѣку.» ³⁾
 И то слово кумѣ не полюбилося,—
 То слово крестовой не показалося.
 Втаноры она дѣло сдѣлала:
 Наливала чару зеленá вина, ⁴⁾
 Подсыпала въ чару зелья лютаго,
 Подносила чару куму крестовому,
 А князь отъ вина отказывался,
 Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
 Думалъ князь—она выпила,

¹⁾ Эта и слѣдъ 2 строки опущены, и прибавлена:
 •Промежду себя похвалялися.—и продолжается.
 «Одинъ скажетъ—и проч.

²⁾ Предл. 9 ст. опущены; в. ихъ:
 •Ахъ что возговорить князь Михайло Скопинъ,
 •Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ:
 «Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
 Я скажу вамъ не въ похвазу себя.—и пр.

³⁾ Эта строка опущена.

⁴⁾ В. *зеленá вина*—«водки крѣпкіе»:—

А она въ рукавъ вылила.
 Брала же она стаканъ меду сладкаго,
 Подсыпала въ стаканъ зелья лютого,
 Подносила куму крестовому. ¹⁾
 Отъ мѣду князь не отказывается—
 Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;—
 Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки подломилися,
 Его бѣлыя рученьки опустилися,
 Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
 Подхватили подъ бѣлыя руки,
 Увозили князя къ себѣ домой.—
 Какъ встрѣчала его матушка:
 — «Дитя ты мое, чадо милое,
 Скольکو ты по пирамъ не ѣзжалъ,
 А таковъ еще пьянъ не бывалъ.»—
 — «Охъ ты гой еси, матушка моя родимая,
 Скольکو я по пирамъ не ѣзжалъ,
 А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
 Съѣла меня кума крестовая,
 Дочь Малюты Скурлатова.»—

Вариантъ 2-й.

«У князя было у Владиміра,
 «Было пированье—почетный пиръ,
 «Было столованье—почетный столъ,—
 «А и кстили дитя княженецкое.»

За тѣмъ, какъ въ 1-мъ вариантѣ, только послѣ «похвалялся» —
 слѣдуетъ:

«Выходили на крылечко на красное,
 Ужъ какъ учали похвальбу чинить князья, бояре:
 Одинъ скажетъ... и пр.—

Опять какъ въ 1-мъ вариантѣ, до «христіанскую.» — Послѣ:
 «То слово кумѣ не показалося,
 То слово крестовой не понравилось» —
 И какъ въ пѣснѣ до «крестовому.»—За тѣмъ:
 «Самъ же не пилъ, а се почтилъ,

¹⁾ Послѣ: *подносила куму крестовому—*
 «Какъ выпилъ князь Михайло Скопникъ
 Рѣзвы ноженьки его подломилися.—

и до конца.

Ему инилося—она выпила,
 А она въ рукавъ вышла,—
 Наливала еще куму крестовому,
 Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ,
 Его рѣзвы ноги подломилса
 Бѣлы ручушки опустилса,
 Ввечеру князь переставилса.»—

Этимъ пѣснѣ окончивается.

2.

У князь было во кремль во городъ
 У того у собора у Успенскаго
 Соѣзжались князья и бояре,
 Всѣ сильные воеводы московскіе.
 Ужь какъ царь говорить, что въ трубу трубить:
 «Ой вы гой есте князья, бояре!
 Какъ намъ, братцы, на приступъ идти?
 Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
 Азовъ городъ во крѣпій стоитъ,—
 Нельзя къ нему подойти ни подъѣхати.»
 Какъ тутъ же бояре испужались,
 Большой за меньшаго хоронится,
 А меньшихъ за большими давно не звать.
 Что возговорилъ Михайло Скопинъ:
 — «Охъ ты гой еси, грозный царь!
 Благослови мнѣ слово молвити,
 Или цѣлу рѣчь выговорить:
 Дѣлайте тележки бурмицкія,
 Убивайте тележки кунами, сѣболами,
 Сукнами багрецовыми и гвоздьми полуажеными,
 Сажайте въ тележки по пяти человекъ:
 Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
 Я возьму тотъ городъ во единый часъ.»—
 Пріѣхали они къ синему морю,
 Кричить онъ перевозчикамъ:
 «Перевезите гости могучаго,
 Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»
 Стали бурмистры и головы,
 Стали пошлины спрашивать.
 — «Ахъ, вы гой есте, бурмистры и головы!
 Погодите вы до утрѣя,—

Дамъ вамъ по такѣ полною.»—
 Со полуночи до вечера могучій гость
 Черезъ синё море переправился,
 Осмотрѣлъ крѣпость азовскую
 И донесъ царю о возможности.

IX.

Алексѣй Михайловичъ.

I.

Рига.

А.

Какъ во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
 Что на той ли было, братцы, красной площади,
 Хорошо добре солдаты во строю стоять,
 Они огненные ружья предъ собой держать,
 Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
 Кремлемъ городомъ прошли, братцы, полавнихоньку,
 Во соборъ пришли солдаты Богу молитися,
 Ко святымъ мощамъ солдатушки приложитися;
 Государю-царю солдатушки поклонилися:
 — «И ты здравствуй, многолѣтствуй, православный царь!
 Благослови ты: намъ солдатушкамъ во походъ нати,
 Что подъ славный ли подъ городъ подъ Ригу». —
 Ужъ какъ взговоритъ нашъ батюшка православный царь:
 «Вы подите мои дѣтушки потихохоньку,
 А подъ Ригу пришедши, становитесь,
 Вы меня ли, мои дѣти, дожидаетесь,
 А фельдмаршала во всемъ слушайте!»

Прим. Отнесена эта пѣсня къ Алексѣю Михайловичу, потому что
 нѣкоторые поють, послѣ «православный царь» —

«Бывшій царь Алексѣй Михайловичъ» —

В.

Подъ славнымъ было городомъ подъ Ригю,
 Что стоялъ тутъ православный царь,
 Православный царь Алексѣй-сударь Михайловичъ;
 Какъ стоялъ онъ ровно три года,
 Да и сталъ нашъ царь снаряжаться:
 Снаряжастся онъ въ каменну Москву.—

На зарѣ-то было на утренней
 На восходѣ красна солнышка,
 Что не гуси, — не лебеди воскрикнули,
 Что возговорили солдаты новобраные:
 «Ой ты гой еси православный царь,
 Ласковый нашъ Алексѣй-сударь Михайловичъ!
 Снаряжаешься ты въ каменну Москву,
 Не оставь насъ ты бѣдныхъ подѣ Ригю;
 Ужъ и такъ-то намъ Рига наскучила:
 Натерпѣлися мы холоду и голоду,
 Наготы-босоты вдвое того.» —
 Не золотая трубонька вострубила, —
 Прогласилъ государь православный царь,
 Что и ласковый Алексѣй Михайловичъ:
 «Ужъ вы гой есте, мои дѣтушки-солдаты,
 Вы солдатухи новобраные!
 Какъ и мнѣ ли самому царю Рига-то наскучила,
 Что наскучила она мнѣ Рига напроскучила!
 Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву —
 Мы забудемъ бѣдность — нужду великую, —
 Я и выставлю вамъ погреба мои царскіе,
 Я съ виномъ и пивомъ и съ медами сладкими.» —

3.

Рожденіе Петра.

Ужъ какъ свѣтель радощенъ въ Москвѣ
 Ласковый царь Алексѣй-сударь Михайловичъ:
 Народилъ ему Господь сына-царевича,
 Что царевича — Петра Алексѣевича.
 Какъ и всѣ-то русскіе плотнички,
 Что плотнички — сами мастера,
 Они ночку не спали — колыбель-люльку дѣлали,
 А нянюшки, мамушки, сѣсны дѣвушки, —
 Онѣ ночку не спали — шириночку вышивали
 По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
 А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
 Царскіе погребы они всѣ растворялись:
 У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
 Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
 Всѣ дворяне ко ласковому свѣзжались,

Весь народъ божій на пиру—пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются;
 Въ весельи не видали какъ и дни прошли:
 Все для младшаго царевича—Петра Алексѣевича,
 Перваго императора по землѣ.—

X.

ПЕТРЪ.

1.

Азовъ.

Охъ, бѣдныя головушки солдатскія!
 Какъ ни днемъ ни ночью вамъ покою нѣтъ.
 Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи солдаты ружья чистили,
 Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
 Что не золотая трубонька вострубила,
 Не серебряная сиповочка возъиграла,—
 Что возговорить нашъ батюшка православный царь:
 «Ой вы гой есте всѣ князья и бояре!
 Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
 Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
 Какъ князи и бояре промолчали;
 А и самъ нашъ батюшка прослезился:
 «Ой вы гой есте солдаты и драгуны!
 Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
 Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?»
 Что не ярая пчелушки зашумѣли—
 Какъ возговорить солдаты и драгуны:
 — «Взять ли намъ не взять ли—бѣлой грудью!»—
 На восходѣ было краснаго солнышка,
 На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
 На зарѣ они на приступъ пошли,
 Подъ тотъ ли подъ славный подъ Азовъ городъ,
 Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменные,
 Что подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе.
 Что не съ горъ ли бѣлы камни покаталися,
 Покаталися со стѣнъ непріатели;
 Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися—
 Забѣлѣлися бѣлы груди бусурманскія;
 Что не съ дождичка ручьи разливалися—
 Разливалася тутъ кровь нечестивая.

2.

Стокгольмъ.

Не пыль въ полѣ запылилася,
 Не туманъ съ моря подымается, —
 Подымалися съ моря гуси-лебеди,
 Гуси-лебеди, утки стрыи;
 Гуси-лебеди летать со гусятами,
 Стры утушки плывуть со утатами.
 Гуси-лебеди съ моря подымалися,
 Все синё море всколыхалося,
 Бѣла-рыбница вся на низъ ушла,
 Вся на низъ ушла—въ тѣхи заводи,
 Въ тихи заводи—въ омута глубокие,
 Въ омута глубокие—во мѣста удобныя.
 А и по морю-то, морю синему,
 По синему морю, по хвалынскому,
 Тутъ плывуть-то всплывають ровно тридцать кораблей,
 Какъ одинъ-то корабликъ напередъ бѣжить,
 Напередъ бѣжить корабликъ, что соколъ летить.
 Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ:
 На корабликъ-то парусы все тафтяныя,
 Тетивочки у кораблика все шелковыя,
 А подзоры у кораблика—рытаго бархата.
 Какъ на этомъ на корабликъ православный царь сидитъ,
 Со своими онъ со славными генералами,
 Со своими храбрыми офицерами.
 Какъ возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
 Православный царь—Петръ Алексѣевичъ:
 «Ой вы гой еси, матросы мои легкии!
 Вы мечитесь на мачты корабельныя,
 Вы глядите-ка во трубочки подзорныя:
 Далеко ли до города до Стекольнава?» —

Прим. Нѣкоторые прибавляютъ еще 2 строки:
 — Мы въ Стекольниковъ городочекъ вечеру придемъ,
 Мы Стекольниковъ городочекъ поутру возьмемъ! »

Также см. по хвалынскому, «однажды ѣзди по балтійскому».

Вариантъ.

Вступленіи нѣтъ: прочее почти тоже, исключая нѣкоторыхъ словъ, и безъ окончательныхъ двухъ строкъ; равно—царь не зовется по имени.—

3.

Повѣда Шереметева надъ Шлиппенбахомъ.

Не грозная туча возставала,
 Не часть крупѣнъ дождикъ выпадасть,—¹⁾
 Изъ славнаго изъ города изъ Пскова
 Поднялся царевъ большой бояринъ
 Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ
 Онъ со конницею и со драгуны,
 Со всею московскою пѣхотой.²⁾
 Не дошедъ онъ красной мызы становился,³⁾
 Хорошо добре полками приполчился,
 Онъ пушки и мортиры всѣ оставилъ.⁴⁾
 Не ясѣнъ соколъ по поднебесью летаетъ,—
 То бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
 Что не золотая трубушка вострубила,—
 Тутъ возговорить царевъ большой бояринъ,
 Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ:
 «Ой вы, дѣтшки-драгуны и солдаты!
 Мнѣ лзя ли на васъ надежду положить,⁵⁾
 Супротивъ непріятеля постояти?»—⁶⁾
 Тутъ возговорятъ драгуны и солдаты:
 — «Мы рады государю послужити,—
 И одинъ за одного умерети.»—⁷⁾
 Тутъ скоро бояринъ поднялся
 Со конницею и со пѣхотой.
 Нашли они на шведскіе караулы,⁸⁾
 Они шведскіе караулы сами скрали,
 И маіора во полонъ къ себѣ взяли.
 Привели они маіора къ генералу,
 Ко полевому кавалеру;
 Приказалъ его генералъ допросити:
 «Скажи ты маіоръ земли шведской,

1) Начал. 2 строки нѣтъ.

2) .Съ пѣхотными солдатскими полками.

3) «Недошедши».

4) Этой строки нѣтъ.

5) «Можно ли мнѣ на васъ понадеяться?»

6) «Устояти».

7) «Единъ за единнаго».

8) «Караулы».

Скажи намъ всю истинную правду,
 Не могли ты у царя утаити:
 Далече ли стоитъ ваша сила,
 И много ли силы съ генераломъ,
 Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ?—
 Что возговоритъ майоръ земли шведской:
 «Ужь ты гой еси, царевъ большой бояринъ,
 Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ!
 Не могу я у царя утаити,
 Скажу я всю истинную правду:
 Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
 За тѣми ли за мхами, за болоты,
 За тою за великой переправой,
 Покрай близъ Варяжскаго моря;
 А силы съ генераломъ сорокъ тысячъ,
 Съ любимымъ генераломъ Шлиппенбахомъ.»
 Бояринъ тѣхъ словъ не испугался, ¹⁾
 Онъ скоро со полками подымался.
 Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили—
 Сражались дни войска тутъ большія—
 Московское войско со шведскимъ.
 Запала Шереметева пѣхота ²⁾
 Изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ ³⁾:
 Что не страшный громъ изъ тучи грянулъ,
 Не звонкая пушка разродилась—
 У боярина тутъ сердце разъярилось.
 Не сырая мать-земля разступилась,
 Не синее море всколебалось—
 Примыкали тутъ штыки на мушкеты, ⁴⁾
 Бросали все ружья на погоны, ⁵⁾
 Вынимали тутъ острия сабли,
 Приклоняли тутъ булатныя копыя ⁶⁾
 Гнались за шведскимъ генераломъ,
 До самого до города до Дерита.

1) «И тутъ бояринъ не устранился».

2) «Запала тутъ...»

3) «И изъ мортировъ».

4) «Какъ не громъ предъ тучей грянулъ,
 Троякъ—пушка разродилась— и .тучь—нѣтъ».

5) *Всп—изъ.*

6) *Тучь—нѣтъ нигдѣ.*

Какъ расплачутся тутъ шведскію солдаты,
 Во слезахъ они чуть слово промолвить:
 «Лихая-де Московскія пѣхота,—
 На вылазку чисто выступаетъ
 И тѣмъ насъ жестоко побѣждаетъ.»—
 Тутъ много мы Шведовъ порубили,
 А втрое того въ полонъ ихъ взяли,—
 Тѣмъ прибыль государю учинили.¹⁾

4.

Шлиссельбургъ.

А.

Во славномъ городѣ во Орѣшкѣ,
 Но нынѣшнему званію Шлюшенбургъ,
 Пролегала тутъ широкая дорожка,
 По той ли по широкой по дорожкѣ
 Идетъ тутъ царевъ большой бояринъ,
 Графъ²⁾ Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
 Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
 Со конницей и со драгунами,
 Со удалыми донскими казаками.
 Вошли они во Красную Мызу;
 Промежду тѣми высокими горами,
 Промежду тѣми широкими долами,—
 А всѣ полки становилися.
 А втапору Борисъ сынъ Петровичъ
 Въ объездъ онъ донскихъ казиковъ посылаетъ,
 Донскихъ, гребенскихъ да ицкихъ.—
 Какъ сняли они шведскіе караулы,
 Майора себѣ въ полонъ полонили,
 Привезли его въ лагери царскіе.
 Не злата труба въ полѣ протрубила³⁾
 Прогласилъ государь, слово молвилъ,—
 Государь московскій—первый императоръ:
 «А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
 Изволь ты майора допросити,

¹⁾ «Государю тѣмъ прибыль учинили». —

Варианты: ²⁾ «Князь» вл. *графъ*.

³⁾ «Злата» вл. *не злата*.

Тихонько, по маленьку: 1)
 А сколько-де силы въ Орѣшкѣ
 У вашего короля шведскаго? —
 Говорить тутъ мажоръ не съ утайкою 2)
 А сталъ онъ силу рассказывать:
 «Съ генераломъ въ полѣ нашихъ 3) сорокъ тысячей,
 Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.» —
 А втапору царевъ большой бопринъ,
 Графъ Борисъ сынъ Петровицъ Шереметевъ,
 А самъ онъ царю рапортуеть:
 «Что много-де въ полѣ силы той шведской:
 Съ генераломъ стоитъ силы 40 тысячей,
 Съ королемъ въ полѣ силы — смѣты нѣтъ.» —
 Не злата труба въ полѣ въ лагерѣ протрубилъ, —
 Прогласилъ первый императоръ:
 «А и гой еси Борисъ Петровицъ!
 Не утрашися мажора допросити.
 Но корми мажора цѣлы сутки;
 Его вы его допросите, — 4)
 Другіе вы сутки не кормите,
 И тогда онъ расскажетъ,
 Сколько у нихъ силы шведскія.» —
 А втапору Борисъ Петровицъ Шереметевъ
 На то-то больно догадливъ —
 А двое-де сутки мажора не кормилъ,
 Въ третью винца ему подносили, —
 А втапору мажоръ рассказалъ,
 Правду истинну рассказалъ:
 «Всѣхъ съ королемъ нашихъ и генераломъ
 Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.» —
 И тутъ государь взвеселился, —
 Велѣлъ мажору голову отлапать 5).

1) «Потихоньку по маленьку».

2) «Не съ утайкою» ви. *не съ утайкою*.

3) «Нашихъ» ви. *нашихъ*.

4) «Поторите» ви. *допросите*.

5) «Отлапать» ви. *отлапать*; а въ другихъ вариантахъ этой строки нѣтъ совсѣмъ и пропущена передача Шереметевымъ вопроса; вѣсто же «допросите» и «поторите» — *повторите*, а ви. *нашихъ* и *нашихъ* — «силы.» —

В.

Ты злодѣй, злодѣй ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодецкое!
 Къ чему ты ныло, занывало?
 Ты бѣду мнѣ молодцу предвѣщало.
 Предвѣщало ты, а не сказало,
 Что быть ли мнѣ молодцу во рекрутѣхъ,
 Что въ рекрутѣхъ быть и во солдатахъ,
 А въ солдатахъ быть и во походѣ,
 Что подъ славнымъ городомъ Орѣшкомъ,
 Но нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ.
 Ужъ и скоро Шведы догадались,
 Они ударили тотчасъ въ барабаны,
 Наши русскіе солдаты по литавры.
 Да что возговоритъ нашъ батюшка императоръ:
 «Ахъ, вы любимые мои генералы!
 Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
 Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ,
 Или не лучше ли намъ отъ него отступить?»—
 Что возговорятъ всѣ генералы:
 «Ахъ, ты нашъ батюшка государь царь!
 Еще сила намъ будетъ нада,—
 Что не лучше ли намъ отсюда отступить?»
 Что возговоритъ надежа-государь царь:
 «Ахъ вы дѣтушки мои солдаты!
 Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
 Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»—
 Что не яряя тутъ пчелы зашумѣли,
 Что возговорятъ російскіе солдаты:
 — Ахъ, ты нашъ батюшка-государь царь!
 Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
 Намъ сухимъ путемъ ити—не достигнути;
 А что брать или не брать ли—бѣлой грудью!»—
 Тронулось войско ко стѣнѣ,
 Полетѣли башни на берегъ,
 Отворилися ворота непродѣланны,
 А проломны изъ пушекъ ядрами:
 Побѣдили силу шведскую,
 Полонили городъ надобной.—

Вариантъ.

Злодѣй, злодѣй ретиво сердце,
 Что ты ныло ретивое, занывало,
 Ничего ты мнѣ сердечко не сказало,
 Да что быть молодцу въ рекрутахъ,
 Во солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ,
 Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
 А по нынѣшнему званію Шенсельбургомъ?
 Что слышавъ воры-шведы догадались,
 Что ударили они въ барабаны,
 Наши русскіе солдатухи въ литавры.
 Да что взговорить нашъ государь царь:
 «Ахъ вы гой еси, братцы генералы!
 Вы придумайте мнѣ, братцы, пригадайте:
 Еще какъ намъ будетъ взять Орѣшекъ?»—
 — Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка государь царь!
 Что не лучше ли намъ отъ города отступити?
 Что возговоритъ государь-царь ко солдатамъ:
 «Ахъ вы гой еси мои дѣтушки солдаты:
 Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
 Еще братъ ли намъ иль итъ Орѣхъ-городъ?»—
 Что не ярыя пчелушки въ ульѣ зашумѣли,
 Да что взговорятъ російскіе солдаты:
 — «Ахъ ты гой еси нашъ батюшка государь-царь!
 Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
 Намъ сухимъ путемъ итти—не достигнути;
 Мы не будемъ отъ города отступати,—
 А будемъ мы его бѣлюю грудью брати.»—

Въ другомъ вариантѣ итъ обращенія царя къ солдатамъ, а они
 говорятъ вслѣдъ за генералами; вмѣсто *предвѣщало*—«вѣщавало»;—
 и пропущена строка:

«Наши русскіе солдатухи въ литавры.»—

С.

Какъ на славной матушкѣ Невѣ-рѣкѣ,
 Подлѣ устьяца ея широкаго,
 Что при самомъ ли истоки быстрины,
 Какъ плавали гуляли три легкіе стружкѣ.
 На первомъ стружкѣ Шереметевъ былъ,
 На другомъ стружкѣ офицеры сидятъ,

А на третьемъ стружкѣ все солдатушки—
 Преображенскіе и семеновскіе.
 По рѣкѣ они бѣжали къ круту красну бережку,
 Къ круту красну бережку—къ шлюссельбургскому.
 Подбирали они парусы полотняные,
 Что того ли полотна все олонцаго,
 Они якори метали все булатныя,
 Что того ли булата сибирскаго,
 Приставали къ круту красну бережку,
 Они лѣсенки метали все дубовыя,
 Выходили на желты пески сыпучіе,
 Начинали рыть подкопы глубокіе,
 Накатали бочки съ лютымъ зеліемъ,
 Съ лютымъ зеліемъ—съ чернымъ порохомъ,
 Становили свѣчи воску враго,
 Зажигали тѣ подкопы глубокіе.
 Оттого ли красный берегъ взорвало,
 Развалило стѣну бѣлокаменну,
 Потрясло всю крѣпость шведскую,
 Устрашило храбрыхъ непріятелей.—

Въ вариантѣ послѣднихъ двухъ строкъ нѣтъ.

D.

Какъ по крутому по красному бережку,
 Какъ по желтому сыпучему песочку,
 Тутъ ходилъ гулилъ батюшка православный царь,
 Онъ садился государь-царь на легкѣ стружкѣ;
 Размахнули, разгребнули вверхъ Невы-рѣки,
 Что ко славному ко городу ко Шлюшину.
 Какъ на встрѣчу государю донскіе казаки,
 Что донскіе, гребенскіе, запорожскіе.
 Что казаки государя не опознали,—
 Имъ подумалось—король земли шведскія:
 Заряжали свои ружья огневныя,
 Приготовились стрѣлять по своему царю.
 Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Что промовилъ ли нашъ батюшка православный царь,—
 Казаки голосъ слышали,
 Что кидались бросались на легкѣ стружкѣ,
 Приклонили свои буйны головы:

«Ты прости, прости, нашъ батюшка православный царь,
 Еще мы тебя государь-царь не опознали,
 Намъ подумалось король земли шведскія.» —
 Что возговорить нашъ батюшка православный царь:
 «Вамъ спасибо ли ребята, казаки донски,
 Что донскіе гребенскіе, запорожскіе!
 Съ осторожностью вы по Цевъ-рѣкъ гуляете,
 Своего царя вы защищаете».

3.

ПОЛТАВА.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
 Наканунъ было свѣтла воскресенья
 Заунывно въ царь-колоколъ звонили,
 Събѣжались князья и всѣ бояре
 Во Успенской во соборъ Богу молиться.
 Молились они Господу со слезами;
 Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,
 Генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
 Почастѣхоньку вонъ изъ церкви выступаетъ,
 Къ бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
 Горючьми слезами обливался,
 Миткалиннымъ онъ платочкомъ утирался:
 «Ужъ тошно мнѣ боярину, тошненько, —
 Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало;
 Что болить-болить у боярина головка,
 Шемятъ, шемятъ ретиво сердечко;
 Что сказана боярину царска служба,
 Указанъ путь — широкая дорожка,
 Подъ славный подъ городъ подъ Полтаву:
 Какъ быть-то мнѣ боярину убиту
 Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавой,
 На чистомъ полѣ лебединомъ!»

6.

Запорожцы послѣ Полтавской битвы.

Похвалились славны запорожцы
 Платавъ-городъ взяти

Э-ххе!

Поутру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдали;

Э-ххе!

А къ вечеру славны запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы!
А гдѣ ваши мѣтки ружья?

Э-ххе!

«Наши ружья заряжены,
А мы въ острогъ посажены».

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?

Э-ххе!

«Наши кони на пригонъ,
А мы казаченьки во неволѣ».

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы!
А гдѣ ваши острые копья?

Э-ххе!

«Наши копья отобрали,
Въ Дунай-рѣку побросали».

Э-ххе!

7.

Выборгъ.

Ахъ ты ночь ли, ты ноченька осенняя!
Надоѣла ты мнѣ молодцу наскучила,
Стоючи братцы на караулѣ государевомъ,
Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выборгомъ,
Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокою подъ башнею подъ проѣзжемъ.
Не звѣринушка изъ башенки взрыкнула,
Что взрыкнула тутъ пушечка боевая,
Боевая, полковая, шведская,
Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли полковника, какъ пить дала.
Какъ растужатся, расплачутся солдатушки:
«Охъ ты свѣтъ нашъ батюшка полковничекъ,
Что кому насъ сиротъ будетъ поить, кормить,

Кому насъ солдатъ содержать будеть?—
 А что изговорять маіоры съ подполковникомъ:
 «И вы глупые солдаты, неразумные,
 Какъ поить будеть кормити православный царь,
 Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.»

8.

КОЛЫВАНЬ.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
 Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты,
 Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
 Какъ стояли тутъ столы дубовые,
 За столомъ сидитъ шведская королева,
 Передъ ней стояли шведскіе генералы.
 Что возговорять шведскіе генералы:
 «Ахъ ты гой еси наша шведская королева,
 Ты за чѣмъ къ королю-брату не пишешь,
 Чтобъ прислалъ онъ силы на подмогу,
 Что за силою прислалъ бы провіанту?»
 Что возговорить тутъ шведская королева:
 «Ахъ вы гой еси, мои шведскіе генералы!
 Ужъ я и такъ къ королю-брату писала
 И нарочныхъ курьеровъ послала,
 Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
 Онъ за силою прислалъ бы провіанту:
 Ужъ какъ бѣлый царь къ городу подступаетъ,
 И онъ шанцы, батареи отбиваетъ,
 Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
 А въ городъ арію свою выпускаетъ,
 И онъ шведскіе караулы все снимаетъ,
 Онъ російскіе караулы разставляетъ.»

9.

Какъ по морю, морю синему, по синю морю, по балтійскому,
 Тутъ и плыли всплывали три военныхъ корабля:
 На первомъ на корабликѣ императоръ-царь сидитъ,
 На другомъ корабликѣ князь-боиры сидятъ,
 А на третімъ корабликѣ—все солдатушки,
 Сидѣли солдаты полку семеповскаго,
 Той же первой роты бомбандирскія.

Парусы они ронили бѣлы полотняные,
 Того ли полотеница—все голландскаго,
 Якори они бросали все булатныя,
 Того ли булату—все сибирскаго,
 Мосты они намостили все дубовыя,
 Подконы они копали все глубокіе,
 Глубокіе подконы—на двѣнадцать верстъ,
 Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
 Со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ,
 Свѣчки зажигали воску яраго.
 Свѣчки догорали—бочки розорвало,—
 Что взрынуло стѣну бѣлокаменную.
 Вотъ и стали государя-царя поздравляти:
 «Ужъ ты здравствуй, государь нашъ, православный царь,—
 Поздравляемъ тебя съ крѣпкимъ городомъ,
 Съ крѣпкимъ городомъ—со Ригю!»—

10.

СМЕРТЬ ПЕТРА.

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
 Что ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,—
 Не по всю землю святорусскую,
 Что со вечера—не до полночи,
 Со полночи—не до бѣла свѣта,
 Все ты причешься за облаки,
 Закрываешься тучей темною?—
 Какъ у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ славномъ городѣ,
 У дворца было государева,
 У крыльца было воскрашенаго,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
 Стоючи-то онъ призадумался,
 Призадумавшись, слезно плакать сталъ,
 И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
 Ужъ и слезы льютъ, что ручьи текутъ,
 Воздыхаетъ онъ—словно лѣсъ шумитъ,
 Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ,
 Возрыдаючи онъ возговорилъ:
 «Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйныя

Разнесите вы сибѣжки бѣлье!
 Разступися ты, мать-сыра земля,
 Ты на всѣ четыре стороны,
 Развались-ка ты бѣль-горючъ камень,
 Расколись-ка ты, гробова доска,
 Развернись-ка ты, золота парча,
 Распахнись-ка ты, бѣль-тонкой савань,—
 Ужь ты встань-проснись православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ;
 Подыми ты свою головушку,
 Посмотри на свою силушку,
 На свою мать—Россіюшку,
 Посмотри, сударь, на свою гвардію, ¹⁾
 Посмотри на всю армейюшку.
 Хорошо твоя армейюшка обряжена:
 Всѣ полковнички—во своихъ полкахъ,
 Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
 Всѣ майоры—на добрыхъ коняхъ,
 Капитаны—передъ ротами,
 Офицеры—передъ взводами, ²⁾
 А прапорщики—подъ знаменами:
 Дождяють они полковничка,
 Что Полковничка преображенскаго, ³⁾
 Капитана бомбандерскаго».

1-я варианти. Все также, кромѣ конца. Послѣ: *посмотри на всю армейюшку,—*

Твоя армія во строю стоитъ,
 Въ строю стоитъ—не шелохнется,
 По военному она обучается,
 На войну она отлучается.

2-я вар. Начинается прямо: у насъ было на святой Руси; потомъ пропущено: у крыльца было воскрешенаго; потомъ послѣ словъ:

*Призядунавшись слезно плакать сталъ,
 слѣдуетъ —*

Во слезахъ онъ слово вымолвилъ:
 Вы подуйте вѣтры буйные,
 Разступися мать-сыра земля и пр.

¹⁾ *Вн. сеюю, говорить сѣу.*

²⁾ *Вн. взводами—зводами.*

³⁾ *Вн. преображенскаго—прображенскаго.*

Пропущено: развернися золота парча, распахнися бѣла тонкой саванъ.—

Кончается также какъ 1-й вариантъ, исключая пропущенныхъ 2-хъ строкъ—

«Посмотри на свою силушку.

Къ свою мать Росіюшку.»

3-й вариантъ. Сокращенъ, какъ второй, кромѣ начала, которое оставлено до словъ: не по всю землю свято-русскую.—

4-й вариантъ. Сохранено все вступленіе, кромѣ словъ:

Что со вечера не до полночи

Со полуночи—до бѣла свѣта,—а послѣднія

двѣ строки измѣнены такъ:

Все за облачко закатаешься,

Черной тучкою закрываешься;—и конецъ, какъ въ 3-мъ вар.

5-й вариантъ. Вступленіе—тоже, кромѣ послѣднихъ трехъ строкъ:

Со полуночи—не до бѣлой зари,

Все за облаки ты прячешься,

Темной тученькой закрываешься»; далѣе—

Кромѣ неважныхъ измѣненій, перестановки словъ, почти все также до—*посмотри на всю армеюшку*, потомъ вставивъ:

Посмотри на свою армию

Твоя армія во строю стоитъ

По военному она обучается,

На войну она собирается,

и продолжается:

Хорошо твоя армеюшка обряжена,

пропущено только: «Офицеры передъ взводами.»—

Есть и другіе варианты, о которыхъ уже не стоитъ говорить.

Но слѣдующій вариантъ, какъ разный отъ 1-й пѣсни на столько, что можетъ считаться другою, самообытною пѣснью,—мы записываемъ вполнѣ.

11.

Ахъ, ты ягодка-сомородинка,

Распрекрасное мое деревцо!

Ты когда взошла, когда выросла,

Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?

— Я весной взошла, лѣтомъ выросла,

Я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла.

Ахъ, ты ягодка сомородинка,

Распрекрасное мое деревцо!

Ты почто рано позаломана,
 Во нучечки перевязана,
 По дикой степь поразбросана,
 До того ли села Шереметева,
 До того ли дворца государева,
 До того ли крыльца воскрашенного?
 У дворца-то было государева
 У крыльца было воскрашенного,
 Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
 Призубилъ онъ ртзвы ноженки,
 Что по самыя по сапоженки,
 Бѣлы ручушки — по самыя кистыньки;
 Стоючи-то онъ призадумался,
 Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
 И онъ плачетъ, что рѣка льется,
 Ужъ и слезы льютъ, что ключи текутъ,
 Воздыхаетъ — словно лѣсъ шумить,
 Возрыдаетъ — ровню громъ гремить.
 Возрыдаючи онъ возговорилъ,
 Жалобнѣхонько слово вымолвилъ:
 «Вы подуйте съ горь вѣтры-вихори,
 Разнесите съ полей снѣги бѣлые, ¹⁾
 Растролкните, вѣтры, бѣлъ горючъ-камень,
 Расшатанте-ка вы мать-сыру землю,
 Вы на вѣь на чегыре сторонушки; ²⁾
 Расколите вы, вѣтры-вихори, гробову-доску, ³⁾
 Разверните-ка вы, вѣтры, золоту парчу,
 Распахните вы бѣлъ тонкой савань!
 Ужъ ты встань проснись нашъ батюшка,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 Подыми ты свою головушку,
 Посмотри ты на свою силушку:
 Твоя силушка во строю стоитъ,
 Во строю стоитъ — не шелохнется, —
 На войну она снаряжается,
 Что тебя она дожидается! ⁴⁾

¹⁾ *Варианты.* Вѣесто — полей — поля, и небесы.

²⁾ Вн. сторонушки — стороны.

³⁾ Озвуч. — вѣтры — вихори.

⁴⁾ Въ другихъ приб. строчка — на пруцкова короля нѣтъ подчюги безъ тебя.

12.

Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго
 Ударили въ большой колоколъ:
 Раздается звонъ по матушкѣ, по сырой землѣ.
 Померъ, померъ у насъ, братцы, бѣлый царь,
 Бѣлый царь—Петръ Первый.
 Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
 Генералушки, чиновны господа:
 «Состроимъ мы своему царю бѣлому гробницу кипарисову,
 Увьемъ мы ее гробницу плюсомъ-бархатомъ,
 Унесемъ мы свою царя бѣлаго за Пену-ртку,
 Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
 Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ».

1.

Калинку съ малиною вода поняла,
 На ту пору матушка меня родила,
 Не собравшись съ разумомъ, за мужъ отдала.
 За мужъ отдала за неровнюшку,
 За неровнюшку въ чужу сторону,
 Во чужу сторонушку—по лиху семью.
 Чужая сторонушка—безъ вѣтру сушить,
 Чужой отецъ съ латерью—безъ дѣла брннать;
 Посылаюгъ меня молоду—во полночь по воду;—
 Зябнуть, зябнуть ноженъки, у ключа стоя,

Пѣсня о *Суворовѣ* начинается точно также—до словъ:

По дикой степь поразбросана.

А потомъ слѣдуетъ: молодой сержантъ и т. д. до словъ:

Ужъ ты встань проснись нашъ батюшка *Суворовъ князь*,

и кончается, какъ это.—Иные же поютъ безъ вступленія, прямо со словъ: Молодой сержантъ на часахъ стоялъ; другіе прибавляютъ вступленіе такого содержания:

Что за рѣчишкой да за быстрою

Но огонь горитъ по полямъ,

Что горитъ, болитъ ретиво сердце,

Ретиво сердце молодецкое

Молодецкое, солдатское,

Молодой сержантъ на часахъ стоятъ и пр.

Прищипало рученьки къ коромыслицу,
 Текуть, текутъ слезоньки по бѣлу лицу,
 Утираю слезоньки бѣлымъ платкомъ.
 Не буду я къ матушкѣ ровно три года;—
 На четвертомъ годикѣ—пташкой полечу,
 Горькою я пташечкой—кукушечкою,
 Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
 На любиму яблоньку—на матушкину:
 Горькими слезами я весь садъ потоплю,
 Тяжелыми вздохами весь садъ посушу,
 Закукую въ садикъ жалобнехонько,
 Горькими причетами я мать разбужу.
 Матушка по горенкѣ покаживаетъ,
 Любезныхъ невестушекъ побуживаетъ:
 «Вставайте, невестушки—голубки мои!
 Что это за чудо у насъ случилось?
 Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру носохъ,
 Безъ дождя, безъ сильнаго, садикъ потонулъ?
 Что у насъ во садикѣ за пташка поеть,
 Жалобною пѣсенкой сердечушко рветъ,
 Ретиву сердечушку назолу даетъ?»
 Большая невестушка возговорила:
 «Что это за пташечка—пойдемъ поглядимъ!»
 Середня невестушка: «пойдемъ, изловимъ!»
 А малый—то братецъ: «пойдемъ, застрѣлимъ!»
 Жена ему молвила: «пташечки не бей,
 Пташечка—кукушечка сестрица твоя,
 Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
 Со чужой сторонушки изъ лихой семьи!»
 — «Али ты безумная! сестрица моя,
 Бѣлая, румяная, всегда весела,
 А эта, хозиюшка, худа и блѣдна».
 — «Огъ того худа—блѣдна—въ чужой сторонѣ,
 На чужой сторонушкѣ, плохое житье».

2.

Свѣтитъ мѣсяць вдоль по рѣчкѣ,
 Хочу милаго видать,
 Я видала, приузнала,
 Садилася къ бережку.
 Я сидѣла, свѣщи, глядѣла,—

Бѣжить рѣчка, точно слеза.
 Со пескомъ слеза смѣшалась,—
 Стала травушка горька,
 Что горька опи, горьки,
 Полынушкой налита,
 Полынушкой названа,
 Полынушкой названа
 Для измѣнника-друга!
 Ты измѣнникъ—лицеизмѣнникъ,
 Измѣнилъ ты дѣвушку съ благомъ лица!
 Измѣнниши, злодѣй-варварь,
 Ты покинулъ, позабылъ!
 Позабывши горьку—несчастную,
 Однимъ вздохомъ наградилъ!
 Я у битюшки рязьединая
 Доченька была—
 У родимой у матушки
 Пребольшая госпожа;
 Я носила цвѣтно-платьице,—
 Я считала ни во-что;
 Коленкорову рубашичку
 По буднямъ изношу;
 Одно было золото колечко:
 За тобою, мой милонькій, пошло!

3.

Какъ за рѣченькой за быстрою,
 Не огонь горитъ, а полымя;
 Злы татарченки города берутъ,
 Города берутъ,—по себѣ дѣлать,
 Да кому что достанется:
 Кому золото, кому серебро,
 Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
 Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
 Доставалася теща зятюшкѣ.
 Зять беретъ тещу за бѣлы-руки,
 Посадилъ ее во колясочку,
 Подвозилъ тещу къ широку двору,
 Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
 Громкимъ голосомъ молодецкимъ:
 «Ты встрѣчай меня, молода жена,

Я привезъ тебѣ русску няюшку,
 Русску пнюшку—положнячку.
 Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
 Первое дѣльце—ковры вышивать,
 Другое дѣльце—руссей стеречи,
 А третіе—дѣтей качати». —
 «И руками—ковры вышилъ,
 И глазами—руссей стерелъ,
 И ногами—дигю качала;
 Ты качу—баю, мое дитятко,
 Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
 Ты не крещеной, не молитвенный,
 А по-матушкѣ—мой боярченокъ,—
 Мой боярченокъ—русска косточка!»—
 Услыхала молода княжна:
 «Почему знаешь, моя няюшка,
 Что по-батюшкѣ—злой татарченокъ!
 А по-матушкѣ—боярченокъ?»
 — «Какъ мнѣ не знать, моя дочонька;
 Ты семи лѣтъ во полозъ взята!»—

4.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на воеваньце,
 Оставилъ свою Марышечку на гореваньце.
 Не доѣхалъ королевичъ до воеваньца,
 Становился королевичъ среди пути,
 Среди пути—дороженьки, близъ крутой горы;
 Какъ самъ пошелъ королевичъ на круту гору,
 Пустилъ слово добра коня въ зеленые луга,
 Раскинулъ же королевичъ свой бѣлый шатеръ,
 Ложился спать королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
 Увидѣлъ же королевичъ явный сонъ во снѣ:
 Изъ—подъ правой подушки соколъ вылеталъ.
 Изъ—подъ лѣвой подушки—сѣрая утица;
 Вылетывалъ соколушка—онъ выспытывалъ,
 Выспытывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
 «Въ твоємъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»
 Какъ тутъ же нашъ королевичъ призадумался.
 «Пойду, пойду къ старушечкѣ—къ своей ворожеѣ!»
 Пошелъ же нашъ королевичъ путемъ-дорогой,—
 На встрѣчу королевичу старушка идетъ.

Какъ сталъ же онъ старушечку выпрашивать:
 «Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ.
 Скажи, скажи, старушенька, всеѣ правду мнѣ!»
 «Королюшка, мой батюшка! Какой же твой сонъ?»
 — «Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
 Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
 Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
 Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
 — Въ твоємъ дому королевичъ, несчастье случилось?—»
 «Королюшка-мой батюшка! не хорошъ твой сонъ:
 Твоя жена Марьяшечка сына родила,
 Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.»
 Поѣхалъ же королевичъ къ дому своему:
 Въ саду его все пташечки приунывъ сидятъ,
 Слуги его вѣрныс—все въ черномъ траурѣ,
 Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
 Вся въ златѣ убрана—и въ гробъ положена!—
 «Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка не встрѣтила меня!
 За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
 За убранныя за столики—не посадила,
 Сахарными конфетами не подчивала!»

Вариантовъ этой пѣсни въ Саратовской губерніи чрезвычайное мно-
 жество, но измѣненій въ нихъ мало; есть только сокращенія. Въ нѣ-
 которыхъ королевичъ замѣненъ казаченькой, а Марьяшечка Мару-
 сенькой. Въ Югозападной Россіи эту пѣсню поютъ въ слѣдующемъ
 видѣ:

Поиравъ казакъ на полюванья,
 Зоставивъ жону свою на горюванья;
 Пустьвъ коньченька на попасанья;
 А самъ прилгъ къ сырїи земли на спочиванья.
 Приснуся козакови дивнесенъкій сонъ:
 Зъ пидъ рученьки вылынувъ ясненъкій соколъ,
 Зъ пидъ другою билон сира утинка.
 Поиравъ козаченько до вороженьки:
 «Вороженько! голуболько! одгадай мій сонъ,
 Шчо вынувъ зъ пидъ рученьки ясненъкій соколъ—
 Зъ пидъ другою билон сира утинка».
 — «Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи;
 Авже твой милинькон не застаючи.
 Учора изъ вечера сына привела,

Сама молоденька до гробу лягла».
 Приизжае козаченько къ новымъ воротамъ:
 Ажъ выходить, выбигаетъ наименьшая свистъ
 И выносить козакови недобрую вистъ:
 «Чоломъ, чоломъ пане-зятю, чужый та не нашъ!
 А уже твоеи мыленькой на свити не машъ.
 А учора изъ вечира сына привела,
 Сама молоденька до гробу лягла».
 Приизжае козаченько на новенькій двиръ:
 Ударили по мыленькій у голосный дзвниъ;
 Увиходитъ козаченько у нову свитлицю;
 Лежить его мыленькая на усю скамницю.
 Пяньки, мамки молоденьки за столомъ сидятъ,
 Дыти его коханое на ручкахъ держать.
 «Ножки мои походящи! Чомъ не ходыте?
 Ручки мои роботящи! чомъ не робыте?
 Уста мои сахарныи! чомъ не мовыте?
 Очки мои чорненькыи! чомъ не глянете?»
 Не той же, козаченько, теперь свитъ поставъ,
 Щобъ умершый еще зъ навъ вставъ,
 А не тая, козаче, теперь година,
 Щобъ умершая еще говорила.

5.

Далеко было, далече, въ бѣлокаменной Москвѣ,
 Во второй было во улицѣ—въ славной Митревской,
 Что у князя было у Волконскаго
 Солучилася пиръ — бѣсъдушка,
 Тиха и смиренна, зѣло радощна.
 Соѣзжались къ нему князья, бояре,
 Пили, ѣли, прохлаждалися,
 Разговорами они занималися;
 Богатый хвалится богачествомъ,
 Бѣдный хвалится своей бѣдностью,
 Сильный хвалится своей силою,
 А Волконскій князь своей княгинею.
 «У меня княгиня умная,
 Она умная-разумная,
 Она тихая-смиренная,
 До рабовъ она милостлива,
 Передо мной она очестлива». —

У дверейъ стоитъ слуга вѣрная,—
 Слуга вѣрная—дѣвушка стѣнная.
 Какъ возговорить стѣнна дѣвушка:
 «Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій князь!
 Не приказывай меня казнить, вѣшати,
 Прикажи ты мнѣ слово молвити.»
 «Говори ты мнѣ, слуга вѣрная;
 Ты скажи мнѣ правду истину». —
 «Похвалился ты своей княгинейю:
 Твой-ли княгинюшка нечестная,
 Твоя-ли княгинюшка невѣрная,
 Что живетъ она съ молодымъ ключникомъ,
 Со твоимъ ли со ларечникомъ,
 Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
 Что живетъ она не теперича,
 А не много, немало ровно девять лѣтъ.»
 На десятомъ-то году князь допѣдался.
 Посылаетъ онъ за ключникомъ
 Своего-ли слугу вѣрнаго:
 «Ты скажи: батюшка князь требуетъ,
 Ты скажи: хочетъ тебя-дарить, жаловать». —
 Какъ встаетъ ключникъ съ постелюшки,
 Собирается онъ, снаряжается,
 Обуваетъ онъ сапожки сѣфьянные,
 Надѣваетъ онъ лисью шубу до-долу;
 Шуба лисья—словно лѣсъ шумить,
 И золотъ перстень—ровно жаръ горить;
 На немъ шапочка рытаго бархата;
 Во правой рукѣ—тонка тросточка,
 А во тросточкѣ—ала ленточка;
 Идетъ ключникъ—что соколъ летить.
 Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
 Отдаетъ князю низкой поклонъ:
 «Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка князь!
 Ты почто меня скоро требовалъ,
 Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?»
 — «Подарю я тебя хоромами-высокими,
 Немощенными, несвершенными!
 Ты скажи мнѣ только правду-истину,
 Ты который годъ живешь со княгинейю?» —
 «Ужь ты батюшка нашъ Волконскій князь!

Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
 Много было попито, поѣдено,
 На пуховыхъ перинахъ пожежано». —
 Какъ Волконскій прогнѣвался,
 Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
 Вы берите лопатки желѣзныя,
 Ужь вы ройте-ка двѣ ямы глубокія,
 Вы постройте рельюшки высокія,
 Вы столбы-то дѣлайте точенныя,
 Перекладныя положите вы кленовыя,
 Вы колечки вверните позлащенные,
 А петелки повѣсьте вы шелковыя,
 Вы возьмите моего млада ключника,
 Вы повѣсьте на рельи высокія,
 Да пускай же онъ воръ покачається,
 Молодая-то княгиня на него показнится».
 Подхватили ключника за бѣлы руки,
 Повели его на рельюшки высокія,
 Повѣсили на петельки шелковыя,
 На петелькахъ виситъ ключникъ, мотається,
 А впереди-то лежитъ княгинюшка, кончается.
 Какъ ударится батюшка Волконскій князь объ дубовый столъ:
 «Ужь ты гой-еси дѣвушка сѣнная,
 Ты моя-ли слуга вѣрная!
 Погубила ты младаго ключника,
 Умертвила ты молоду мою княгинюшку!»

6.

Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую,
 Я не годъ ее любилъ и не два года,
 Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.
 На десятомъ году самъ король довѣдался,
 Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать рельюшки.
 «Вы слуги-ли мои—слуги вѣрные!
 Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
 На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
 Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку».
 Въ первую петельку повѣсили—петелька оборвалася;
 Въ другую петельку повѣсили—и эта оборвалася;
 Во третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родная матушка;
 Она плакала, какъ рѣка лилась,
 Слезы катятся, какъ ручьи текутъ,
 Возрыдалася—что погоды бьютъ.

7.

У лѣсика, у лѣсика у дремучаго,
 У ключика, у ключика у текучаго,
 Удалой донской казакъ свелъ коня поить;
 Напоевши онъ добра коня сталъ выглаживать,
 Сталъ выглаживать, охорашивать,
 Своему добру-коню сталъ наказывать:
 «Ужь ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
 Стой до той поры—до бѣлой зари,
 До бѣлой зари вплоть до солнышка,
 Когда красно солнышко высоко взойдетъ, —
 Молодая шельма вдовушка платье мыть пойдетъ,
 Разлапушка красна дѣвушка за водой придетъ».
 Какъ душа-ли красна дѣвица за водой пошла;
 Размахнула она ведерочками широкохонько,
 Почерпнула голубенькими глубокохонько,
 Почерпнувши, ведерочки прочь отставила,
 Съ удалымъ добрымъ молодцемъ рѣчи баяла.
 Молодая шельма-вдовушка ей пригрозила:
 «Не ходить тебѣ, дѣвушка, по бѣлу свѣту;
 Не носить тебѣ, дѣвушка, платья цвѣтнаго;
 Не любить тебѣ, дѣвушка, парня браваго!»
 Черезъ силушку дѣвушка ведры подняла:
 Родная ее матушка вышла встрѣтила:
 «Милое мое дитятко! Или гдѣ была,
 Или гдѣ была, или что пила?»—
 «Родная моя матушка! нигдѣ не была,
 Нигдѣ не была—ничего не пила,
 Съ молодою только вдовушкой поразсорилась.»
 Со вечера красна дѣвушка разгоралася,
 Ко полуночи красна дѣвушка причастилася,
 На бѣлой зарѣ красна дѣвушка переставилася;
 За обѣденку красну дѣвушку хоронить несутъ:
 Напередъ красной дѣвушки идетъ попъ со дьякономъ,
 Позади красной дѣвушки идетъ отецъ съ матерью,
 По правую сторонушку подружки идутъ,

По лѣвую сторонушку добрый молодець.
 Идетъ добрый молодець—спотыкается,
 Горючими слезами обливается.
 Молодая вдовушка у воротъ стоитъ:
 «Согнала я дѣвушку со бѣла свѣта во сыру-землю!»

8.

У насъ было во новомъ городѣ,
 Во новомъ городѣ—во Саратовѣ;
 На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 У купца ли, купца, у богатова,
 У богатова, у Шахматова,
 Несчастьице въ домъ сдѣлалось,
 Несчастьице немалое,
 Какъ жена-то мужа потеряла:
 Вострымъ ножничкомъ зарѣзала,
 Въ холостой его погребѣ бросила,
 Дубовой доской захлопнула,
 Да желтымъ пескомъ засыпала;
 Сама взошла въ нову горницу,
 Во столовую свѣтлицу,
 Она сѣла подѣ окошечко,
 Подѣ хрустальное стеклышко,
 Сама плачетъ какъ рѣка льется.
 Прилетѣли къ ней два сокола,
 Два сокола, два ясныхъ,
 Деверья ея любезные:
 «Здравствуй, сноха-невѣстушка,
 Сноха, бѣлая-лебедушка!
 Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»
 «Вашъ братецъ увелъ коня понть.»—
 «Ты сноха наша, невѣстушка,
 Сноха бѣлая-лебедушка!
 Его добрый конь въ конюшенкѣ,
 Шелкова узда на гвоздикѣ.
 Ты сноха ль наша, невѣстушка,
 Сноха бѣлая-лебедушка!
 Да что у тебя въ избѣ за кровь?»
 «Бѣлу-рыбицу я пластала;
 Бѣла-рыбница больно блася.»»

«Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
 Сноха бѣлая-лебедушка!
 Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»
 «Соколы вы мои ясны,
 Доверья мои любезны!
 Вы возьмите саблю вострую,
 Вы срубите мнѣ буйну голову!
 Вишего братца я потеряла:
 Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
 Въ холостой погребъ бросила,
 Дубовой доской захлопнула,
 Да желтымъ пескомъ засыпала!» —

9.

Ужь и чей это дѣтинушка,
 Чей удалой молодець?
 Ужь не тотъ ли добрый молодець
 Изъ Астрахани?
 Полюбилъ дѣвку,
 Полюбилъ красну;
 Полюбимши красну дѣвку,
 Насмѣхаться сталъ:
 «Ты не шей, не шей, дѣвчонка,
 Не шей новый положекъ!
 Ужь и мнѣ ли, молодцу,
 Не сыпать въ пологу:
 Какъ и спать мнѣ, молодцу,
 На лодочкѣ на носу;
 Мнѣ грести-то весломъ
 Волгу-матушку!»
 Приходила Сашенька
 Свои рѣзвы ноженьки,
 Вдоль улицы ходячи,
 Ко милому ходячи.
 «Не смѣяться, воръ-мальчишка,
 Надъ несчастной надо мной:
 Ты не думай, воръ-мальчишка,
 Что я вовсе сирота.
 Ужь и я, красна дѣвушка,
 Не круглая сирота:
 У меня ли, у дѣвчонки,

Есть отецъ, есть и мать, (2)
 Есть два брата соколы.
 Я велю тебя поймать,
 Душу съ тѣломъ потерять, (2)
 Разбестію растерзать.
 Какъ изъ рукъ твоихъ изъ ногъ
 Себѣ стульчикъ я собою,
 Изъ широкіихъ костей
 Я кроватушку смошу,
 Я изъ буйной головы
 Ендовину сдѣлаю,
 А изъ ясныхъ изъ очей
 Пару рюмонъ выточу,
 А изъ алой твоей крови
 Брагу пьяную сварю,
 Изъ желтаго твоего саза
 Себѣ свѣчь я налью,
 Изъ русыхъ изъ кудрей
 Фитилевъ я насучу,
 Изъ бѣлаго твоего тѣла
 Пироговъ я напеку,
 А изъ пальчиковъ-суставчиковъ
 Похлебочку сварю.
 Созову я, красна дѣвушка,
 Всѣхъ подруженекъ;
 Какъ и первую подруженьку—
 Сестрицу твою.
 Посажая я подруженекъ
 На лавочку,
 А любимую подружку
 На скамеечку;—
 Сама сяду молода,
 На кроватушку.
 Загадаю вамъ, подруженьки,
 Я загадочку,
 А загадочку, подружки,
 Неотгадливую:
 Я на миломъ сплужу,
 Я на милаго гляжу;
 Стоить милый предо мной
 Бѣлой сальной свѣчей;

Милый въ свѣчкѣ горитъ,
 Милый въ печкѣ сидитъ;
 Я изъ мила наливаю,
 Во миломъ я подношу,—
 Дружкомъ подчиваю!
 Какъ и всѣ мои подружки
 Призадумались;
 Какъ и первая подруженька
 Догадлива была,
 Догадалася она:
 «Не загадочку, подруженька,
 Ты загадываешь:
 Погубила молодца—
 Моего братца!»
 Вотъ любимая подружка
 Приосердилася.
 Выскочила на крыльцо
 Простудить свое лицо;
 «Ужъ и я ли, красна дѣвушка,
 Говаривала:
 Не ходилъ ты бы, мой братецъ,
 Поздно вечеромъ одинъ;
 Не сносили тебѣ братецъ,
 Буйну голову свою!»

10.

Одна была пѣсня,
 Поблюду ее къ веснѣ:
 Поѣду весной пахати—
 Стану съять засѣвати,
 Эту пѣсню распѣвати.
 При широкой, при большой дорожкѣ,
 Жилъ былъ мужикъ Марко,
 У Марка сынъ Федоръ,
 У Федора жена Марѳа.
 Просилася Марѳа въ гости,
 Ко своей матери не на долго,
 Не на долго—на три недѣлки;
 Гостила Марѳа недѣлю, гостила другую,
 На третьей Марѳа стосковалась;
 «Охъ матушка, тошно,

Мнѣ родная грустно!
 «Ты залѣзь, Марѳа, на печку,
 Погляди съ печи въ окошко,
 Не ѣдетъ ли Федоръ?»
 «Охти матушка, ѣдетъ!»
 Подъѣзжалъ Федоръ къ воротамъ,
 Сталъ стучать подъ окошко,
 Сталъ стучать подъ другое,
 На дворъ Марѳу вызываетъ:
 «Ты поѣдешь Марѳа домой—
 У насъ въ дому нездорово!
 Родной батюшка хвораетъ,
 Родна матушка часуетъ;
 У сестрицы три подружки:
 Дарюшка да Марюшка,
 Да Безсоновска Танюшка.»
 Проводила мати Марѳу,
 Проводила черезъ поле,
 Проводила чрезъ другое,
 На третьемъ стала распрощаться,
 Возговорить Федоръ:
 «Проводи, теща, подажь,
 Не знай, увидишь, не знай—нѣтъ!»—
 Подъѣзжаетъ къ воротамъ:
 Лютой свекоръ дрова рубить,
 Люта свекровь избу топить,
 У золовки три подружки:
 Дарюшка да Марюшка,
 Да Безсоновска Танюшка.
 «Ты поди-ка, Марѳа, топи баню!»
 «Постой, Федоръ, разряжуся—»
 «Ты топи во всея нарядъ!—
 А куда тебѣ нарядъ дѣвати?
 Развѣ дуба наряжати!»
 Пошла Марѳа топить баню;
 Истопила Марѳа баню,
 Приходитъ домой:
 «Ступай, Федоръ, въ баню!»
 «Иди, иди сей часъ за мною!»
 «Ступай, Федоръ, сей часъ иду за тобою!»—
 Подошла Марѳа къ банѣ,

Отворила Марѳа баню:—
 Сидитъ Ѳедоръ—ножикъ точить;
 Рѣзвы ноги подкосились,
 Бѣлы руки опустились....
 Головушка съ плечь скатилась!...
 Зарѣзалъ Ѳедоръ Марѳу,
 Схоронилъ ее въ банѣ подъ полочкою,
 Приходитъ онъ изъ бани.
 Дочь у нихъ была невеличка,
 Невеличка пяти годочковъ;
 Расплакалась, разнѣжилась:
 «Охъ ты, титенька, титенька!
 Что нейдетъ долго матушка?»
 «Что это за мать,
 Что за старя не хороша.
 Я тебѣ возьму мать молодую:
 Либо вонъ Дарюшку, либо Марюшку,
 Либо Безсоновску Танюшку!»
 «Ты уири-ка Дарюшка и Марюшка,
 И Безсоновска Танюшка!
 Прийди, моя мамонька,
 Приди, родная, изъ жаркой бани!» —

11.

Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ,
 Напишу я письмецо къ любушкѣ—сударушкѣ:
 Растоскуйся, моя любушка, разгорюйся;
 Самъ я по тебѣ стосковался;
 Послѣ батюшки манехонькій остался;
 Не батюшка меня вскормилъ—вспонилъ,
 И не матушка меня возлелѣяла;
 Вскормилъ да воспонилъ меня Ярославъ городъ,
 Возлелѣяла меня Волга матушка,
 Раскачала меня легка лодочка.
 Не бѣла заря въ окошечко взошла:
 Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
 Всѣ утѣхи и забавы принесла,
 Въ окошечко праву руку подала:
 «Чернобровый мальчикъ мой!
 Погуляемъ, моя радость, мы съ тобой,
 Поколь холостъ, не женатъ,

Нѣтъ заботы пикакой;
 Только есть одна забота—
 Поутру рано вставать,
 Расчесочку въ руку взять,
 Русы кудри расчесать!»
 — Разчесавши я кудерки,
 Вдоль по улицѣ пошелъ,
 Къ душѣ къ Машѣ зашелъ;
 Маша вышла—встрѣтила меня;
 За бѣлы руки брала,
 Въ высокъ теремъ повела,
 За дубовый столъ сажала,—
 Стаканъ водки поднесла.
 Маша по дугу гуляла,
 Злы коренья копала,
 Накопавши злы коренья,
 На Дунай-рѣчку пошла,
 Злы коренья полоскала,
 Бѣлехонько до бѣла;
 А вымывши злы коренья,
 Сухохонько пзсушу,
 Изсушивши злы коренья,
 Мелкохонько истолку;
 Частымъ ситомъ проствала,
 Сладкой водкой настояла,
 Дубовъ столикъ убирала,—
 А убравши дубовъ столикъ,
 Коней пару заклала,
 За милымъ дружкомъ послала:
 Я пославши за милымъ,
 Сладкой водкой угошу,
 Угостивши, распрошу:
 Скажи, скажи, мой миленькой,
 — Что на сердцѣ у тебя?—
 У меня ли на сердечкѣ,
 Бѣль-горючъ камень лежитъ!
 «Ты разбестія-мерзавка,
 Уморила ты меня;
 Ты утѣла уморить,—
 Умѣй меня схоронить.
 Схорони ты меня, размерзавка,

Между трехъ большихъ дорогъ:
 Между Питерской, Московской,
 Третьей Кіевской большой,
 И поставь ты, размерзавка,
 Кипарисный черный крестъ.»

12.

На степи-то, степи, на Саратовской,
 На другой-то степи, на Камышинской,
 У лѣсика было, у дремучаго,
 У ключа-то было, у текучаго,
 У колодезя у студенаго,
 Младъ донской казакъ коня поилъ,
 Коня чернаго, возбочѣнаго;
 Не коня-то онъ поилъ,—онъ жему журилъ,
 Онъ жему журилъ—погубить хотѣлъ!
 Какъ жена-то мужу возмолилася,
 Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
 «Ужь ты мужъ мой, младъ донской казакъ!
 Не губи ты меня рано съ вечера,
 Погуби ты меня со полуночи,
 Когда дѣтушки спать полягутся,
 Шабры ближніе припокоются!»
 Просыпалися малы дѣтушки,
 Хватилися они родной матушки:
 «Ты скажи, скажи, родной батюшка,
 Гдѣ дѣвалася наша матушка?»
 «Ваша матушка въ новой горницѣ,
 Она бѣлится и румянится,
 Въ цвѣтно платьѣ наряжнется,
 Въ Божью церковь собирается.»
 Пошли дѣтушки во Божью церковь,
 А и всѣхъ людей они видѣли,
 Ихней матушки тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
 «Охъ ты батюшка, ты родимой нашъ!
 Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
 «Ваша матушка во сыромъ бору,
 Во сыромъ бору беретъ ягодки!»
 Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ,
 А и всѣхъ людей они видѣли,
 Берутъ ягодки, берутъ красныя,

Ихней матушки все нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Какъ расплакались малы дѣтушки,
 Какъ ударились объ сыру землю,
 Завонили громкимъ голосомъ:
 «Не обманывай насъ, родной батюшка,
 Наша мататушка во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, подъ колодою,
 Подъ колодою, подъ дубовою.
 Ужь и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
 Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»
 — «Вы не плачьте, малые дѣтушки,
 Я сострою вамъ нову горницу,
 Я складу вамъ муравлену печь,
 Я собью вамъ дубовую дверь,
 Я собью вамъ золотую цѣпь,
 Я возьму вамъ молодую мать!» —
 «Загорись, загорись, нова горница!
 Ризвались, развались, муравлена печь!
 Расколись, расколись, дубовая дверь!
 Растопись, растопись, золотая цѣпь!
 Ты умри, умри, злая мачиха!
 Ты возстань, возстань, родна матушка!»

13.

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ;
 Во кохтахъ-то держитъ востру саблицу,
 Подъ правымъ крыломъ—слезну грамотку.
 Въ этой грамоткѣ есть написано, нарисовано:
 Родной матушкѣ—разнизкой поклонъ,
 Родному батюшкѣ на заботище,
 На заботище, на работище,
 Молодой женѣ на загульбище.
 Добрый молодецъ коня поилъ,
 Напоявши коня во дуга пустилъ,
 Во дуга пустилъ, за ворота сталь,
 За ворота сталь, думу думаетъ,
 Думу думаетъ, думу крѣпкую:
 «Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
 Я убью жену не со вечера,
 Я убью жену со полуночи,

Когда дѣтушки спать полагутся,
Всѣ народушки пригумонятся.—

14.

Князь Демьянъ жену терялъ:
Отрубилъ у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
Кидалъ-бросалъ во Неву-рѣку,
Во Неву-рѣку самородную.
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,—
Унесъ, украдъ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
Хватилася молода княжна:
— А папонька! гдѣ же мамонька?—
«Твоя мамонька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ убирается,
Во цвѣтно платьице наряжается.»
Пошла княжна, въ нову горницу,
Цвѣтно платье въ шкапу висить.
Пошла княжна, заплакала:
— Папонька! Нѣту мамоньки!—
«Не плачь, не плачь, молода княжна,
Твоя мамонька въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится.»
Пошла княжна въ Божью церковь;
Божья церковь пустымъ пуста,
Пошла княжна заплакала:
— А папонька! Нѣту мамоньки!—
«Не плачь, не плачь, молода княжна,
Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ гулять пошла.»
— Заложите мнѣ легки дрожечки,
— Поѣду я во чисто-полѣ,
— Погляжу, посмотрю свою мамоньку.—
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,
Подаетъ княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
«А папонька! все обманывалъ!»
— «Не плачь, не плачь, молода княжна,
Я сострою тебѣ новъ-высокъ теремъ,
Я со красными, со оконцами,

Со хрустальными, со стекольцами,
 Я возьму тебѣ молодую мать!»—
 «Возстань, позстань моя мамонька!»

13.

Гостила у насъ гостя дальняя, чужестранная,
 Не сгостивши гостя востосковалася,
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 По своемъ горѣ, по великимъ:
 Не съумѣла меня батюшка вспонть-вскормить,
 Не съумѣла меня матушка за мужъ отдать;
 Отдала меня матушка—за мужъ за море,
 Не за князя, не за барина—за того-ли вора, за разбойника!
 Со вечера—воръ коня съдлагъ,
 Со полуночи—со двора съѣзжалъ,
 А къ свѣту-воръ со добромъ на дворъ.
 Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ты встрѣчай-ка меня, молода жена,
 Ты снимай-ка съ меня шубу лисію,
 Убирай-ка ты коня добраго,
 Коня добраго, притомленнаго,
 Убирай-ка ты платье цвѣтное,
 Платье цвѣтное, прикровленное?
 Угадай-ка ты, жена, чей добрый конь?
 Узнавай-ка ты, жена, шубу лисію,
 Узнавай-ка ты платье цвѣтное!»—
 Закричала жена громкимъ голосомъ:
 «Ужь и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной,
 Разорилъ ты мою буйную головушку!
 Погубилъ ты мово отца съ матерью,
 Погубилъ ты мово братца роднаго!
 Шуба лисія-то мово батюшки,
 Платье цвѣтное-то моей матушки,
 Добрый конь—мово братца родимаго!»
 Какъ и вынулъ воръ саблю вострую,
 Снесъ съ своей жены буйну голову.
 Въ зыбочкѣ дитя надѣлося рева,
 А воръ-отъ сидитъ прибаукиваетъ:
 «Ты бау-бау мое дитятко,
 Ты бау-бау, мое милое!

Не я твою матушку губилъ-терязъ:
Погубили, потеряли злы товарищи!»

16.

Возлѣ рѣченьки я хожу молода,
Меня водоньки потопить хотязъ,
А немилый мужъ все журить-бранить,
Все журить-бранить, постричься велить:
«Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая,
За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
За посхиमेंья дамъ тебѣ тысячу;
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобью ее чернымъ бархатомъ.
Ты въ ней будешь жить, да спасатися,
Что спасатися—Богу молитися!»
Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«Ахъ и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька и новехонька,
Ужъ и кто же въ ней спасается,
«Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошехонька, молодехонька,
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонившись слово молвила.
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя,
Не въ любви жила, не въ согласіи!»
Какъ и взмолился тутъ немилый мужъ:
«Разстригися ты, жена моя милая;
За растриженье дамъ тебѣ тысячу,
За разсхиमेंье—все имѣньице;
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со красными, со оконцами,
Со хрустальными, со стекольцами.
Будешь жить въ немъ прохлаждатися,
Во цвѣтно платьѣ наряжатися!

Какъ возговорить молодя старочка,
 «Что не надо мнѣ твоей тысячи,
 Ни всево твою имѣльница,
 Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ;
 Я остануся въ этой келѣйкѣ:
 Ужь я стану жить-спасатися,
 За тебя Богу молитися». —

17.

Ужь ты веснушка-весна,
 Весна красная моя!
 Что не въ радости прошла,
 Не въ радости, не въ гульбѣ,
 Во великой сухотѣ?
 Ужь ты садъ ли ты мой, садъ,
 Садъ зеленый виноградъ!
 Отчего садикъ посохъ,
 Отчего садикъ повялъ?
 Въ саду Ванюшка гулялъ —
 Красну дѣвицу терялъ; —
 Самъ въ побѣдушку попалъ,
 Во бѣду, во нужду —
 Въ бѣлокаменну тюрьму;
 Въ тюрьмѣ Ванюшка сидитъ,
 Самъ въ окошечко глядитъ,
 На свово добра коня,
 Коня воронаго;
 На коня Ваня глядитъ,
 Таки рѣчи говорить:
 «Ужь ты конь-ли мой, конекъ,
 Конь добра лошадь моя!
 Что не выведешь меня
 Что не выведешь меня
 Изъ неволи молодца,
 Изъ неволи, изъ нужды —
 Бѣлокаменной тюрьмы.»
 Идетъ солнце на восходъ —
 Ведутъ Ванюшку на сходъ;
 Напередъ его идетъ
 Падчъ Митька со плетями,
 Позади его идетъ

Жена съ малыми дѣтьми—
 Заливается слезьми.
 Положили Ваню съчь,
 Рубашечку сняли съ плочь;
 Ударили по спинѣ,—
 Возмолился мужъ женѣ:
 — Ужь ты женушка, жена,
 — Ты умилная моя!
 — Чѣмъ дарила палача.—
 «Я дарила палача
 Что не лучшій конемъ,
 Персидскій кушакомъ,
 Со головушки платкомъ,
 Съ руки перстнемъ золотымъ».
 Красно солнце—на закатъ;
 Ведутъ Ванюшу назадъ.

18.

Во лѣсахъ—то во лѣсахъ, во дремучихъ,
 Во горахъ—то во горахъ во пещорныхъ,
 Стоитъ корчма польская, корчма королевская;
 Во той во корчмѣ шинкарка живетъ,
 Шинкуеть шинкарочка пивомъ и виномъ,
 Пивомъ и виномъ, сладкимъ медомъ.
 У той у шинкарочки три молодца пьютъ,
 Три молодца пьютъ, три удалые:
 Полякъ и солдатъ и донской казакъ.
 Полякъ, солдатъ пьютъ—монеты кладутъ,
 Казаченька пьетъ—денегъ не даетъ,
 Младую шинковочку онъ съ собой зоветъ:
 «Пойдемъ-ка, шинковочка, къ намъ на тихій Донъ:
 У насъ на Дону не по вашему,
 Не ткуть, не прядутъ—все въ шелку ходятъ,
 Пашенку не пашутъ—калаци ѣдятъ.»
 Польстилась дѣвушка на его слова,
 Пошла, пошла красная съ нимъ на тихій Донъ.
 Завелъ козакъ дѣвушку во темный во лѣсъ,
 Привязалъ красавицу ко сухой соснѣ.
 «Вотъ тутъ у насъ, дѣвушка, славный, тихій Донъ,
 Вотъ тутъ не тка, не пряди во шелку ходи,
 Пашенку не паши—да сосенку гложи!»

19.

Какъ не бѣлая лебедушка черезъ степь летать,
 Красная дѣвушка съ полоу бѣжить.
 Она ружьицы, красна дѣвушка, за плечьми несетъ,
 Вострой саблей въ землю упрется;
 Вотъ и гонять же за дѣвшкой три погонюшки;
 Какъ и первая погонюшка—злые татары,
 Другая погонюшка—злые казмыки,
 Третья погонюшка—злые корсаки;
 Не догнавши красну дѣвицу похваляются:
 «Мы догонимъ красну дѣвицу среди степи,
 Мы вскроемъ же красной дѣвицѣ груди бѣлья,
 Мы вырѣжемъ у красной дѣвицы сердце съ печенью:
 На ножъ ей ретиво сердце встрепенется».
 Подбѣгаетъ красна дѣвица къ Яикъ рѣкъ,
 Вскричитъ-то, вскричитъ красна дѣвица громкимъ голосомъ:
 «Вы братцы мои, перевозчики!
 Перевезите меня на ту сторону,
 На ту сторону—къ отцу къ матери,
 Къ отцу къ матери, къ роду-племени,
 Вы возьмите съ меня злата-серебра сколько хочется!»

20.

Во Сямбирскомъ городкѣ случилася бѣда,
 Случалася бѣда не малая, не больша;
 Не-сто рублей иропало и не тысяча,
 А убили, погубили Алешеньку-молодца,
 Не за сто рублей Алешеньку, не за тысячу
 Убили, погубили за одинъ сѣрый сертучекъ,
 За сѣрый сертучокъ, за аленькій кушачокъ.
 Никто-то объ Алешенькѣ не встрѣнется въ дому,
 Встрѣнулся, дожекнулся одинъ дядюшка родной;
 Да нашли-то Алешеньку на первой на части,
 На первой на части у Дуняши во дому,
 У Дуняши во дому—въ шитомъ браномъ пологу!

21.

У меня ли, молодца, змѣя жена,
 Змѣя жена, ладо-скороспѣйка;
 Моя-то змѣя изъ норъ ползеть, озирается,

По песку ползеть, извивается,
 По травѣ-ли ползеть, всю траву сушить;
 Изсушила моя лада травушку,
 Да что травушку муравушку!
 Изсушила ты добра молодца,
 Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
 Довела ты его до погибели,
 Что до той-ли темной темницы.
 Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
 Что изъ того-ли приказа государева,
 Что вели казнить добраго молодца,
 Что казнить его, повѣсити:
 Его бѣлы руки и ноги скованы,
 По праву руку идетъ страшный полачъ,
 По лѣвую идетъ его мать родная,
 Позади идетъ красна дѣвица,
 Его милая любовница,
 Что зазноба его ретива сердца,
 Погубительница живота его.

21.

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое.
 Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось;
 Уродился на тебѣ, моя долинушка, только садикъ зелень
 Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
 Что лежала та дороженька не широкая;
 Никто по той дороженькѣ нейдетъ, не проѣдетъ.
 Проѣзжаетъ же по той дороженькѣ одинъ воръ Гаврюшиа
 Онъ на трехъ на своихъ троицахъ разношерстныхъ;
 Первая троица у него коней вороныхъ,
 Другая троица у него-то коней гнѣдыхъ,
 Третья троица коней соловыхъ,
 Что гнались то за воровъ Гаврюшенькой три погоня,
 Первая погонюшка — все солдаты,
 Другая погонюшка — все жандармы,
 Третья погонюшка — все казаки.
 Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
 Пріѣзжаетъ воръ Гаврюшенька во городъ Воронежъ;
 Онъ отласу и бархату закупаетъ.
 Никто-то вора Гаврюшку не признаетъ,
 Что за купчика вора Гаврюшеньку почитаютъ.

Случилось итти вору Гаврюшенькѣ мимо темницы,
 Признавала вора Гаврюшеньку своя братья:
 — Ужь ты, батюшка нашъ Гаврюшенька, разбей ты темницу,
 — Ужь ты выпусти насъ всѣхъ молодчиковъ на волю,
 — На ту-ли на волюшку—на матушку на Волгу.
 «Ужь вы братцы мои товарищи, мнѣ теперь не время.
 За мной гонять же, за Гаврюшенькой, три погони:
 Первой-то я погонюшки не боюся,
 Второй-то я погонюшкѣ непоклонюся,
 Третьей-то я погонюшкѣ—покорюся!»

23.

Вечоръ-то, вечеръ воръ Копѣйкинъ, вечеръ загулялся,
 Со дѣвухой-молодушкой, со сударушкой долго застоялся;
 Во второмъ часу ноченьки спать ложился,
 На новенькой на тесовенькой короваткѣ,
 На мягкинькой, на пуховенькой на перинкѣ;
 Поутру-то ранымъ-ранехонько пробуждался,
 Ключевой-то водицей умывался,
 Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирался,
 На восходъ онъ краснаго солнышка Богу помолился,
 На всѣ четыре сторонушки поклонился,
 Онъ всѣмъ-то своимъ братцамъ товарищамъ по поклону.
 «Вы здоровы-ли, братцы, товарищи, спали-ночевали?
 А мнѣ-то доброму молодцу мало ночи спалося,
 Мнѣ малымъ-мало спалося, много видѣлось:
 Будто я иду, добрый молодецъ, по край синя моря,
 По краюшку синяго моречка, по крутымъ бережечкамъ,
 Я правой-то ногой, разудаленькій, въ воду оступился,
 За крутинушку я добрый молодецъ ухватился:
 Что не крутинушка меня добраго молодца сокрушила,
 Сокрушила меня, добраго молодца, чужая сторонка.

24.

Вы солдатки уланы,
 У васъ лошади буланы!
 Ужь и гдѣ же вы, уланы,
 Гдѣ вы были побывали?
 Подъ Можайскимъ воевали,
 Мы Москву проезжали,
 Казинъ мостикъ перѣзжали,

Во слободку заѣзжали,
 У вдовушки становились,
 Просились ночевати:
 «Ты вдова, вдова Аксинья!
 Укрой, вдова, темной ночи,
 Пусти, вдова, ночевати,
 Ночевати, простояти!
 Насъ немножко, немаленько,
 Полтора ста насъ на коняхъ,
 Полтретья ста пѣшеходовъ».
 А вдовушка не пушала,
 Воротишки запирала,
 Солдатушкамъ отвѣчала:
 «У меня дворикъ—маленькъ,
 А горенка невеличка
 А дѣтושекъ четверичко!
 И горенка не топленая,
 И щи съ кашей не варены.»
 А мы силой ворвались,
 Въ горенку вобралися,
 Разсѣлися всѣ порядкомъ:
 Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
 А конница по скамейкамъ,
 А большой гость впереди сѣлъ,
 Впереди сѣлъ подъ окошкомъ,
 А вдова стоитъ у печки,
 Поджавъ свои сѣлы ручки,
 Ко ретивому сердечку.
 Стоитъ она слезно плачетъ,
 А большой гость унимаетъ:
 «Не плачь, вдова молодая,
 Ты давненько, вдова, вдовѣшь,
 Давненько, горька, сиротѣшь?»
 — Я живучи въ горѣ забыла.—
 «Ужь и многожь, вдова, дѣтокъ?»—
 У меня дѣтокъ четверичко:
 — Три сыночка, одна дочка.—
 «Ужь и многожь, вдова, хлѣба?»
 — У меня хлѣба осьмина.—
 «Ужь и многожь, вдова денегъ?»
 — У меня денегъ полтина.—

«Подойди, вдова, поближе.
 Поклонися мнѣ пониже.
 Ты скинь, вдова, съ меня киверъ,
 Во киверѣ есть платочекъ,
 Во платочкѣ узелочекъ,
 Въ узелочкѣ перстенецекъ,
 Не твою ли обрученья?»
 Какъ вдовушка догадалась,
 И на шеюшку бросилась,
 Горючьми слезьми заливалась,
 Во новы сѣни выходила,
 Малыхъ дѣтушекъ будила,
 Вы вставайте, мои дѣтки,
 Вы вставайте, мои малы!
 Не свѣтель-то мѣсяцъ свѣтитъ,
 Не красное солнце грѣтъ—
 Пришелъ батюшка родимый.
 А большой гость отвѣчаетъ:
 «Не буди ты малыхъ дѣточекъ;
 Я пришелъ къ вамъ на часочикъ;
 Не годъ мнѣ тутъ годовати,
 Одну ночку простояти.
 Съ бѣлой зарей выступати!»

24.

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ, искалъ мѣсто доброе,
 Не нашелъ-то добрый молодецъ мѣста добраго,
 А нашелъ-то добрый молодецъ море синее,
 О-край-моря, о-край-синяго — камыши высокіе,
 Камыши высокіе, лопухи широкіе;
 Какъ во этихъ въ камышикахъ стояла избушечка,
 Избушечка новенькая, сосновенькая.
 Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка,
 Во этой во горенкѣ стоять столы новые,
 Стоять столы новые, каминныя,
 На этихъ на столикахъ, разостланы скатертки,
 Разосланы скатертки вороныя, шелковыя,
 Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевыя,
 На стулахъ сидитъ добрый молодецъ съ душой красной дѣвицей,
 Играютъ во игры серебряныя.
 Пронгралъ же добрый молодецъ три кораблика;

Первый корабликъ — со чистымъ золотомъ,
 Другой корабликъ — со чистымъ серебромъ,
 Третій корабликъ — съ разными товарами,
 Послѣ добрый молодецъ сидитъ — припечалился,
 Припечалился добрый молодецъ, призадумался:
 Ужь вы свѣтъ мой кораблики запрошали,
 И со златомъ и со серебромъ и съ разными товарами! —
 Уговаривать добраго молодца красна дѣвица:
 Не плачь, не тужи, добрый молодецъ, объ своихъ кораблицахъ,
 Со золотомъ, со серебромъ, съ разными товарами;
 Возьми меня, добрый молодецъ, за себя за мужъ!

25.

Ерема со Ѡмой были братья-братцы,
 Они ладно жилали, хорошо хаживали;—
 Ерема-то въ рогожкѣ, Ѡма въ торпашѣ;
 У нихъ бороды, какъ бороны, усы, какъ кнуты;
 Они вздумали бородушки на торгъ везти:
 Ерема взялъ полтину, Ѡма восемь алтынъ,
 Ерема купилъ мерина, Ѡма жеребца,
 Ереминъ-то не тянетъ, Ѡминъ-то не везетъ,—
 Ерема въ бокъ неможемъ Ѡма шкуру на рожонъ.
 Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, пашенку пахать,
 А наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться.
 Ерема-то въ церковь, а Ѡма-то въ алтарь,
 Ерема-то за ризу, а Ѡма-то за стихарь,
 Ерема-то кадитъ, Ѡма кланяется,
 Ѡма кланяется—величается.
 Какъ Ерему-то поймали, а Ѡму-то сгребли,
 Ерема-то ушелъ, Ѡма вырвался,
 Ерема-то бѣжитъ—не оглянется,
 А Ѡма-то за нимъ дупить—не останется;
 Они сойдутся, не разойдутся,
 Растоскуются, разгорюются:
 Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться;
 А наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти лопать.
 Ерема-то въ клѣть, а Ѡма-то въ подклѣть,
 Ерема-то за коробъ, а Ѡма-то за сундукъ,
 Ерему-то поймали, а Ѡму-то сгребли.
 Ерема-то ушелъ, Ѡма вырвался,
 Ерема-то бѣжитъ не оглянется,

А **Ома-то** за нимъ лупить — не останется.
 Они сойдутся, не разойдутся,
 Растоскуются, разгорюются:
 Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, кѣтъи ломить,
 А наше съ тобой дѣло, братъ, рыбку ловить.
 Ерема-то въ лодку, а **Ома-то** въ ботики,
 Ерема упалъ въ воду, а **Ома-то** на дно,
 Ерема-то на дно, а **Ома-то** тамъ давно.

26.

Что по-ниже города Нижняго,
 Что по-выше села Лыскова,
 Въ луговой-то было во сторонушки
 Протекаетъ рѣка быстрая,
 И широкая и глубокая,
 По прозванью рѣка Терженка.
 Она пала устьемъ въ Волгу-матушку
 Что сверху-то было Волги-матушки
 Выплывала-то легка лодочка;
 Ужъ и всѣмъ лодка изукрашена,
 Парусами она изувѣшана,
 Ружьями изуставлена,
 У ней носъ-корма раззолочены,
 Что разшита легка лодочка
 На двѣнадцатеры веселочки.
 На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
 На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
 По краямъ лодки добры молодцы,
 Среди лодки бѣлъ тонкой шатерьъ;
 Во шатрѣ лежитъ шелковой коверъ
 Подъ ковромъ лежитъ золота казна,
 На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
 Эсаулова сестра родная,
 Атаманова полюбовница;
 Она плачетъ, какъ рѣка льется,
 Въ возрыданьи слово молвила:
 «Не хорошъ-то мнѣ сонъ приидѣлся!
 Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
 Распаялся мой золотой перстень,
 Выкатился дорогой камень,

Расплеталась моя коса русая
 Выплеталась лента алая,
 Лента алая, Ярославская.
 Атаману быть застрѣлену,
 Эсаулу быть повѣшену,
 Добрымъ молодцамъ срубятъ головы,
 А мнѣ, дѣвушкѣ, во тюрьмѣ сидѣть.»

27.

Разыгралась, разбушевалась Сура рѣка,
 Она устьпцемъ упала въ Волгу матушку,
 На устьпцѣ выросъ часть раки товъ кустъ;
 У кустика лежитъ бѣль-горючъ камень,
 А у камышка сидятъ все разбойнички,
 Сидятъ-то они дуванъ дуваятъ;
 Да кому-то изъ нихъ что достанется?
 Кому золото, кому серебро,
 Кому кунья шуба, кому золотъ перстень.
 Одному добру молодцу ничего не досталось,
 Доставалась ему одна красна дѣвушка.
 Какъ растужится, разгорюется удалъ добрый молодецъ:
 «Во разбоѣ-то я у васъ первый былъ,
 Во дуванъ-то я у васъ послѣдній сталъ.»
 Какъ возговорить ему красна дѣвушка:
 «Ты не плачь, удалъ добрый молодецъ!
 У меня, у красной дѣвицы, есть кунья шуба,
 Кунья шуба стоитъ восемь сотъ рублей;
 Еще есть у меня, у дѣвушки, золотой перстень:
 Золотъ перстень стоитъ девять сотъ рублей.»
 Какъ позрадуется удалъ добрый молодецъ,
 Что бросилась ей на бѣлую грудь,
 Цѣловалъ ея бѣлы рученьки.

28.

Не былина трава въ полѣ шатается,
 Зашаталъ, загулялъ старъ-матерь человекъ,
 На своемъ на добромъ конѣ,
 На войлочкѣ на бумажнѣ,
 На сѣдельцѣ на черкасскѣ,
 Стремеза у сѣдла булатныя.
 Набѣжали на него станичники,

По русскому сказать — воры, разбойничьи,
 Хотятъ они добра молодца убить, сгубить,
 Возмолился имъ добрый молодецъ:
 Убить-то вамъ меня не за что,
 Взять то вамъ на мнѣ нечего:
 Только есть на мнѣ безсермяжечка,
 Безсермяжечка во сто рублей,
 Кушакъ и штаны — пять сотъ даны,
 Шапочка на мнѣ — во всю тысячу,
 А добру коню моему — и цѣны нѣту!

29.

— Сиротка, ты сироточка, сиротинушка горькая,
 — Сиротинушка ты горькая, горемышная!
 — Запой-ка ты, сиротка, съ горя пѣсенку.
 «Хорошо вамъ, братцы, нѣтъ—вы пообедали,
 А я, сирота, легъ не ужинавши,
 Легъ не ужинавши, всталъ не завтракавши.
 У меня ли, у сироты, нѣтъ ни хлѣба, ни соли,
 Нѣтъ ни хлѣба, ни соли, нѣтъ ни кислыхъ шей:
 Одна корочка засушенка и та лѣтошная.»
 — Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспроиздѣл?
 «Воспроиздила меня, сиротку, родна матушка,
 Воспоила, вскормила меня Волга матушка,
 Воспитала меня легка лодочка ветляненъка,
 Воздѣляли меня няньки-мамки—волны быстрыя,
 Возрастила меня чужа дальняя сторона Астраханская;
 Я со этой со сторонушки на разбой пошелъ.»
 — Ты скажи, скажи, сиротка, съ кѣмъ разбой держалъ?
 «Не одинъ я разбой держалъ, съ тремя товарищами:
 Первый мой товарищъ—ночь темная,
 Другой мой товарищъ—конь добра лошадь,
 Третій мой товарищъ—стально ружье.»

30.

Я гулялъ-то, гулялъ добрый молодецъ, гулялъ долго ночью,
 Не одинъ-то я гулялъ я добрый молодецъ—гулялъ съ красной дѣвкой,
 Красну дѣвушку люблю, разудленькій люблю по любви,
 А худую-то жену, жену разнегодную, люблю по закону.
 Какъ худая-то жена, жена разнегодная вознесла худу славу.
 Я худой-то славушки, разудленькій, славы и не боюся.

Я боюсь-то боюсь, разудаленькій, боюсь отца съ матерью,
 А еще-то я боюсь, боюсь, разудаленькій, свою господина,
 Я отца-то съ матерью боюсь, разудаленькій — будутъ плакать,
 Господина-то боюсь, разудаленькій, боюсь — отдасть во солдаты.
 Я разбилъ-то, разбилъ, разудаленькій, разбилъ три обоза:
 Какъ и первый-то обозъ разбилъ, разудаленькій — съ золотой казной,
 Я другой-то обозъ разбилъ, разудаленькій, съ мелкими товарами,
 Я и третій-то обозъ разбилъ, разудаленькій, съ бѣлой рыбцею.

31.

Какъ бывало мнѣ ясну соколу да времечко:
 Я леталъ младъ-ясенъ соколъ по поднебесью,
 Я билъ побивалъ гусей-лебедей
 Еще билъ, побивалъ мелку пташечку,
 Какъ бывало мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ;
 А нонѣча мнѣ, ясну соколу, время нѣтъ:
 Сижу я, младъ ясенъ соколъ, во поймаиъ,
 Я во той-ли, въ золотой во кѣлочкѣ,
 Во кѣлочкѣ — на жестенной нашесточкѣ;
 У сокола ножки сопутаны,
 На ноженъкахъ путечки шелковыя,
 Занавѣсочки на глазынькахъ жемчужныя!
 Какъ бывало мнѣ добру молодцу да времечко,
 Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по свию морю,
 Ужь я билъ, разбивалъ суда, корабли,
 Я татарскіе, армянскіе, бусурманскіе,
 Еще билъ, разбивалъ легки лодочки;
 Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ,
 А нонѣча мнѣ, добру молодцу, время нѣтъ.
 Сижу я, добрый молодецъ, во поймаиъ,
 Я во той-ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
 У добра молодца ноженъки сокованы,
 На ноженъкахъ оковушки нѣмецкія,
 На рученькахъ у молодца — звяки затюремные,
 А на шеюшкѣ у молодца — рогатки желѣзныя.

32.

Вы туманы мой туманушки, разосеніе вы туманы мои!
 Ты печаль ли моя кручинушка, зла мучительна тоска!
 Не подняться вамъ, туманушки, со свія моря долой;

Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива-сердца прочь.
 Миѣ ноче-съ-то, ноче-съ добру молодцу малымъ мало спалось;
 Миѣ малымъ-мало спалось—много видѣлось во снѣ:
 Будто я убить, добрый молодецъ, на Бухарской сторонѣ,
 Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степѣ:
 Миѣ постелюшка, доброму молодцу, ковыль-травка постанав,
 Изголовьще миѣ, разудалому, бѣлъ горючъ камень лежитъ,
 Одѣялице миѣ, добру молодцу, темна ночка надо мной.
 Мои рѣзвы ноженки лежатъ вдоль дороженки,
 Мои бѣлы ручушки—врозь разложены,
 Кудри мои русые—буйнымъ вѣтромъ разнесло,
 Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны,
 Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ,
 Сквозь мои частыхъ реберъ—трава мурава растеть,
 Ретивое мое сердечушко—змѣя лютая сосеть.

33.

Ой вы грязи мои, грязи черныя, разосеннія,
 Ой вы осеннія гризи, самыя послѣднія,
 Ой вы горы мои, горы крутыя, высокія,
 Ничего-то вы, горы, не породили:
 Нѣтъ ни травыньки въ горахъ, ни муравыньки,
 Ни муравыньки, ни злыхъ цвѣточковъ лазоревыхъ,
 Только видна изъ-подъ горъ степь Саратовская;
 Подъ горами бѣжить быстра рѣчушка,
 По прозваньюцу Волга-матушка:
 Широко-то Волга разливалася,
 Въ круты бережки не вбиралася,
 Затопила-то Волга берега высокіе,
 Оставался одинъ часть ракитовъ кустъ:
 На кусту-то сидитъ младъ сизою орелъ,
 Во кохтахъ-то держитъ черна ворона,
 Онъ бьетъ-то, не бьетъ — все выспрашиваетъ:
 — Ужь и гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ выгуливалъ,
 — Ужь что, воронъ, видалъ, что выглядывалъ?
 «Я гулялъ-то, гулялъ по дикимъ степямъ:
 На одной-то степи на Царницынской,
 На другой-то степи на Камышинской,
 А на третьей степи на Саратовской.
 Я видалъ-то, видалъ—диво дивное,
 Диво дивное—тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое—молодецкое;
 Не убито лежитъ, не зарѣзано,
 Вострымъ копьецомъ все исколото,
 Никто-то къ тѣлу не подступится,
 Не подступится, не подшатнется,
 Прилетали къ тѣлу три ластушки,
 Перва ластушка—родной батюшка,
 Друга ластушка—родная матушка,
 Третья ластушка—молода жена.
 Какъ отецъ-то плачетъ—что рѣка льется,
 Какъ мать-то плачетъ—что волна бьется,
 Молода жена плачетъ—что роса падетъ,
 Что роса падетъ, роса утренняя;
 Красно солнышко взошло—роса высохла;—
 Молода жена забывать стала,
 Забывать стала—за гульбой пошла.

34.

Охъ ты поле мое, поле чистое,
 Ты раздольице мое широкое!
 Ничего ты, поле, не породило:
 Породило поле часть ракушекъ кустъ:
 На кусту-то сидятъ младъ ясенъ соколъ,
 Во когтяхъ держитъ черна ворона,
 Черна ворона—брата роднова;
 Онъ и бьетъ не бьетъ, только спрашивать,
 Изъ ума его вывѣдывать:
 — Скажи гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ погуливалъ?
 Я леталъ-то леталъ по дикую степь,
 Я видалъ-то видалъ—чудо чудное,
 Чудо чудное—диво дивное;
 На степи лежитъ тѣло молодецкое,
 Постель у него—мать сыри-земля,
 Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
 Во рукахъ у него—сабля восграя,
 На груди у него—шашка быстрая,
 Во ногахъ у него стоять добрый конь.
 Добрый молодецъ коню рѣчь возговорилъ:
 Ты ступай, мой конь, въ нашу сторону,
 Въ нашу сторону — къ отцу къ матери,
 Скажи батюшкѣ, моему низкой поклонъ,

Родной матушкѣ — до сырой земли,
 Молодой женѣ — на двѣ волюшки:
 Хочетъ во вдовахъ сидитъ, хочетъ за мужъ идти,
 А я, добрый молодецъ, зарученъ лежу:
 Обручилъ-то меня батюшка бѣлый царь,
 Благословила меня — мать сыра земля,
 Повѣчала меня — шашка быстрая,
 Обрученная жена — гробова доска.

35.

Какъ по Питерской, по широкой по дорожкѣ,
 Тутъ ѣхали все купцы, бояре,
 Московскіе трое сенаторы,
 Сенаторушки — большое начальство.
 Подъ начальствомъ-то кони вороные,
 А извожички у нихъ парни молодые,
 На коняхъ-то узды золотыя,
 Повода-то у нихъ шелковые,
 Ёхали они въ гору — торопились,
 Вороные ихъ кони притомились,
 Во сыромъ бору кони становились,
 Во сыромъ бору по правую сторону
 Тутъ стояло несчастное древо,
 Тонкое-высокое по прозванью матушка елина,
 Со корешку древо — непарядно,
 Со середи древо свилевато,
 Со вершинушки — древо кудреватое,
 На этомъ на дрѣвѣ сидѣла вольна пташка,
 По прозванью горькая кукушка,
 Кукушечка громко вскуковала,
 Подъ елинушку она заглядала,
 Какъ и вдругъ кони вся тройка метнулась:
 Назадъ-то стоитъ матушка елина,
 Полю елинушкой лежитъ тѣло бѣлое
 Строевымъ ружьемъ прострѣленное,
 Во кровѣ-то оно лежитъ во кумачной,
 Въ одной тоненькой льняной рубашкѣ;
 Какъ тѣло-то рѣчь возговорило:
 «Ужъ ты матушка моя елинка!
 Будь ты мнѣ, елинушка, мать родная!
 Отпусти-ка ты сверху свои вѣтки,

Приодѣнь ты, прикрой мое тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое—безодежное,
 Чтобъ тѣло мое не горѣло,
 Ужь чтобъ еще больше оно не горѣло.
 Когда Богъ меня подыметъ,
 Государь царь меня отыщетъ,
 Ужь я самъ-то тебя не забуду!
 Ужь я всѣмъ-то тебя изукрашу!»

36.

У отца, у матери
 Былъ одинъ сынокъ,
 Собрали, срядили,
 Въ школу отдали;
 Обучивши школьному,
 Въ войско собрали,
 Большая сестрица
 Сѣдлала коня,
 Меньшая сестрица
 Прощалась съ нимъ:
 «Прощай, прощай братецъ,
 Прощай мой родной:
 Да что же твой, братецъ,
 Не веселъ стоитъ конь?
 Да знать тебѣ, братецъ,
 Вѣкъ у насъ не быть».
 «Малая сестрица!
 Ты манехонька,
 Ты манехонька,
 Да умнехонька;
 Выходи, сестрица,
 На Дунай рѣку,
 Съ ведромъ по воду,
 Увидишь тамъ, сестрица,
 Силу войскую,
 Спроси тамъ, сестрица,
 Про братца свою». —
 Выходила дѣвица
 На Дунай рѣку,
 На Дунай на рѣчку,
 Съ ведромъ по воду,
 Увидѣла дѣвица

Силу войскую,
 Спросила сестрица
 Про братца свою:
 «Да гдѣ же мой братецъ,
 Да гдѣ-жь мой родной?»
 — «Не твою ли братца
 Воронъ конь стоитъ?
 Да и твой-то братецъ
 Сильный воинъ былъ,
 Три роты побилъ,
 На четвертой ротѣ
 Головку сложилъ;
 А вонъ твою братца
 Во гробъ несутъ,
 По правую сторонку
 Соколикъ летитъ,
 По лѣвую сторонку
 Воронъ конь идетъ». —

 ПѢСНИ КАЗАЦКІЯ.

1.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ заблѣлися;
 Заблѣлися во полѣ каменны палаты,
 Какъ за тѣми за палатами сады зеленые,
 Во садахъ-то шатры шелковые,
 Во шатрахъ стоятъ столы дубовые,
 За столами стоятъ двѣ скамеечки, скамьи кленовыя,
 На скамьяхъ-то сидятъ два молодца молодые,
 Передъ ними стоятъ двѣ чернильницы золотыя,
 Во чернильницахъ торчатъ перья лебедины;
 Какъ и пишутъ молодцы по бумажкѣ по гербовой,
 Не перомъ пишутъ, не чернилами, горючими слезами.
 По-конецъ-то стола дубоваго стоитъ тутъ дѣвица,
 Да и плачетъ красная дѣвушка, какъ рѣка льется.
 «Ты не плачь, не плачь, красна дѣвушка, не плачь не печалься;
 Не быть-то твоему дружкѣ милому, не быть во солдатахъ,
 Еще быть-то быть доброму молодцу во Донскихъ во казакахъ».

2.

Со восточной было со сторонки,
 Не студень-то холоденъ вѣтеръ поносить,

Поносить вѣтерокъ по чисту полю,
 По чисту полю, на лѣсъ, на дубраву,
 На дубровушку, на зелену рощу.
 Во той-ли рощѣ листьа разшунѣлись,
 Во шуму-то, во грому, ничего не слышно,
 Только слышно во шуму одинъ голосъ человѣчій,
 Человѣка голосъ не простаго — казаченька Донскаго.
 Донской казакъ пашеньки не пашеть,
 Пашеньки не пашеть, шелковой травы не косить,
 Онъ по рощѣ казачекъ гуляетъ,
 И во скрипочку казачекъ играетъ,
 Полевыхъ-то молодыхъ солдатъ забавляетъ:
 «Вы не плачьте-ка молоды солдаты!»
 Вотъ и какъ-то намъ, казачекъ, не плакать?
 Отцы, матери наши устарѣли,
 Молоды жены овдовѣли,
 Малы дѣтушки осиротѣли,

3.

Ахъ степь моя, степинушка,
 Ничего въ тебѣ, степь, не обозначилось,
 Ни травнынки, ни муравыньки, ни цвѣточка лазорева,
 Только и есть въ тебѣ, степинушка, большая дороженька,
 По этой дороженькѣ никто не ѣздитъ и не ходитъ,
 Только шли по этой дороженькѣ—казаченьки черноморцы.
 Ничего мы на дикой степи не видали,
 Только видѣли мы ракиновый кустикъ;
 Изъ-подъ этого кустика протекала быстрая рѣка,
 По прозваньюцу быстрая рѣка Конторка;
 По той рѣкѣ, по Конторушкѣ, прорастала камышъ-трава,
 Потихохоньку мы по-смирнехоньку по камышъ-травкѣ гуляли;
 Мы просилися, казаченьки, у камышъ-травки ночевати:
 «Пусти насъ, камышъ-травынька, ночевати!»
 Намъ не годъ-то у тебя, камышъ-травынька, годовати,
 Одну темную ноченьку, камышъ-травынька, ночевати,
 Государевыхъ добрыхъ коней намъ покормити,
 Казенную сбрую ратную намъ перебрати,
 Провіантскую кашицу намъ похлебати».

4.

Вотъ не все горе приплакать,
 Не все его притужить,

Вы давайте-ка, ребята,
 Съ горя пѣсню запоемъ!
 На разсвѣтъ бѣла дня,
 Сила войская прошла,
 Насъ немного проходило, —
 Девяносто-семь полковъ,
 Сорокъ тысячъ казаковъ.
 Какъ и шли-прошли казаки
 Словно тученька черна,
 Вострыжъ пики подняты
 Словно звѣздышки часты,
 Становились казаки
 Казаченьки въ два ряда:
 Вотъ которы на горѣ—
 Стоять по поясъ въ кровѣ,
 А которы подѣ горой—
 Тѣ засыпаны землей.

5.

Ужь ты горе мое, горе, горе казаково!
 Уродился казакъ-горе, что былинка въ полѣ:
 Нѣту, нѣту коню моему сѣна, казаченькѣ нѣтъ кварталы;
 Отвели ему квартиру во Турецку землю,
 Въ Турецкой во земелькѣ—долы, горы развысоки;
 Черезъ эти горы, долы горынъ-казакъ воду носить,
 Дѣвушка-паненочка по бережку гулять ходить,
 Раздвонскаго козаченьку къ себѣ въ гости просить, —
 Во такіе во гостички — на пиръ вечереньку,
 На вечеръ вечереньку — на медъ на горѣлку,
 На медъ, на горѣлку — на рыбушку линейку.
 Со вечера донской казакъ — со вечера пьетъ, гуляетъ,
 Ко полуночи донской казакъ умираетъ.

6.

Стояли казаченьки при крутой горѣ,
 Изъ этихъ казаченьковъ одинъ былъ лихой:
 Одинъ годъ проживши съ женой молодой,
 Сказано казаченькѣ на службу идти,
 Жаль ему разстаться съ женой молодой;
 Сталъ съ женой прощаться — женѣ говоритъ:
 «Будь ты мнѣ, жена, до могилы вѣрна,

«До могилъ вѣраа — до гроба честиа.
 Побѣхалъ казаченька враговъ побѣждать;
 Побѣждалъ онъ враженьковъ копьемъ и мечемъ.
 Побѣдимши враженьковъ, воротился назадъ.
 На встрѣчу казаченькѣ начальство большо,
 Шляпы на немъ со перами, кресты на груди:
 Казакъ имъ ни слова — такъ молча прошелъ.
 Побѣхалъ казаченька въ родительскій домъ;
 На встрѣчу казаченькѣ родитель идетъ.
 Здорово, родимый, здорова-ль семья?
 Мы, сынокъ, здоровы: несчастье твое—
 Молода твоя хозяйшкa сына родила.
 Мы, сынокъ, простили—прости ужь и ты.
 Береть же казаченька шелковую плеть,
 Ударилъ хозяйшкy промежъ бѣлыхъ плечъ,
 Пошелъ же казаченька изъ дому вонъ.
 «Пропади ты безмозглая-пуста голова,
 Когда ты забыла, казаченьку, меня!»

7.

Ужъ ты роща-ль моя, роща зеленая!
 Ужъ и чѣмъ ты, роща, изукрашена?
 Изукрашена роща калиной, малиной:
 На калинушкѣ сидитъ соловей-пташка,
 На малинушкѣ сидитъ канарейшкa.
 Ты дороженька моя широкая, столбовая,
 Да никто по тебѣ не прохаживалъ,
 Никто слѣду не прокладывалъ,
 Только шелъ тутъ прошелъ Донской казакъ,
 За Донскимъ казакомъ лошадей косякъ,
 Лошадей-то косякъ государскихъ коней.
 Государскіе-то кони крѣпко ранены,
 Напередъ-то бѣжить сивъ-чубарый конь,
 На конѣ-то сидитъ младъ казаченекъ,
 Младъ казаченекъ—генеральскій сынъ,
 Генеральскій сынъ—капитанскій чинъ,
 А подъ нимъ-то конекъ призадумался;
 Генеральскій сынъ съ конемъ рѣчь говорилъ:
 «Ужъ ты конь мой, конь добра лошадь моя!
 Ты травой, конь, идешь—ты травы не инешь,
 Ты водой, конь, идешь—ты воды не пьешь,

«Или я на тебѣ, конь, тяжель больно сижу?»
 Не тяжель ты спиши, добрый молодець:
 Тяжела твоя шуба лисія,
 Тяжелѣе того — сабля вострая,

8.

Стороня-ль моя сторонушка,
 Стороня-ль моя незнамая,
 Незнамая, незнакомая!
 На сторонущкѣ слободушка,
 На слободущкѣ квартирушка,
 На квартирушкѣ — зазнобушка,
 Зазнобушка красна дѣвица,
 Бѣлолицая, круглолицая,
 Чернобровая, черноглазая,
 Ужь не ты-ль меня высушила,
 Безъ морозу сердце вызнобила,
 Безъ морозу, безъ студеного?
 Высоко звѣзда восходила
 Выше лѣсу, выше темнаго,
 Выше садику зеленаго,
 Пролегала тутъ дороженька:
 Шириную она не широкая,
 А должную конца-краю нѣтъ.
 На дорожкѣ нова улица,
 Нова улица — Московская,
 Московская — посадская.
 Какъ построена тутъ тюрьма темная,
 Въ ней дубовая дверь тяжелая,
 Запертая замкомъ крѣпкимъ,
 Замкомъ крѣпкимъ — нѣмецкимъ.
 Въ тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
 Невольничекъ — добрый молодець,
 Добрый молодець — Донской казакъ:
 Во желѣзахъ ноги скованы,
 Въ кандалахъ руки закованы;
 Сидитъ молодець задумавшись,
 Задумавшись, пригорюнившись, —
 Ужь какъ тужить онъ о своей сторонущкѣ,
 О свой сторонѣ — молодой женѣ!

9.

Запоемте-ка, ребяташки, да мы пѣсню новую,—
 Мы не сами про себя—про Донскаго возака;
 Какъ Донской казаченька онъ убитъ лежитъ,
 Онъ убитъ лежитъ, казаченька, онъ застрѣленный:
 Его буйная головушка да съ плечъ срублена,
 Могучія его плеченьки насквозь прострѣлены,
 Въ ретивомъ его сердечушкѣ свинцовая пуля,
 Во рѣзвыхъ его ноженъкахъ стоитъ чубарый конь,
 Онъ бѣеть-то пробиваетъ, конь, копыточкомъ,
 Онъ бѣеть-пробиваетъ до сырой земли,
 Онъ будить, побуживаетъ своего хозяинушку:
 «Ужъ и встань-ка, проснись, мой хозяинушка,
 Мой хозяинушка, младъ Донской казакъ!
 Побѣзжай-ка домой къ отцу, къ матери,
 Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
 Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ».
 Какъ возговоритъ тутъ младъ Донской казакъ:
 «Ахъ ты конь мой, конь, лошадь добрая!
 Ты ступай одинъ въ нашу сторону,
 Скажи-ка ты моему батюшкѣ низко поклонъ,
 Сударинѣ моей матушкѣ челобитьице,
 Малымъ моимъ дѣтушкамъ—благословеньице,
 Молодой моей хозяйшкѣ—на двѣ волюшки,
 Хочетъ за мужъ идти, хочетъ во вдовахъ сидѣть,
 А мнѣ-то, доброму молодцу, знать такъ Богъ велѣлъ,
 Знать такъ Богъ велѣлъ—быть прострѣлену!»

10.

Стлала, стлала дѣвчоночка
 Постелюшку мягку,
 Кляла, кляла красавица
 Зголовьѣ высоко;
 Ждала, ждала дѣвчоночка
 Полковника въ гости;
 Не могла его дожидаться —
 Ложилася спать.
 Поутру рано вставала,
 Вѣсти услышала,
 Она вѣсти услышала —

Полковничекъ умеръ;
 Померъ, померъ полковничекъ
 Лютой скорой смертью.
 Оставалась полковница
 Вдова молодая,
 Оставались малы дѣти
 Горькія сиротки;
 Оставался вороной конь
 Со парадной сбруей,
 Откажу я царску сбрую,
 Коня — атаману,
 Откажу я свою дочку,
 Дочку генералу.
 Молодые мушкетеры
 Могилушку роютъ,
 Роютъ, роютъ могилушку,
 Елянущку тешутъ,
 Молодому полковничку
 Домовину строятъ;
 Тѣло несутъ, коня ведутъ,
 Конь головку клонить;
 Клонить, клонить головушку
 На мать-сыру землю,
 На мать-сыру-землю,
 На шелкову травку,
 Мимо моего окошка
 Дорожка лежала;
 Какъ по этой по дорожкѣ
 Пронесли милаго!

11.

Ой ты нашъ батюшка, тихій-Донъ!
 Ой что же ты, тихій-Донъ, мутнехонекъ течешь!
 Ахъ какъ мнѣ, тихому-Дону, не мутному течи:
 Со дна меня, тиха-Дона, студены ключи бьютъ,
 Посередь меня, тиха-Дона, три роты прошли:
 Ай первая рота шла—то Донскіе казаки,
 Другая рота шла—то знамена пронесли,
 А третья рота шла—то дѣвица съ молодцемъ.
 Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
 «Не плачь, не плачь дѣвица, не плачь, красная моя,

Что выдамъ тебя, дѣвица, за вѣрнаго слугу,
 Слугѣ будешь ладушка, а мнѣ миленькій дружокъ,
 Подъ слугу будешь постель стлать, со мной вмѣстѣ спать.»
 Что возговорить дѣвица удалому молодцу:
 «Кому буду ладушка, тому миленькій дружокъ,
 Подъ слугу буду постель стлать—со слугой буду спать!»
 Вынимаетъ молодецъ саблю вострую свою,
 Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову,
 И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

1.

Ой вы доли мои доли, доли подкошенны,
 Ой вы горы мои горы, горы свершенны!
 На горахъ-то долахъ лежитъ бѣлъ горючъ камень.
 Изъ-подъ камушка бѣжить рѣчушка,
 Бѣжить рѣчушка, бѣжить быстрая,
 Пала устьищемъ въ Волгу-матушку:
 Широко Волга-матушка разливалася,
 Въ круты бережки не вбиралася!
 Изошелъ я Волгу-матушку изъ конца въ конецъ,
 Не нашелъ нигдѣ отца съ матерью,
 Отца съ матерью—молодой жены,
 Лишь нашелъ я одну степь широкую;
 На широкой степи одинъ зеленый садъ,
 Въ зеленомъ саду три деревца:
 Перво деревцо кипарисово,
 Друго деревцо—сладка яблонька,
 Третье деревцо—зелена груша;
 Кипарисъ-то—родной батюшка,
 Сладка яблонька—родна матушка,
 Зелена груша—молода жена.

2.

Былъ я подъ Дарьей рѣкой,
 Надъ Дарьей рѣкой въ крутыхъ бережкахъ;
 Тамъ лежитъ бѣлъ горючъ камень:
 Изъ-подъ камушка растеть часть раки товъ кустъ,
 На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
 Держитъ соколъ въ когтяхъ руку бѣлую,
 Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ.
 Подетъ съ соколъ черезъ Дарью рѣку,

Уронилъ соколъ руку бѣлую,
 Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
 Садился соколъ на крутой бережокъ,
 Закричалъ соколъ выговаривалъ:
 «Подуй, подуй погодушка со восточныхъ горъ,
 Выкачай ты волной руку бѣлую,
 Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ,
 Ты прибей ее къ круту бережку,
 Къ круту бережку, ко желту песку».

3.

Ой ты горе мое горе, горе строе,
 Лычкомъ связанное, подпоясанное!
 Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
 На меня бѣдную навязалося!
 Я не знаю какъ быть, не достало, какъ мнѣ горе избыть,—
 Ужь я отъ горя въ чисто поле;
 Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 «Ужь я выжну, пожну все чисто поле,
 А найду я сыщу тебя, горькую!»
 Ой ты горе мое, горе строе,
 Лычкомъ связанное, подпоясанное!
 Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
 На меня, бѣдную, навязалося!
 Я не знаю какъ быть,
 Какъ мнѣ горе избыть!
 Ужь я отъ горя — горе за мной идетъ,
 За мной идетъ — во слѣдъ грозить,
 «Порублю я посѣку въ темны лѣса,
 А найду я тебя, горемычную!»
 Ой ты горе мое, горе строе,
 Лычкомъ связанное, подпоясанное!
 Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
 На меня, бѣдную, навязалося!
 Я не знаю какъ быть,
 Какъ мнѣ горе избыть!
 Ужь я отъ горя—въ гробовой доскѣ,
 Оглянусь я назадъ—горе за мной идетъ,
 Съ топорешечкомъ, со лопаточкой!..

4.

Соловей ты мой, соловеюшка,
 Соловеюшка, вольна пташечка!
 Вольна пташечка, горькая кукушечка!
 Не летайте вы въ мой зеленый садъ,
 Не садитесь вы на примѣтно деревцо,
 На примѣтно деревцо, на сладкую яблоньку!
 Ты воспой-ка, горькая кукушечка, пѣсню горемычную:
 «Ты таланъ ли мой, таланъ худой,
 Ты звѣзда моя злосчастная,
 Участьныка моя горькая!
 Ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, счастья нѣтъ,
 Ни въ батюшкѣ, ни въ матушкѣ, ни въ житьѣ-бытьѣ, богатствѣ,
 Только мнѣ счастьеце въ несчастной долюшкѣ,
 Что въ несчастной долюшкѣ, въ худой славушкѣ.»

5.

Охти горе, тоска-печаль,
 Тоска-печаль великая!
 Я отъ горя во чисто поле;
 И тутъ горе,—сизымъ голубемъ!
 Охти горе, тоска-печаль,
 Тоска-печаль великая!
 Я отъ горя во темны лѣса,
 И тутъ горе соловьемъ летить!
 Охти горе, тоска печаль,
 Тоска-печаль великая!
 Я отъ горя на сине море,
 И тутъ горе—строй утицей!
 Охти горе, тоска-печаль,
 Тоска-печаль великая!
 Я отъ горя—во сыру землю,
 Вотъ тутъ горе миновалося.

6.

Не будите меня молоду,
 Ранымъ-рано по утру!
 Вы тогда меня будите,
 Когда солнышко взойдетъ,
 Когда красное проглянетъ,

Роса утрення провянетъ,
 Пастухъ выйдетъ на лужокъ —
 Заиграетъ во рожокъ.
 Хорошо пастухъ играетъ,
 Выговариваетъ:
 «Вставай, дѣвки, вставай, бабы,
 Вставай малые ребята:
 Выгоняйте, вы, скотину
 На широкую долину,
 На широкую долину,
 На зелену луговину».
 Гонять дѣвки, гонять бабы,
 Гонять малые ребята,
 Гонять стары старики,
 Миробды-мужики.
 Гонять дѣвки впереди,
 Молодушки позади,
 А и малы-то ребята
 Обтоптали бабамъ паты.
 Согонали на лужокъ,
 Становились во кружокъ:
 Одна дѣвка весела —
 Во кругу плясать пошла;
 Она пляшетъ, рукой машетъ,
 Пастуха къ себѣ манить:
 «Сюда, сюда пастушокъ,
 Сюда миленькій дружокъ».
 Пастухъ часикъ поплясалъ —
 Коровушку потерялъ,
 Онъ другой-то поплясалъ —
 Три-четыре потерялъ,
 Онъ и третій поплясалъ —
 И все стадо растерялъ.
 Потерялъ мою овечку
 Со ярочкою.
 «Мнѣ не жаль, не жаль овцы —
 Мнѣ жаль ярочку.
 Какъ на ярочкѣ поярочки
 Поярки хороши,
 Что поярки хороши —
 Больно курчатые;

Я блюла, блюла овечку
 На кумачный сарафанъ,
 На парчевы рукава,
 На двуличневый платокъ,
 На шелковый поясокъ.
 Какъ не курочка по сѣнничкамъ
 Похаживала,
 Похаживала, покудактывала:
 Еще какъ да кудакъ,
 Не бывало у насъ такъ—
 Никогда наша хозяйюшка
 Не гуливала,
 Ужь какъ нынче хозяйка
 Загулила, запила,
 Какъ ушла наша хозяйка
 Во ближніе шабры,
 Во ближніе во шабры
 Во десятый дворъ,
 А кума-та кумъ
 Насмѣялся въ глаза:
 Ужь и чай у тѣ, кума,
 Истопилася изба;
 Перелетовы дровечки
 Переуглили;
 Да всѣ кашнички-горшечки
 Надсѣлися кипучи,
 Въ колыбели-то дитя
 Надсѣлося вопя!—

7.

Вы молодчики, дружки мои!
 Ваша ласка да пріятливы слова
 Безъ огня-то мое сердце разожгла,
 Разнесли-то мои мысли по всѣмъ чистымъ полямъ,
 По всѣмъ чистымъ полямъ, по зеленымъ лугамъ,
 По зеленымъ лугамъ, по шелковымъ травамъ.
 Ахъ и кто бы моему горю помогъ,
 Ужь и кто бы великому пособилъ,
 Со пути бы со дороженьки милого воротилъ!
 Воротися мой размиленкій, воротися назадъ!
 Наглядитесь мои очи на милого во запасъ,

Я сидѣла, молода, въ новой горницѣ одна,
 Я лежала, молода, бѣлой грудью на окнѣ
 Я глядѣла, молода, въ чисто поле далеко,
 Я роняла, молода, горячи слезы изъ глазъ,
 Проклинала, молода, чужу-дальню сторону:
 «Ты злодѣйка, ты злодѣйка, чужа-дальня сторона!
 Разлучила сторона съ отцомъ, съ матерью меня!
 Да еще-ли развела съ молодымъ мужемъ меня!»

8.

Ой ты молодость, моя молодость,
 Моя буйная, разудалая!
 Красота ли моя молодецкая!
 Ты когда прошла, когда прокатилася?
 Не въ корысти прошла, молодость, не въ радости,—
 Со худой мнѣ женой въкомъ живучи,
 На чужую-то жену въкомъ гляючи;
 Чужая-то жена ровно барыня,
 А моя-то жена — не корыстная,
 Не корыстлива, лихомысленна.
 На рукѣ-то лежитъ — въ глаза глядить,
 Въ глаза глядить — цѣловать велить;
 Цѣловать-то ее мнѣ не хочется,
 Ретиво сердце не воротится.
 Я скрѣплю-то свое ретиво сердце,
 Крѣпче камня горячаго:
 Поцалую я свою жену немилую,
 Немилую жену — распостылую!
 Поцалую я чужу жену, —
 Я чужой женѣ куплю котки;
 Я своей женѣ сплету лапотки,
 Сплету лапотки — простоплеточки:
 Я оборки совью — простовивочки,
 Простовивочки—безъ повивочки.

9.

Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
 Черноброва, черноглаза—парня высушила:
 Присушила русы кудри ко буйной головѣ,
 Заставила шататься по чужой сторонѣ,
 Приневодила любити чужемужнихъ женѣ.

Какъ чужая-то жена лебедушка бѣлая,
 А моя шельма-жена—попынь горькая трава,
 Попынь горькая трава на межѣ въ полѣ растеть,
 На раздольѣ, на межѣ, на широкомъ столбнячкѣ.
 Я со этой-ли тоски расчесу кудри-виски,
 Расчесу кудри-виски—пойду въ темные лѣски,
 Изъ-за-лѣсу, изъ-за-горь—подымалась туча-громъ,
 Подымалась туча-громъ со сильными со дождемъ,
 Какъ со этого дождя стала улица грязна,
 Стала улица грязна, въ переулочкахъ вода;
 Ко сударушкѣ пройти добру молодцу нельзя.
 Размыльчишка молодой воръ догадливый такой—
 Сталъ кинавки прорывать, сталъ онъ воду выпускать;
 Стала улица просыхать, стала дѣвушка ходить,
 Стала дѣвушка ходить, хороводы заводить;
 А я мостикъ намошу—ко сударушкѣ пройду!

10.

Бѣлая березонька преклонясь къ землѣ растеть;
 На эту березоньку слетѣлися пташечки,
 Пташечки, пичужечки, горькія кукушечки.
 Кукуеть кукушечка во своемъ тепломъ гнѣздѣ:
 «Свѣтъ ты мое гнѣздышко, совитое, теплое!
 Совитое, теплое, гнѣздо разореное!»
 Подъ этой березонькой собралися молодушки,
 Одна-то молодушка призадумавшись стоитъ,
 Призадумавшись стоитъ, при почали говорить:
 «У меня, молодушки, четыре заботушки:
 Первая заботушка — чужа дальняя сторонушка,
 Другая заботушка — свекоръ да свекровушка,
 Третія заботушка — деверь да золовушка,
 Четверта заботушка — мужъ удалая головушка.
 Мужъ удала голова — чешеть кудри завсегда,
 Онъ гуляетъ отъ меня по всѣмъ селамъ, деревнямъ,
 По всѣмъ селамъ, деревнямъ, по господскимъ дворамъ,
 По господскимъ дворамъ, по солдатскимъ по вдовамъ,
 По солдатскимъ по вдовамъ, по дѣвчонкамъ-сиротамъ,
 По дѣвчонкамъ-сиротамъ, по чужемужниимъ женамъ».
 Дѣвчоночка-сиротинка звала его ночевать:
 — Приди, приди, Ванюшка, ночуй ночку у меня!
 «Боюсь, боюсь, дѣвушка, проспю долго у тебя.»

— Не бойсь, не бойсь, Ванюшка, я на зорькѣ разбужу,
 По утру ранымъ-ранехонько за ворота провожу,
 За ворота провожу, три словечушка скажу:
 Первое словечушко — хотять Ванюшку поймать,
 Другое словечушко — во желѣзушки сковать,
 Третіе словечушко — во солдатушки отдать.
 Подуй, подуй, погодушка, занеси Ванины слѣды! —

11.

Подуй, батюшка верховый вѣтерокъ;
 Услышь, дѣвушка, молодецкій голосокъ!
 Какъ у нашихъ у мирскихъ воротъ,
 Не одна дѣвка стояла съ молодцемъ.
 Молодецъ дѣвкѣ таки рѣчи говорилъ:
 «Полно, дѣвушка, въ конторушку ходить,
 Полно, дѣвушка, конторщикковъ любить.
 Всѣ конторщики смягся надъ тобой!»
 Какъ за матушкой за Волгой за рѣкой,
 Косить Ванюшка шелковую траву,
 Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросалъ;
 «Пропадай моя укладная коса;
 Ты умири, умири, угрюмая жена!
 Ужь я взялъ бы красну дѣвку за себя,
 Урядилъ бы, украсилъ для себя!»

12.

Ходилъ Ваня по базару.
 Онъ искалъ себѣ товару,
 Не нашелъ себѣ товару —
 Купилъ себѣ косу.
 Онъ чужое сѣно косить,
 А свое-то сохнетъ;
 Онъ чужую жену любитъ,
 Своя стоитъ плачетъ;
 Стоитъ плачетъ и рыдаетъ,
 Своего мужа ругаетъ,
 Что съ другой гуляетъ,
 Жену забываетъ:
 Не по промыслу, Ванюша,
 Заводы заводилъ,
 Ты заводушки заводилъ —

Трехъ дѣвущекъ любишь:
 Онъ Груняшу да Дуняшу,
 Любушку-Уляшу;
 Онъ Груняшѣ купилъ ленту,
 Дуиѣ голубую,
 Своей любушкѣ-Уляшѣ
 Шалевый платочикъ.
 Ты носи, моя Уляша,
 Носи не хвались!
 Если жь будешь хвалиться,
 Не буду любить,
 Я любить тебя не стану,
 Сходиться не стану,
 Сходиться не стану —
 Отъ тебя отстану.

13.

Сказали про милого — милый не живъ, не здоровъ,
 Вечоръ, вечоръ миленькій вдоль по улицѣ прошелъ,
 Любимую свою пѣсенку на свистахъ просвисталъ,
 Сударушкѣ дѣвущкѣ въ теремъ голосъ подавалъ;
 Услышала дѣвушка молодецкій голосокъ,
 Распахнула дѣвушка шитый браный пологекъ,
 Растворила дѣвушка широкія ворота,
 Принимала дѣвушка за бѣлы руки дружка.
 «Что же ты, миленькій, вечоръ ко мнѣ не бывалъ?»
 — «Сударыня-дѣвушка! мнѣ не времечко было.
 Не время, не времечко — все несчастье мое!
 Со угрюмой женочкой побраночка случилась;
 Тебя ругать, дѣвушка: ты шельма — сука;
 Меня ругать, дѣвушка: я сукинъ сынъ, дуракъ». —
 «Давно я тебя, миленькій, говаривала:
 Побѣжай, побѣжай, миленькій, въ Сиратовъ-городокъ,
 Купи, купи, миленькій, шелковую плоть;
 Ты бей, учи, миленькій, угрюмую свою жену».
 — «Сударыня, дѣвушка, все не рѣчь ты говоришь;
 Со угрюмой женочкой мнѣ вѣкъ вѣковать.
 А съ тобой, красна дѣвушка, одинъ часокъ часовать».

14.

Никогда со мной горя не бывало,
 Сегодняшній денекъ тоска, сука обуяла,

Распостылая моя женочка захворала,
 Ты хворай-ка, моя хозяйшка, по больиѣ,
 Ты умри-ка, моя хозяйшка, поскорвѣ!
 Отпусти ты меня, добра молодца, на волю,
 Что на волюшку, добра молодца, на легку работу.
 Я пойду ли съ горя во чисто поле,
 А съ чистаго поля зайду въ рощицу зелену
 Я срублю-то сосенку кудряву,
 Я найму себѣ плотничка верьхова,
 Я построю себѣ, добрый молодець, горенку нову,
 Я возьму себѣ, добрый молодець, жену молодую,
 Малымъ дѣтушкамъ возьму мачиху лихую.
 «Ты сгоря-ка, сгори, горенка новая,
 Ты умри-ка, умри, мачиха лихая!
 Ты возстань-ка, возстань, матушка родная!»

15.

Мальчикъ молодеватый,
 Бѣлый, кудреватый,
 Что ты рано женать?
 Не хочу я съ женой жить,
 Хочу дѣвушкѣ любить,
 Имъ гостинички носить,
 А жену свою сушить.
 Ужь я высушу жену
 Суше вѣтру—вихорю,
 Суше травы-ковылю.
 Ужь ты дѣвушка сударушка!
 Не ходи ты въ лѣсъ одна:
 Изъ лѣсочку, изъ куста
 Распрестрашна смерть пришла;
 Ужь я, мальчикъ молодой,
 Этой смерти не боюсь,
 Въ поясъ смерти поклонюсь:
 Воротися, смерть, назадъ,
 Умори мою жену!
 Не успѣлъ слова сказать—
 Подъѣзжаю ко двору;
 Впереди жена лежитъ,
 Подъ переднимъ окномъ.
 Подъ хрустальнымъ стекломъ,
 Подъ бѣлымъ полотномъ.

16.

Ужь я пашеньку пашу,
 Самъ на солнышко гляжу:
 Высоко ли мое солнце,
 Красно солнышко взшло.

Какъ чужія-то жены
 Мужьямъ вѣсть принесли,
 А моя шельма жена
 Долго хлѣба не несла;
 Знать не устала,
 Не уварахталася.
 Ужь я выпрягу лошадку,
 Дугу объ землю хвачу,
 Ужь я вырѣжу лозу
 На мою шельму-жену.
 Подъѣзжаю ко двору—
 Жена ходитъ по двору,
 Набѣлена, нарумяненная,
 Набѣлена — бѣло,
 Нарумянена — ало,
 Въ кокошничкѣ рогачкѣ,
 Въ коновитной фаточкѣ,
 Во парчевыхъ рукавахъ;
 Во кумачномъ сарафанѣ,
 Во бумажныхъ чулкахъ,
 Въ переплстахъ башмаки.
 Ужь я брошу лозу—
 Поцѣлю жену,
 Поцѣлю, обойму,
 Разлапушкой назову.

17.

Куда ни пойду гулять—ноженьки мои нейдутъ;
 Куда ни гляжу съ горя—глаза мои не глядятъ;
 Только я лѣсочкомъ шла—дружка своево не нашла,
 Я слышала въ темныхъ лѣсу листики шумять,
 Шумять-гремять листики осинковыя,
 Бѣлая березонька, преклонясь къ землѣ, стоитъ,
 На этой березонькѣ двѣ пташечки сидятъ,
 Двѣ пташечки—горькія кукушечки,

Кукують кукушечки и день и ночь,
 Журить-бранять пташечки чужу сторону;
 Чужая сторонюшка безъ вѣтру сушить-крушить;
 Чужой отецъ-батюшка безъ вины журить-бранить.

18.

Ужь вы кумушки, голубушки мои!
 Вы придите-посидите у меня!
 Поглядите на мое житье-бытье;
 У меня у молодой злая мачиха лиха,
 Посылаетъ меня и туда и сюда,
 Во чисто поле гулять, зелено просо полоть.
 Я поля, поля, пополюваю—
 Да на солнышко поглядываю.
 Высоко ли мое красно солнце взошло?
 Взошло оно—за облачко зашло,
 А мнѣ молодой не видно ничего:
 Только видно одинъ зеленый садъ;
 Мимо садика дороженька лежитъ,
 По дороженькѣ колясочка бѣжить,
 Во колясочкѣ дворянскій сынъ сидитъ,
 Онъ сидитъ-то да покрикиваетъ,
 Добрыхъ коней своихъ прихлыстываетъ.

19.

Какъ и батюшкинъ теремъ
 Распечатанъ, растворенъ;
 Комарики, комары,
 Злоосенние мои!
 Не летайте, комары,
 Въ мой зеленый садокъ,
 На тесовую кровать,
 Подъ шить бранный положокъ,
 Не кусайте, комарики,
 Мое бѣлое лицо;
 Мое бѣлое лицо
 Разгорѣлось горячо.
 Разгорѣлось, разболѣлось
 Словно розовый цвѣтокъ, —
 Далеко въ полѣ растеть.
 Я пойду-ли молода,

Въ зеленъ садикъ погулять,
Во зеленомъ во саду
Разгону я грусть-тоску!

20.

Соловей мой соловеюшка,
Соловеюшка, волята пташечка!
Полетай, мой соловеюшка,
На мою ли на сторонушку;
На моей-ли на сторонушкѣ
Есть привольное житье,
Есть привольице хорошее,
Де раздольице широкое.
Ты провѣдай, соловеюшко,
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Только воля краснымъ дѣвушкамъ;
Была воля и молодушкамъ:
Нынче воля миновалася,
Съ черной грязью перемѣшалася,
Съ черной грязью съ придорожною,
Со дорожною, со колесною.
У меня ли молодешенькой
Кривошлыкая свекровушка,
Посылаетъ меня и туда и сюда;
Посылаетъ меня во темный погребъ
Я во темномъ погребѣ призамѣшкалась,
Сладкой водочки натрескалась,
Зелена вина налопалась;
Я иду, иду мирскимъ дворомъ,
Кривошлыкая свекровушка
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Чеботой стѣны проламываетъ,
Только дай Боже до вечера дожить —
Накучу я, намучу своему сыну
На нелюбую невѣстущку.

21.

Размывала туча грозная,
А другая полуденная:
Дочь у матери въ гостяхъ была,
Въ гостяхъ была—разбранилася.

Потъхала—не простилася,
 Среди пути становилася,
 Середь пути—лѣсу темнаго,
 Супротивъ садика зеленаго,
 Супротивъ гнѣзда соловьиного:
 «Соловухекъ, вольна пташечка,
 Горемычная кукучечка!
 Ты возвейся высокохонько,
 Полети-ка далеконько,
 Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
 А матушкѣ жалобитъ того:
 А мнѣ, горькой, жить тошнехонько,
 На чужой дальней сторонущкѣ,
 У свекора, у свекровушки,
 У деверя, у золовушки;
 Посылають меня по воду
 И холодную и голодную,
 И разутую и раздѣтую.
 На той рѣчкѣ гуси-лебеди
 Возмутили воду свѣжую,
 А я молода, дожидалася,
 Когда вода устоялася—
 Размахнула широкохонько,
 Почерпнула глубокохонько.»

22.

Изъ-за лѣсу изъ-за темнаго
 Изъ-за частаго изъ березничка,
 Изъ-за мелкаго изъ орѣшничка,
 Выбѣгалъ конь, добра лошадь,
 Поводочникъ въ ногахъ топчетъ,
 Сѣдельцо на боку несетъ.
 За нимъ бѣжить добрый молодець.
 «Ты стой, постой, конь—добра лошадь!
 Ты не ходи, мой конь, на Дунай-рѣку,
 Ты не пей, мой конь, изъ ручья воды;
 Изъ ручья красна дѣвица умывалася,
 Она бѣлыми бѣлками бѣплася,
 Она алыми румянами румянилася,
 Она черными сурмилами сурмилася,
 Она въ цвѣтное платье наряжалася,

Во хрустально чисто зеркало глядѣлася,
 Красотѣ своей дѣвичей дивовалася,
 Глядячись она слово молвила:
 «Красота ли моя, красота дѣвичья!
 Ты кому-то, красота, достанешься?»
 Какъ досталась красота моя мужу старому,
 Я могу же, красота, тебя убавити,
 Да что краснова золота увѣсити,
 Да что крупнова жемчугу развѣсити.
 Ужь вы люди, люди добрые!
 Не видали-ль вы какъ туча шла,
 Не слыхали-ль вы какъ громъ гремѣлъ,
 Моего стараго мужа молоньей сожгло?»

23.

Охъ ты Дуна, Дунашечка,
 Дуна бѣлая, румяная,
 Не слушала Дунюшка
 Ни матери, ни отца,
 Не любила красавица
 Холостыхъ парней дрянней;
 Полюбила красавица
 Женатаго бравова.
 У женатаго бравова
 Зла-сердитая жена:
 Гдѣ поспидится—косится,
 Гдѣ ни сойдется—бранится,
 Все разлучницей зоветъ:
 «Ты разлучница моя,
 Разлучила ты меня,
 Разлучила, развела
 Съ молодымъ мужемъ меня!»
 Я во стыдъ, млада, взойду,
 При народѣ пристыжу,
 При народѣ, въ хороводѣ,
 При матери, при отцѣ,
 При братѣ, при сестрѣ,
 При братниной женѣ:
 Сыму съ дѣвушки платокъ,
 Словно аленькій цвѣтокъ,

Я со шеюшки другой—
Лазоревой-голубой!

24.

Поляна моя, полянушка, полянушка дубовая,
На полянушкѣ растеть травка шелковая!
На травынкѣ тропинушка пролегала,
На тропинушкѣ калинушка выростала;
На калинушкѣ кукушечка куковала
Не полно-ли тебѣ, кукушечка, куковати,
Не пора-ли тебѣ, залетная, перестати?
Молодушка молодая не полно-ль тебѣ тужить, плакать?
Не наполнить тебѣ снѣга моря слезами;
Не утѣшить тебѣ мила дружка словесами?

25.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу,
Не люблю я, матушка,
Не люблю сударыня,
Свою мужа-дурака,
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тѣхъ Дона казака.
Казачекъ молоденькой,
Казачекъ хорошенькой,
Удалъ добрый молодець.
Онъ ходитъ по бережку,
Онъ ходитъ по крутеньку,
По желтому по песку.
Онъ чешеть кудерюшки;
Расчесываетъ русые,
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ,
Расчесавши русые,
Казакъ шапочку надѣлъ;
Надѣвши онъ шапочку,
Надѣвши высоконьку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдемши онъ улицу,
Пройдемши широкую,

Ко сударушкѣ зашелъ.
 Сударушка-любущка
 Душа красна дѣвушка,
 Ты неправдою живешь,
 Неправдою, дѣвушка,
 Неправдою, красная;
 Ты обманывашъ меня!
 У твоихъ воротечекъ,
 У твоихъ широкинъхъ,
 Бѣлъ горючъ-камень лежитъ;
 Изъ-подъ того камышка
 Изъ-подъ бѣлъ-горючаго
 Быстра рѣчушка бѣжить;
 Черезъ эту рѣчушку,
 Черезъ эту быструю
 Тонка жердочка лежитъ,
 По этой по жердочкѣ,
 По этой по тоненькой
 Мой миленькій переходилъ;
 Перломилась жердочка,
 Перломилась тонкая. —
 Мой миленькій потонулъ!

26.

Ахъ вы кумушки, голубушки-подружки!
 Вы которому святителю молились,
 Вы которымъ чудотворцамъ общались?
 Что у васъ мужа молодые,
 У меня ли, молоденькой, старичище;
 Не пушаетъ старичище на игрище.
 Я отъ стараго уходомъ уходила,
 Подъ полою цвѣтно платье уносила,
 За вереюшкой отъвались,
 И я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
 Я на кончикъ младешенька садилась,
 И я всѣхъ прежде съ бесѣды торопилась.

27.

Охъ ты дѣвушка незамужняя:
 Какъ за-мужъ не шла — горя не было,
 Какъ за-мужъ вышла — горя прибыло:

Какъ отецъ и мать — далеко живутъ,
 Какъ и братъ съ сестрой — за быстрой рѣкой,
 Одинъ-то со мной постылый мужъ;
 Онъ постылъ, не милъ, разсукинъ сынъ:
 Онъ со вечера кудри чешеть,
 Ко полуночи — гулять ушелъ,
 На бѣлой зарѣ — домой пришелъ.
 Онъ ложится спать на кроваткушкѣ,
 На край лицомъ, ко мнѣ спиной —
 Въ головахъ-то у насъ — чугунъ жару,
 Во ногахъ-то у насъ — сугробъ снѣгу,
 Промежду-ли насъ змѣя лютаи
 Люта змѣя — гнѣздо свила,
 Гнѣздо свила — дѣтей вывела.

28.

Я полосу
 Переполозу —
 Со милымъ дружкоймъ
 Повидаюся.
 Давно съ дружкоймъ
 Не видалася,
 Со той поры
 Какъ разругалася;
 Мы свидимся
 У батюшки, у матушки;
 У батюшкѣ —
 Во бесѣдушкѣ,
 У матушки —
 Въ почестномъ ппру,
 Постылый мужъ
 Впереди сидитъ,
 Разный другъ —
 На скамеечкѣ,
 А я, млада,
 Супротивъ его.
 Кивнемъ, моргнемъ, —
 Сами вонъ пойдѣмъ.
 Постылый мужъ
 Догадается,
 Изъ бесѣдушки

Подымается,
 Меня, младу,
 За рукавъ тащить,
 За рукавъ тащить—
 Анъ рукавъ трещить,
 Вдоль улицы—
 Мичо кузицы.
 Изъ кузицы
 Молодой кузнецъ,
 Куестъ, куестъ,
 Приколачиваетъ,
 Меня, младу,
 Приговариваетъ;
 Сулить, сулить,
 Мнѣ ключъ съ замкомъ,
 А мнѣ, молодой;
 Его не хотѣлося,
 Мнѣ хотѣлося
 Пистолеть съ ружьемъ;
 Ружьемъ—то я
 Постылаго мужа застрѣлю,
 Пистолетомъ я
 Мила дружка подарю.—

29.

Нынѣ будишь, завтра праздникъ,
 Былси, руманься,
 Приходи моя надежда,
 Къ сосѣду въ бесѣду;
 У сосѣда во бесѣдѣ
 Сидятъ холосты ребята,
 У холоста глаза пусты,
 Очень завидуши.
 Онъ глазами—то поводитъ,
 Изъ ума выводять;
 Черны брови подымаетъ,
 На дворъ вызываетъ.
 Выдь-ка, выдь-ка, сударушка,
 На красенъ крылечекъ,
 Промолви-ка, сударушка,
 Тайное словечко.

Мой мужнишка-негодяй,
 Никуда негодень
 Только годень мой мужнишка
 По печи валяться,
 Съ тараканами бороться,
 Со сверчками драться.
 Поведу я недоростка
 Во лѣсъ по малину,
 Привяжу я недоростка
 Ко горькой осинѣ.
 Я не буду къ недоростку
 Ровно три недѣли
 На четвертую недѣлю
 Схожу, побываю.
 Стоит недоростокъ
 У горькой осины,
 Сучечки-крючечки
 Бока ободрали,
 Дождевыя капельки
 Всю башку пробили,
 Комарики-сударки
 Всѣ ляшки объѣли.
 Каково тѣ, недоростокъ,
 У горькой осины:
 Таково то, недоростокъ,
 Миѣ жить за тобою!

30.

Я пойду-ли, молода, съ горы на гору гулять,
 Я пойду-ли, молода,—гусей лебедей гонять,
 Тига-гуси, тига-гуси,
 Тига сѣрые съ двора!
 Мои гуси-то разлетѣлися,
 Разлетѣлися по крутенькимъ бережкамъ,
 По крутенькимъ бережкамъ, по желтымъ по пескамъ.—
 Я по бережку похаживала,
 Гусей, лебедей поганивала,
 Тига-гуси, тига-гуси,
 Тига сѣрые съ песку!
 Аль вы, гуси, нанырѣлися,
 Я-ль, молода, не нагулялася?

Аль вы, лебеди наплавались?
 Я-ль, молода, расплакалась,
 Отпу съ матерью разжидовалась:
 Отжила я свои добрые годы,
 Прожила я свою милаго дружка,
 Нажила я себѣ мужа-дурака!
 Онъ дуракъ, дуракъ, дурачьа его стать,
 Съ дураками дуракъ водится,
 Съ дураками забавляется;
 Не умѣть дуракъ голову чесать,
 Не умѣть надъ кудрями холь держать,
 Не умѣть съ молодой женой жить,
 Не пушаетъ старъ на улицу гулять;
 Хоть и пустить — самъ въ окошечко глядѣть
 Не стоитъ ли молодая жена съ кѣвъ,
 Не бить ли про стараго дурака?
 А я съ молоду гулливая была,
 По Невѣ-рѣкъ погуливала,
 Гусей-лебедей попуживала:

Тига-гуси, тига-гуси
 Тига сѣрые съ воды!

Мои гуси понаплавались,
 А я, млада, понаплакалась.
 Я пошла, млада, со рѣчушки домой,
 Мнѣ навстрѣчу майоръ ѣдетъ молодой,
 Подъ майоромъ душой — конь вороной
 Идучи конь спотыкается,
 Майоръ-шельма улыбається.
 Не шути ты, майоръ, шуточки со мной,
 Ты не бей меня по бѣлому лицу!
 У меня, младай, личенько загарливое,
 У меня, младай, сердечушко забольчивое,
 У меня, младай, не любый старый мужъ,
 Узнаеть меня по бѣлому лицу,
 По бѣлому лицу, по румяной по щекѣ.
 «Ужъ я знаю отъ чего лице горить,
 Ужъ я знаю отъ чего сердце болить:
 Горить лице — отъ майоровой руки,
 Болить сердце — по майорѣ молодомъ».

31.

Бѣленькій, кудреватый,
 Холостъ дѣтина неженатый!
 Самъ гулять не ходить и меня не пушать,
 Пустить ли, не пустить онъ при вечерѣ,
 При вечерѣ, при вечерней при зарѣ.
 Я ли, молода, заигрива была,
 Проиграла вочку до бѣлаго дня.
 Кочета поють — я домой неиду,
 Другіе поють — я ухомъ не веду;
 Третіе-то спѣли — я проиграла да пошла,
 Иду ко двору — деверь ходитъ по двору;
 — Деверь, деверьюшка, ладнѣ братъ!
 — Проводи меня, деверьюшка, къ мужу спать.
 «Поди, поди, невѣстка не бойся ничего;
 Не бойся ничего — твой мужъ крѣпко спитъ;
 Отвори дверку тихохонько,
 Пройди горенку плавнехонько,
 Лягъ къ нему, невѣстущка, на кроватушку,
 Ребришкомъ къ стѣнѣ, лицомъ отъ мужа!»
 — Что ты, ты, жена не теперь-ли пришла? —
 «Что ты, старъ, не съума-ли сходить стала?
 Я ли, молода, всее вочку проспала!»

32.

Вѣтры мои, вѣтры, вы буйные вѣтры!
 Не можете ли вѣтры, горы раскачати?
 Гусли мои, гусли, звончатые гусли!
 Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?
 У меня, у вдовушки, четыре кручины,
 Четыре кручины да пятое горе,
 Да пятое горе—что нѣтъ его боль!
 Первая кручина—нѣтъ ни дровъ, ни лучины,
 Другая кручина—нѣтъ хлѣба, ни соли,
 Третія кручина—молода овдовѣла,
 Четверта кручина—малыхъ дѣтушекъ много,
 А пятое горе—нѣтъ хозяина въ домѣ.
 Я посю горе во чистыимъ полѣ:
 Ты взойди, мое горе, черной чернобылью.
 Черной чернобылью—горькою полынью.

33.

Какъ по лугу, лугу зеленому,
 Ходила гуляла вдова молодая;
 Вдова молодая плакала, рыдала,
 Плакала, рыдала, слезно причитала:
 — Хоромы мои, хоромц, развысокіе теремы!
 — Отчего вы, мои хоромушки, раскрыты стойте?
 — Али вамъ, мои хоромушки, хозяина нѣту,
 — А вамъ, мои дѣтушки, нѣту батюшки роднаго,
 — А нѣт, молодешныкъ, нѣту мужа никакого!
 Навстрѣчу-ль мнѣ, горемычной, два купчика молодые:
 «Здрастуй лапушка вдовая, воротись, радость домой!
 Я твоимъ буду хоромамъ коренной хозяинъ,
 Твоимъ малымъ дѣтушкамъ батюшка родимый;
 Тебѣ, молодой вдовушкѣ, буду миленькимъ дружкой!
 — Не бывать-то тебѣ, дѣтинкѣ, въ зеленомъ саду,
 — Не срывать-то тебѣ, дѣтинкѣ, горькой ягодки-калинки,
 — Не ѣдать тебѣ, дѣтинкѣ, сладкой ягодки малинки;
 — Не быть тебѣ во моемъ дому кореннымъ хозяиномъ,
 — Не быть тебѣ моимъ дѣтушкамъ батюшкой родимымъ,
 — Не быть тебѣ мнѣ, молодой вдовѣ, миленькимъ дружкой!»

*) Большая часть этихъ пѣсней напечатана была въ Саратовскихъ губернскихъ
 Вѣдомостяхъ.

ПОВѢСТИ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ.

I.

Повѣсть царя Давида и сына его царя Соломона премудраго ¹⁾.

Бысть у царя Давида три дѣвнцы, а не было ни единого сына. И нача царица Веставія божіимъ повелѣніемъ, не вѣмъ сына, не вѣмъ дщерь; и приспѣ время роженію и роди сына и нарекоша имя ему Соломономъ. И какъ будетъ седми лѣтъ, и даша его на соблюденіе доброму своему слуги, дядки именемъ Чкаль. Дятка учаль любити и блюсти съ великою радостію, единого никуда не пушая. А мати Соломонова Веставія пошла съ дѣвнцами на потѣху, и Соломонъ почаль по стѣнямъ ходити и говорити со своими отроки, почаль въ деревцѣ вѣсочки дѣлать и въ вѣсочкахъ вѣсить песью г...о съ женскимъ умомъ. А царица мати его пришла въ тѣ стѣни на потѣху, рече: «Что ты дѣлаешь?» И Соломонъ рече: «Вѣшу песью г...о съ женскимъ умомъ». И царица мати его удивися и рече дядки Чкалу: «Чкаль! поиди съ Соломономъ къ морю и выми сердце изъ Соломона, да принеси ко мнѣ, живо испеки: сердце его съѣмъ, а тѣло его въ море кишь». И Чкаль дятка рече: «Господине, чадо Соломоне! поидемъ къ морю». И Соломонъ пошелъ къ морю. Дятка Чкаль почаль говорити: «Днесъ, Соломонъ, мати твоя Веставія тебя велѣла потерять». И Соломонъ рече: «Дядька Чкаль! поиди да выми сердце изо пса и то сердце акн чловѣческое; а меня продай гостямъ заморянамъ на корабль». И дядька Чкаль вынялъ сердце изо пса и сердце акн чловѣческое и принесъ къ царицы,—спекше сердце съѣла; а Соломона продалъ на корабль

¹⁾ По рукописи половины прошлаго вѣка, принадлежащей Е. Д. Филимонову.

гостямъ. Гости же заставили Соломона каши варить и ходить по заморскимъ гостямъ. И пришли къ царю Давиду, принявъ даръ съ честію съ великою и противъ великихъ даровъ и гостинцовъ воздалъ гостямъ великою честію. И молвилъ царь Давидъ гостямъ: «Гости заморяна! Есть въ моемъ царствѣ колымага ¹⁾ добръ и добра, а цѣны той колымаги никто не отгадаетъ». И поставили колымагу предъ царя и рече царь: «Гости заморяна! естьли такой человекъ, отгадалъ бы той колымаги цѣну?» И гости предъ царемъ промолчали. И рече царь: «Отгадайте той колымаги цѣну, а не отгадаете колымаги цѣну и я съ васъ велю головы поснимати и дорогие товары за себя взяти; а буди отгадаете той колымаги цѣну, и я вамъ велю торговати безданно и безъ пошлины и всѣмъ вамъ воздамъ честь великую и съ дары великими и проводники велю проводить». И гости тому отвѣту не могутъ дать и цѣны той колымаги не вѣдаютъ и пошли со царева двора невеселы и вельми печальни. И вышелъ противъ гостей Соломонъ кашеваръ и рече гостямъ: «Гости заморяна! что вы за столъ и за скатерти сажатися не идете? Гости и въ величій печали, и думу думаютъ, и за столъ не идутъ. И во второй рече имъ Соломонъ: «Гости заморяна! что вы невеселы и думу думали, со царева двора шедше? отъ царя кое зло прилучилось вамъ?» И гости рекутъ къ Соломону: «Тежела естъ царева загадка, и намъ не отгануть; а сказалъ намъ царь Давидъ: «только не отгаднете той колымаги цѣну и я съ васъ велю головы снять и товары ваши велю за себя взяти; а будетъ отганемъ, и онъ намъ во царствѣ велитъ торговать безданно и безпошлинно, и онъ проводитъ насъ со дары и проводники съ великою честію». И Соломонъ гостямъ сказалъ: «Гости корабелшики! возверзите печаль на радость: васъ отъ смерти избавлю и ту царску загадку отгадаю, воздадите мнѣ великій даръ». И гости ему поклонилися до земли и принесли ему даръ, и рече Соломонъ: «Гости заморяна! дайте мнѣ еще драгія портища, съ чѣмъ мнѣ къ царю итти за столъ, и за скатерти садиться и загадку цареву отгануть». И гости заморяна пойдутъ ко царе-

¹⁾ За тѣмъ одно слово пропущено.

ву двору и съ Соломономъ. Царь Давидъ почалъ говорить: «Гости корабельники! отгадайте той колымаги цѣну». И Соломонъ емлетъ со стола хлѣба кромуху и пришелъ ко царю Давиду и рече: «Государь царь Давидъ! хлѣбъ дороже золота и сребра». И поиде со царева двора въ величій чести: гостей отъ смерти избавилъ и животь имъ далъ. Гости Соломону поклонилися до земли и пошли на корабли и Соломонъ побде жъ съ ними и пришли на корабль и имали великіе дары нести царю Давиду и принесли. И царь Давидъ гостинцы принялъ и гостямъ заморянамъ честь великую воздалъ и тѣшился на своей потѣхѣ и рече гостямъ: «Азъ вамъ загадку великую загаду и вы отгадаете? Конецъ моего царства стоитъ древо во златомъ вѣтѣхъ и у того древа самоцвѣтной камень, а сверху того древа мѣсяць сіяетъ, а около того древа у корени вкругъ по земли бѣлая пшеница и шва ржаная сильна. Аще не отганете тому древу цѣну и я съ васъ везю головы носимати, а товары ваши везю за себя взять, а отганете тому древу цѣну и вы въ моемъ царствѣ торгуйте безданно и безноплинно и вѣтъ вамъ воздамъ честь великую». И гости изумляся, не могутъ тому отвѣту дать и пошли ко своимъ кораблямъ. И вышелъ противъ гостей Соломонъ кашеваръ и рече имъ: «Гости заморяна! пора вамъ за столъ и за скатерти сажаться: И гости рекли: «Не до стола намъ пришло, царская кручина на насъ и загадка тяжела». И думаютъ, стоячи на корабли, думу великую о всѣхъ головахъ; и рече Соломонъ: «Гости заморяна! что мнѣ дадите, азъ васъ избавлю и царскую загадку отгадаю и вамъ царь животь дастъ»? И гостямъ слово то полюбилось, слышачи у кашевара, бьютъ челою своимъ головамъ и принесли ему даръ великъ. И рече Соломонъ гостямъ: «Дайте мнѣ дорогіи парчи, съ чѣмъ ко царю итти за столъ, и за скатерти сажаться и загадку его отгануть». И пошли къ царю и послѣ стола царь загадку заганулъ, и Соломонъ рече за столомъ: «Конецъ царства твоего древо въ златомъ вѣтѣхъ—то твое царство; а у того древа самоцвѣтной камень, то твои ближніе пріатели и стольные многіе князи и боляра; а сверхъ того древа сіяетъ мѣсяць, то ты государь царь Давидъ; а около того древа вкругъ у кореня пшеница бѣлоярая, то твои бояра

околничныя, столники, стряпчи и дворяня; а вокругъ нива ржаная, то твое сильное православное воинство». И царь Давидъ взглянулъ на Соломона и рече: «Кто еси ты?» Соломонъ рече: «Азъ есмь изъ заморья дѣтище». И гости пошли со царева двора въ величїи чести и царь Давидъ отпустилъ и рече: «Былъ еси у меня сынъ Соломонъ»; царица рече: «мертвъ бысть» и царь рече: «живъ есть у гостей и живеть—великъ даръ емлетъ». А Соломонъ пошелъ за море и говоритътакъ: «еще насина степенъ»,—и торговати пошелъ за море. И приде во царство ко царю Давыду за гостями въ величїи славъ, и высокъ и младъ есть. И пришедъ ко царю Давыду съ великими дарми и гостинцы, царь принялъ дары съ великою радостію и противъ даровъ воздалъ великую честь. И приде Соломонъ на свой корабль. Въ то время пришли отъ царицы еѣ дѣвцы, заморскаго товару смотрѣть. И Соломонъ на корабль сталъ дѣвцы виноградомъ кормить и медомъ поить и показалъ на корабляхъ три камня самоцвѣтные, которые сіяютъ за свѣчи мѣсто во дни и въ нощи. И изумился, смотрѣчи на самоцвѣтные камни и на Соломонову красоту и мудрости, и сказали царицѣ про самоцвѣтные камни и про его красоту, и царица велѣла предъ себя взять: «Пойди, Соломонъ, къ царицы, тебя зоветь къ себѣ». И поиде Соломонъ къ царицѣ на дворъ, подносить даръ и царица спросила: «Есть ли у тебя самоцвѣтный камень?» И Соломонъ рече: «Есть, государыня царица, три самоцвѣтные камни: отъ нихъ свѣтитъ во дни и въ нощи». И царица рече: «Принеси ко мнѣ самоцвѣтной камень.» И Соломонъ рече: «Царица! Миѣ тотъ камень несть ко царю Давыду въ подарокъ, а другїй камень держать у себя на кораблѣ, да свѣтитъ». И царица рече: «Что говоришь въ приданые дать?» И Соломонъ рече: «Кто со мной пребудеть ночь, тому и камень дамъ». И царица рече: «Азъ съ тобою пребуду». И Соломонъ рече: «Царица! дай миѣ сроку царю Давыду камень отдать, и къ тебѣ принесу и съ тобою пребуду ночь». И пошелъ ко царю на дворъ, и царь Давыдъ за столомъ сидитъ и рече: «Гости заморяна! Есть ли у васъ такая потѣха и такое узорочье? предъ царемъ котъ свѣтитъ: стоячи, держитъ свѣчу и съ виномъ скляницу держитъ предъ царемъ?» И Соломонъ рече: «Государь царь Давыдъ! дай сроку: буде не отгадаю загадки, вели миѣ го-

лову снять острымъ мечемъ по могучія плеча». И царь далъ сроку въ таковъ день прийти. И прииде Соломонъ ко царю Давыду и принесъ вещь. Царь Давидъ рече гостямъ: «Гости заморяна! есть ли у васъ такая потѣха и такое узорочье?» И Соломонъ пустилъ изъ рукава мышь: по столу пробѣжала, котъ свѣчу погасилъ и потѣху цареву учинилъ, склянницу котъ съ виномъ разбилъ. И Соломонъ премудрый ухватилъ своего зѣвря мышь, да опять за рукавъ пустилъ. Сталъ премудръ Соломонъ и бьетъ челомъ царю: «Государь царь Давыдъ есть виновать предъ тобою: тебѣ, царю, доспѣхъ учинилъ». И поиде со царева двора въ величѣй чести и узрѣ его царица, посла по него: «Скоро буди ко мнѣ и камень принеси». Соломонъ поиде къ царицы и принесъ камень къ царицы, подалъ царицы вскорѣ, и царица рече Соломону: «Поди ко кровати царской и лягъ со мною, со царицею, и подъ царевымъ одѣломъ на царевой постели». И царица рече: «Что ты не говоришь? для чего ты не подвигнешься ко мнѣ?» Соломонъ рече: «Странуся царевы постели». И царица одѣла его и взяла руку его и положила на свою шею и подвигнула его руку на свои груди и промолвила: «Что то?» И Соломонъ рече: «Тѣмъ есть скоромень». И подвигнула его руку по своему чреву и промолвила: «Что то?» И Соломонъ рече: «То мой камень изъ полаты». И подвигнула его руку ко своему сраму и рече: «Что то?» И Соломонъ рече: «Отгуду еси вышелъ и увидѣлъ свѣтъ и по царству пробѣжалъ». Царица рече: «Кто ты еси мудръ?» И есочилъ со царевы постели, и палъ предъ нею и заплакалъ предъ нею: «Государыня, мати моя! азъ есть сынъ твой Соломонъ. Государыня! Я вѣсилъ: и умъ твой съ песьимъ г...омъ равно; и у всякія женщины волосы долги, а умъ коротокъ». И пошелъ ко царю Давыду, бьетъ челомъ царю Давыду: «Государь царь Давыдъ! ты мой батюшко, а я твой сынъ Соломонъ.» И бысть въ величѣй радости и со своею царицею; на свое царство сожаетъ. И царь Соломонъ поиде по многимъ городамъ и поклонилъся ему многи цари и князи и подаютъ ему выходъ честный и даръ. И ходилъ царь Соломонъ много время, и цари и князи подъ его руку помогали. И царь Давыдъ пропустихъ лѣта и говоритъ тако: «Сынъ мой, Соломонъ! пора тебѣ жениться». Царь Соломонъ по отцову слову, царя Давыда по велѣнію, изо многихъ царствъ

выбираетъ себѣ дѣвицу прекрасную и мудрую, и посла посланіе ко царству ко царю Пору и отписалъ тако: «Въ прошлое лѣто былъ есмь я въ твоємъ царствѣ и со царицею твоею пребылъ ночь и спялъ съ правыя руки перстень златой». И послалъ Соломонъ тотъ перстень златой ко царю Пору въ даръхъ. И царь Поръ сталъ печалонъ, что перстень его и подписано царство его на перстнѣ томъ. А самъ царь Соломонъ привелъ жену свою къ отцу своему. Царь рече: «Сынъ мой, Соломонъ! жена твоя, а моя сноха красна: смерть тебѣ будетъ нѣ въ кое время.» Свѣдалъ же царь Поръ, что царь Соломонъ не женатъ и посла по своему царству кличъ кликать великъ, чтобъ Соломона увѣдать, женатъ ли или нѣтъ. И вышелъ княженецкой слуга и рече: «Государь царь Поръ! я тебѣ отвѣдаю, что Соломонъ женатъ ли или нѣтъ и тебѣ приведу царя Соломона и царицу жену его». И смѣлся ему, рече царь Поръ: «Можешь ли взять?» И рече слуга: «Царь! повели сдѣлать рукавицы золотыя, самоцвѣтнымъ каменѣмъ и жемчюгомъ». И пошелъ княженецкой слуга до царя Соломона въ царство его и показа гостю рукавицы золотыя съ жемчюгомъ. И гость рече: «Нецѣпныя рукавицы, царю или царицы носить; иди на царской дворъ». И скажутъ царицы про рукавицы, и царица велѣла предъ себя взять. И пришелъ посланникъ царевъ Поровъ ко царицѣ, и рече ему царица: «Сказали мнѣ, что есть у тебя рукавицы съ самоцвѣтнымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ?» И онъ ей показалъ. Царица рече: «Что тѣмъ рукавицамъ дѣлать?» И посланникъ рече: «Государыня царица! отъ неволи продаетъ:—на проходъ нужнаго на чужомъ царствѣ нѣсть и я есмь души своею дѣвки водоноски, а у насъ тому не жадны». И царицы полюбились тѣ рукавицы и рече цареву посланнику: «Есть ли у вашего царя Пора царица?» И посланникъ рече: «Пытасть еще имъ царь Поръ царицу себѣ и мѣсто уготованно». И царица рече: «Азъ иду за вашего царя Пора премудраго». Посланникъ рече: «Аль и я для того посланъ, царь Поръ для тебя». И царица рече: «Не можно намъ уйтить отъ царя Соломона, понеже онъ премудръ». И посланникъ рече: «Твоя бѣ охота была бѣ, а я могу тебя увезти». И царица рече: «Итти тебѣ со мною по земли: царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ; а у меня будь хоть орлиныя крылья, и Соломонъ яснымъ соколомъ, а моремъ щукою догонитъ». И по-

сланиникъ рече: «Дамъ тебѣ забудущаго зела и тебя доспѣю мертву и унесу на корабль». Царица велѣла ключи придѣлати у ложницы своей. «И тебя мертвую взнесу». И по совѣту, дастъ посланиникъ царицы зела, и царица мертва бысть. И пришли царевы люди и увидѣли царицу мертву и рече царю Давыду: «Государь царь Давыдъ! у царя Соломона жена умерла, а твоя сноха». Царь Соломонъ рече: «Отца моего слово сбылось мнѣ». И поиде царь Соломонъ къ мертвой царицѣ и узрѣлъ мертвую свою царицу: лежитъ на одрѣ, и царь Соломонъ велѣлъ сковать гвозди желѣзные и велитъ горячей пачечъ гвоздь и желѣзо кипячее и мертвую жеши. Соломонъ рече: «Не мертва буде, пробужу; а мертва, и схороню ея съ великою честію». И у гробницы поставилъ стражей крѣпкихъ. Посланиникъ, пустилъ на стражей сонъ мертвой: заснули стражи. Посланиникъ, выня гробницу со царицею, и принесъ по ншю корабль и побѣжа на корабль по морю и прибѣжалъ къ Пороу царству и оживилъ царицу, и ко царю Пору живу привелъ. Царь Поръ посланинику честь великую воздалъ, а царицу взялъ.

И послѣ того стражіе пробудились, а царица увезена. И царю Соломону сказали: «Государь царь Соломонъ! царица твоя увезена и съ гробницею». Царь Соломонъ растужился и падъ на землю, и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы шукою въ море и не нашелъ. И бысть печаленъ. И пришелъ посланиникъ отъ царя Пора и рече царю Соломону: «Царь Поръ послалъ къ тебѣ: нѣ въ кое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и перстень златой въ дарѣхъ и съ царицею моею пребылъ и въ моемъ царствѣ; а нынѣ я съ твоею царицею пребываю: твоя царица у меня нынѣ, увезена, у царя Пора во царствѣ». И царь Соломонъ печаленъ бысть и скоро посла своего во царство ко царю Пору: «Вели отвѣдать, есть ли моя царица у царя Пора». И далъ послу великъ закладъ. И посланиникъ рече: «Государь царь Соломонъ! дай мнѣ великъ царскій закладъ съ самоцвѣтнымъ каменіемъ». И поиде Соломоновъ посланиникъ въ дальнюю страну и показалъ гостю вѣнокъ царской златый съ самоцвѣтнымъ каменіемъ, и гость посмотрѣлъ и рече гость: «Не мойской вѣнокъ; подобаетъ

тотъ вѣнокъ царю или царицы носить: иди на царской дворъ и скажутъ царицѣ про вѣнокъ царскій золотый съ самоцвѣтнымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ». И царица велѣла предъ себя взять тотчасъ и рече царица: «Съ котораго ты царства и съ коей земли?» — «Азъ емь отъ царя Соломона изъ ово царства». И рече царица: «Есть ли у тебя вѣнокъ царскій золотый?» И посланникъ рече: «Есть, государыня!» И покажетъ ей вѣнокъ царскій золотой, и царица великую честь и даръ сподобаетъ посланнику и учала съ нимъ говорить про Соломоново житіе и царство. И какъ посланникъ Соломоновъ великую цѣну смяетъ за вѣнокъ и подписала царица, какъ у царя Соломона ушла. И царь Соломонъ учалъ собирать и собра войска своего 40,000 и пошелъ на царя Пору со всеми силами многими. И прииде ко царю Пору во царство и поставилъ своихъ крѣпкихъ воеводъ и силу и рече своимъ богатыремъ и уланамъ и князьямъ крѣпкимъ: «Стойте вы съ силами, а меня цари и князи и крѣпкіе воеводы, отпускайте ко царю Пору во царство и увижу своимъ яснымъ окомъ; а вы, сильные воеводы, ждите двоеннаго гласа къ себѣ отъ меня. Буду во царствѣ Поровѣ, то труба вострубитъ и вы борзо създайте своихъ добрыхъ коней; а въ другой часъ труба вострубитъ и вы посигнайте на добрыхъ своихъ коняхъ, не жалѣйте; а въ третей часъ труба вострубитъ, и вы напускайте съкните и топчите, живота не давайте. А буде троеннаго гласа не услышите, и подите въ свою землю въ мое царство, а меня не ждите и въ животъ меня не будетъ и великую по мнѣ память творите, а меня простите и благословите». А самъ царь Соломонъ пошелъ въ царство Порово въ нищенкомъ платьѣ и пошелъ ко цареву двору. И узрѣла его царица и она пошла и учала въ величій тоски пребывать и думу думать: приступи страхъ великъ. И пошелъ Соломонъ и не знаетъ никто; едина узрѣла его царица. И поиде Соломонъ ко царицѣ въ цареву палату и рече Соломонъ: «Что ты страхъ великъ держишь, понеже я пришелъ?» И царица не знаетъ, что промолвить, предъ нимъ стоячи. И Соломонъ рече: «Али ты меня знаешь, что я пришелъ за твоею красотою и за дорогимъ умомъ и смысломъ?» И царь Поръ изъ за стола вышелъ и царица пошлетъ царя Соломона въ палату и прикры

его ковромъ. Въ тотъ часъ пришелъ царь Поръ ко царицѣ въ палату, и любитъ ее и ложится на царскую постелю. И царица рече царю Пору: «Что ты меня любишь? Пришелъ царь Соломонъ ко мнѣ». И царь Поръ рече: «Моему брату, царю Соломону гитватца онъ, саблею и мурзавецкимъ копьемъ досталъ еси яко тебя, ты еси пришла ко мнѣ». И царица рече: «Соломонъ: выди». И Соломонъ вышелъ и смелетъ царицу за руку и говоритъ: «Моя жена». И царь Поръ рече: «Кабы твоя была, и она бы у тебя была во царствѣ: мудръ еси Соломонъ, два медвѣдя въ одной коморѣ не уживутся, а два мужа съ одною женою не могутъ ужиться. Коей ты смерти хочешь?» И царь Соломонъ рече: «Государь царь Поръ! твоя воля царская у тебя въ рукахъ». И царь Поръ рече: «И пошлю тебя и велю тебѣ голову снять острымъ мечемъ или по улицамъ размыкать или красныя смерти». И царь Соломонъ рече: «Дай мнѣ красныя смерти — повѣшену быть». И царь даетъ его пилату и шпатель поставилъ на рѣли три оселка 1 шелковой, 2 серебряной, 3 золотой. И пилать рече: «Государь царь Поръ! твоя страшная и грозная смерть поставлена на царя Соломона». И царь Поръ рече: «Поведите его на страшную смерть». И въѣхалъ царь Поръ со царицею и весь миръ смерти, что царь Поръ хочетъ царя Соломона. Рече: «Брате пилате! молви царю Пору, что царь Соломонъ проситъ ворона меду птицъ, чтобъ не страшна смерть царева была Соломонова; и проси у него злаченая трубы:» «смалу еси бывалъ охотникъ въ трубу играть ратную». И пилать пушнесь ворона меду и трубу злаченую. И царь Соломонъ испиваетъ кубецъ ворона меду, играетъ въ злаченую трубу. А какъ трубить, и земля воздвигнется отъ трубнаго гласу; тѣмъ затруби и молвилъ: «Съдлайте добрыхъ коней, поспѣшите, цари и князи, приидите ко царю самому». И пилать рече: «Дѣлай скоро, стоитъ страшная смерть твоя предъ тобою и предъ твоими очми». И постоялъ царь Соломонъ и рече: «Брате пилате! не сойду я отсель даромъ»; а другую рѣчь речеть: «Не торопись, будетъ повѣшенъ, видишь, въ коемъ мѣстѣ смерть моя будетъ». И возшелъ на второй оселокъ серебряной и ратнымъ гласомъ въ трубу вострубилъ также: «Поспѣшайте, мои милые друзи, не жалѣйте добрыхъ своихъ коней». И

земля дрожить, — «и царь Поръ стоитъ со царицею у моей страшныя смерти, и вы цари и князи и уланные воеводы поспѣшайте скоро ко мнѣ». А самъ царь Соломонъ идетъ на третій восходъ, узрѣвъ своихъ сильныхъ воеводъ и вострубилъ ратнымъ гласомъ, а труба злачена говоритъ, что плачеть: «Наѣзжайте, сѣките, топчите, живота не давайте и милости не кажите». И царь Соломонъ въ величїи радости исходитъ къ земли, на нижней сходъ; сего цари и князи и уланные воеводы падаютъ предъ царемъ Соломономъ на царскія колѣни, и Соломонъ ко царю Пору говоритъ: «Глупая твоя царица и неразумная! погубить человѣка хотѣла и велѣла еси три оселка сдѣлать: оселокъ шелковой, а другой серебряной, а третій золотой; удавила бы веревкою лышиною: хотя бъ лыко отъ лаптя и оторвала и тѣмъ бы удавила, таково бы и смерть приняла». И царь Соломонъ скоро опалися и велитъ повести во златой оселокъ, а царицу въ серебряной, а пилата велѣлъ въ шелковой оселокъ, а дворовыхъ людей велѣлъ понмати за себя, съ товары и животы во свое царство взять. И начана жить и Бога хвалить, что его Богъ избавилъ отъ смерти, Ему же слава нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

II 1).

Бысть во градъ Іерусалимъ царь великій именемъ Давидъ, сынъ пророка Іосія; по древнему закону имѣлъ женъ много, 30 царицъ, 70 паложницъ дѣвицъ красныхъ и чадородія у него—ни сына, ни дщери не было. И нача молитиса царь Давидъ Господу Богу Савооу, чтобъ Богъ ему подаровалъ дѣтнице, сына въ наслѣдіе послѣ его царствія граду Іерусалиму

1) По рукописи начала XVIII вѣка, съ картинками, принадлежащей И. Е. Забѣлину. Въ этой рукописи утрачены листы 51 и 53 и въ некоторыхъ мѣстахъ вырвано по нѣскольку строкъ. Текстъ утраченныхъ листовъ и испорченныхъ страницъ рукописи мы предлагаемъ по современному ей списку повѣсти, принадлежащему также И. Е. Забѣлину. Этотъ послѣдній списокъ почти буквально сходенъ съ печатаемою рукописью; для картинъ въ немъ оставлены пуста мѣста. Но и этотъ списокъ неполонъ: въ немъ утрачено десять первыхъ листовъ (до словъ: *И скажи ей, что де сказалъ сына твоего*) и нѣсколько листовъ въ концѣ. Онъ прерывается словами: *сослдова сына украде дѣтнице и принесъ въ домъ свой.* Ред.

царемъ. И бысть у царя Давида царица Вирсавія именемъ и услыша Богъ молитву ихъ и зача въ чревъ царица ево Вирсавія сына; и бысть совершение чреву ея и царица роди сына и нарекоша имя ему Соломонъ, бѣ бо красенъ лицемъ и премудръ зѣло. И како дѣтище будетъ трехъ недѣль и нача ходити въ полатѣ: и бысть у царя радость велия. И какъ будетъ Соломонъ девяти недѣль, и нача глаголати отцу своему, царю Давиду отъ своей мудрости: «Великій государь мой батюшка царь Давидъ Исусевичъ! что есть сіе гаданіе мое? въ нѣкоемъ градѣ бысть царь вельми славенъ зѣло и бысть у него въ полатѣ 30 птицъ навлиновъ златоперыхъ: изъ тѣхъ навлиновъ по одной бралъ и съ ними потѣшался у себя въ палатѣ своей; изъ тѣхъ птицъ одна птица зѣло царю полубилась и мила, и та птица златоперая пава не восхотѣ съ навлинномъ совокупитися и потопталася съ невѣжливою мякиною птицею з гусемъ». И рече ему царь Давидъ: «повѣсть сію азъ, сыне мой, разумѣю, что съ гусемъ потопталася». И виде царь Давидъ вельми мудро свое дѣтище, что божіимъ повелѣніемъ мудро глаголетъ, и потомъ даде царь Давидъ сына своего Соломона на сбереженіе нѣкоему своему вѣрному боярину Ачкилу. И во едино время бысть дѣтищу Соломону въ полатѣ, сивцу ему въ колыбели, и ту ночь приде къ матери его, Вирсавіи царицѣ, посацкой челоуѣкѣ Евренинъ и нача ея паловати, глаголюще: «Госпоже, благородная царица Вирсавія! вельми ты мнѣ любя и мила, токмо боюся сего царевича Соломона: не престаесть онъ мнѣ видѣться во ... И рече ему царица Вирсавія: «Господине! мой любезный, аще ты сего отрока сына моего боишися и не хочещи со мною любовь творити, и азъ его сегоже часу погублю, дамъ ему отраву смертную». И какъ царица нача блудное дѣло съ тѣмъ мужикомъ творити, и царевичъ Соломонъ изъ колыбели выскочилъ вопъ и закричалъ великимъ гласомъ: «О несытый посацкій мужикъ! не по себѣ еси ты виноградъ щиплешь и садъ батюшкинъ царской крадешь и чужю ину орешь и на краденой кобылѣ ѣдшишь». И грибъже къ боярину своему Ачкилу и ляже подлѣ его спати и плача неутѣшно и рыдая. И бояринъ его збережатою Ачкилѣ былъ во ужасѣ велицѣмъ и рече ему: «Благородный государь, царевичъ Соломонъ! повѣжда мнѣ (почто) борзо утекъ еси?

али тебя государя во снѣ страхъ нѣкій объять привидѣніемъ или тебя государя мамы и няньки чимъ прогнѣвали?» И рече ему царевичъ Соломонъ, боярину своему Ачкилу: «Господине Ачкил! нынѣ азъ во снѣ видѣлъ привидѣніе страшное и азъ къ тебѣ отъ того привидѣнія утекохъ въ полату, а видѣлъ азъ привидѣніе и слышахъ: кабы въ полату вѣиде звѣрь лютый и учалъ матушку мою ясти; азъ въ привидѣніи воздрогнулся и еще больше сего видѣхъ: кабы лѣсный звѣрь медвѣдь пріиде въ конюшню и стѣлъ на любимаго коня отца моего и учалъ по всей конюшнѣ ѣздить; и того азъ не могъ стерпѣти и побѣже стѣмо». И вставъ царевичъ Соломонъ и поиде ко отцу своему царю Давиду и поклонися ему и рече: «Отче мой, государь царь Давиде! что сіе бысть тому винограду, зѣло цвѣтушу всякими цвѣти различными? всѣ дерева цвѣтоша винограда того, а плода отъ нихъ никогда не было; въ томъ же садѣ бысть древо вельми украшенно шаче всѣхъ тѣхъ виноградныхъ древъ, и берегъ его царь вельми; и то древо принесе ему плодъ—едино червленно яблоко и царь положи его на златое блюдо и зрѣти на него и тѣмъ себя утѣшалъ, и единымъ днемъ царь тѣшился самъ яблокомъ и положи въ златый ларець до утра; и во единое время учинися въ виноградѣ томъ и, стражемъ винограда того уснувшимъ, и внезапно вскочи въ виноградъ той смердящій скотъ козель и погрызе у винограда любимое древо и оскверни его слонами вонучими?» И рече царь Давидъ сыну своему Соломону: «Мудра вельми твоя рѣчь, сыне мой Соломоне: вся ея разумѣю, токмо древа сего единого не могу разумѣти». И рече царевичъ Соломонъ: «Государь мой батюшка Давидъ! се моя премудрость (рече) буду тебѣ толковати въ предъидушія лѣта возраста моего». И бысть Соломонъ возраста своего трехъ лѣтъ: играющу ему со отроки, боярскими дѣтми, и нача изъ древа вѣски дѣлати и положи во единъ вѣсокъ на блюдѣ серебряномъ злато, а на другой вѣсокъ на блюдѣ калъ исеіи. И въ то время случися матери его Вирсавіи, царицѣ, съ дѣвницами итти къ царю Давиду къ столу; и виде Вирсавія сына своего, царевича Соломона, въ полатахъ игры творяща со отроки боярскими: вѣсина на блюдѣ злато да съ нимъ исеіи калъ, и перетянулъ калъ тремя златинки тяжеле злата. И вопросила его мати его: «Почто, сыне мой Со-

ломоне, тако творши?» И рече ей царевичъ Соломонъ: «Азъ есть сіе тако творю: что на блюдѣ злато, то есть всякія жены разумъ таковъ легокъ, что худже и песія калу, у всякія жены властъ долгъ, а умъ коротокъ». И мать ему противъ тѣхъ рѣчей ничего не отвѣдала, только аки звѣрь лютой скрынула зубы своими и понде ко царю въ полату. И бысть нощи, призва царица вѣрнано своего боярина и посла его по всему граду Іерусалиму всякаго чину избрати тайно дѣтище во образѣ царевича Соломона. И наиде бояринъ дѣтище у нѣкоего челоука кузнецова сына во образѣ царевича Соломона и принесоша его къ царицѣ Вирсавіи. И потомъ царица Вирсавія повелѣ призвати боярина того, которому царевичъ данъ на сбереженіе, именовъ Ачкилу, и глагола ему тайно: «Господине Ачкило! послушай мене и моихъ словесъ: возьми сына моего царевича Соломона и иди съ нимъ на теплое море и заколи его на берегѣ моря и вынь изъ него сердце и испеки и принеси ко мнѣ, а тѣло ево броси въ море». И бояринъ Ачкило рече къ ней: «Государыня, благородная царица Вирсавія! помилуй сына своего, царевича Соломона, и меня раба своего не дай напрасной смерти. Аще сіе провѣдаетъ царь Давидъ, велитъ меня казнити горькою смертію, а жену и чадъ моихъ и весь родъ мой погубитъ». А самъ стоя плакашеса горько. Рече ему царица: «Аще сего не сотвориши, и азъ наведу на тя царю и примешу горькою смертію». И рече ему (sic!) бояринъ Ачкило: «Государыня, благородная царица Вирсавія! послушай меня раба своего. Слышалъ я въ богодухновенныхъ книгахъ, въ бытіи: «аще кто подыметъ рабъ руку на владыку, а именно на господина своего, достоинно тому рабу руку отъять и голова отсѣчи; а ты, государыня, имѣешь у себя едиnorodнаго сына и того велишь предати напрасной смерти». Рече ему царица: «Не сынъ есть мнѣ сей, но супостатъ ми нынѣ есть при старости моей, не поминокъ душѣ будетъ; есть у меня сынъ избранный, имѣю его у себя владѣти ми: будетъ при старости моей чинтатель и по смерти моей поминокъ»—и показа ему дѣтище, кузнецова сына въ образѣ царевича Соломона,—«аще сего не сотвориши, смертію умрешу; иди борзо и сотвориши по глаголу моему: аще сего не сотвориши, то нынѣ избери себѣ смерть или животъ». И бояринъ плакаше горько и поклонися царицѣ и рече: «Госуда-

рыня, благородная царица Вирсавія! слышалъ я во уложенъ, въ судебной книгѣ, писано: «не рожденъ—не смнѣ, не окупленъ не холопъ, а вспоя вскормя врага не видать». И поклонився царицѣ, и поиде отъ нея изъ полаты.

И прииде въ полату къ царевичу Соломонѣ, плача и рыдая вельми. А царевичъ Соломонъ въ полатѣ играетъ со отроки боярскими и того ничего не вѣдаетъ. И увидѣ боярина своего Ачкилу, пришедшаго къ нему, зѣло плачуща горько, и отложи царевичъ Соломонъ игру свою и приступи къ боярину своему Ачкилу, вопрошая его: «Про что ты, збережатой мой бояринъ, плачеша вельми и стѣуеши? Изыде нездорово изъ полаты отъ матери моей?» И рече ему бояринъ Ачкило: «Какъ мнѣ не плакати? вельми плачу, государь, и стѣую, а повѣдати тебѣ государю, не смѣю здѣ, развѣ на единѣ скажу». И царевичъ Соломонъ повелѣ встѣмъ отрокомъ отступити и нача бояринъ наедшии сказывати царевичу Соломонѣ: «Государь, царевичъ Соломонъ! повелѣ матушка твоя, царица Вирсавія: претила мнѣ горькою смертію, велѣла мнѣ изобрать нынѣ смерть или животъ; велѣла тебя, государь, свести на теплое море и на берегу морскомъ заклати тя, а сердце твое изъ тебя вынать и испещи и принести къ себѣ, а тѣло твое, государь, велѣла кинуть въ море». И рече ему царевичъ Соломонъ боярину своему: «Не плачь, господине мой збережатой! возложи на Господа печаль твою и Той насъ прештаетъ и соблюдетъ отъ напрасныя смерти сея и будемъ жити во вѣки; воля матушкина: что хочеть, то и творить». Въ то число прилучися царю Давиду отъѣхати изъ дому въ весь ради потѣшенія; и пришедшей пощи, помолися царевичъ Господу Богу о соблюденіи своемъ и поиде Соломонъ съ бояриномъ своимъ Ачкилою на теплое море и обрѣтоша на пути пса съ сукою играющихъ, и рече царевичъ Соломонъ боярину своему Ачкилу: «Поиди, бояринъ! возьми пса играющихъ съ сукою и заколи его и и вынь изъ него сердце и испеки и принеси матери моей и даждь ей, да ясть. Азъ поѣду въ дальныя незнаемыя грады, веси питатися Бога ради и какъ буду въ возрастѣ божіимъ повелѣніемъ, надѣяся на Господа Бога своего, а либо возвращающа вснать либо къ отцу своему и матери, а ты нынѣ будещи живъ; токмо тебѣ заповѣдаю: какъ ты сердце псово ис-

печешь и принесешь къ матери моей Вирсавіи царицы и скажи ей, что де заклалъ сына твоего на тепломъ морѣ при брезѣ, а сердце его вынулъ, испекъ и принесохъ къ тебѣ, а тѣло его зинулъ въ море и поклонися матери моей, чтобы она меня помнила». И бояринъ Ачкило обѣщася сказати все матери его и потомъ царевичъ Соломонъ и бояринъ Ачкило плакася на многъ часъ и цѣловастася другъ съ другомъ и поиде Соломонъ по берегу моря въ дальнія страны, грады и веси, идѣже путь его предлежитъ. На предлежащее да возвратимся.

О бояринѣ Ачкилѣ. И какъ бояринъ Ачкило плакася горько по царевичѣ Соломонѣ, испекше сердце псово и принесе его царицѣ Вирсавіи и сказа ей, что «повелѣнное сотворихъ: заклалъ царевича Соломона при брезѣ морстѣмъ, а сердце его вынулъ, испекохъ и принесохъ къ тебѣ, а тѣло его зинухъ въ море». Царица же взя сердце псово и нача ясти и сѣде сердце псово все и рече: «О люто и зло, яко сердце его смердитъ зѣло лихостию».

И царю Давиду пріѣхавшу изъ веси тоя въ домъ свой, и вниде въ полату свою и вопроши сына своего царевича Соломона, — по обычаю своему восхотѣ отъ него утѣшатися имъ и призва боярина своего Ачкилу и повелѣ ему царевича Соломона принести къ себѣ въ полату. И бояринъ Ачкило поиде ко царицѣ въ полату и рече: «Государыня, благородная царице Вирсавія! Какъ изволишь? царь Давидъ сына своего царевича Соломона повелѣ мнѣ принести». И рече ему царица: «Поди, бояринъ; скажи царю Давиду: сынъ де твоей милый немоцствуетъ зѣло люто и чѣто во умѣ своемъ мудромъ, испустити ума и бысть безгласенъ». И бояринъ приде и сказа царю все о царевичѣ Соломонѣ, какъ ему царица сказала. Скочи царь Давидъ со престола своего и побѣже къ царицѣ своей въ полату и узрѣ кузнецова сына на одрѣ лежаща чья сына своего царевича Соломона, и взя его на перси своя и облобыза его и рече со слезами: «О милый мой сыне, любезнѣишій свѣте очію моею и жезле старости моя преломися и мудрѣя твоя словеса помутилися, языкъ веселоголавыи заградися, лице зрака твоего прелѣниши, очи его исчезосте и не могу азъ видѣти радости и упованія моего царствія! погиблъ,

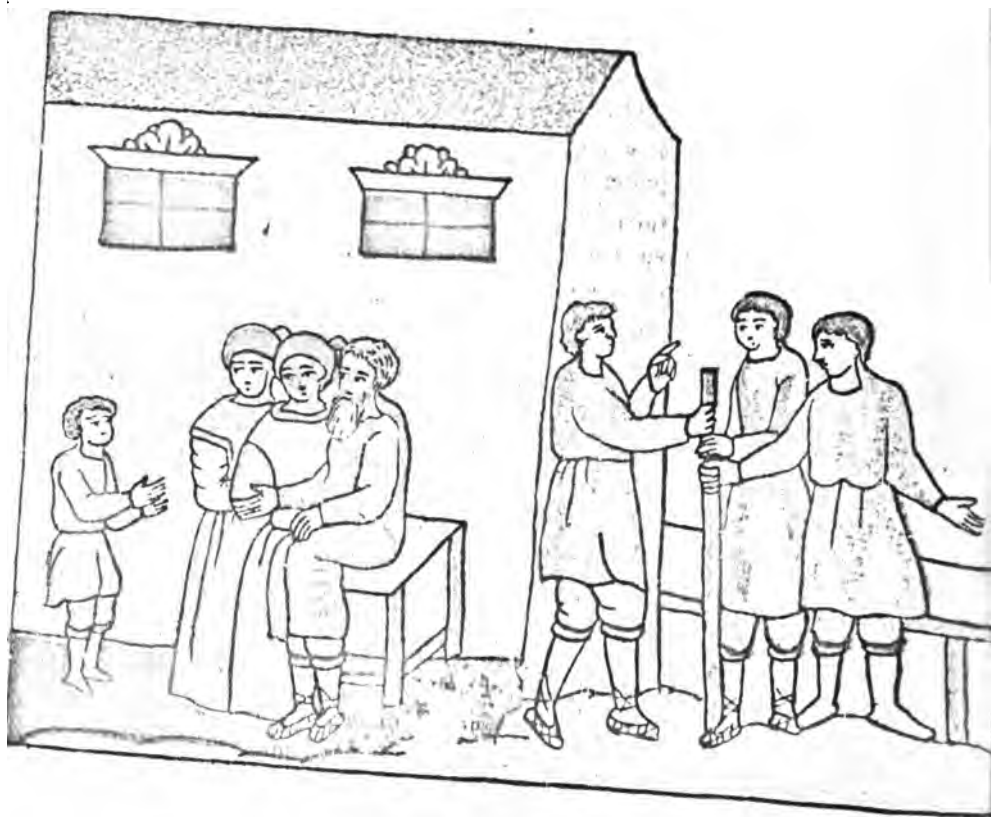

нынѣ приде на мя печаль». И рыдая горько, и облечеса царь Давидъ въ черныя ризы, возложи ¹⁾ на ся постъ велій и милостыни много творяше нищимъ довольно. И постяся три лѣта и мѣсяць 7.

И какъ царевичъ Соломонъ, шествуя по берегу моря теплаго, и приде въ весь иткую и обрѣте крестьянина, рожа молотяща на гумнѣ съ трема сыны своими. И сяде царевичъ Соломонъ на ометъ ржаномъ. И какъ крестьянинъ отмолотилъ хлѣбъ, и есть бо у него много хлѣба, что не можетъ во что сыпать, и рече крестьянинъ сынамъ своимъ: «Чада моя возлюбленная! азъ есть старъ, а мати ваша при смерти лежаше; и азъ житіе свое вамъ хочу раздѣлити, чтобы вы по смерти моеи межъ вами злобы не было». У того крестьянина три сына и три дочери. И раздѣли крестьянинъ то имѣніе свое на три части: золото и серебро положилъ—едина доля, скоть и кони положи—вторая доля, третія доля—хлѣбъ всякой. И рече отецъ сынамъ своимъ: «Чада моя милая! послушайте мене и моихъ словесъ. Аще кто повѣдаетъ мнѣ злату и серебру цѣну, отъ чего сотворено и чимъ сіе взято, тому злато и серебро; а который мнѣ отвѣщаетъ отъ коней, который конь всѣхъ честиѣ и которая скотина чловѣка богатѣетъ и еще скажите мнѣ: съ которою скотиною чловѣкъ богатѣетъ и въ которой скотинѣ чловѣкъ опочиваетъ:—тому и злато и серебро; а еще кто отвѣдаетъ мнѣ: сколько въ котомъ зеренъ, тому и хлѣбъ весь». И тутъ дѣти отцу своему до могли ничего отвѣдать. И единъ сынъ иде ко омету печалесъ зѣло, гдѣ царевичъ сѣдитъ Соломонъ и рече ему царевичъ Соломонъ: «Брате! что скорбншии и чѣмъ стѣтуешн!» И крестьянской сынъ рече ему: «Отецъ нашъ раздѣлялъ намъ имѣніе свое, кони и скотину и хлѣбъ всякой и рекъ намъ мудростію велию и повелѣ намъ мудрымъ своимъ рѣчамъ отъѣтъ дати и намъ немогущимъ отвѣчати противъ его рѣчей». И рече царевичъ Соломонъ: «Брате! не мудрость отца вашего, но глупость; азъ все слышалъ. Азъ младъ лѣты и малъ, сію рѣчь и мудрость его всю разумѣю: имамъ отвѣтъ дати; можете ли вы меня большимъ братомъ называть?» И рече крестьян-

¹⁾ Въ рукописи: *возложеншии*.

ской сынъ: «Государь дѣтище младый! помилуй насъ трехъ братьевъ; дай отвѣтъ отцу нашему и раздѣли намъ житіе отца нашего». И взя его въ домъ свой. И увидѣ крестьянннъ младое дѣтище въ дому своемъ, вопроси его: «Скажи мнѣ, младое дѣтище: откуда еси пришелъ и кто есть отецъ твой и мати? и почто сѣмо обитаеши здѣ? и есть ли у тебя отецъ и матъ? и какъ твое имя?» И рече царевичъ Соломонъ крестьяннну: «Азъ есмь града божія Іерусалиму, отца праведна, отецъ мой пѣвецъ, мати моя блудница; отецъ мой по горло сидитъ въ водѣ, проситъ пити, а напиться не можетъ». И крестьянннъ удивися Соломоновъ премудрости и назва его сыномъ и радъ бысть ему вельми. И вопроси его Соломонъ крестьяннна и рече ему: «Что, отче, чадомъ своимъ рекъ еси мудрая словеса о животѣ своемъ и имъ не возмогаша отповѣдати тебѣ, азъ сію мудрость твою могу отповѣдати». И рече царевичъ Соломонъ крестьянскимъ сыномъ: «Киньте жребій: кому будетъ скотина и кони, и кому будетъ хлѣбное и мѣтніе?» И кинуша они три брата жребій. Большему сыну достался хлѣбъ, среднему сыну досталось злато и сребро, меньшему сыну достались кони и скотина. И бысть вечеру сушу, и рече царевичъ Соломонъ крестьянскимъ сыномъ: «Передумайте братія моя! Отецъ вашъ умрутъ и мати, и послѣ вы будете въ разномъ чину: большой братъ будетъ во отеческомъ чину, — счастливъ будетъ, средний братъ будетъ купецъ, меньшій братъ воинъ будетъ и приметъ боярство у царя; вси вы богати будете». И рече крестьянннъ: «Скажи мнѣ, младое дѣтище: «Есть ли у тебя три дочери, кому которая дочь моя будетъ жена?» И рече царевичъ Соломонъ: «Вѣдомо тебѣ буди: большая дочь будетъ попадѣ; средняя дочь будетъ боярнина». И рече крестьянннъ царевичу Соломону: «Вижу ты отроча вельми разумна и мудрость въ устѣхъ твоихъ. Скажи мой отвѣтъ словесемъ моимъ: что есть, отъ чего злато и сребро сотворено?» И рече Соломонъ: «Злато сотворено отъ царскихъ очей: всему богатству царь злато украшеніе, всякаго чловѣка честь; а сребро отъ неправды и мзда есть: единого чловѣка богатитъ, а другаго разоряетъ; сія есть, — разбой и татьбу подымаетъ, тѣло веселитъ, а душу его во адъ сводитъ, въ муку вѣчную». И крестьянннъ зѣло подивися

скорому и мудрому его отвѣту, и бысть крестьянинъ въ ужасѣ велпцѣмъ. И потомъ царевичъ Соломонъ повелѣ злато и сребро отдати среднему сыну и повелѣ отцу сына наказати вельми, чтобы держалъ имѣніе свое праведно, а не лихоимствомъ. И паки рече крестьянинъ царевичю Соломону: «Скажи мнѣ, чадо богоданное, второй отвѣтъ: съ которымъ конемъ чловѣкъ говоритъ и въ которой скотинѣ чловѣкъ опочиваетъ?» И рече царевичъ Соломонъ: «Чловѣкъ говоритъ со скотомъ съ конемъ, онъ какъ ржетъ; возникъ всякое число работасть на немъ или ино что творить, а покаряются кони кою ослятъ, что онъ всѣмъ конемъ глава. А въ скотину чловѣкъ живъ входитъ и паки исходитъ, то есть скотъ овенъ: сего людѣ всякого заколають, а мясо снѣдаютъ, а въ кожу весь облачается и главу, и руцѣ и нозѣ, потомъ чловѣкъ въ нея входитъ и паки исходитъ, когда на опочивъ разоблачится; потомъ чловѣкъ спочиваетъ на скотинѣ: крылатыхъ гусей чловѣцъ убиваютъ, мясо снѣдаютъ, а перія употребляютъ, — перины дѣлають и на нихъ опочиваютъ». И потомъ царевичъ Соломонъ повелѣ отцу коней и скотину всю сыну меньшему отдати и повелѣ ему сына своего наказати, чтобы жилъ не гордостію и не величаніемъ, чтобы имѣлъ ко всѣмъ православнымъ христіаномъ любовь и милость. И тутъ крестьянинъ началъ отъ страха трепетати и не могъ сидѣти. И потомъ возста крестьянинъ съ женою своею и съ дѣтьми противу его, видя отрока вельми мудра и пача его крестьянинъ о третіемъ отвѣтѣ вопрошати: «Скажи мнѣ, чадо мое богоданное, третій отвѣтъ: что счету въ моемъ всякомъ хлѣбѣ и что именуется тѣло христово и безъ которого хлѣба чловѣкъ не умираетъ?» И рече царевичъ Соломонъ: «Счетъ хлѣбу твоему у чловѣка зубы во ртѣ: сколько чловѣкъ зубами откуситъ хлѣба, — сколько было зеренъ въ кускѣ, по стольку и пожуетъ: много укуситъ, много и жуеть, только безъ хлѣба ниже; тѣло именуется господне, хлѣбъ отъ рая пшеница: когда іерей божественную литургію служить надъ хлѣбами пшеничными, причащается, и явится тѣло христово и безъ него никоторой чловѣкъ вѣрой не живетъ; по причащается и не умретъ». И потомъ повелѣ хлѣбное имѣніе отдати большому сыну и повелѣ его наказати, чтобы жилъ

спрениемъ, а не воровствомъ и не татьбою и не клеветникомъ, жилъ бы вѣрою и правдою и милостынею; милостыню бы творилъ почасту нищимъ. И потомъ крестьянинъ, падъ на ногу Соломону царевичу и съ женою своею и съ дѣтьми, и вопросы его о имени, и рече Соломонъ: «Имя мое—Разумникъ нарицаюся». И нарече его крестьянинъ въ дому своемъ быти наставникомъ, и бысть радость велия въ дому крестьянскомъ о царевичѣ Соломонѣ. И потомъ царевичъ Соломонъ учалъ у крестьянина въ дому жити и поживе у крестьянина въ дому три года.

И началъ царевичъ Соломонъ суды творити: собравъ крестьянскихъ дѣтей множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бысть; а иныхъ дѣтей восводами поставляюще, а иныхъ въ суди; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро и послалше тоя веси жители многія и начальники и помѣстники; и узрѣвшіе людіе Соломонову мудрость, како младъ да вельми мудръ и како градъ сотвори и во градъ постави начальники чиномъ, по челоуку зря, — удивившася зѣло и рекоша, яко во всей вселенной такова отрока не обрѣтается. И начаша къ нему приводити дѣтей своихъ въ наученіе витежскому дѣлу и собрашася къ нему всякихъ дѣтей многое множество. И потомъ крестьянинъ поживе при Соломонѣ 5 лѣтъ въ дому своемъ и умре и съ женою своею и дѣтей своихъ приказалъ царевичу Соломону, чтобы у нихъ онъ былъ имъ наставникъ и учитель, Соломонъ царевичъ у тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, черныя работы не зналъ и работать не хочетъ. И рече Соломонъ крестьянскимъ дѣтямъ: «Братія моя милая! послушайте мене: отецъ мой, Богомъ данной, и мати наша умре и велѣли мнѣ васъ не покинуть; и азъ младъ, нынѣ девяти лѣтъ и мнѣ вашей работати ¹⁾ — не мощь: стану азъ вамъ скотину вашу и кони пасти: сила моя и разумъ таковъ». И рекоша братія его: «Государь нашъ, братецъ Разумникъ! Хотя бы ты былъ великаго возраста двадцати лѣтъ и больше, и мы бы на тебя никакія работы не спрашивали. А нынѣ ты, государь нашъ братецъ Разумникъ, лѣты младъ, а умомъ паче

¹⁾ Въ св. № 2: *вашей работы дѣлать.*

всѣхъ старыхъ людей превзыде; мы тебя имѣемъ паче родного отца, нежели брата: ты нашъ наставникъ и учитель». — «Миръ вамъ, братіе! да будетъ съ вами. Божественное писаніе пишетъ: аще кто въ дому своемъ не дѣлаеть, той и не ясть; лѣнливымъ челоуѣкомъ въ дому своемъ горши больного челоуѣка: больной лежитъ да не ясть, а лѣливый лежитъ да ясть». Взя скотину и кони и погна въ поле. И бысть вещь предивная, яко кони и скотину пасти день, а къ вечеру суды судить войску своему и со отроки крестьянскими игры творяще. И бысть сему три годы творяще царевичъ Соломонъ по вся дни. Давиду царю пріѣхавшу изъ веси тоя въ другой разъ и узрѣ кузнецова сына со отроки боярскими игры творяща: постави стулъ и повелѣ отрокомъ доспѣти молоты деревянны и нача на стулѣ ковати, и видѣ царь Давидъ, смутися умомъ и нача помышляти, яко не Соломонъ сей отрокъ есть; наипаче въ постѣ вииде и сѣтуя о томъ. И во едину пощъ молящуся царю Давиду Господеви Богу, прилежно вопія псаломъ сей: «Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да пріидеть!» и протчая. *И абіе бысть ему молящуся* ¹⁾, и абіе пріиде къ нему съ небеси гласъ: «Давиде! Давиде, царю! что вопіеши ко мнѣ?» И рече царь Давидъ: «Господи! яко благоволилъ еси плодъ чрева моего и роди мнѣ жена сына и внезапно что есть сіе отроча? дряхло, испусти умъ свой царской, приложися ковачемъ!» И рече ему ангелъ господень: «Давиде! Давиде! не твой сынъ, но градского кузнеца именемъ Олпады, а отрокъ, твой сынъ, царевичъ Соломонъ, въ замори, Египетской веси у крестьянина живетъ пастухомъ: кони и скотину пасеть». И потомъ невидимъ бысть ангелъ господень.

И бысть утро; призва царь Давидъ боярина своего Ачкилу и рече ему: «Скажи ми, бояринъ вѣрный: чіе есть сіе отроча, паречеся Соломонъ царевичъ? гдѣ взялъ еси его и куды моего сына царевича Соломона истерялъ? Аше мнѣ не повѣси ту правду, то будеши моимъ мечемъ пораженъ». И рече бояринъ: «Великій царь Давиде! Азъ, рабъ твой, согрѣшихъ предъ тобою; достоинъ есть, по глаголу твоему сего ²⁾ смертію казненъ быти». И падъ

¹⁾ Въ спискѣ № 2 слово, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ.

²⁾ За этимъ пропущено находящееся въ спискѣ № 2 слово: *часу*.

на землю, аки мертвъ. И рече ему царь Давидъ: «Буди живъ отъ сего часа, токмо повѣдай мнѣ истинну». И бояринъ Ачкило нача царю Давиду сказывати всю истинну, какъ царица Вирсавія сына своего царевича Соломона велѣла погубити *и какъ* ¹⁾ его стращала мнѣ горькою смертію: «и посла меня съ нимъ къ теплomu морю и повелѣ на брезѣ морстѣмъ заклати его, и сердце его вынати и на углѣхъ испещи и принести къ себѣ ясть, а тѣло его повелѣ повергнути въ море», и какъ имъ попалися на пузи песь съ сухою играющихъ, «и царевичъ Соломонъ повелѣ мнѣ онаго цаа потребити, а сердце его изъ него вынати и на углѣхъ испещи и принести къ царицѣ матери своей Вирсавіи, да ясть вмѣсто царевича Соломона; и како царевичъ Соломонъ понде живъ по берегу моря теплаго и гдѣ нынѣ онъ, не вѣмъ, пребываесть: живъ ли или нѣтъ, того не знаю; а какъ царица прибрала сына себѣ вмѣсто царевича Соломона, азъ того не знаю». И сказа ²⁾ бояринъ Ачкило царю Давиду все подробну. Царь же Давидъ посла онаго боярина Ачкилу царевича Соломона искати и съ нимъ златую карету, отъ самаго царя, искуснаго злага. И рече ему: «Аще который человекъ пастухъ въ замори, и сей да сядетъ въ сію мою корету и пріѣдетъ ко мнѣ, аще ли не същется сего, то скорою смертію умреши». И даде ему войско много людей съ нимъ ѣхати. И услыша то его царица Вирсавія, что царевичъ Соломонъ живъ и посланъ отъ царя Давида бояринъ его Ачкило царевича Соломона искати, и бысть царица во ужасѣ велицѣмъ, умыслихъ, како бы ей кузнецова сына умопити смертію. «Дамъ ему, отроку, смертную казнь, и онъ во скорѣ умретъ». Тако и сотвори и погребѣ его будто царевича Соломона, а мужикъ тотъ посацкой, Еврениъ, которой съ нею царицею живе, и услыша, что царь Давидъ царевича Соломона посла искати, и приде въ домъ свой и удавися.

Отсланный бояринъ Ачкило въ замори теплаго моря царевича Соломона во градѣхъ и весѣхъ, въ пустыняхъ искалъ и не нашель, возвратися вспять ко граду Іерусалиму, ко царю Давиду, и прилучися ему ѣхати мимо нѣкакой вѣси,

¹⁾ Эти два слова внесены на прорванное мѣсто печатаемой рукописи изъ списка № 2, гдѣ вся фраза читается такъ: «и какъ ея страшила смертію *на-красною*».

²⁾ Въ списокъ № 2; въ печатаемомъ вырвано.

гдѣ царевичъ Соломонъ обитаетъ, пасетъ кони и скотину. И видѣ посолъ пастуха млада, пасуща и невѣжливо творяща противъ посла: самъ хлѣбъ ясть, и сяде к..ъ пушати, испустивши к..ъ, нача вши бити. Ему же послу зрящу на него, и не позна его. Царевичъ же Соломонъ узна боярина своего Ачкилу и смутися сердцемъ своимъ зѣло; и рече посолъ къ царевичу Соломону: «Почто ты, пастухъ, невѣжливо творишь, увиди насъ, такихъ честныхъ людей?» И рече ему царевичъ Соломонъ: «По тотъ невѣжа, кто *такъ творитъ; тотъ невѣжа, кто насъ*¹⁾ такъ осуждаетъ: времени проходъ не изжидаетъ. Море стоитъ, въ море рѣки и источники текутъ, и потому море столько же изъ себя выпуститъ. Не азъ сіе сотворилъ, но Богъ создалъ тако перваго чловѣка Адама и по Адамъ мы такожь творимъ; то есть, и азъ творю не худое, но доброе: новаго прибавилъ, а старины изъ себя убавилъ. А съ недруги своими управляюся». И тутъ посолъ подивися мудрому его отвѣту и показа ему посолъ карету златокованную, вопросы о царстѣй каретѣ: «что цѣна ей?» Онъ же, вынялъ изъ пазухи хлѣбъ, и рече имъ: «Господа мои, царскія бояра! Скажите царю своему Давиду: каретѣ ево *цѣны нѣсть, потому что карета сія не искусства; а сему укрупу хлѣба всею паче*²⁾ тысящъ злата и сребра: аще въ его царствѣ злата и сребра не будетъ да хлѣба много будетъ, живы будете во вѣки; аще сего хлѣба не будетъ, то живъ чловѣкъ не будетъ: хлѣбъ есть тѣло, а злато камень; отъ хлѣба чловѣкъ спасется, отъ злата и сребра никогда чловѣкъ спасенъ не бываетъ, токмо погибель и мзда». Посолъ же въ велицѣмъ ужасѣ бысть и потомъ поѣде посолъ ко граду Іерусалиму, ко царю Давиду.

И какъ онъ пріѣде ко царю Давиду и сказа ему, что царевича Соломона нигдѣ нѣту: «не обрѣтохомъ, токмо въ нѣкоей вѣси младае дѣтище пасетъ кони и скотину и сказа намъ такія мудрыя словеса», все царю подробну розсказа. И какъ Давидъ царь услыша отъ нихъ пастуховы мудрыя

¹⁾ Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2 на испорченное мѣсто печатаемой рукописи.

²⁾ Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемой рукописи это мѣсто оторвано.

словеса, аже отъ него, и радостенъ бысть царь Давидъ вельми: «во истинну сынъ мой есть царевичъ Соломонъ! почто вы его не взяли?» И посла царь Давидъ вторницею по царевича Соломона двухъ своихъ вѣрныхъ бояръ оныхъ же и съ ними тоужь карету золотую и уряди войско свое на сбереженіе царевича Соломона и посла оныхъ бояръ съ войскомъ въ ту же весъ, идѣже царевичъ Соломонъ.

И какъ пріѣхавши въ ту весъ, ко царевичу Соломону, а ему пасушу кони и скотину. И сотворшу царевичу Соломону въ лозіяхъ сплетенъ градъ, башни сдѣланы и поставлены пушки во вратѣхъ древяны и по стѣнамъ такожде пушки древяныя и бардыши древяныя и копія все древяное; и самъ сидитъ во градѣ, аки царь. И бысть у него судебный престолъ и сяде на него и взя жезлъ въ руку свою. Послы же подъѣхали тайно подѣ градъ, восхотѣша мудрости его Соломоновой видѣти. И бысть божиимъ повелѣніемъ, учинися въ то же время во стадѣ его: восхотѣ конь поняти себѣ кобылицу и попался съ нею и приживо жребя; и еще кобылицѣ носящей во чревтѣ жребя, и прискочи иной жеребецъ и отня у того жеребца кобылицу и нача съ нею жити. И прискочи той жеребецъ во градъ къ царевичу Соломону, который прежде съ кобылицею попался, и паде предѣ царевичемъ Соломономъ на колѣни своя, вельми ржуща. Царевичъ Соломонъ, аки человекъка его вопрошая, и жеребецъ ему со слезами отвѣща ¹⁾. Возставъ царевичъ Соломонъ и нача коней кликать по имени и жеребца сильного, и кобылицу. И прискакаша кони вси во градъ и стояша вси со страхомъ предѣ нимъ. Царевичъ же Соломонъ сяде на престолѣ своемъ и нача судити ихъ, вопрошая ихъ аки человекъки праведно и разумно. И прежде жеребецъ противу его проржашу единъ по единому и кобылица паде на ногу свою, умильно ржуще, и потомъ вси кони громко закричаша и падоша вси предѣ нимъ на колѣни своя. И царевичъ Соломонъ возста, взя узду и нача жеребца сильного вознудати; онъ же аки немощенъ, главу свою повѣсплъ и яко человекъкъ повинуюся

¹⁾ За тѣмъ порядкомъ двухъ листовъ въ рукописи перепутанъ. Возстановленъ его по списку № 2.

судіи своему. И привяза его къ столбу, во градѣ на то учиненному, и сяде на престолѣ своемъ, взя жезлъ свой, аки судія истинный. И посломъ же зрящимъ тайно и ужа-сающимся, а немогущимъ терпѣти царевича Соломона, и рече царевичъ Соломонъ конемъ: «Послушайте, кони, суда божія. Блуднику и прелюбодѣю судить Богъ: аще кто у жива мужа жену отъиметь, и тотъ достоинъ суду, а по суду казни градскія». И повелѣ двумъ жеребцамъ съ одну сторону стати и еще двоимъ жеребцамъ съ другую сторону, и повелѣ бити немилостивно конямъ задними ногами. И начаша кони бити жеребца немилостивно задними ногами и прибиша его, что насилу дышуща, и потомъ простиша его. Жеребецъ же едва возста отъ земли и падоша ему на колѣни своя вси кони и побѣгоша въ поле.

Тогда прииде корова ревуша зѣло ко царевичу Соломону. Рыча во стадѣ быкъ зѣло великъ и силенъ и совокупися съ нею и зачала *отъ нею теленка* и пришедъ той же быкъ *восхотѣ съ нею* ощо пребыти; она же *отбиваяся отъ нею и не восхотѣ* ¹⁾ съ нимъ во второй; и тотъ быкъ, удря корову во бокъ, и вышибъ теля изъ коровы недоношенина времени. И царевичъ Соломонъ нача звити воловъ и коровъ по имени, и прибѣгоша къ нему вси вола и коровы и падоша вси на колѣни своя царевичу Соломону. И рече царевичъ Соломонъ: «Послушайте, волове, суда моего: аще который мужъ жену обременившую биетъ жезломъ, полехку учить, и той законъ божій исполняетъ; аще ли мужъ жены своей не бережетъ и биетъ беременную смертно и дитя изъ нея вышибаетъ, и тотъ мужъ достоинъ убійцы и по винѣ своей достоинъ суду духовному и казни». Взя вола за рога и повелѣ съ обонхъ сторонъ двумъ воламъ бити немилостивно; привязавше его къ столбу и кожу на немъ всю изодраша и сдва жива оставиша его, и потомъ простиша вола и отпусти ихъ *въ поле* ²⁾. Послы же, видѣвше чудо сіе и премудрость царевича Соломона, и не возмогоша *терпѣти* ³⁾, и бо-

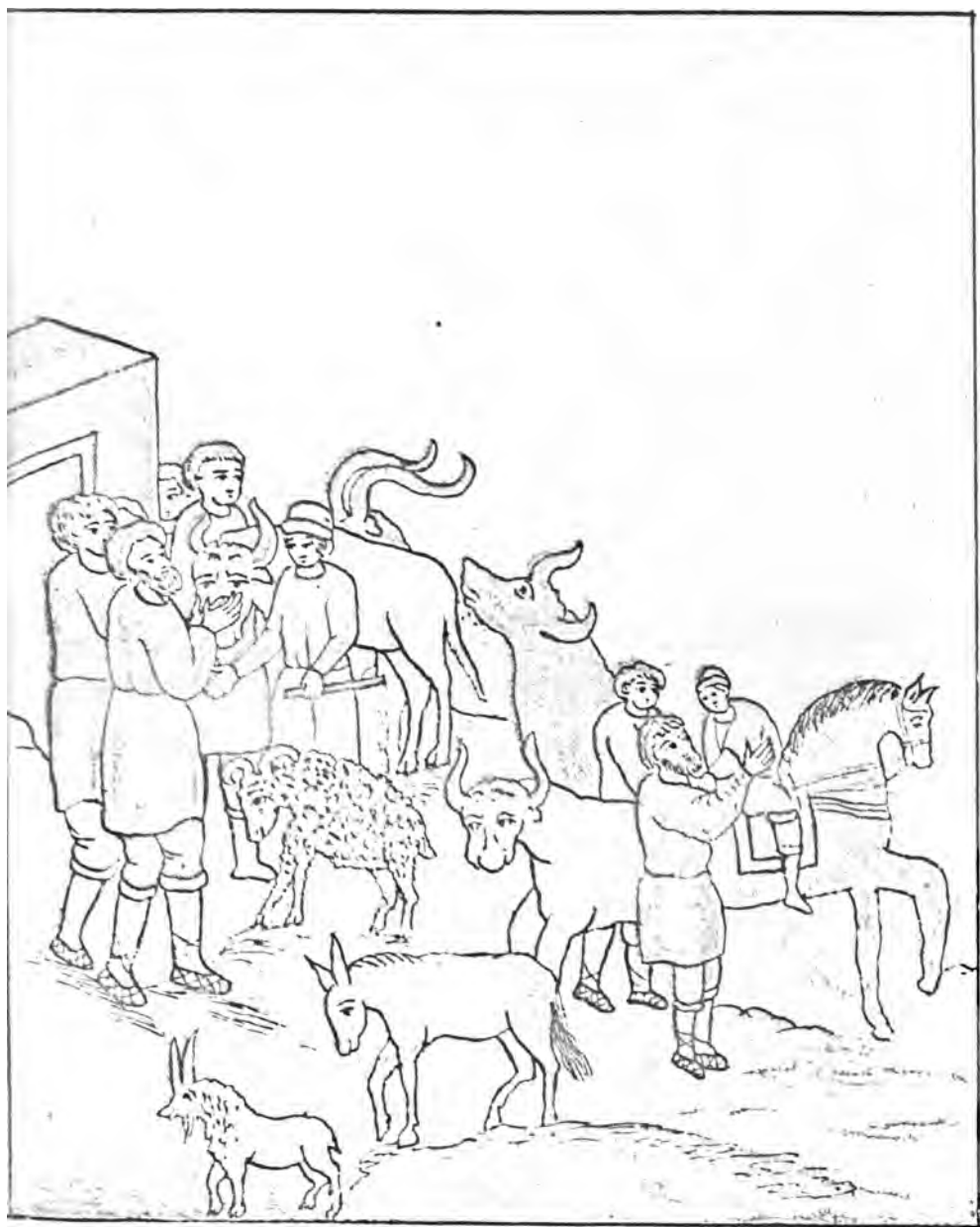
¹⁾ Палечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатномъ это изъ-сто прорвано.

²⁾ Изъ списка № 2.

³⁾ Это слово, вставленное изъ списка № 2, въ печатаемой рукописи пропушено.

яринъ Ачкило прискочи къ царевичу Соломону во градъ и поклонися ему до земли, и рече ему царевичъ: «Брате посолъ! Не гораздо дѣлаешь, не посольски творишь: не вѣжливо во градъ входишь, аки къ деревенскому мужику въ пустую избу. А у меня здѣсь градъ, а во градъ сидитъ судія воевода, а за то невѣжество несмысленные люди въ борзѣ погибають. Аще бы ты посолъ отъ царя своего пришелъ ко граду, и ты бы гонца предъ себя прислалъ: подобаетъ послу, не доѣзжа за три поприща, гонца во градъ прислать, чтобъ царь града того на стрѣтеніе къ послу чиномъ воинскихъ людей изготовилъ. Азъ есмь младъ во градъ единъ токмо божіе повелѣніе створю и царскій чинъ исполню». И посолъ, бояринъ Ачкило поклонися ему до земли: «Прости ма, господине! Виновенъ естъ предъ тобою». Вда же ему посолъ царя Давида грамоту. Царь же Соломонъ, грамоту цареву приимъ, и прочте ея. Во грамотѣ царевѣ пишетъ сице: «Въ теплое море, на берегу, веси крестьянской въ чистомъ полѣ, пастуху премудрому и благородному, царевичу Соломону. Азъ, царь Давидъ Еврейскій, пишу къ тебѣ. Во ушію моею вииде о тебѣ, о премудромъ отвѣтъ твоемъ. Бысть у меня, во градъ Іерусалимъ, родися отъ царицы моея Вирсавіи царевичъ именемъ Соломонъ, зѣло прекрасенъ; а грѣхъ моихъ ради великихъ, то мое чадо безвѣстно погибе, и бысть ко мнѣ гласъ божій о тебѣ, что ты еси сынъ мой возлюбленный, царевичъ Соломонъ. Аще ты еси сынъ мой возлюбленный, и ты дай отвѣтъ моеи премудрости: что естъ въ моемъ государствѣ, среди моего града Іерусалима стоитъ древо златолиственное; на томъ дрѣвѣ было яблоко, златомъ украшенно; а верхъ у того древа, аки солнце сіяетъ; а по сучьямъ цвѣты и каменіе самоцвѣтное; кругомъ древа выросла пшеница бѣлоярая, а кругъ того града Іерусалима выросла рожь въ полѣ сильна? И ты о той моеи повѣсти съ посломъ моимъ дай отвѣтъ». И рече царевичъ Соломонъ царевымъ посламъ: «Послушайте, послы, и скажите отвѣтъ моему царю Давиду. Во градъ Іерусалимъ стоитъ древо златолиственное: то естъ, отъ града Іерусалима ¹⁾); а верхъ у него

¹⁾ Въ спискѣ № 2: о градъ Іерусалимъ.

сіяетъ паче солнца,—то есть, самъ царь праведнымъ судомъ сіяетъ; а что у того древа подъ сучьемъ каменіе самоцѣтное, то есть его бояра вѣрныя; а что у коренія пшеница бѣлая, то есть градскіе жители; а что есть кругомъ града зернами посѣяна рожь сильна, — то есть православное христіанство. И скажите царю Давиду сію рѣчь отъ меня: что сынъ твой Соломонъ въ третіе лѣто будетъ предъ тобою и явится тебѣ въ тайнѣ; а сегодня азъ не ѣду къ нему».

И послы поѣхаша ко царю Давиду и сказаша все подробнѣе тѣ его мудрыя рѣчи и отвѣтствованія царя Давида. Царь же Давидъ весьма печаленъ бысть о сынѣ своемъ, царевичѣ Соломонѣ, и плакалъ на долгъ часъ.

И какъ царевичъ Соломонъ отпусти пословъ царевыхъ и погна всю скотину ко двору своему и призва крестьянскихъ дѣтей и поучивъ ихъ всякой премудрости и утвердилъ ихъ крѣпко, чтобы они жили вмѣстѣ совокупленно со своими сестрами, до своего указа имъ и расходиться не велѣлъ. А самъ сталъ царевичъ Соломонъ срезатися на отъѣздъ. Они жъ рекоша ему съ плачемъ великимъ: «Куды, братецъ нашъ Разумникъ, отъѣзжаешь отъ насъ и покидаешь насъ сирыхъ»? Онъ же рече имъ: «Путь мой токмо Богъ единъ вѣдаетъ: алибо Богъ велитъ, возвращуся къ вамъ». Потомъ же царевичъ Соломонъ сѣлъ на коня своего и всѣхъ цѣлова ихъ и поѣхалъ во Индію богатую къ Пору царю. И какъ пріѣхалъ во Индію богатую къ царю Пору индѣйскому, и царь его спросилъ о родѣ и отечествѣ, и онъ царю сказалъ, «что де азъ изъ теплаго моря крестьянскія всѣи сынъ дворянскій, а имя мое — Разумникъ нарицаюся». И царь Поръ, видя красоту лица его и мудрость, и повелѣ ему быти у царицы своей въ кравчихъ. И царица, видя соломонову мудрость и красоту лица его, и нача его любити во егда же¹⁾ разжизатися. Въ нѣкое время, бывшу царевичу Соломону у стола предъ царицею стояти, и царица рече: «Безстыдникъ²⁾, итти за тебя въ мужество, хошу съ тобою любовь творити». И даде ему перстень златой мужа своего, Пору царя. Взя Соломонъ пер-

¹⁾ Здѣсь одно слово вырвано; а въ св. № 2 оно пропущено.

²⁾ Въ спискѣ № 2: истинно.

стеня у царицы, сотвори съ нею грѣхъ и живяше по своей волѣ. И еще дала ему царица три камня царскія самоцвѣтныя: въ нощи акн свѣщи горать, въ день акн отъ солнца сіяеть. Взя у царицы казны царскія, злата и сребра всякихъ вещей многое множество, всякихъ парчей *драгихъ* ¹⁾, устрои корабль ²⁾ тайно и поѣде *кораблемъ* на теплое море, а царицѣ велѣлъ *ожидать* себя вскорѣ.

И какъ отѣхалъ отъ Индіи богатяя и пріѣде ко граду Иерусалиму кораблемъ и ста предъ градомъ. И прилучися тутъ быти на брезѣ морстѣмъ челоувѣку царя Давида и рече ему царевичъ Соломонъ: «Брате! понди, возвѣсти царю Давиду, что пріѣхалъ де кораблемъ изъ-за моря, изъ индѣйскія богатяя веси заморянинъ ³⁾, а имя мое Разумникъ, и прпказалъ бы царь Давидъ поставити меня предъ себя, и азъ ему великіе дары принесу и челоумъ ему ударю». Встникъ же ко царю Давиду пріиде, возвѣсти ему о царевичѣ Соломонѣ, что де пріѣхалъ кораблемъ гость заморянинъ, а велѣлъ предъ тобою царемъ *поставити*. И рече ему ⁴⁾ царь Давидъ и повелѣлъ его поставити предъ себя въ палаты свои. Отрокъ ста передъ царемъ Давидомъ и рече ему Давидъ: «Откуда ты еси отроча? и которой веси гость? и какъ твое имя?» И рече царевичъ Соломонъ: «Азъ, великій царю, дѣтище индѣйскія веси богатяя, а имя мое Разумникъ нарицаюся, прибрелъ въ твою царскую державу товары свои продати, а здѣшнія товары закупити». И царь Давидъ повелѣлъ ему въ своей державѣ торговати и велѣлъ ему царь быти въ полату къ царю.

Пріиде во уши Вирсави царицы о немъ, что гость изъ Индіи богатяя прибылъ кораблемъ съ товары дивными и со узорочьи. И царица Вирсавія посла къ нему на корабль своихъ сѣнныхъ боярынь выбирать, товаровъ драгихъ смотрѣти и царевичъ Соломонъ показа боярынямъ сѣннымъ три камня самоцвѣтныя и дивншася. И пришедше боярыни и дѣ-

¹⁾ Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2 на испорченныя мѣста печатаемой рукописи.

²⁾ Въ списокъ № 2: и три корабля.

³⁾ Въ рукописи: Самарянинъ.

⁴⁾ Изъ списка № 2 на испорченное мѣсто печатаемой рукописи.

вицы ко царицѣ и сказаша ей про каменія, что есть у того заморскаго гостя три каменя самоцвѣтныя: во дни аки отъ солнца сіяють, а въ нощи аки свѣщи горять; «и мы, государыня, зѣло удивились тѣмъ каменямъ; мнимъ, что у царя такихъ каменіевъ нѣтъ». И царица Вирсавія вѣдѣла гостя онаго предъ себя поставити и поиде царевичъ Соломонъ ко царю Давиду къ столу, взя великія дары и принесе ему. Царь Давидъ дары у него принялъ и честь ему велію воздаде.

И какъ столъ отшелъ, и потомъ царевичъ Соломонъ взя тѣ каменіи и поиде ко царицѣ матери своей Вирсавіи и поклонися ей честно. И царица Вирсавія спросила его: «Котораго ты града веси и какъ твое имя»? И рече царевичъ Соломонъ: «Азъ есть града Индіи богатая изъ замори, а имя мое Разумникъ, прибрелъ, государыня, вшей державы съ товаришникомъ своимъ, чтобъ мнѣ продать, а здѣшнія товары закупить». И рече ему царица Вирсавія: «Проню ты, гость заморянинъ: сказали мнѣ стѣнныя мои боярыни дѣвницы, что есть у тебя тѣ каменія самоцвѣтныя, — во дни, аки отъ солнца сіяютъ, а въ нощи аки свѣщи горять». И рече ей Соломонъ: «Есть, государыня, благородная царица, у меня три каменія: единъ ¹⁾ камень поднести царю Давиду, а други камень отдать за пимъ въ приданья, а третій камень про себя держать въ корабль для свѣту». И рече ему царица Вирсавія: «Гость заморянинъ! продай мнѣ единъ камень». И рече царевичъ Соломонъ: «Аще кто со мною переспитъ ночь сію, тому и камень отдамъ». И положи предъ царицею единъ камень, и той камень освѣти всю полату царицыну и немощно на него челоуѣку зрѣти. И царица рече Соломону: «Гость заморянинъ! ляжь ты со мною въ ночь сію». Взя его за руку и приведе къ одру царскому и царевичъ Соломонъ убояся суда божіа и ста предъ одромъ, изумься, како бы матери своей изблечитися безиръшно. И рече царица Соломону: «Гость заморянинъ! поиди смѣло ко одру моему. Чего боишися? Или тебя скуность обьяла, каменя ради, что неидеши съмо?» И рече ей царевичъ Соломонъ:

¹⁾ Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатной рукописи эти мѣста оторваны.

«Государыня, благородная царице Вирсавіе! Ты меня зовешь на свою постелю да одьяло царское страшитъ мя.»

И царица его ухвати за шею и поцѣлова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила его на перси своемъ и рекла ему: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Симъ воскормленъ, то есть мое сахарное кушанье». И царица подвинула соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ; въ томъ есть теремъ азъ опочивалъ.» И царица подвинула соломонову руку подъ свое рамо и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ, и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ.» И царица, изжидаю отъ него времени похотнаго и рече ему: «Како ты премудръ и скуцъ еси и не хочешь воли моеи сотворити, камня ради.»

И вскочи Соломонъ со одра своего и падъ на землю и лежа на земли, аки мертвъ на долгъ часъ. И царица, зря на него, ужасеся вельми и царевичъ Соломонъ возста отъ земли и вонія торько со слезами: «О госноже моя, благородная царице Вирсавіе! воззри нынѣ на мя, на любезное на чадо свое; ты мнѣ родившая мати истиннаю своего сына: азъ емь не купецъ заморянинъ, но сынъ твой царевичъ Соломонъ, которой посланъ бысть тобою на погубленіе съ бояриномъ Ачкиломъ на теплое море, чтобъ меня ему заклати. И меня Госнодь Богъ соблюлъ отъ тоя напрасныя смерти и жива мя предъ вами постави, и тебя, мати моя, избави отъ грѣха сего напраснаго. Во истину ты мати моя, родившая моя, родившая мя; и напредъ глаголахъ тебе: «у всякія жены волосы долги да умъ коротокъ». И услышавъ сіе царица Вирсавія глаголю царевича Соломона, и бысть аки мертва, зря на него и не могуща отнюдь провѣщати. И оханы Соломонъ матеръ свою и нача ея любезно цѣловати и умильно отвѣщати и сяде съ нею на царскомъ одрѣ бесѣдовати.»

И слышавши сѣнница боярнии дѣвницы радость велию у царицы въ полатѣ и глаголю великъ ношю и приидоша ко царицѣ въ полату и, зрѣвше въ полатѣ царицу едину съ купцомъ оха-

пивши на одрѣ царскомъ сѣдѣвшихъ, и устрашишася вси и побѣгоша изъ палаты.

И бысть шумъ великъ и послыша тотъ шумъ царицы ближніе бояря, что у царицы въ палатѣ ноцію радости и шумъ велий, возвъстиша царю Давиду о семъ. И вскочи царь Давидъ съ постели своея борзо и взя мечь свой царской, и иде и вниде ко царицѣ въ полату съ яростію. И узрѣвъ царицу за столомъ съ купцомъ заморяниномъ сѣдѣщихъ, охлпившихся, умилико цѣлующихся, и царь Давидъ устрашился вельми, просто взя мечь свой царской и хотя царицу и купца напраской смерти предати.

И вскочи царевичъ Соломонъ и паде на ногу отцу своему царю Давиду, вопія: «Государь мой батюшко, царь Давидъ Есеевичъ! Азъ не купецъ заморянинъ, но сынъ твой прелюбезный, Соломонъ царевичъ; ты мя роди самъ. И бысть отъ рожденія своего трехъ лѣтъ у тебя государя въ дому и внезапно что бысть въ полунощи, — и нанде на мя безвѣстная смерть, и Господь Богъ до сего часу жива мя сотвори и постави мя предъ лицемъ твоимъ». И царь Давидъ отъ радости не могъ сына своего охлпоти и паде на столъ и нача вопити къ Богу: «Гослоде Боже Саваоѣе отецъ нашихъ, авраамовъ, исааковъ, іаковль, создавый перваго чловѣка Адама! такожь и потомъ соблюде сына моего Соломона и до сего часа жива». И лежа на столѣ на долгъ часъ, творя достойныя молитвы и поя псалмы. И потомъ ухвати сына своего царевича Соломона и нача его любезно цѣловати и мловати и вопрошая его: «Повѣждь ми, сыне мой драги, жезле и подпора старости моея и царствію моему: како ты Богъ соблюлъ отъ напрасныя смерти, и ноцію изгыбе и гдѣ пребылъ еси до сего времени?» И царевичъ Соломонъ все сказа подробну отцу своему похождение свое. И царь Давидъ бысть въ великой радости. И потомъ повелъ царь Давидъ по всему граду Іерусалиму проповѣдникомъ вопити, чтобъ стекалися князи и бояра и августилины, вси людіе евреи на дворъ ко царю Давиду на великую радость и на поклонъ ко царевичу Соломону. Тогда услышавше граждане и вси князи и бояра, вси Евреи сндошася ко царю Давиду на дворъ, и поклонишася царевичу Соломону и принесоша ему великія

дары. И посади царь Давидъ сына своего Соломона на свой царски престолъ, и даде ему въ руку свой царски скипетръ царства Иерусалима; и вси князи, и бояра и Евреи поклонилися царю Соломону съ радостію великою и поздравили ему. И бысть радость велия по всему граду Иерусалиму о царѣ Соломонѣ. И прииде слова о премудрости его во вся окрестныя страны и грады.

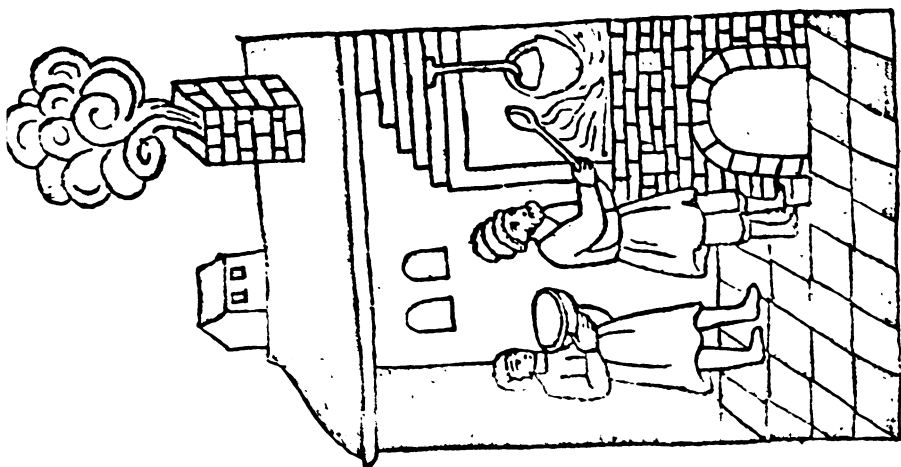
И потомъ рече царь Давидъ сыну своему, царю Соломону: «Чадо мое, царю Соломоне! Вижу тя вельми мудра; азъ старъ во царствіи моемъ во градѣ Иерусалимѣ и ты, чадо мое, царю Соломоне, разсуди судъ сей. Бысть у нѣкого Евреяна народися дѣтище въ дому и прилучися сосѣдовой женѣ въ томъ дому быти; чадо у нея не бысть; и быша рожденію младенцову, уснувше матери и всѣмъ въ домѣ, и приѣѣжа пощю сосѣдова жена и украде дѣтище и принесе въ домъ свой и учпи дѣтищу краденному рожденіе, и ляже на одрѣ своемъ и повелѣ мужу своему заколоти овцу и кровію помаза срамъ свой и призва бабу и повелѣ іерею съ потребою быти и какъ изготавити младенца крестити; и наутріе возсташа вси въ дому того жители, гдѣ прежде младенецъ родися въ колыбели, младенца не обрѣтоша». Въ тоже утро нача краденнаго сосѣдъ младенца крестити и прииде въ церковь Евреянъ, отецъ младенцевъ, и опозна его сына своего, бѣже ко царю Давиду и бьетъ челомъ о дѣтищѣ. И повелѣ царь Давидъ Евреяна того украдшаго младенца предъ себя и гавити и мать со младенцемъ. И повелѣ царь Давидъ царю Соломону ихъ судити. И сяде царь Соломонъ. Тогда жена завопроси ихъ мать родившую и украдшую и не знала, какъ имъ ихъ его знати. И повелѣ младенца пополамъ прѣстѣти и родившая мать поклонися царю Соломону, чтобы младенца не рубити, а украдшая мать бьетъ челомъ царю Соломону, чтобы младенца прѣстѣти пополамъ. Видя царь Соломонъ мать родившую и отдаде младенца той, которая не повелѣ казнити. И по нѣкоемъ времени рече царь Давидъ сыну своему царю Соломону: пора тебѣ, сынъ мой Соломонъ, женитися на премудрой царицѣ цареградскаго царя Вотоломона на дочери его именовъ Соломонихѣ». И повелѣ царь Соломонъ отцу своему послати по царевну Соломониху

и послы поѣхали въ Царьградъ и привезоша къ нему царевну Соломонику и царь Соломонъ вѣнчался со оной во святѣй божіей церкви и бысть бракъ честенъ и радость во градѣ Іерусалимѣ. И на утрѣе приде царь Соломонъ и съ царицею своею Соломониною ко отцу своему царю Давиду поклонитися и рече царь Давидъ сыну своему царю Соломону: «Чадо мое! мудръ бо еси и по нѣколицѣмъ времени будеши у нея подъ г.з.мъ сидѣти и потомъ отъ нея смерть свою узриши, токмо на силу премудростию своею тою смертью одолѣеши; не въ долзи времени сіе совершится». И царь Соломонъ поклонися ему до земли. И потомъ поиде царь Соломонъ и съ царицею своею Соломониною отъ отца своего въ своя особныя палаты, гдѣ бы имъ жить и царствовать со царицею Соломониною и и живяше царь Соломонъ съ женою своею царицею Соломониною не долгое время.

И по нѣкоемъ времени, прѣѣхавше во градъ Іерусалимъ, послы отъ царя нѣкоего кораблемъ ко царицѣ Соломонихѣ, чтобы ей втай обманомъ согласившись купно съ нею увезти къ царю своему, за котораго она желала прежде замужъ, когда ей бывшей дѣвицѣ сущей. И въ нѣкое время случися царю Соломону отѣѣхати некуды изъ дому своего ради потѣшенія; тогда же придоша къ ней послы оны отъ царя своего и поклонившася честно; и царица Соломонида много съ ними говорила, како бы имъ увезти ея и ей бы отѣѣхати отъ царя Соломона и умысливше сице: сдѣлати ключи къ церкви оныи и напоити ея зеліемъ, чтобы ей до трехъ дней быти аки мертвой. И повелѣ царица Соломонида сдѣлати ключи; взявши церковныя ключи и повелѣ кузнецу сдѣлати съ нихъ равныя таковыяжъ, чтобы имъ втай пощю отперети и увезти ее къ себѣ на корабль. Они же шедше тако и сотвориша по глаголу ея, взяша церковныя ключи по повелѣнію ея и повелѣша сдѣлати кузнецу ключи таковыяжъ, какіе церковныя ключи къ церквѣ и принесоша ей въ полату въ тай. И повелѣ царица напоити себя спящимъ зеліемъ, что до трехъ дней будетъ аки мертвая; и напоиша ю и отыдоша абіе, а ключи взяша съ собою. И приде Соломонъ и узре мертву царицу свою Соломонииду и ужасеся въ себѣ. И царь Соломонъ сему не повѣрилъ и прожегъ ей желзомъ раж-

деженнымъ руку и постави ее въ церковь и хождаше къ ней Соломонъ по вся дни до тріехъ дней. И во едино время ношію придоша тыи посланники отъ царя, вѣдуще, яко не умерла, но жива есть царица Соломонида, и отверзше двери и взяша ю къ себѣ на корабль. И потомъ принде Соломонъ по обычаю своему ко царицѣ своей въ церковь и не обрѣте ея во гробѣ и уразумѣ, яко въ правду жива есть и не умерла. И потомъ повелѣ царь Соломонъ сдѣлати перчатки многія самымъ искуснымъ мастерамъ и устроити ихъ златомъ и серебромъ хитро, понеже бо вѣдаетъ Соломонъ, что она великая охотница до тѣхъ перчатокъ и разосла своихъ пословъ во всѣ окрестныя грады и страны государству съ перчатками. И единыя божиимъ изволеніемъ пріѣхавше въ той градъ, гдѣ живетъ царица Соломонида; и возвѣщено ей бысть о семъ, что де пріѣхали послы изъ нѣкоего царства съ перчатками драгими и узороchie на нихъ златомъ и серебромъ сотворено хитро и царица повелѣ ихъ привести во скорѣ къ себѣ въ полаты. И по повелѣнію ея придоша оныя во скорѣ, несуще на блюдѣ перчатки, и царица нача тѣ перчатки смотрѣти и увиде посолъ на рукѣ царицы знакъ прозженный царя Соломона; и нача царица тѣ перчатки торговать и река: что симъ перчаткамъ цѣна?» И рече: «Изволь великая, государыня царица Соломонида принять въ подарокъ отъ насъ». И поклонишася ей и поидоша изъ полаты вонъ и возвратишася во градъ Іерусалимъ ко царю Соломону. И закъ пріѣхаша ко царю Соломону и возвѣстиша ему, что обрѣтоша въ нѣкоемъ царствѣ царицу Соломониду и видѣша знакъ на рукѣ ея: «и опознавши и возвратишася къ тебѣ, царю Соломону, во градъ Іерусалимъ, истину глаголемъ»—и разказаша ему, въ которомъ царствѣ живетъ царица Соломонида. И потомъ Соломонъ, собравъ войска своего много, и уряди единъ полкъ въ бѣлыхъ, а другій въ красныхъ, а третій въ черныхъ и поѣде съ ними въ то царство, гдѣ живетъ царица его Соломонида. И пріѣхалъ въ ту землю и, не доѣхавъ, постави ихъ въ нѣкоемъ удалнемъ мѣстѣ тайно, чтобы никто не видалъ ихъ и нача имъ наказывати рече: «Аще азъ затрублю въ рогъ въ первой разъ и вы кони сѣдайте, а въ други разъ затрублю и вы на кони садитесь, а въ третій затрублю, чтобы вы были близъ меня». И наказа

нимъ крѣпко, а самъ, снемъ съ себя одѣяніе царское, и возложи на ся иную худшую одежду и поиде во градъ. И прииде на царской дворъ и нача въ поварни работати, потомъ же нача кушанья стряпати, и какъ у него въ домѣ, такъ и тутъ кушанье таковоежъ дѣлаеть и всякое; и потомъ принесено бысть царицѣ Соломонидѣ, она же, вкушая, и опозна и рече: «Никакъ кто есть отъ царя Соломона или бо самъ здѣсь? у него въ домѣ таковое кушанье». И тако Соломонъ нача работати на дворѣ: дворъ мечь и пескомъ усыпаетъ и ельникомъ устилаетъ воздѣ и по переходамъ такожде. И случися итти царицѣ Соломонидѣ по переходамъ и увидѣ сие и рече: «Всконошно кто есть отъ царя Соломона или бо самъ онъ здѣсь; у Соломона царя таковъ обычай въ домѣ». И царь Соломонъ не возможе утаитися царицы ради жены своей. И нѣкогда случися царю тому отѣхати изъ дому своего некуда, ради потѣшенія и тогда прииде къ ней царь Соломонъ прямо, не обсылаючи въ полаты ея, и тогда царица его Соломонида испужалася и рече ей Соломонъ: «не бойся». И нача съ нею глаголати и потомъ рече къ нему царица Соломонида: «Какъ царь приѣдить, куды ты отъ царя скрыти?» и рече: «токмо развѣ въ сундукъ ты посадити?» И царь Соломонъ рече: «Посади, токмо не умори мя тамо». И царь приѣде въ домъ свой и царица узрѣ, что царь ея приѣхалъ и рече Соломону: «Влѣзи въ сундукъ, азъ ты скрью отъ царя своего тамо». И Соломонъ влѣзе въ сундукъ, царица его покры крышкою и сяде на него. Тогда сбьтся реченныя слова царя Давида отца его: «Самъ бо, рече, сынъ мой Соломонъ, аще и мудръ еси, а у жены своей будещи подъ г.з..мъ ея сидѣти и смерть свою отъ нея узриши; токмо премудростію своею тою смерть одолѣши». Такъ и сотворися не въ долгѣ времени. И царь вниде въ полаты ко царицѣ Соломонидѣ, а царица его сидитъ на сундукѣ и речеть царю своему тако: «Что есть царю сие? на царѣ сижу, а съ царемъ говорю?» И царь не разумѣ глаголь ея. И рече ей: «Какъ тебѣ на царѣ сидѣти? съ царемъ говорить можеша, а на царѣ сидѣти не можеша». И рече ему царица: «Что кабы твой недругъ царь Соломонъ здѣсь былъ? чтобъ ты надъ нимъ сдѣлалъ?» И рече ей царь: «А что мнѣ надъ нимъ сдѣлати, не вѣмъ: онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ».

И царица рече: «Онъ у меня подъ г.з..мъ сидитъ сундука». И повелѣ ей царь вскрыти сундукъ; царица вскры сундукъ и рече ему: «Царь! какъ ты премудръ, а у жены своей подъ г.з..мъ сидѣлъ еси?» И хотѣ его царя казнити вскорѣ. И рече ему царь Соломонъ: «Какъ ты меня хоцешши аки свинію въ хлѣбѣ убити? не всѣи ли, яко азъ царь славный и богатый: и ты сдѣлай на семь мѣстѣ лобномъ шибелицу и повѣси на ней три петли: одну злату, другую серебряну, а третію шелкову, и азъ въ которую пожелаю, въ тою и поиду». И царь повелѣ вскорѣ тако сотворити и сотвориша по глаголу его, и поѣде самъ царь и со царицею своею Соломонидою и съ дѣтищемъ своимъ, и повели его вѣшати. Идущимъ же имъ путемъ, и абіе озрѣся Соломонъ вспять и видѣ царицу съ царемъ и рече: «Переднія колеса лошадь везетъ, а заднія весили ихъ несутъ». И царь не разумѣ въ глаголахъ его силы. И абіе второе узрѣся Соломонъ вснять, размѣяся, видѣ царицу съ дѣтищемъ и рече: «Кобыла идетъ, и жеребенка почто за собою влечетъ?» И царь не разумѣ, что Соломонъ говоритъ. И привели его къ шибелицѣ и обстали кругомъ народъ многое множество, зряще чудеса бываемая. И Соломонъ взыде на третій степенъ лѣствицы и рече царю: «Прикажи, царю, дати мнѣ рогъ трубити: велики бывалъ азъ охотникъ трубить». И царь повелѣ ему дати рогъ. И Соломонъ затруби громко, и войска его зашевелились, стали кони сѣдлати и Соломонъ влѣзе по лѣствицѣ еще выше и затруби громко и потомъ войско его начало на кони садитися и Соломонъ (влѣзе) еще выше къ самой петлѣ. И царица Соломонида рече царю: «Обманетъ насъ, повели ему скорѣе: ти въ петлю». И царь Соломонъ затруби въ рогъ и труби долго и громко и выѣхали въ бѣлыхъ и кони бѣлые. И царь оглянувся вспять и рече Соломону: «Что сіе?» И рече ему царь Соломонъ: «То есть, ангели идутъ по душу мою». И вторицею озрѣся царь и видѣ всѣхъ выѣхали въ красныхъ и рече царь: «Что сіе». Рече Соломонъ: то есть идутъ ангели по тѣло мое. И третицею озрѣся царь вспять и выѣхали всѣ въ черныхъ и кони черные. И рече царь: «Что сіе?» Рече Соломонъ: то есть идутъ діаволы по душу твою. И труби Соломонъ долго и громко, и бросилъ рогъ на землю и засмѣяся и рече царь: «что Соломонъ смѣшися, видя смерть свою?» И рече Соломонъ: то есть—

мои голуби твою пшеницу клюютъ». И царь оглянулся: одно войско Соломоново близъ и прочихъ порубиша и приступиша ко царю. И Соломонъ спиде и взя царя, повелѣ его повѣсити въ золотую петлю, а жену свою царицу въ серебряную, а дѣтище ихъ въ шелковую: тако скончася. И потомъ поѣде Соломонъ ко граду Иерусалиму со всѣмъ воинствомъ своимъ. И пріѣхавши, нача царствовать и суды судити по прежнему. Тогда жена нѣкая шла путемъ несла въ рукахъ своихъ чашку муки и разнесе у нея вѣтеръ муку и приде она жена къ царю Соломону; и пришла ко царю Соломону, бьетъ челомъ на вѣтеръ. И царь Соломонъ повелѣ призвати корабленниковъ гостей, и вскорѣ придоша къ нему и рече имъ Соломонъ: «Просили вы у Бога о вѣтрѣ въ той часъ, когда жена сія шла путемъ». Они же рекоша: «Просили, чтобъ намъ Богъ далъ погоду ѣхати кораблями». И рече Соломонъ: «Заплатите сей женѣ за муку, потому что у нея вѣтеръ разнесъ по вашему прошенію муку, вы просили о погодѣ». Тогда же они намстали ей полную чашу золота и жена она поклонися царю Соломону до земли и отъиде въ домъ свой въ радости.

И тако сія повѣсть иметъ конецъ.

III.

Повѣсть о прекрасномъ и налицномъ царѣ и о Соломонѣ. ¹⁾

Бысть въ нѣкоемъ царствѣ царь славенъ зѣло, величаше себе славою, называя себе красный и наличный царь. И сотвори пиръ великъ зѣло на боляръ своихъ. Егда же бысть весель, глагола болярамъ своимъ: «Милыя мои князи и бояре! изыщите мнѣ невѣсту красну и добру, якоже азъ красный наличный царь». Они же молчаша, ничтоже царю отвѣщаша; токмо единъ другъ царевъ глагола: «О царю! кто можетъ изыскати тебѣ жену такову красну, якоже ты, красный наличный царь?» И выступи нѣкій гость, именемъ Паша, и глагола царю: «Добро молчати и добро говорити. Азъ былъ за моремъ въ царствѣ Соломона царя и видѣхъ царицу его зѣло красну, подобну тебе царю красотою». И рече ему царь: «О милый

¹⁾ По рукописи XVII вѣка, принадлежащей С. Б.

мой Паша гость: кто ли можетъ у жива мужа жену отнять? а царь Соломонъ мудръ есть.» И выступи другъ царевъ бояринъ и глагола ему: «Красный паличный царь! даждь мнѣ таковъ корабль злата и сребра и каменія драгаго и того гостя Пашу въ товарищи і ѣду за море въ царство соломоне по смышленію моему и привезу тебѣ царицу ту.» Глагола ему царь: «Друже милый! пожалованъ будешь.» И снаряди бояринъ корабль всякою красотою и сотвори бояринъ въ кормѣ чердакъ зѣло красенъ, а въ немъ написа образъ царя своего краснаго и наличнаго, въ корабли же написа всякимъ умысломъ, сотвори небо подъ верхомъ корабля, и сотвори мѣсець и звѣзды и противу ихъ постави стекла хрусталиныя и бысть свѣтлость велія: и дивляхуся люди красотѣ кораблю тому и хваляху зѣло. И доиде слухъ до палаты царевы. Царица же, слыша, захотѣ ити смотрити корабля; Соломонъ же не бысть во Иеросалимѣ, но въ Хевронѣ. Царица же его дерска суть, поиде на корабль и видѣ украшеніе его и дивляшеся добротѣ его. И, падъ предъ нею бояринъ зъ гостемъ Пашею, глагола ей: «Великая царица! Мы раби нищїи краснаго наличнаго царя.» И глагола ему царица: «Како нарицаеши его красна и налична?» Рече же бояринъ: «Аще не бы красенъ былъ, то бы азъ не возилъ образа его съ собою.» И глагола ему царица: «Покажи ми образъ царя своего.» Глагола ей бояринъ: «Не возможно мнѣ на земли чюжей образа царьска казати.» Она же рече: «Покажи ми, яко царица азъ есмь, но боярынямъ монѣ да не покажеши.» И глагола бояринъ Пашин гостю: «Отвори мнѣ комару на кормѣ корабля.» І иде царица тамо и видѣ образъ царя краснаго и наличнаго и дивнся ему велики. И принесе ей бояринъ дары честны зѣло и рече царица: «Хотѣла быхъ і азъ видѣти царя краснаго и наличнаго; но не вѣмъ, како ја вижу его.» Глагола ей бояринъ: «Аще восхощеши видѣти его, дай намъ слово крѣпкое и поставимъ тя предъ царемъ краснымъ и наличнымъ смышленіемъ своимъ.» И глагола имъ царица: «Како смышленіе ваше? царь Соломонъ мудръ зѣло.» И глаголаша ей: «Егда приидеть отъ Хеврона града, и ты глаголи ему: «царю Соломоне! скорбна есмь азъ, зѣло жалюю по тебѣ»;—и дадимъ тебѣ по смышленію зеля і изнеможеши и глаголи къ Соло-

мону: «но могу, царю» и моли Соломона: «аще умру, погреби тѣло мое близъ пути корабельнаго, зѣло возжелахъ ту погребстися.» А мы тебѣ дадимъ ипоге зелія, і объумреша, послѣдн же оживишъ тя.» Она же сотвори тако, якоже ей повелѣша. Соломонъ же не позна ея льсти і иде ко отцу своему Давыду и глагола ему: «Отче! царица скорбитъ моя зѣло.» И глагола ему отецъ его: «Чадо! что не родится, то и не скорбитъ.» Царица же потряса зеліемъ вторымъ і объумре тѣло ея, душа же бѣ въ ней. Соломонъ же возвѣсти отцу своему: «Царица моя умре.» Глагола ему отецъ его: «Чадо! отъ скота и до человекъ что не родится, то и не умреть. Возми клещи желѣзныя и розожги въ огни и прожги у нея десную руку: аще умре, и погреби ю ту.» Соломонъ же сотвори тако и глагола отцу своему: «Согрѣшихъ, отче, послушахъ тебѣ: умре царица моя.» И глагола ему Давыдъ: «Чадо! послушай мене: что старыя люди молвять, збудется.» И погребе Соломонъ царицу свою ту. Бояринъ же прержереченный той зѣ гостемъ Пашею, заплатя пошлину Соломону, и воздвигнуша вѣтрила своя, поиде вонъ изъ Еросалима, и взя тѣло царицыно на корабль и сотвори смышленіе о ней: и помаза ю зеліемъ и бысть жива. Точію скорбь ея—прозже Соломонъ длань ея десную, и то изживи у нея бояринъ и понде въ путь свой радуясь, желая пріяти дары и честь отъ краснаго наличнаго царя и принде въ царство его. Царь же дасть обѣщаніе свое, дары и честь велику и порадовася о смышленіи ихъ безумномъ царь красный наличный, яко у жива мужа Соломона жену отъять; а не вѣдый, хвали себя. Царь же Соломонъ мудръ зѣло, хотя видѣти гробъ царицы своей и шедъ, не обрѣте ю ту и глагола отцу своему Давыду: «Прости мя, отче: не послушахъ тебе; глаголахъ ты мнѣ: что старыя люди рекутъ, то збудется;—по истинѣ глаголь твой праведенъ: прелести мя царица моя и прелестися на краснаго наличнаго царя; спусти мя тамо, да иду.» И глагола ему отецъ: «Не ходи, чадо, да не посрамлена будетъ мудрость твоя.» Рече же Соломонъ: «Молю ти ся, отче: дай мнѣ благословеніе; ничтоже бо постражу тамо и мудрость моя со мною къ тебѣ да ся обратитъ.» И собра Соломонъ множество кораблей и вой своихъ и зѣ коньми и поѣха по морю

къ царю красному и наличному. И призва боярина своего, именовъ Авеса и брата его Юва и дѣти Саруевы и глагола имъ: «Милыя мои! потщитесь нынѣ, идемъ въ царство чюжее; аще жива мя хочете видѣти и сами живы быти: азъ иду къ царю красному наличному самъ третей; а вы стойте близь моря, да егда услышите рогъ трубящъ, скоро кони съѣдайте; егда же услышите во второй рогъ трубящъ, то всядите на нихъ; аще услышите въ третій рогъ трубящъ, то скоро поспѣшите прити, аще хочете видѣти мя жива; аще ли не поспѣете, то не узрите жива.» И сня съ себе одежду царскую и положи на себя одежду худу и раздранну и поиде въ царство краснаго наличнаго царя.

Его же не прилучися въ царствѣ своемъ: поѣхалъ ловити звѣри. Соломонъ же прииде на дворъ царевъ, крикну громко гласомъ и назва царицу свою именовъ: «Даждь мнѣ милостину ради краснаго наличнаго царя!» И позна царица царя Соломона и глагола боярину, другу цареву, еяже увезе изъ Еросалима: «Приведи ми нищаго сего въ палату.» Бояринъ же не позна, еже Соломонъ есть и введе его въ палату; самъ же изыде изъ полаты. И глагола ему царица: «Царю Соломоне! почто ходиши здѣ?» И глагола ей царь: «Почто презъщаешься на краснаго наличнаго царя?» Рече же царица: «Царю Соломоне! не будещи живъ ты здѣ.» Соломонъ же посмѣяся ей и глагола: «О несмысленная! неудержимаго не удержиши: Соломонъ мудръ есть и мудрости его не возметъ никтоже.» Она же, яко звѣрь, рыкаше на него, и окова его руцѣ и нозѣ, и посади его въ сундукъ или въ комарку малу. И пріѣха красный наличный царь съ лову, начятъ ясти и пити и веселитися и глагола ему царица: «Аще здѣ будетъ царь Соломонъ, что учиниши ему?» Глагола ей царь: «И воронъ кости не занесетъ здѣ соломоновы.» Глагола царица: «Не глаголи того; сіеже глаголи, что сотвориши ему?» Отвѣща ей: «Умреть Соломонъ казнию.» Она же рада бысть о смерти соломоновъ і изгна изъ полаты всѣхъ и показа ему царя Соломона. Онъ же не позна его, яко Соломонъ есть и глагола ему: «Кто ты еси, человекъ?» И рече ему: «Азъ Соломонъ царь.» Рече же ему: «Почто ходиши здѣ?» И глагола ему царица: «Не дай ему говорить трехъ словъ, убей его,

да не умудрить тя.» И глагола царь Соломонъ: «Не слушай, царю, безумныхъ женъ: власы у нихъ долги, а умы скудны. Азъ есмь царь Соломонъ, а ты въ полатѣ хочешь убить мя; сотвори себѣ славу велику: постави мнѣ виселицу близъ моря и повѣси мя ту; да здѣлай мнѣ петлю златую, а боярину моему сребреную, а второму шелковую.» Царь же красный наличный послуша его, повелѣ бояромъ своимъ въ рогъ трубити и готовымъ быти казнити Соломона. И посади его на колесницу скована съ бояры его и повезе его на повелѣнное мѣсто. Егда быть на полу пути, Соломонъ же рече: «Красный наличный царь! что Соломонъ вопрошу тебе? Поведай мнѣ: что передныи колеса кони везуть, а задныи камо спешать.» Царь же красный наличный посмѣяся Соломону, рече: «Сказали про тебя: мудръ еси; а мнѣ мнится ни во чтоже мудрость твоя.» Соломонъ же посмѣяся, глагола ему: «Наличный царь! Чему ся смееши? Къ смерти идеши.» I умолче Соломонъ глаголати; довезе его до мѣста нареченнаго и приступи спикulatorъ къ царю Соломону. Соломонъ же возопи къ царю красному наличному: «Царь! припреси ми рогъ булавъ меду, да ся напю.» Царь же наличный припресе ему рогъ меду изъ своихъ рукъ. Царь же Соломонъ на лѣствицу на ступень первую и вторую выши рогъ съ медомъ и воструби велимъ гласомъ. I услыша сила царя Соломона, седлаша кони. Царь же красный наличный не разумѣ войска солломонова и глагола Соломонъ: «Даждь мнѣ еще рогъ меду, да пю.» И даде ему второй рогъ и выпил и воструби: и сяде сила солломонова на кони и распусти хоругви свои. Царь же красный наличный: «Что се, Соломонъ, зриши близъ моря, яко хоругви царскія трепещутъ?» Глагола ему Соломонъ: «Красный наличный царь! Я на четвертой ступени лѣствицы стою, ничтоже вижу; аще ты видшиши, то Богъ шлетъ на мою смерть херувими, серафими; зѣло убоея душа моя: дай мнѣ пити третицею.» Даде ему царь рогъ меду. Онъ же воступи 6 ступеней, выпил рогъ съ медомъ и воструби велимъ гласомъ. И глагола красный наличный царь: «Что се твориши, царю? Израилевы не творятъ сего цари.» I обыдоша вон солломоновы краснаго наличнаго царя и нача сеши, поѣкоша множество вой краснаго наличнаго царя, а бояръ его живыхъ поимаше и краснаго

наличнаго царя и боярина его, которой бѣ привезъ изъ Ерусалима царицу соломонову и гостя Пашу. Соломонъ же стоя на виселицы, тогда пріяхъ бояра его Юва і Авеса, дѣти соруевы, выскочи на виселицу и снятъ оттуда Соломона, падъ, поклонишася ему до земли: «Здравствуй, царю Соломонѣ!» И глаголя: «Будѣте здравы и вы!» И посмотри на побитое войско многое множество и глаголя имъ: «Потщилися, друзи мои милыи! низложили врага моего на землю: Юва бо избиваетъ единъ сто мужъ, і Авеса, братъ его, триста мужъ побить.» И приведоша предъ Соломона краснаго наличнаго царя скована. Тогда, видя его наличный царь, и прослезися, глаголя: «Прельсти мя еси, Соломонѣ, мудростію своею; поистиннѣ говорила миѣ царица: «не дай ему трехъ словъ молвити, убей его,» і азъ не послушахъ ея: нынѣ самъ смерти достоинъ.» И повелѣ его Соломонъ росковати и снати съ него діадиму царьску: положи ю Соломонъ на себе; на царя же наличнаго роздранную свою одежду положи. Приведоша боярина того, еже кой уведе царицу изъ Ерусалима и гостя Пашу; повелѣ ихъ всѣхъ тронхъ связати, посади ихъ на колесницу ту, на ней же бѣ Соломонъ сидѣлъ, повезе ихъ въ царство. Царица же веселяшеся о смерти соломоновѣ, дожидая краснаго наличнаго царя своего; поиде во стрѣтеніе ему. Соломонъ же въеха во градъ и побилъ люди оставшія и взя царицу свою, и все злато и сребро и всякую вещь и каменіе драгое и разори царство краснаго наличнаго царя и поеха вонъ и взя съ собою наличнаго царя и царицу свою. Егда же ¹⁾ бысть на мѣстѣ томъ, еже глагола красному наличному царю: «Помниши ли, царь, я тебѣ загадку заганулъ: преднии колеса кони везуть, а задниі куды спѣшать? а ты миѣ сказалъ: дивлюся тебѣ, царю Соломонѣ: сказали тебя мудра, а ты ничего не знаеши; яже умолча, нынѣ ты разумѣй; тебѣ глаголь сей: преднии колеса кони везуть, а заднии привязаны—тебя привязала ко миѣ на смерть.» И глагола ему наличный царь: «Нынѣ разумѣхъ всю мудрость твою.» Привезе его къ виселицы; онъ же видѣ и воздохнувъ и рече: «Горка ми смерть.» И глагола ему царь Соломонъ: «Не прель-

¹⁾ Въ рукописи: *Етоже*.

щайся, уловить тя: что глаголетъ мудрость моя? Не познай жены чюжей, да не уловить тя доброта ея.» И повеси его ту: «Се тебѣ петля златая згодилася » И глагола боярину, другу его: «Ты скоро не выслуживыйся!» Онъ же, стое, воздохнувъ горько: «Братія молча і азъ похваляхся предъ царемъ наличнымъ.» И глагола Соломонъ: «Повесите его лышною петлею.» И повеснша его. И приведоша гостя Пашу и глагола Соломонъ: «Мужикъ страдникъ! добро бы тебѣ молчати на чюжей земли. Что видиши? Повесите его мочалною петлею: достойны того всѣ вы троя.» И глагола къ царицы своей: «Милая моя! не прельщайся на краснаго мужа.» И снять съ нея дидиму царску и постави ю въ одной срацычи. И приведоша жребца неученаго и привязаша ю по персемъ ¹⁾ ея и пусти его; онъ же сокруши плоть ея и кости. Царь же Соломонъ мудръ есть: даде указъ по достоянію всѣмъ и возвратися во Иеросалимъ.

¹⁾ Въ рукописи: *пелсеми*.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА ¹⁾

Актипролозь.

НАТУРА ЛЮДСКАЯ

Натура людска, въ образъ Бога есмь созданна,
Разумъ, память и воля суть миѣ дарованна,
Не дарованна: паче данна, не отъята
Отъ преслушавшой Бога чрезъ зліа треклята.
Занеже ми есть отъята мудрость и святыня,
Безсмертіе, нетлѣнность, житіа простыня,
Разумъ разумомъ, яко зломъ обяхся;
Знаеть и память, яже въ раѣ наслаждахся;
Воля ми безвольная оковася узомъ,
Съ нею разумъ и память единымъ союзомъ:
Дерзнетъ воля на радость, память памятаеть,
Яко за малу радость вѣчная скорбь чаеть.
Егда хошетъ простерти въ самовольство руки,
Разумъ речеть: памятай діавола штуки,
Како ты безсмертнѣю въ раѣ уловнша
За дерзость съѣми смерти и тѣми сокрыша,
Тымъ ся ми разумъ. Память воля упражняеть,
Вѣсти же ни отъ кого отмѣнныя чаеть.

Омыльная надежда ²⁾.

Что, натуро людская, сѣтуешь созданна,
Надъ все вданіе лучій Богу подобанна?
Имушой образъ Бога что ти не довлѣеть,—

¹⁾ По рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библиотеки XIV, Q, 28 (въ Описан. рукоп. гр. Толстова отд. II, № 423), ex bibliotheca Arcangelina. Имя сочинителя драмы въ рукописи не названо. Можетъ быть, она принадлежитъ Димитрію Ростовскому. Многія мѣста испорченны переписчикомъ и возстановить ихъ трудно.

Ред.

²⁾ Въ рукописи: *омынная*.

Красота и глѣота ѿгда ти свѣтлѣють?
 Имашъ ты покоренна вся, яже суть въ мирѣ:
 Дѣтвующіи, ходящіи ¹⁾ и плывущіи звѣри,
 Вся сія покоренна суть подѣ твоя нозѣ.
 Убо не свѣтуй, паче радуйся по Бозѣ.

НАТУРА.

Вся ми суть покоренна, но и азъ подданна
 Смерти, егда согрѣшихъ въ рани, перевозданна!

НАДЕЖДА.

Не отчайся, Натуро: имѣй мя, Надежду;
 Возведь очи, посмотри: зостаешъ между
 Коними вѣщми: се ти вѣкъ златый послужить.
 Миръ въ брань не претворится, дуна не натужить;
 Любовь, кротость, незлобіа съ тобою пребудуть;
 Фортуна, вѣчна радость неотступны будутъ.

НАТУРА.

Аще тако есть, добръ: се скорбь отлагаю,
 Радостна веселюся, скачу и играю.
 Златъ вѣкъ, миръ, счастье, радость мене окружають,
 Убо сердцу моему скорби не стужають.

ВѢКЪ ЗЛАТЫЙ.

Счислай, о Натуро людска, вѣи златныя часы:—
 Златый ти вѣкъ вѣщаю нехитрыми гласы.

ПОКОЙ.

Смотри, Натуро людска, на сію маслину:
 О ней мира, не вбрани чрезъ мене чай выну.

ЛЮБОВЬ.

Азъ Любовь симъ союзомъ къ тебѣ привязанна:
 Понеже ма имѣешь, вся тебѣ суть данна.

КРОТОСТЬ.

Всегда въ Кротости сердце ти да веселится,
 Тому злобная язва никогда случится.

НЕЗЛОБІЕ.

Чрезъ Незлобіе на тя гнѣвъ никто воздвигнетъ,
 Радуйся: злоба бо тя никогда постигнетъ.

¹⁾ Въ рукописи: *хотлящии*.

РАДОСТЬ.

Внимай сладкогласному сему инструменту;
Сего слыша, никогда дознавай яменту.

ФОРТУНА.

Дотоль, Натуро людска, пребывай весело,
Донележе фортуно не станеть ми коло.

НАТУРА.

Благополучныи нынѣ приспѣша ми часы,
Егда радостотворны слышу отъ вась гласы.
Такъ есть, яко Надежда прежде возвѣщала —
Съ златымъ мнѣ въкомъ радость истѣ общала,
Радость на златомъ вѣцѣ и въ нѣдрехъ фортуны.
Радости! весели мя, исправь своя струны.

Строить и Разсужденіе приходитъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Тако ся уловила чрезъ вѣсть неистову!
Се радости измѣну имаша готову.
Смотри, како измѣна вещи преплетаетъ
И благополучіе бѣды сообщаетъ.
Уловила Надежда тебя нечаянно,
Егда Разсужденіе бѣхъ отъ тя попринно!
Гдѣ Надежда омылна, яже тя прельстила,
Яже ти словесъ сѣтими лѣстнѣ уловила?
Слыши, что Вѣкъ желѣзный будетъ глаголати,
Егда златый Вѣкъ можетъ ему постояти.
Зри и что противная противнымъ сотворять;
Увидишь, яко радость на плачь ти претворять.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ВѢКЪ.

Что при натурѣ людской себе водворяешь?
Или мене крѣпчайша на себѣ не знаешь?
Удержиши ли прелесть, въ десницѣ ти сушу,
Егда моя желѣзну кулю испущу?
Зри: золото и желѣзо катится однако,
Не можешь быти лучшимъ надъ мя, вѣруй всяко,
Златыми си часами людей уловляешь
Въ своя сѣти, а моихъ желѣзныхъ не знаешь.
Азъ убо совокуплю со желѣзомъ золото,
Да вѣсть Натуро, яко есть не золото, блато.

Не будешь отъ союза сего расплетенный,
Но во вѣкъ со мною будешь слученный.

Брань.

Ты чрезъ увидасму льстиши ю маслину.
Зри: мечь брани ту съчотъ и такъ будетъ выну.
Да не речеш: «мирень въ вѣкъ миръ пробываю»,
Въ самый корень маслины мечь свой угружаю.

Неизависть къ любви зувь.

Ты, Любве, что вѣщаешь пожити сугубы
Сияъ союзомъ, сія вся претрѣтъ моя зубы.

Ярость стрѣла къ кротости.

Ты речеш, яко Кротость язвы не достигнетъ;
Се чрезъ стрѣлу Ярости язва ту постигнетъ.

Злоба.

Ты незлобіе знакомъ что натуру зводишь?
Рцы, како ту отъ уза злоба освободишь.
Се жало въ неповинномъ агницъ углабаетъ,
Нлае съ него изыти когда помышляетъ.

Къ радости плачь; плачь.

Радости! своя струны ты устрояеашь,
А змоченну слезами плату не внимаешь.
Радость, сладость, плачь платомъ тебѣ воспяшаю,
Омоченнымъ слезами, струны отягчаю.

Зависть къ фортуна; сирѣчь Коло.

Престани, Коло, точитися всеу,
Въ котромъ Натура заводится буе
Прежде ти въ адъ: не стерся крокъ мой, препинаетъ,
Да натура фортуна, какова есть, знаетъ
Въ точащомъ фортуна силы не познаетъ;
Неудержанно Коло зря, да разсуждаетъ.

Натура.

О люто окаянство въ суетномъ семъ міри!
Почто лестной надеждъ азъ бѣдна яхъ вѣры?
Веселыми помысли впредь мя исполнила?
Нынѣ туюжде радость на плачь претворила,
Егда злата желѣзный вѣка побѣждаетъ,
Брань покоя маслину мечемъ постѣкаетъ.

Во всемъ полно измѣны и непостоянства,
 Горе въ житіи моемъ всего окаянства,
 Ничто истиннѣйшаго паче смерти чаю,
 Жду гроба, а красоты вѣнецъ мой слагаю,
 Иду окруженная печальми и бѣды.

Всѣ.

Мы твоими, Натуро, купно поидемъ слѣды.

Смерть.

Го! го! го! радуюся, Смерти, отъ Адама,
 Царствующая даже и до Авраама,
 По Авраамѣ дотоль свободно царствую
 Человѣческимъ родомъ сильна властенствую,
 Царей и князей подѣ моя покоряю нози,
 Сильны вон падаютъ предо мною мнози.
 Всѣ боятся: всѣхъ бо азъ отъ сею косою
 Препинаю якъ цвѣты полныя з росюю.
 Едина сильна, славна есмь смерть во вся вѣки,
 Безъ останка потреблю азъ всѣ человѣки.
 Сама Натура людска добръ то познала:
 Прозрѣвши мою силу, съ фрону сего встала,
 Вѣнецъ красоты съ главы своея сложила,
 Мя боищися, власти та моеи вручила.
 Сяду на престолъ, возьму и вѣнецъ на главу,
 Да всѣ видятъ у смерти безсмертную славу.

Жизнь.

Стой и не прикасайся трону человѣка,
 Иже ти не подежить во вся вѣки вѣка.
 Азъ есмь Жизнь, яже приходъ того оживити,
 Живота безконечна въ вѣки сподобити;
 Ты же властелинствовать не дерзай безъ суда,
 Пзыйди оттоль скоро, иди полна студа:
 Азъ власть имамъ жпвити, азъ и умертвити,
 Смерти или житію вѣчному вручити.

Прологъ.

Маловременна дестна міра сего слава,
 Нищущимъ себѣ въ сладкихъ смертна есть отравна.
 Яко бо въ себѣ жало медь утаиваетъ
 И, уста наслаждающъ, внутренность уязвляетъ:

Сице и сего міра сладость въ себѣ имеетъ,
 Сладкую жизнь множае желчію кончаетъ.
 Образъ сего въ Иродѣ есть трюкаявномъ,
 Зло въ суетныхъ міра сластѣхъ окованномъ.
 Уже за временную, гиблющую славу
 Противъ самого Бога гордую си главу
 Вознозь: Того чрезъ зависть искаше убити,
 Дабы маловременной чести не згубити.
 Нищю же, невинныхъ множество отроковъ
 Изби за агнцевъ сущихъ безъ пороковъ,
 За что и самъ воскорѣ, истинъ судомъ Бога,
 Претерпѣ; днесь во адѣ терпитъ зла премнога.
 Се не токмо словомъ и дѣломъ изъявимъ,
 Да крѣпость нынѣ Бога рожденна прославимъ,
 Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
 Ты же, архіерею, да благословляешь.

КОМЕДІЯ НА РОЖДЕСТВО ХРЯСТОВО.

Явленіе 1-е.

Земля.

Аще не отъ естества есмь земли стени,
 Яко вещи бездушной слезы проливати,
 За сладко пловучія водныя потоки,
 Шумящія съ внутрности твердѣйшой опои;
 Обаче не держу, повторяя: горе!
 Точу слезъ прегорчайшихъ пространное море.
 Увы, увы! проклята за грѣхъ есмь Адама
 И Еввы, яже яблоко урве си рукама—
 Въ раи заповѣданно. Азь за красныи цвѣты
 Волчець родити буду мерскій во вся лѣты.
 Красна бѣхъ, доброплодна, раждахъ не оранна;
 Нынѣ тща аще и есмь, потомъ полианна,
 Никогда же на перво буду возвращенна,
 Ниже по проклятїи паки освященна.

Нево.

Не сътуй, Земле скорбна, паче веселися:
 Честь ти болша прежднїя нынѣ устроися,
 Не клятїе, но большу улучишь святыню
 Чрезъ Бога воплощенна вѣчну благостыню,

Той мя, Небо, преклонивъ на тя, земле, снидѣ
 Человѣкъ бысть, человекъ да на небо изыде.
 Отъ твоя созданнѣ трости сообщся.
 Божеству убо тебѣ не лѣтъ есть пещися
 Будешъ мнѣ, неклѣтому небу, приобщенна;
 Азъ земля, ты же небомъ будешъ нареченна,
 Яко же Богъ нареченый есть человекомъ,
 Смертенъ человекъ Богомъ живымъ во вѣки вѣкомъ

• Земля.

Небо! роса словесъ ти мя не орошаетъ,
 Но паче вздыханіемъ тяжкимъ изсушаетъ:
 То глаголетъ, емуже быти не возможно,
 Азъ же божіи знаю словеса неложна,
 Или же есмь проклята; ты же мя случаетъ
 Со собой бо съ водою огонь то сообщаетъ.
 Можетъ ли тьма тамъ быти, гдѣ свѣтлость сіяетъ?
 Гонить отъ себя тьму свѣтъ, а не сообщаетъ.

Небо.

Земле! не печалися; скоро ся утѣшишь.
 Миръ на тебѣ вѣщающъ скоро гласъ услышишь
 Миръ мірови даруй приде къ тебѣ миренъ
 Иисусъ Христосъ, сынъ Божій, агнецъ кротокъ, смиренъ.
 Той тя милосердіемъ на перво претворить,
 Той ты быти другиню мнѣ, Небу, сотворить.

Земля.

Придетъ? аще и придетъ, огонь воврещи придетъ;
 Не благословеніе, мечъ изъ устъ его изыдетъ.

Небо.

Ни, земле! речетъ: азъ есмь на землю пришеды,
 Да жизнь имать и лишенъ всякъ земли прошеды.

Земля.

Побѣдихся, о Небо, для твоей порады;
 Жду отъ Бога реченной чрезъ тебѣ отрады.
Пльіе: Христосъ раждается славите и прочая.

Милость Божія.

Неизреченна Милость Бога, необъята,
 За преступство Адама мірови отъята:

Егда тотъ запрещену прикоснуса плоду,
 Наведе проклатіе общему си роду,
 Заклучи дверь златую небснаго града,
 Отверзе тьму кромѣшну лютьйшаго ада.
 Но не прогнѣваяся въ вѣкъ Богъ, не враждауй
 Приде подѣль ты, милость мірови дарствуй.
 Человѣкомъ бываетъ чрезъ милость премногу,
 Да брениа человѣка уподобитъ Богу,
 Нынѣ небо земля бысть, земля небомъ убо.
 Земля, небу причтена, радуйся сугубо!
 Ликуй, небо! мѣсто бо ангела гордыни
 Человѣкомъ наполнить Бога благостыни.
 Да сорадуются ти ангельскіе лики,
 Егда сожительствуютъ има человѣки!
 Земле, за змѣя вражду иногда проклята!
 Радуйся, яко богомъ нынѣ есть свята!
 Уже не къ тому волчець имаша родити,
 Но будешь украшенна различными цвѣты.
 Первый Адамъ сподоби клятвы тѣ руками,
 Второй Адамъ, ходяци по тебѣ ногами
 Пресвятыми, освятить тѣ въ вѣчные роды
 И вождельными тѣ ублажить плоды.

Земля.

О Милости божіа неизглаголанна!
 Азъ, Земля, грѣхомъ Еввы весьма окаянна,
 Подъ твои пречистыя скланяюся нозѣ,
 Чтѣ ты, славию и хвалю во вѣки о Бозѣ:
 Понеже мя грѣшную дотоль сохранила,
 Нынѣ же красотою неба увѣнчала.
 Сама облакомъ легкимъ съ небеси находишь,
 Тягость же мою брениа на небо возводишь.
 Будь благословенный во вѣкъ вѣковъ Боже,
 Яко твоя милость мнѣ грѣшной поможе!

Небо.

О милости всещедра! подѣ прекрасными нозѣ
 Преклоняюся, Небо, волею по Бозѣ.
 Молю: идѣже еси, да буду съ тобою,
 Совокупи мя, земле, во вѣкъ со собою.

МИЛОСЕРДІЕ.

Земле! чрезъ милость Бога небу приближися,
 Небо! чрезъ милость Бога земли примирися:
 Се васъ союзомъ златымъ на вѣки спрѣгаю,
 Миръ, единство и любовь на васъ полагаю.

НЕБО.

Слава во вышнихъ Богу днесь о семъ да буди!

ЗЕМЛЯ.

Миръ землѣмъ благоволенъ да воспойтъ людѣ.

Пѣніе: Слава въ вышнихъ Богу и прочая.

Явленіе 2-е.

ВРАЖДА ИЛИ ЗАВІСТЬ.

Горе ахъ Люцеперу и цѣлому аду!
 Такъ то намъ Милость божа сотвори отраду.
 За единъ токмо помыслъ всѣхъ съ неба свергаетъ,
 Человѣка за дѣло въ небо исправляетъ.
 Лучшели есть браніе, нежели духъ чистый?
 Ахъ человѣкъ сталъ Богомъ, азъ же духъ нечистый
 Отъ всѣхъ есмь нареченна,—азъ прежде созданна,
 Азъ архіерейскимъ ликомъ вѣнцомъ увѣченна;
 А человѣкъ прахъ, пепель, персть една брэнна,
 Мнѣ на поруганіе тако вознесенна.
 Егда Люцеперъ мнѣлся равенъ Богу быти,
 А человѣкъ врагъ дерзнулъ дѣломъ совершити;
 На время намъ сообщень, имѣеть отраду,
 Мы же на вѣки вѣковъ вдадохомся аду.
 Горе! горе! сѣдаетъ ядъ мою утробу;
 Персть, вѣчному шмуца предатися гробу,
 Въ нашихъ прежнихъ жилищахъ себе водворяетъ.
 Горе! горе! сердце ми зависть растерзаетъ
 Зря горести услаждаюсь сѣденіемъ сердца
 Горькій въ міра сладостяхъ буди ти мордерца.
 Дондеже Богъ есть Богомъ, адъ безсмертный адомъ,
 Смертнымъ ада съяти буду на тя ядомъ.
 Провѣтуютъ моя плоды, убійство и вражда,
 Тѣмъ плодомъ утолится кровавымъ ми жажда.
 Вулкане, о Вулкане, ты молю усильнѣ,

Остра ми оружія надобно есть зълъвъ.
 Поспѣшете на помощь, охотны Цыклионы!
 Возжигайте огонь, бранты, бійте въ млатъ, стероны!
 Мечи, копія, узы, остры куйте стрѣлы:
 Сія въ Іудейскіе разсѣю предѣлы,
 Сотворю пролитіе крове, яки море, *(дринтса)*
 Не единому сотворитъ мечъ горькое горе,
 Уплется копіе не въ одну утробу,
 Поплыветъ крове токомъ не единъ ко гробу.
 Будеть здѣ и невинный мечемъ погибати,
 Будеть себе самого мечемъ побивати,
 Тако чрезъ сѣть смертнѹю пойдетъ въ ада узы
 Исцѣлитъ растерзанну утробу Медузы,
Цыклионы всѣ вместе говорятъ.
 Се огонь возжигаемъ, въ млаты ударяемъ,
 Копія и узы для тебѣ, медузы и мечи
 И стрѣлы въ іудейски предѣлы готуемъ,
 Готуемъ тебѣ, подметуемъ. Примайся,
 Цыклиопе; бій крѣпко, стерепе, бранте.
 Не лѣнися, Враждѣ прислужися.

ПАСТЫРІЕ.

Два будто пошли въ городъ для покупки, а третій при овцахъ быхъ, наступившой же кощи пошелъ тѣхъ искать и прочее.

ПАСТЫРЬ 1. БОРИСЪ.

Судари мои свѣты! здорово ли живете?
 Вы въ семъ мѣствѣ собраны подавно сѣдате.
 Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
 Въ городъ или зъ города кошело несущихъ?
 Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
 Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;
 Другой молодецъ, именовъ Афоня названный,
 Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.
 Пошли въ городъ для хлѣба на ужину кунити,
 А мене оставили овечокъ хранити.
 Замѣшкали; а уже ночь темна приходитъ,
 А на менѣ одного страхъ великъ находить.
 Я, бросивъ и овечки, пошелъ ихъ искать.
 Въ городъ далеко, страшно, здѣ ихъ буду ждати,
Сидеть.

Ой Авраиъ, Аврамъ! тоже зайшоъ на кружало!
 Когда ему какое тамъ лихо не стало!

Пастырь 2. Аврамъ.

Борисъ! чего ты здѣсь, а овцы покинулъ?

Борисъ.

А ты для чего, въ городъ пошодши, загинулъ?
 Пришелъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду;
 А самъ уже пошолъ былъ васъ искать ко граду.
 Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ.

Не повручнися, братецъ: зайшоъ на кружало,
 За алтынцъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ.

Отъ вѣтъ я догадался! а мнѣ то не купивъ?

Аврамъ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣтъ не купить?
 Малецъ, вынь ми съ кошеля. Не зволишли испить?

Борисъ.

Нутко съдѣтежъ и сами пораз напьемся
 Хлѣба купили ли? (*Афоня говоритъ: есть*) гораздо подкрѣпѣмся.

Афоня.

Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
 Кушай, старичокъ здоровъ, а насъ не ворчи.

Аврамъ.

Да кушайможъ поскорая, пора птти къ стаду,
 Штобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.
*(Запоютъ ангели, а они забудутся кусы въ ротахъ. Думаютъ
 долго одинъ на одного смотритъ, нескоро въ небо).*

Аврамъ.

Што, братъ, гдѣ же такъ гетакъ поютъ хорошенько?
 Еще я такъ не слыхавъ; ты слышишь, Афонько?

Афоня.

Я вже слышу и вижу ея птчки высоко.
 Смотрѣте. Едбакъ ваше не досмотритъ око:
 Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите.

БОРИСЪ И АВРАМЪ.

Е! е! е! видишь, видишь..

Афоня.

А што правда птички.

Аврамъ.

Братъ, кажется, робятка стоятъ не велички?

Афоня.

Сударя! и кто видалъ робята съ крылами?

Птицы то залетѣли межъ облаками:

Етакъ бы хорошенко робята не пѣли.

Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ.

Лететь-жъ здоровенько, а мы поседѣмо;

Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

Аврамъ.

Когдабъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю ночь пѣли,

Тобъ мы, ихъ слушаючи, спать не хотѣли.

Афоня! ты учися на дутки играти,

Штобы мы не хотѣли да и ты дремати.

Явленіе 3-е.

Ангелъ къ пастыремъ.

Убоится.

Радость, о пастыри, отъ мене приимѣте

И не ужасайтесь; но словемъ внимлете.

Радость нынѣ велия мірови явися,

Спасъ человѣческому роду родися

Отъ пренепорочныя Маріи дѣвицы,

Небесныхъ купно земныхъ жителей царицы.

Близъ града Вифлеема въ вертепѣ глубокомъ,

Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высококомъ,

Въ яслѣхъ, на остромихъ сѣнѣхъ, пеленами ввитый,

Нищъ лежитъ всего міра царь знаменитый.

Такъ убо веселыма ногама идѣте,

Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударя! кто ты таковъ? ты княжего рода?

Чаю, что князь твой или воевода.

Ангелъ.

Азъ есмь архангелъ не отъ земна рода,
 Но отъ небесныхъ ликовъ восвода,
 Непреступну престолу Бога услугую
 И тайны того міру азъ благовѣствую,
 Еже и вамъ вѣщаю, отъ его посланный;
 Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Абрамъ.

Чаю тебе, государь, къ князямъ послали,
 Штобъ они великому царю поклонъ дали,
 Не къ намъ нищимъ пастухамъ. Что ты заблудилъ
 Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.

Ангелъ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
 Волею между скоти встай положенный,
 Нищету возлюбивый, васъ нищихъ взываетъ;
 Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей чаетъ.

Борисъ.

Осударь! надобноли что въ поклонъ понести,
 Штобъ не вслѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ.

Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
 Не хошетъ себѣ даровъ, но онъ да дарствуетъ.
 Чисто сердце за дары тому принесите,
 Вѣру, надежду, любовь ему предложите.
 Глаголанная мною скоро сотворѣте,
 Азъ буду не видимъ, вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо худѣмъ? украсѣмся,
 Въ чулки, лапти новые, пойдѣмъ, приберемъ.
 Афоня! позабирай калачи и вино;
 Да и ты приберися, пойдѣмъ всѣ за одно.

Пѣніе:

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
 Христось ся вамъ днесъ родилъ
 Въ Вифлѣсмѣ, градѣ Давидовомъ,
 Въ колыбѣ Іудовомъ отъ дѣвы Маріи.

Хотяще знать известно,
 Еже имъ благовѣстно,
 Въ Бетлеемъ скоро пошли,
 Отроча въ яслѣхъ знаши,
 Матерь со Іосифомъ.
 То дивное рождество
 Не изречеть вѣтъйство:
 Зачала дѣво сына въ чистотѣ
 И родила въ цѣлостѣ
 Дѣства своего.

Явленіе 4-е.

ПАСТЫРІЕ ПРИШЛА КЪ ВЕРТЕВУ.

БОРИСЪ.

Постойте же вы здѣсь, я посмотрю пойду,
 Естьли въ яслѣхъ реченный, и снова къ вамъ приду.
 Есть братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
 Ангели поютъ и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
 Ходѣмъ; я скажу: здравствуй; ты рѣчь: милость пошамъ;
 А ты скажи: прости намъ, что ни съ чимъ здѣ пришелъ.

АВРАМЪ.

Тихонько же отопри. Не спитъ ли рожденный?
 Не замай спитъ, чтобъ не былъ нами возбужденный.

ПѢНІЕ ВЪ ВЕРТЕПѢ.

Нынѣ весь міръ да играетъ,
 Дѣва Христа рождаетъ,
 Младенца первенца,
 Небеснаго облюбенца.
 Во вертепѣ днесь рождаетъ
 И во яслѣхъ полагаетъ
 Іисуса Христа Бога иста,
 Повиваетъ Бога чиста.

БОРИСЪ *поклоняется*.

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
 Самовольно въ яслѣхъ смиренъ положенный!
 И подушечки нѣту, одеяльца нѣту,
 Чимъ бы тебе нашему согрѣтиси свѣту!
 На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе полать много;

А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
 Въ яслѣхъ, на остромъ снѣгѣ, между бун скоты,
 Нища себя сотворивъ, всѣмъ давай щедроты?
 Это намъ деревенскимъ здѣ лежать прилично,
 А тебѣ, Спасителю, такъ необычно.
 Но понеже извольнѣ такъ себя смиряешь,
 Царь царемъ сый нищету толику примаешь:
 Будь благословенный Боже во вѣки вѣковъ,
 Возлюбивый насъ грѣшныхъ тако человѣковъ!
 И паки реку: буди Богъ благословенный,
 На спасеніе міру всему народженный!
 И ты, того рождающая, будь благословенна,
 Мати Бога и Дѣва во вѣкъ прославленна!
 Ты, кормилиця старенькій, буди же хвалимый,
 Отъ него же отрокъ здѣ положенъ хранимый!
 За лучшее привѣтство на насъ не дивѣте,
 Пастухамъ деревенскимъ, молимся, простѣте.

АВРАМЪ.

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
 Да насъ возвеселиши, въ плоти умаленный!
 Плачещи, здѣ лежащій за грѣхи Адама;
 Обридай же плачуща и мене, Аврама.
 Дай благословеніе всѣмъ намъ, Бога чадо!
 Спаси наше, еже мы въ полѣ пасемъ стадо!
 Спаси и дома наша и въ нихъ всѣхъ живущихъ!
 Помилуй и насъ нищихъ, здѣ при тебѣ сущихъ!
 Мы тя хвалимъ и хвалить будемъ по вся годы.
 Да хвалятъ тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
 Къ тебѣ, Бога мати, главу преклоню,
 Тебѣ, святой Осипе, челомъ ударяю:
 Помолитесь за насъ къ воплощенному Богу,
 Да подасть намъ во свояси щастливу дорогу.

АѦОНЯ.

Напослѣдокъ и я нищъ къ тебѣ припадаю,
 Боже намъ народженный, и Тя величаю:
 Будь благословенный Боже нашъ во вѣки,
 Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
 Оставивши на небѣ златяя полаты,
 Изволилъ еси пожить здѣ между бытлаты.
 На одномъ снѣгѣ лежишь, якъ какой сирота;

Всѣхъ одеваешь, и Ты окрмивъ етъ нагота.
 Подобало бѣ, дабы мы чимъ Ты подарили,
 Послали бѣ что мяконько или чимъ поирмаи;
 Но прости: нищи есмы, ниямы ничтоже.
 Прости ны, милостивый и всещедрый Божє!
 Прости и благослови и ты, Мати Богу,
 И ты, святой Осипе, за милость премногу!
 Идѣмо во свояси: насъ благословѣте:

Всѣ.

Въ путь идущимъ и дома сущимъ помозѣте.

Пастырие людямъ возвѣщаютъ.

Радуйтєся людїе: родися Спаситель,
 Истинный всего мїра Богъ и откупитель.
 Мы тому самовидцы, своимъ зрѣли окомъ:
 При градѣ Вифлєемѣ, въ вертепѣ глубокомъ
 Лежитъ въ яслѣхъ на снѣгъ отрочокъ маленький,
 Тамъ и матушка его и Осипъ старенькій.
 Мы имъ поклонилися да домой ступаемъ;
 А что тамъ видѣли, всѣмъ вамъ возвѣщаемъ.
 Здравствуйте, радуйтєся, веселы ликуйте,
 А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

Явленїе 5-е.

Любовытство звѣздохчетскоє

Что въ теченїи круговъ вышнихъ ся являетъ
 Новаго, яко умъ мой недоумѣваетъ?
 Въмъ о моемъ искусствѣ, имже не хвалюся:
 Мѣсто зодїи, звѣздъ рещи не мало сумниюся,
 Полудни кругъ на мѣстѣ, зовомъ анстаритось,
 Блудеть своего мѣста полунощный вритось;
 Овенъ станеть на востокъ, солнце вонь вселится
 И теченїе начнетъ, Юнецъ удалится.
 Близнята, Ракъ, Левъ, Дѣва полудни обнимуть;
 Всѣ, скорпїи, стрѣлецъ, козлищъ полунощи прїимуть,
 Скудель, воду лющи, къ нимъ же прилучитя;
 Двойство рыбъ водозлюбныхъ при немъ ся явится.
 Поллюкъъ стоитъ, Кастору свѣтла оделяющъ;
 Блещитъ отъ него Касторъ свѣтло занимающъ,

Звѣзда морска, навкѣтромъ являющіи пути,
 Цѣнозура не можетъ съ мѣста ся двигнути.
 Вижду же въ своемъ чину дождевныи пады
 Являющіи сушу, такожде плеяды,
 Сихъ быти неразличныхъ азъ да созерцию,
 Имена ихъ подробну сице нарицаю:
 Сія подъ седми на два раздѣленныи чины,
 Являющіи сушу и дожда пучины:
 Паснѣо, Пнѣо, Тихе, Евдоръ, Амвросія,
 Коронисъ, Ипноксаврисъ, дождевныи суть сія;
 Електра, Алкіона, Мая, Астеропе,
 Келена танесета, Иненста, Меропе
 Сія вторы седмица сушу изъявляетъ.
 Въ семъ звѣздъ мой умъ теченіи чинъ и силу знаетъ;
 Но не вѣмъ, что за звѣзду нынѣ вижду нову
 Не на обычномъ мѣстѣ. Мню ю неистову:
 Всяка звѣзда на твердѣ небесномъ сіяетъ,
 Сія между облаки себя водворяетъ,
 Блещитъ несравненно надъ всѣхъ звѣздъ свѣтила;
 Не можетъ умъ пояти, что есть въ ней за сила,
 Что болѣе полунощъ всѣ звѣзды змѣряетъ,
 Ея луча въ полудне себе исправляютъ.
 О кто бы ми повѣдалъ, что есть въ ней за сила.
 Иду, гдѣ Валаама мудраго могила.
 Воскресни, Валаама, гробъ ти открываю.
 Что се звѣзда нова, повѣждь ми, желаю.
 Ты аще тѣломъ сложенъ въ гробъ почивашь,
 Но между звѣздохъ искусствамъ сіяешь.

Валаамъ.

Что умъ свой любопытствомъ всеу утруждаешь,
 Валаама же словесъ не воспоминаешь?
 Не вѣси, яко, еще во Араиіи суши,
 Прорекохъ о сей звѣздѣ, сице глаголющи:
 «Егда всѣхъ послѣднѣйшо вѣковъ время придетъ,
 Тогда отъ Іакова нова звѣзда въздетъ.»

Любопытство.

Что же есть въ ней за сила? Нѣтъ въ ней звѣздна чина,
 Ниже когда явится звѣзда такъ една—
 Ближае всѣхъ отъ земли, нависше облакъ ходитъ
 И не къ западу себе, но къ югу приводитъ.

Валаамъ.

Создатель всѣхъ звѣздъ, луны и свѣтлаго Феба,
 Строитель всемогущійшей пространнаго неба,
 Иже прежде десница и отца родися,
 Въ часъ здѣ рожденъ, сею звѣздою явися.
 На полуденну страну звѣзда та простуется;
 Хотящъ правду увѣдѣть, ей да послѣдуетъ:
 Обрицетъ Іакова съмя таяъ ближенно,
 Отъ негоже родися слово воплощенно.
 Той будетъ мѣти область надъ всю подсолнечну,
 Распростретъ свою славу во вѣкъ безконечну.

Любопытство.

Вѣрую, Валааме, словесамъ ти истиннѣ;
 Но хочу еще окомъ зрѣть ми прозорчистымъ:
 Сице мене мнѣніе увѣщаетъ духа,
 Яко зрѣніе лучше вѣритъ паче слуха.
 Иду; волхвовъ за тою звѣздою исправлю,
 Да увидятъ истинну, гамо ихъ поставлю;
 Тебе же за искусство азъ честь воздаваю,
 Почивай съ миромъ; гробъ ти честно затворяю.

Явленіе 6-е.

Продъ съ вельможи.

Продъ на престолъ сядѣи славолетъ.
 Непреодолимимъ мужіе и мудри,
 Въ бранѣхъ, совѣтѣхъ, словѣхъ вашихъ богомудри,
 Державы моей столпы непоколебимы,
 Дражайшіе бисеры моей діадимы!
 Четверовластный скипетръ подъ солнцемъ сіяетъ,
 Егоже ваша храбрость въ морѣ распространяетъ.
 Десница ваша мою умножаетъ славу,
 Яко никогда кому преклоняю главу;
 Сердца ваша моему сердцу сопряженны;
 Сего ради сердце ми радуется зѣло,
 Яко васъ единокорныхъ себѣ приобрѣло.
 Но яко любѣтъ вашей позблагодарствую?
 Кинимъ васъ саномъ и издою за то ударствую?
 На коемъ кедрѣ вашу начертаю славу?
 Коимъ Дафномъ премудру вѣнчаю вамъ главу?

Кто сановъ, кто богатства отъ меня жаляетъ,
Обогащу и почту, токмо да вѣщаетъ.

СЕНАТОРЪ 1.

Четверовластный земле Юдской господине!
Свѣтило очесъ нашихъ ты еси едине;
Мзда наша и богатство, наша то и слава,
Егда благополучна видимъ ты и здрава.
Довлѣетъ намъ любовь та, нже насъ нижайшихъ
Насыщаешь монаршихъ словесъ ти сладчайшихъ.

СЕНАТОРЪ 2.

Добрѣ никто отъ мудрецовъ сице повѣдаетъ:
Яко кротость то творить, что сила не знаетъ.
Влагаешь на насъ узы сладкіа, монархо!
Владѣй убо, здравствуй, крѣпчайшій тетрархо!
Торжествуй надъ врагами, мы же неотступно
Вѣрно пособствовати будемъ тебѣ купно.

СЕНАТОРЪ 3.

Радуйся, о преславный царю, во вся роды!
Прославляйся во вѣки вѣковъ и вся годы!
Не подаждь дреманія мечу изощренну,
Да имѣешь вселенну тебѣ покоренну.

СЕНАТОРЪ 4.

Спразгъ еси любовію намъ сердца къ своему;
Златымъ узомъ fortuna престола твоему
Да припражета. Будь ты побѣдоносный!
Долголѣтно носиши вѣнецъ свѣтоносный!

ПРОДЪ.

Благодаренъ привѣтства и любви вашей;
Не отпадутъ отъ мысли долго сія нашей.
Радость нынѣ къ радости моей прилолися.
Веселися, Проде, нынѣ, веселися!
Пѣвцы! сладкіа гласы въ устахъ растворѣте,
Господина своего пѣснями веселите!
Вели, да медоточивъ поють немедленно.

ОТРОКЪ 1.

Воскорѣ господина творю повелѣнно.

ПѢИК.

Аполліо, музы! сѣмо воспѣйте,
Сладкія пѣсни съ нами воскликните!
Да веселится велегласный Иродъ,
Да торжествуетъ отсель въ родъ и родъ.

Иродъ.

Гряди, вели что ино воспѣти любезно.

Отрокъ 2.

Вскорѣ утешамъ вашимиъ воспуютъ полезно.

ПѢИК.

Іо! іо! восклицайте,
Ирода увеселяйте,
Воскликните сладки гласы,
Златые бо имать часы.
Аіоне! бій у струны
Направо коло фортуны,
Направо точится пилю
И будетъ такъ неомылно.

Посланникъ отъ тріехъ царей.

Поклоненна Восточна тебѣ даль трое царь:
Мелхиоръ стара, Гаспаръ, третья Валтасаръ.
Волиъ царь новый Іуды въ земля твой родити;
Они схотѣли ему дары понести:
Ливанъ одна, друга смирнъ, а третя злато.
Просимъ тебѣ: ты не зволь оскорбити за то,—
Твою землю Виедеемъ пошолъ поклонилса
Нову царю Іудейску да домъ воротилса.
То моя господина у тебе жае,
Да твоя путешествво имъ волно дае.

Иродъ.

Что новаго посланникъ сей наю приносить?
Мира ли, или брани, или чего просить?

Сенаторъ 1.

Сего послаша сѣмо восточны три царь,
Добы мѣли путь вольный, со дрими дары,
Черезъ землю ти идущо со многими труды
Поклонъ дати, косму не вѣмъ, царю Іуды.

Иродъ.

И кто есть царь Юдейскій, еще мнѣ живушу?
 И кто скипетръ обійметъ, ту въ десницѣ сущу?
 Азъ есмь царь и властелинъ, кромѣ мя никтоже.
 Кто ми трекоаканный соцарствовать може?
 Ты же, глупче, приносишь вѣсть о царю Юды
 Кую? се ты, извлечь мечь, разсѣку на уды.

Посланиникъ.

Воля твой царю Юда голова рубати.
 Я невинна; мой царь здѣ схотѣлъ мя послати.

Сенаторъ 2.

Не изволь умертвити, монархо, посланна:
 Не отъ его бо воли сія содѣянна.
 Господіе послаша того къ твоей власти,
 Да имъ бы путь былъ миренъ и кромѣ напасти.

Иродъ.

Како путь миренъ дамъ имъ? Не будетъ безъ борьбы,
 Иже ми нанесоша нечаянной скорби.

Сенаторъ 2.

Скорбь сія кая есть скорбь? Пусти его въ мири,
 Да и тыхъ увѣщаеетъ въ истомъ къ тебѣ вѣры.
 Рцы, да царя новаго честно привитаютъ;
 Привитствовавшы, тебѣ о немъ возвѣщаютъ,
 Или, тамо идуще, здѣ изволятъ быти:
 Вѣмъ, яко и самъ хочешь отъ нихъ спросити,
 Гдѣ рождайся; потомъ самъ схощешъ привитати.
 О привѣтствіи же не зѣть теперъ глаголати.

Иродъ.

Встань ¹⁾ и гряди къ господамъ, глаголи же тако:
 Яко о ихъ шествіи радуюся всяко;
 Да изволятъ идуще мене посѣтити,
 Молю: радъ и что отъ нихъ спросити;
 Гдѣ узнали рожденна, и азъ хочу знати,—
 Яко они, подобный тому поклонъ дати.

Посланиникъ.

Добро. Моя рада, что здорово ходила,
 Больше того не буду, кому говорила.

¹⁾ Въ рукописи: *Въ самъ.*

Иродъ.

Вѣрные ми вельможи! предложить намъ дѣло,
 Еже ми нмиѣ радость на скорбь претворило.
 Подобаеть увѣдать, кий то нарощенный,
 Новый царь на престолъ мой будетъ посажденный, —
 Отъ моя ли крове или прежде бывшихъ
 Монаршихъ наслѣдниковъ, себе утѣившихъ.
 Но ближайшій наслѣдникъ Ирканъ ерону бывшій
 Не встанеть, мечемъ монимъ главу положившій.
 Такожде Аристовулъ, внукъ его любимый,
 Не возстанеть, на престолъ праотцемъ садимый.
 И кто оста..... еронъ мой наслѣдствуяй,
 Усмотрѣте разсудитъ, всякъ гадательствуяй.

Сенаторъ 1.

Превеликій монархо! всеу умъ смущати
 Не требъ, ниже пословъ въ страны посылати:
 О немъ ти восточные принесутъ вѣсть царь,
 Гдѣ обрящутъ и дадутъ нову царю дары.

Сенаторъ 2.

О семъ дѣло настойтъ, егда воасви приндуть:
 Безъ согласія отъ ти всѣ да не изыйдуть.
 Рцы, да тебѣ возвѣстятъ о царѣ рожденномъ,
 Отъ нихъ привѣтствованномъ и дарми почтенномъ.
 Тоже и ты обѣщай ему дары дати,
 А въ тайнѣ оружія вели готовати.
 Поклонимъ ти подъ нозѣ его выю горду.
 Вели быти готову мечу и оскорду.

Иродъ.

Аще не восхошутъ о немъ дати вѣсти,
 Кто намъ можетъ о цари рожденномъ повѣсти?

Сенаторъ 3.

И какъ не изволятъ, въ рукахъ твоихъ суще?
 Не могутъ мя минути, вѣсти не несуще.

Сенаторъ 4.

Да мысль ти, о монархо, свободна пребудеть,
 Вели, да на ихъ пути брѣпкая стражъ будетъ,
 Аще къ царю теши имуть, вели удержати,
 Аще же воспать пойдутъ, вели здѣ предстати.

Продъ.

Добри вои! на стражи будете не спящи,
 Всѣхъ путемъ шествующихъ, опасно хранящи,
 Наипаче егда цари пойдуть отъ Востока
 Рожденнаго на царство почтити отрока:
 Тѣмъ безъ сумнѣнїя ихъ скоро удержѣте
 И къ престолу моему сѣмо приведѣте.
 Мы же на мало время въ свояси отъидемъ,
 Тоже въ время обычно пакы сѣмо придемъ.

Вои.

Съ охотою, монархо, творимъ повелѣнна.
На время та завѣса буди закровенна.
 Стойможь и сохраняймо намъ заповѣданна:
 Не хотѣмъ царя нашего быти поруганна.

Явленіе 7-е.

Царей, идущихъ по срединѣ, стража удержатъ.

Стражъ 1.

Господіе! молимъ васъ, звольте мало стати,
 Царю Проду о васъ тресбъ докладати:
 Въ нынѣшнее бо время Іудея смутися,
 Аки бо царь си новый народися.

Царь 1.

Творимъ царя вашего наю повелѣнно.
 Извольте доложити, молимъ, немедленно.

Стражъ 2.

Се иду и возвѣщу монарсѣ воскорѣ;
 Извольте помедлѣти мало при семъ дворѣ.

Сенаторъ 1.

Господинъ нашъ, царь Продъ любезно жаляетъ,
 У престола своего васъ до созерцаетъ.

Сенаторъ 2.

Гости вождѣнныя! Звольте, постѣтите
 Монарху лицемъ вашимъ и увеселите;
 Зѣ охотою чекаетъ и радостно приметь,
 Яко друговъ любезныхъ любовно объметъ.

ЦАРЬ 1.

Зъ охотою на дворъ царскъ ради посѣщаемъ,
Лице его пресвѣтло узрѣти желаемъ.

ЦАРЬ 1 къ Проду *вслезлетъ*.

Преславнѣйшій монархъ Юдейскія странѣ,
Саномъ царства почтенный надъ всѣхъ царей самы!
Здравствуй благополученъ лѣта безчисленна!
Всякаго супостата имѣй покоренна!

ЦАРЬ 2.

Доколь Фебъ не станеть, въ бѣгу златополучный,
Дотоль царю Юдейскій будетъ благополучный.

ЦАРЬ 3.

Четверовластный скипетръ четыре мѣра части
Скоро твоей господской да покорить власти!
Се и мы главы наша тебѣ покоряемъ,
Единыя свободы точію желаемъ,
Да даси намъ путь миренъ безъ всякаго порока,
Посѣтити новаго рожденна отрока.

Иродъ.

Радуюся, яко васъ здоровыхъ созерцаю,
За кривдѣство равныя слова воздаваю.
По трудѣхъ путешествія извольте почитать.
Хошу нѣчто ко любви вашей предложить:
Конимъ случаемъ всѣ три, не зъ единыя стринны,
Въ одно наитреніе и путь сей собранны? ¹⁾

ЦАРЬ 1.

Мы трое равны есмы въ ученіи значномъ,
Въ звѣздочетствѣ. Но егда на небѣ презрачномъ
Увидимъ что нова и не можетъ пояти
Всякъ своимъ умомъ, звыкли въ едино собирать.
Предъ девети мѣсецами узрѣхомъ на небѣ
Нову звѣзду,—о томъ намъ обратися было требъ,
Яже не на небесѣхъ была утверждена,
Но въ облацѣхъ надъ небо пречудно явленна
И, якъ звѣздамъ обычно, не въ западъ течаше,
Но противъ естества на Югъ та идяше.
Ту звѣзду разсуждая, на долгѣ пребыхомъ.

¹⁾ Въ рукописи: *собранный*.

Многихъ вохвовъ искусныхъ въ память приводихомъ,
 Егдаже помянухомъ славна Валаама,
 Имъ же та звѣзда проречеса еще давна:
 «Отъ Іакова,— рече,— звѣзда возсіяетъ.»
 Ериорея Сивилла тоже провѣщаетъ:
 Тоже отъ Израіля возстанетъ человекъ
 Славенъ, честенъ и премудръ, вожелѣнный отъ вѣкъ,
 Тому вся земля имать быти покоренна,
 Того царя познаетъ надъ всѣхъ прославленна.
 Къ тому, звѣздъ ведущей, и мы путешествуемъ,
 Да поклономъ и дарми того почествуемъ.

Продъ.

И гдѣ есть она звѣзда, по нейже идостъ?
 Дадите ми ю зрѣти, о ней же рекостъ.

Царь 2.

По той звѣздѣ идуще, егда здѣ приспѣхомъ,
 Абіе бысть, аки бы никогда видѣхомъ:
 Скрыся и отголѣ наю не есть зрима;
 Не вѣмы, или будетъ паки намъ видима.

Продъ.

Кімъ дары хотите тому дарю дати,
 Молю возвѣстите ми: и азъ хошу знати.

Царь 1, царь 2, царь 3.

Азъ злато. Азъ же ливанъ. Азъ приношу смирну;
 Сія дары прилична суть царю всемирну.

Продъ.

По премногу, о друзи, мнѣ ся возлюбисте
 За честь, юже толику царю сотвористе.
 Хотѣлъ быхъ привѣтствовать съ вами царя нова,
 Но дарствія моя ту еще не готова.
 Молю: гдѣ обрящете и мнѣ возвѣстите,
 Въстію мене о немъ, молю, веселите.
 Мѣю сребра и злата, камене добуду;
 Витати царя нова, сколь мнѣ мощно, буду.

Царь 1.

Благослови ны, царю, во путь намиренный;
 Ты же здравъ живи съмо, миренъ, надаренный

Иродъ.

За пощение вамъ благодарю зѣло.
 Землю и Иудейску проходите смѣло,
 Его же желаете царя посѣтите.
 Азъ пакн желаю мнѣ о немъ возвѣстите.

Царь 1 къ рожденному младенцу.

Отъ чиста злата въ небѣ мнѣя полаты
 И градъ святой, еиуже блещутъ стѣны златы,
 На драгихъ каменіяхъ красно основанны,
 Тебѣ въ вѣчно жилище Боже зготованны:—
 Ты же почто оставилъ красоту толику
 И восприялъ еси ты нищету велику?
 Надъ всѣхъ царей честивѣйшій такъ себе смиряешь,
 Егда между скотами тебѣ водворяешь?
 Порфиры и мягкія одежды дарствуешь,
 Людямъ, а на твердѣйшемъ самъ сѣнѣ бѣдствуешь?
 Солнца огня теплоту даешь твоей твари,
 Грѣшь землю бездушну воздушными парм;
 Самъ въ глубокомъ вертепѣ себѣ на хладъ давши,
 Аки надъ всего міра нищихъ обнищавый.
 Прими убо малую отъ меня часть злата,
 Прими, дражайшій злата, злато отъ мя блато!
 Не придохъ, не могу бо, тя обогатити,
 Вся въ руку имущаго, но токмо вручити.
 Прими, а мя помилуй, Боже милосердый.

Царь 2.

Азъ предъ тобою, Боже, тощъ да не явлюся,
 Ливанъ отъ мене прими, смиренно молюся.
 Въмъ, яко ты Богъ еси безсмертный, нетлѣнный,
 Безбоязненный, во вѣки сущій неизмѣнный.
 Человѣка, чрезъ змія въ рни поврежденна,
 Пришелъ еси цѣлти и живить мертвенна;
 Но не иначе, тоцію чрезъ смерти и раны,
 Цѣльба, жизнь человеку пакн будутъ даны.
 Врачу душамъ и тѣламъ! ливанъ ти приличенъ:
 Плотію смертенъ сущій, божествомъ же вѣченъ.
 Прими, врачеванія знакъ, ливанъ: молюся
 Ино что болшо нѣсть ми; тѣмъ да умилюся
 Твоимъ даромъ никаковъ даръ будетъ сравненный

За великъ отъ мя прїими сей даръ умаленный,
 Пребогатый, преславный надъ всѣ челоувѣки,
 Будь благословенный Боже во вся вѣки!

Царь 3.

Вѣчный Боже, на земли нынѣ воплощенный
 Отъ вѣка Богъ, подъ лѣты челоувѣкъ рожденный!
 Кую ти азъ дамъ титу, яко челоувѣку,
 Иже царемъ и княземъ даешь титулы зѣ вѣку?
 Царь, иже тебѣ злато за даръ приношаше,
 Царя ты быти міру прообразоваше;
 Второй, иже принесе тебѣ ароматы,
 Врачемъ душъ и тѣлъ дерзнулъ тебе нарицати;
 Азъ ты архіересемъ, Боже, нарицаю,—
 Яко архіерею смирну предлагаю.

..... 1) повелишь пасити
 Но со кадиломъ смирну тебѣ приноситьи,
 Проженешь сѣнь ветхую, егда ты на жертву
 Богу отцу принесешь за тварь твою мертву.
 Архіерею, за весь міръ молящъ Бога!
 Да будетъ твоя милость и на насъ премнога!
 Благослови отъити во страны своя здоровымъ
 Путемъ благополучнымъ, веселымъ и правымъ.

Вси три.

Удаляемся тѣломъ, духомъ же съ тобою
 Хошемъ быти, Ты насъ имѣй съ собою.
 Подобаеть намъ инымъ путемъ шествовати,
 Да не зволимъ Проду о семъ возвѣщати,
 Да коваренъ сый царя не убіеть,
 Крови невинной всеу да не изліеть.

ПѢНІЕ.

Весь міръ нынѣ веселися
 Христось Спаситель родися. 2-жды
 Пришли къ нему три цары, трое цары,
 Поклонъ даютъ, кладутъ дары; 2-жд.
 Ливанъ, смирну, купно злато, купно злато;
 Зѣ различныхъ странъ даръ той взято 2-жд.
 Мы же ему сердце даймо, сердце даймо,
 Чистымъ сердцемъ веллчаймо.

1) Пропускъ въ рукописи.

Явление 8-е.

Иродъ.

Есть ли возвѣщеніе о царѣхъ прешедшихъ?
Что ми не есть вѣдомо о ихъ мношесдшихъ?

Сенаторъ 1.

Изволишь, о монархо, стражемъ здѣ предстати;
Аще прешли или ни, изволь вопрошати.

Сенаторъ 4.

Стражіе монаршему лицу предстанете,
О чесомъ васъ вопроситъ, отвѣты дайте.

Сенаторъ 3.

Царей прешедшихъ аще вспять шедшихъ видѣсте,
Почто неудержанныхъ маю не повѣсте?

Стражъ 1.

Никако не явися ни единый идущій,
Азъ бо бѣхъ неусыпно стражбу ми строгущій.

Стражъ 2.

Како бы не дерзнули мы ихъ удержати?
И какъ быхомъ не дерзнули намъ возвѣщати?

Сенаторъ 2.

Извѣна есть, о царю: няъ путь возлюбилъ,
Дабы о нарощенномъ ти не возвѣстили;
Прелестники сущіе тя, царю, прельстиша,
Слово свое царское волшебнѣо сломиша.

Иродъ.

И тако царии званнии царско хранять слово!
Сердце ихъ царьми звати мое не готово.
Не мудрецы,—глупцы; и всякъ не братъ, но измѣнникъ;
Не хотѣлъ ми быть другомъ, всякъ будетъ же плѣнникъ.
Но прежде настоящо дѣло совершено:
Гдѣ есть новый царъ рожейся, поищемо.

Сенаторъ 1.

Четверовластный царю! Азъ мыслихъ на дозѣхъ
Кромѣ иныхъ замысловъ, чтобы къ твоей пользѣ;
Но не успѣли того: бо не увѣдали мѣста,
Кая того царя нова гдѣ роди невѣста.

Вели убо рабиномъ пріити премудрѣйшимъ,
Отъ книжниковъ еврейскихъ много искусѣйшимъ:
Негли кое въ книгахъ чтуше здѣ пророцтво,
Обращуть того царя новаго намъ сродство.

СЕНАТОРЪ 4.

Не противу глаголю словеса твоему;
Но аще и младому умови моему
Тако мнитсѣ, яко, мечь во Іудѣи спорѣ
Простерши, изыщемо нова царя вскорѣ.

СЕНАТОРЪ 2.

Добрѣ твой совѣтъ, обаче мощно испросити
Отъ книжниковъ, потому же сіе сотворити.

Иродъ.

Добрѣ. Два ми воскорѣ пригласи рабина
Здѣ съ книгами; именовъ вели господина.

ПАРЕНЬ.

З охотою, монархо, иду по нихъ скоро,
Лицу ти пречестному здѣ представляю скоро.

Иродъ.

Мы же чрезъ сіе времена да не празднословимъ,
Помыслью, како того наступцу уловимъ.

(Пришедшимъ рабиномъ.)

Добрѣ здѣ пришли есте, друзи возлюбленны,
Израдно въ писаніи всякомъ изученны!

РАВИНЪ 1.

Здравстеуеши! Что слышно добраго, монархо?
Что тя видимъ прискорбна, великій тетрархо?

Иродъ.

Сего ради васъ призвахъ, да усть вашихъ сладость
Горьку ми скорбь претворитъ на сладкую радость.
Егда нѣкій царь новыи въ Іудеи родися,
И уже во вселенной вездѣ сый прослыся?
Нѣцы отъ Востока шедше трие цари,
Мой престолъ поругавше, тому даша дары.
О немъ ми возвѣстите: гдѣ и естли тако
Шли вы; да скорбь мою отъимите всяко.

Равинъ 1.

Монархо! аще мене послушать возможно,
 Азь тебѣ отъ Талматовъ исповѣть неложно.
 О рожденномъ отроку глаголатъ начну ти,
 Токмо не прогнѣвайся, смирно ся молю ти.
 Написалъ Исая пророкъ у Талмуты,
 Яко мѣлъ родитися отъ колѣна Юды
 Зѣ дому Давида; въ главѣ такъ седьмой вѣщаше,
 Егда царю Ахазу собесѣдоваше:
 «Се дѣва во чревѣ приметъ, родить сына,
 Еммануилъ наречеть; тая того вина:
 Престолъ Давида ¹⁾ отци его престолъ будетъ,
 Царству же его конца во вѣки не будетъ.»
 И Соломонъ премудрый тоже глаголаше,
 Яко то въ сіе время быти имѣяше.
 Написалъ: «Родится мужъ въ іудействѣ странѣ,
 Иже праотцевъ спасеть зѣ пекелной отхлани.»
 Іеремія въ главѣ третьей его чаеть,
 Отъ сѣмени Іаковля изыти вѣщаше:
 На землѣ явися и живетъ съ человекѣми.
 Невидимы знакъ будетъ между человекѣми.
 Еще Валаамъ мудрый, аще жилъ безбожно,
 О немъ силою Бога прорече неложно:
 «Отъ сѣмени Іаковля приидеть мужъ великій
 И будетъ обладати надъ всѣми языки.»

Иродъ.

Добръ. Еще же маю, аще убо вѣста,
 Глазъ рожденъ есть. Въ писаніи поищѣте мѣста.

Равинъ 2.

Монархо! Отъ мене ты слушай того мѣста,
 Гдѣ такого отрока родила невѣста.
 Мѣсто его Михея пророкъ изъясляетъ,
 Иже во главѣ пятой сице повѣдаеть:
 «Ты, Внеліемъ, не меньши во владыкахъ Юды:
 Съ тебе изыдетъ пасый Израиля люди.»
 Отколь дается знати, яко зѣ Внеліема
 Собышася Михеемъ сія глаголема;
 Въ Внеліемѣ родися; а въ коемъ же мѣстѣ,

¹⁾ Въ рук: *дльница*.

Втайнѣ о немъ Аввакумъ сиде днеть вѣсти;
 Тако отъ Аввакума бѣ прорекованный:
 «Посреди двохъ животныхъ будешь познанный.»

Продъ.

И тако ми ушеса славы насладисте!
 Лучше бы, дабы тако здѣ не приходисте!
 Мнѣхъ, яко въ моемъ радость сотвористе сердца,
 Вы въ слезахъ, аки люты тоните мордерцы.
 Не хочу васъ. Идѣте зѣ очесъ моихъ вскорѣ,
 Да не зрю васъ никогда на монаршемъ дворѣ. ¹⁾

Продъ.

Егда ли обрящется власть гдѣ превысока,
 Бы по малой радости слезнаго потока
 Не вкусила. Ахъ! слеза такъ виссонъ омочаетъ!
 Зрящу на скипетръ, болѣзнь сердце ми произаетъ:
 Коликимъ величествомъ отвѣтъ увѣчанный,
 Толикимъ внутръ жалости узомъ окованный!
 Тридесать семь лѣтъ саномъ царства бѣхъ почтенный,
 Нинѣ же внезапну буду извлеченный!
 Извлеку прежде мечъ мой на завистну выю,
 Иже хоцетъ отъяти діадиму сію.
 Будешь, будешь первѣе въ подземенномъ долѣ,
 Нежели на Юдействѣмъ сѣдиши престолѣ.
 Восхоцешь избѣгнути?.. но не будетъ время;
 На злату діадиму узъ понесешь бремя;
 Хотящъ въ благихъ оплывать на Прода еронѣ,
 Поплывешь и утонешь въ крови своей тонѣ.

Сенаторъ 1.

Престани, о монархо, о семъ сѣтовати.
 Хошу нѣчто полезно ти совѣтовати:
 Вели вожда призвати со сильными вон,
 Со всякимъ оружіемъ и крѣпкими зброн.
 Тыхъ въ вполѣемску зволишь землю отпустити,
 Поволишь всѣхъ отрочать на главу избити:
 Между тѣмъ наступцу твоего убіють,
 Твоя же мысль и сердце въ радости почиють.

¹⁾ Не пропускъ ли здѣсь?

Иродъ.

Добръ глаголешь. Гряди, пригласи ми вой,
Да придуть въоруженными ко мнѣ не безъ стрелъ.

Парень.

Господина моего творю повелѣнно:
Шедши, вой приведу съмо немедленно.

Сенаторъ 1.

Двоюлѣтныхъ повелѣть бити отрокъ нещадно,
Хотящу наследити не будетъ отградно.

Вожь 1.

На повелѣніе ти придохъ готовый,
Имамы творить дѣломъ, еже речеши словы.

Вожь 2.

Что повелиши, царю, тое будетъ дѣломъ;
Желаемъ ти работать душою и тѣломъ.

Иродъ.

Хочу, да будутъ ваши мечи обнажены
И сердца ко моему сердцу сопряжены.
Мечи, въ купу сложивше, да всякъ лобызаетъ;
Аще ми будетъ взрѣнь, симъ да освѣщаетъ;
Еще же крове нашей смѣшавше вкусно.
Юнче! гряди воскорѣ, чашу подаждь съмо.
Се азъ въ первыхъ источу, ты же твори тако,
И ты, да и во бранѣхъ будетъ вамъ одинако.

Вожь 1.

Готово; зри не токмо з рукъ кровь источити,
Но и главъ не пощадитъ за тя положити.

Иродъ.

Пимо, се глаголюще: Буди въ храбрость нашу,
Новъ же царь да испіетъ о насъ смертну чашу.

Вожь 1.

Благополучень всегда да долгоденствуешь!

Вожь 2.

И надо царемъ новымъ здравъ да долгоденствуешь!

(Піють).

Иродъ.

Нынѣ убо десницу крѣпко вооружите;
 Въ Влодіама предѣлы скорѣ бѣжете;
 Будите безъ милости, будите жестоки:
 Избите двоюлѣтны и вѣщше отроки,
 Да между тѣми новый царь убіенъ будетъ,
 Моя же вѣчна слава въ цѣлости пребудеть.

Вождь.

Готовы дѣломъ сія исполнити;
 Ты же, монархо, зволь благословити.

Пѣніе.

Гласъ слышавъ—въ Рамѣ Рахили рыдаше,
 Яко любезныхъ чадаъ си не видяше,
 вопль выпускаше.
 О чада моя, чада прелюбезна,
 Очесемъ моимъ красотою полезна!
 плачу васъ слезна.
 Никогда плача азъ не утолюся;
 Дондеже лицемъ васъ не наслаждуся,
 сама убьюся

Явленіе 9-е Убіеніе отрочатъ неслышимое, но зримое.
Явленіе 10-е Плачь и рыданіе о убіенныхъ отрочатъ
 подобіемъ плачевой Рахили.

Глаголати ли имамъ или молчати буду,
 Егда мя вопросите, кто есмь и откуда?
 Глаголати пространно плачь ми препинаеть,
 А хлипаніе часто рѣчь ми присецаеть.
 Молчати невозможно сердцу болѣзненну,
 Ниущему печальми душу узвлеснену.
 Мощно ли утайти огонь, въ нѣдрехъ скровенный?
 Нищій не утайтъ болѣзни духъ опечаленный,
 Но отъ болѣзненныя души провѣщаеть
 Внутрь сущюю всѣмъ; «я въ горѣ есть»—возвѣщаеть.
 Возвѣщу убо и азъ на мене смотрящимъ
 И аже о мнѣ знати извѣстно хотящимъ.
 Азъ есмь плачь, рыданіе скорбныя Рахили,
 Еяже сердце многи скорби узвили,

Встали о людие, кто та Рахиль баше?
 Та, яже Якову сожительствоваше; —
 Якову супруга мужу святу, честну,
 Видѣвшему иногда лѣствицу небесну,
 По нейже восхождаху, нисхождаху ноги
 Ангеловъ, сказующихъ спящу тайны многи.
 Того мужа та жена, о ней написано:
 «Гласъ въ Райѣ Рахилинъ слышано:
 Рахиль плакаше своихъ чадъ прелюбезнѣйшихъ,
 Погубляемыхъ отъ рукъ немилостивѣйшихъ,
 И утѣшити себе отнюдь не хоташе,
 Понеже дѣтей своихъ истребленныхъ зряше.
 Но речеть кто, яко та двоихъ токмо мѣла
 Сынновъ, ихъже по долгомъ неплодствѣ родила:
 Иосифа прекрасна и Веніамина,
 По первородному чадѣ послѣдняго сына;
 Обаче тымъ цѣлы, а живымъ пребываше
 И въ народъ ся премного ты расплодиша;
 О комъ убо печется та слезная мати?
 О комъ тужить, съгуетъ? о комъ дитяти?
 Таковая глаголющъ не вѣсть тайны Бога,
 Егоже постижны судьбы бездна много.
 Да увѣсть убо тайну ту, не всѣмъ вѣдому,
 Яже дѣема баше въ Яковлѣ дому:
 Безчадна Рахиль долго духомъ си тужаше,
 Яко супружескаго плода не рождаше.
 Егдаже разрѣшилъ Богъ оная неплодство,
 Услышавъ мольбу теплу, даде чадородство,
 Даде ей купно и даръ зъ своей благостыни —
 Пророческаго духа быть ей пророкини,
 Еже будущая то умѣ предсмотрѣти
 И вѣдати, каковы будутъ ея дѣти,
 Дѣти, внуки, правнуки въ послѣдняя роды,
 Счастье ихъ и несчастье, плѣны и свободы.
 Во первыхъ убо, егда родила первенца
 И еще не вскормила своего младенца,
 А уже въ ночномъ сонномъ видѣніи зряше
 То, еже Иосифу быти имѣаше:
 Зряше того ведома, егоже связаша,
 Яко плѣнна раба отъ братій продаша,
 Плачуща и рыдающа, къ рождшей вопіюща;

«Рахили! О Рахили!» слезнѣ глаголюща:
 «Рахили, мати моя! почто мя остави,
 О мати! чадо твое? отъ злыхъ рукъ избави!»
 Того Рахиль въ видѣніи соннѣмъ чаще зрящи,
 Обаче со ужасомъ восприяну, стениаши,
 И, объемши младенца матерски руками,
 Слезы отъ очію си точаше рѣками.
 Таже, егда зачала и Веніамина,
 Прежде рождества того послѣдняго сына,
 Еще во утробѣ своей младенца имуши,
 Уже пророческій вѣкъ предъузрѣ будущій:
 Племя Веніамина како имѣ быти,
 Въ бѣдахъ, скорбѣхъ, печалѣхъ гинути, не жити,—
 Ово отъ своихъ, ово отъ чуждыхъ гонимый,
 Отъ всѣхъ убиваемый, весьма нещадимый.
 Предъзарше пророчица она всю подробну
 Имѣвшую брань быти междусобну,
 Въ неже Веніамина отъ сподствѣлаго солнца
 Истребится отъ своихъ племъ до конца,
 А за едино токмо скверна грѣха дѣло,
 Егоже и помысломъ вспомну не мало.
 Предъзарше и другое злое время мати,
 Яко мечъ Ассиріевъ имѣ поядати
 Останокъ Веніамина, а неизбѣнныхъ
 Зряше въ плѣнъ вавилонскій скованныхъ веденныхъ.
 То Рахиль пророчески егда зряше убо,
 Прегорькимъ рыданіемъ рыдаше сугубо
 Ово о избѣнныхъ, ово о плѣненныхъ
 Чадь своихъ прелюбезныхъ, въ конецъ разоренныхъ.
 Иныхъ всѣхъ и о нѣхъ рыдаше не толма
 Якоже о семъ часѣ възрыдая больма,
 Егда узрѣ мечъ острый скоро обнаживша
 Внодіемскія дѣти избити имѣвша.
 Ратуеми внуки себе защищаху,
 Плѣненны свободы себѣ желяху;
 А иже плѣннами повиты дѣти—
 Како мощно имѣ быше себе защитити?
 То предъзрѣніе слезы Рахили точаше
 И отъ горькаго плача престать не даяше
 Даже до скончанія. А егда плачася
 Роды Веніамина и вскорѣ скончася,

Тѣло ея честное камо погребенно,
 Рахилею оно е мѣсто нареченно;—
 Мѣсто, идѣже потомъ Внеліемъ создася,
 Отъ гроба Рахилина Рахиль градъ прозвася.
 И егда въ Внеліемъ лютость сотворися,
 Рыданіе Рахили и плачь обновися:
 Аще бо и мертвая тамо почиваетъ,
 Обаче ея душа на все то смотряетъ.
 И яко бывши жива, отъ мѣвшихъ быти
 Рыдаше, такожде и преставшии жити
 Особъ быти вещи, горяча рыдаетъ,
 Яко же евангелиистъ то воспоминаетъ:
 «Слышится въ Раимъ гласъ, горць стенищій,
 Отъ Внеліема града съ плачемъ исходящій,
 Гласъ Рахилии плачущей, но несравненно
 Паче перваго плача много болѣзненно:
 Тогда бо единою гортанію кричаше
 И отъ единыхъ очесъ слезы испущаше;
 А нитѣ, слико есть дѣтей, кровь лиющихъ,
 Толико есть матерей, плачевнѣй ревущихъ».
 Того плача азъ емь гласъ и вѣстникъ повсюду,
 Отъ Рахили дошедши даже и досюду,
 Возвѣщающъ слышанимъ печаль вельми смутну,
 Младенцовъ избіенныхъ смерть зѣло укрутну.
 Кто во вѣсь сердоболесъ духомъ умиленимъ,
 Поне мало поболѣ сердцемъ сокрушенимъ;
 Споболѣ рахилинымъ болѣзнемъ сердечнымъ,
 Соплачи тоя теплымъ слезамъ безконечнымъ:
 Продѣ, лють властолюбецъ, добра ненавистникъ,
 Самаго діавола истинный намѣстникъ,
 Новорожденна царя хотя погубити,
 Посла неповинные младенцы избити;
 Посла вооруженныи, аки на рать, вой,
 Аки не на дающихъ супостатъ покоя.
 Но, о прелюбезнѣйшій мучителю! слыши:
 Егда ся незлобивыхъ младенцевъ біснѣ,
 Егда ли тыя на тя полки собирають?
 Егда ли на царство ти брани возставляють?
 Котріе отъ матернихъ сосцевъ отрываютъ,
 Неповинныхъ мечами лють убиваютъ.
 Ежели азъ умнымъ окомъ егда созерцаю,

Сиди къ сердцу моему плачевнѣ вѣщаю:

«О сердце, сердце, твердѣйши опоки!

Что удержиши слезныя потоки?

Что, отъ жалости, аки воскъ не таешь,

Слезъ не истощаешь?

Зри, коль жалостными и скорбными часы!

Сквозь пронзають утробу ми гласы,

Слезныхъ матерей, плачущихъ о чадѣхъ

Въ весѣхъ и градѣхъ.

Чада любезна! въ кровь сѣи углубиють,

Матери въ слезахъ горькихъ утопають.

Егда бѣють вси чадѣ немилосердны,

Неблагосердны.

Лютѣйшии звѣря изъ рукъ похищаютъ,

Отъ сладкихъ сосцевъ обще отрываютъ,

Всѣхъ закаляютъ, агнецевъ незлобивыхъ

Не творять живыхъ.

Вся Вплѣемска земля превращенна,

Въ кровь неповинныхъ дѣтокъ обагрена,

Въ поляхъ и стогнахъ течеть крове море.

Горе! Ахъ! горе!

Четырнадцать тысящъ положили

И еще крове тыхъ ся не напили,

Не напоили звѣрообразнаго,

Ирода злаго.

Впойтъ невинность, въ небо вопіющи,

Утолишь жажду вѣрчистой пловущи

Рѣцѣ, егда самъ гойдешъ въ ада рупцѣ

Къ вѣчной муцѣ.

Плачу и плакать непрестанно буду,

Печали сея во вѣкъ не забуду,

Буду рыдати на злаго Ирода

Въ роды отъ рода.

Приміе: "Гласъ слышенъ въ Рампѣ" и прочая.

Вождь вой приноситъ главы отрочатъ и Иродъ радуется и въмчасть и отпускаетъ.

Явленіе 12.

Вождь.

Торжествуй, славый монархо, оттоль,

Мирно съдѣшій на твоємъ престолѣ!

Четырнадцать тысячъ отрочатъ избихомъ,
 Тамже и наступцу твоего уловихомъ;
 Се въ знамя принесохомъ дѣти иные главы,
 Да дѣтище твоея не терзаетъ славы:
 Еяже ти живущи не хотѣли склонити,
 Торжественнѣ на мертву изволю наступити.
Кидаютъ.

Иродъ.

Радость объять мя нынѣ толь велія зѣло,
 Сколь великую прежде сердце жалость мѣло.
 Вамъ же благодарствую за толики труды,
 Вънецъ побѣдоносный отъ мене вамъ буди.
 Не замедлю великимъ самою васъ почити,
 Нынѣ же помозите мнѣ ся веселити¹⁾.
 Пѣвцы! торжественныя пѣсни воскликните;
 Поюще же, во длани весело плещите,
 Да мало утѣшимся по счастливомъ бою,
 Потомъ будетъ склонитися время къ упокою.

Пѣніе.

Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшите, и прочая.

Иродъ.

Довольно ликовъ! Пѣвцы! нынѣ престанете.
 Вельможы и вы вой! въ свояси идѣте.
 Хочу мало уснути, сѣдяще на оронѣ,
 На пресладкомъ почити Морееуша лонѣ.
 Аще случай явится, скоро здѣ придѣте,
 Въ царскомъ управленіи словы пособѣте.
 Юнцы! вънецъ, скипетръ, мечъ отъ мене **возьмите:**
 Гдѣ ми есть сокровище, тамо понесете;
 Сами же паки вскорѣ ко мнѣ приходите,
 Здравія ми опасно и вѣрно блюдите,
 Велѣте что инаго еще воскликнути,
 Донелиже пресладцѣ возмогу уснути.

Пѣніе.

Спишь, окаянне, сномъ обремененный!
 Глазь невинности въ небо возведенный,
 За кровь рыдаетъ, отмщеніе проситъ
 О нечаянну смерть тебѣ голоситъ.

(Отроки отбѣгутъ Иродовы.)

¹⁾ Въ рукописи: *веселите.*

Явленіе 13 е.

Невинность.

Выидай, о небо, невинности гласу!
 Не презри крови прелитой въ семь часу
 Насъ немоятнокъ, злобы не творившихъ,
 жизнь оставшихъ!
 Пичто же въ жизни злаго содѣяхомъ,
 Не токмо злыхъ дѣлъ я словесъ не знахомъ,
 Кромъ любезнѣ мать нарицати,
 сосца вкушати.
 Дажь отъщеніе отъ суда ти свята
 На кровопивцу Прода проклята:
 Пролилъ еси кровь жизни отчаянне
 ти окаянне!
 Отвори гортань несыту змиину,
 Пій, юже излилъ еси, кровь невинну;
 Ея жаждалъ, нынѣ утолиси,
 возьми напися.
 Простри утробу жадну несыту,
 Лій въ ню кровь сію, лій чрезъ тя прилиту,
 Пій и матерей пролитыя слезы,
 Встосны и стезы.
 Пій истекшія отъ скорбну зъинцу
 Смотрящихъ воевъ на люту десницу,
 Бьющу насъ; агнецевъ для твоей трапезы
 Пій кровь и слезы.
 Отъ крове нашей намъ порфиру сшилесь,
 Бисерами слезъ материнихъ снестрились,
 Увѣнчались намъ вѣчнымъ вѣнцемъ главы
 вѣчныя славы.
 По малой жизни мы вѣчне царствуемъ,
 Тебѣ же вѣчну смерть ходатайствуемъ
 Не злобы нашей, но Бога судьбами,
 мстяща законами.

Истинна и два ангела.

Ангели! сѣмо невинность да придетъ,
 Гласъ твой предъ Бога престолъ уже взыде
 Еще слезы да зрять и кровь вашу чисту!
 Юже пролисте неповинну исту.
 Дажь я ангеломъ и вѣнецъ на главу

Прими и гради во вѣчную славу;
 Прими маслину, то есть знакъ побѣды
 За Иродовы на васъ всѣхъ обиды,
 Егоже Отмищеніе безъ всяка откладу
 На безконечны муки вѣчну предасть аду.
 Азъ, истая Истинна, вѣщаю ти исто,
 Яко ему готово во адъ уже мѣсто,—
 Въ Цербера всегда будетъ гортани сидѣти,
 Будеть огнемъ сердчистымъ объятый горѣти.
 Ты же иди въ жизнь вѣчну. Ангели! примите,
 Между ангеловъ лини сію водворѣте;
 Со торжествующею въ небѣ торжествуйте.
 Се азъ вами предъиду, вы мнѣ послѣдствуйте.

Явленіе 13-е.

Почувся Иродъ стоишетъ и немощнымъ гласомъ отрочата зоветъ.

Юноши! ахъ юноши! како отъйдосте?

Юноши.

Се есмь господине. ¹⁾

Иродъ.

Чесо ради мя спяща адъ пренебрегосте?

Парень 1.

Господине! великимъ быхомъ яты страхомъ
 И того ради отъ тя спяща отбѣжихомъ.

Иродъ.

Кій страхъ?

Парень 2.

Исходило нѣкое лицо все блѣло,
 Двѣ чаши носящее дерзновенно смѣло;
 Мы недоумѣхомся, чтобы было тако,
 Ужасны не могохомъ при тебѣ стать всяко.

Иродъ.

Горе ми окаянну! Азъ се видахъ спящій,
 Еже ми прорицало смерть въ часъ настоящій;
 Невинность то ко Богу за кровь си зывала,

¹⁾ Написано съ боку.

Юже излихъ, и тою мене напавала,
Слезы скорбны матерей пити ми даяше,
Отщепеніе въ небо и смерть ми взываше.
Горе! смерть ми настойтъ: все тѣло не може.
Юноши! молю, вскорѣ устройте ми ложе.

(Строить)

Здравствуй всякій, сѣдящій на моемъ престолѣ!
Азъ бо на немъ сидѣти не буду отсюда.
Побѣдите, да сѣмо принудятъ вельможи.
Рците, яко царь лежитъ на смертельномъ ложі.

ПАРЕНЬ 1.

Ты иди! Господина азъ буду хранити;
Но не изволь долгаго времени медити.

ПѢНІЕ.

О прелестнаго міра! Лютѣйшаго звѣря
Нынѣ вѣнчаеъ, а утро пожираеъ;
Дарствуетъ нынѣ злато, утро мечетъ въ блато;
Сидитъ на престолѣ, потомъ въ низкомъ долѣ.
О лукавствія міра! Лукавства не мало:
Въ пресладчайшомъ меду смертно имать жало;
Гдѣ сахаромъ лестныя слова посыпаеъ,
Пелунную горестъ тамъ утаваеъ.

Явленіе 14-е.

ПАРЕНЬ 2.

Великій господине! Вельможи придоша.
Смотри скорбныхъ, яко ты больна обрѣтоша.

ПРОДЪ.

Умилосердитесь! Дайте ми порадѣ!
Не дайте ми умерти: подайте отраду.

СЕНАТОРЪ 1.

Бѣжи, юнче, по врача, да будетъ здѣ вскорѣ,
Егоже обрящещи на моемъ подворьѣ.

(Отрокъ пошелъ)

СЕНАТОРЪ 2.

Друзи! Азъ неслыханный срядѣ въ немъ ощущаю:
Не живуша, но смертна весьма его чаю.

СЕНАТОРЪ 3.

Рды намъ слово, о царю! Что тебѣ болѣзеть?

Иродъ (*немощнымъ гласомъ*).

Ахъ! увесь изнемогахъ; все тѣло дряхлѣеть.

СЕНАТОРЪ 4.

Уступимо подавъ: азъ не могу стати

Близко сирадна: ноздри бо требъ заткнуть.

ВРАЧЬ.

Здравствуйте, первѣйшии Ирода вельможи!

Что се вашего цара сложило на ложи?

СЕНАТОРЪ 1.

Тя вѣзь врача искусна осмотрити болѣзни;

Можетъ ли аще съ нами пожити въ сей жизни?

Лѣкарь осматривается.

Не гнѣвайтесь на мя: царь вашъ болѣнъ зѣло.

Не вѣзь, аще му кое сопоспѣшитъ дѣло.

Смотрите: по всему тѣлѣ множится огнища,

Всю утробу повреди лютаа чревница;

Се уды всѣ сорвенныи, всѣ весьма согниша,

Ноздри ощущеніе свое заградиша,

Увесь въ болѣзняхъ смертныхъ и жити не може.

Извольте готовити ему гробно ложе

И сами, аще кто з васъ хошетъ здоровъ бити,

Изволите опасно всякъ себе хранити.

Смертенъ есть и всякаго бжъ смертна сотворить,

Аще обонянїа кто здѣ не затворить.

Азъ большъ стоять не могу; господа, простѣте!

И сами, совѣтую, долго не медѣте.

ИРОДЪ.

Что вамъ врачъ глаголаше, да азъ вѣзь недужный;

Повѣсте, что ми будетъ въ сей часъ горькій нужный.

СЕНАТОРЪ 2.

Смертенъ ти часъ настоитъ. Изволь ожидати;

Намъ же здѣ ради сирада немощно стати.

Явленіе 15-е.

Продъ.

Ахъ вельможи и вои! что оставите мя?
 Стойте, дождеже тѣла азъ низложу бремя.
 (*Голосъ*) Уже не время.

Ахъ горе! Кій гласъ уши страшный проникаеть?
 Болѣзненно ми сердце смертію страшаетъ?
 Въ гробъ посылаетъ.

Тако ли то, еортуно, измѣнати знаешь?
 Вчера на престолъ, нынѣ въ гробъ мя посылаетъ?
 Вскорѣ дознаешь.

Не давно вельможъ, воевъ чина окружали;
 А нынѣ окаянна всѣ мя отбѣжали.
 Время дознали.

Ахъ! съ мірскими благами тяжело ся разстати;
 Тяжше въ рѣцѣ гегеенской вѣчно утопати,
 Не изринати.

Шепчучи говоритъ.

Еи! дай кто помощь и руку,
 Ей кто добръ! уголи муку.
 Ахъ! страшная влжду,
 А, а! терплю страхъ.
 Ахъ! душу устрашаютъ,
 Ахъ! тѣло удручаютъ
 Ахъ, ахъ, ахъ! *И упадетъ надъ пропасть.*

Отищеніе.

Толико, окаянне, творити дерзнулесь:
 Противъ Бога ярость, глупче, воздвигнулесь.
 Се ти азъ, Отищеніе, то сотворю скорѣ,
 Яко струпомъ си будешь скоро въ ада моря.
 Коль смертныхъ язвъ невинныхъ сотворилесь,
 Толь тебѣ во адъ вѣчный дверей отворилесь!
 Смертію отрочатъ всѣхъ животоу изгубити
 Тщался еси; самъ въ смерти вѣчно будешь гнити.
 Мирно съ Богомъ на земли не хотѣлесь жити:
 Съ смертію будешь, или смерть тобою владѣти.
 Не помогутъ вельможи, ни вои избранны.
 Иди во адъ на вѣки, иди, окаянный!
 Блещи, молнія, съ неба! Разби, перунъ, тѣло!

Земле! пожри. Во вѣки тамъ будетъ се дѣло.
 Такъ будетъ всяку грѣшну, кто Бога убиваетъ,
 Различными грѣхами мучить, распинаетъ.
 Се гегаину готову зря, всякъ да боится,
 Да Ироду гордому здѣ не собразится.

Паніе.

О гордость міра! Что се сотворила?
 Сама себѣ во адъ двери отворила,
 Отъ Люципера завистію злою
 Для непокою.

Явленіе 16-е.

Иродъ въ узлахъ ада.

Горел горел! Ахъ, горел! Нестерпимой муки!
 Въ гортань достался адъ, не тоцію въ руки!
 Горел! Палить мя пламень, палить мое тѣло;
 Изъ утробы дышущу, горел! палить зѣло;
 Внутри мене огнь пекельный душу сожигаетъ;
 Змій въ сердца и утробъ жало угрызаеъ;
 Грызетъ мою утробу мука нестерпима.
 О муки! Ахъ огня, въ вѣкъ неугасима!
 Горю! горю! Мучуся, мучуся во вѣки!
 Не воскресну отъ смерти между человекъ!
 Ахъ! почто изъ родихся? Ахъ! почто родихся?
 По малой жизни во смерть въ вѣчную вселихся.
 Проклять родитель, мамъ проклата ми буди!
 Почто мене родили, почто между люди?
 Проклять тотъ день буди, буди часъ проклятый,
 Вонже рожденъ есмь, иже муками обѣятъ!
 Всѣ дни, часы, минуы, прокляты вся годы,
 Яже изжихъ суетно, проклятый во вся роды!
 Проклята гордость! Та мя во вѣкъ погубила,
 Та мя противу Бога брань творить учила.
 Прокляты и вельможи за своя совѣты,
 Наустившіе мя битъ ¹⁾ невинные дѣти!
 Прокляты и всѣ вои, что не пощадиша!
 Почто число толико беззлыхъ избиша?

¹⁾ Въ рукописи: битъ.

Паче всѣхъ азъ есмь проклятъ, ту терпящій муку!
 Проклятъ самъ себе давый въ Люцифера руку:
 Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ! мука велика!
 Мука безконечная во вся вѣки вѣка!
 Смотри на мя, гордайся гордиться престани,
 Да некогда со мною въ сей будешь гортани.

ПѢНІЕ.

О гордость міра! и прочая

Явленіе 17-е.

СМЕРТЬ.

Радостна нынѣ есмь Смерть: егожъ желала,
 Того нынѣ чрезъ крѣпость мою доказала.
 Едина торжествую; азъ бо побѣдила,—
 Кровію вноліемску землю напоила.
 Четырнадцать тысящъ, отъ сею косою,
 Покосила отрочать, якъ траву зъ росую.
 А што лучшее—царя Ирода убила
 И въ Цербера гортани того посадила:
 Власть имамъ надъ естествомъ всяка человѣка,
 Тымъ сильна обладати буду во вся вѣка,
 Сяду на престолѣ, возьму и вѣнецъ на главу,
 Да всякъ мене бонтся, видай мою славу.

Жизнь.

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
 Или мене на землѣ, жизни, не чуешь?
 Не умре натура людска, но ввѣкъ жива будетъ,
 Твоей области данна никогда не будетъ.
 Низложи вѣнецъ, бѣжи отъ престола славы:
 Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды,
 Ты, яже еси нынѣ отсель изгнанна,
 Вѣждь, яко во вѣкъ вѣчный будеши поправна.
 Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
 И содти со собою моя человѣки.
 Вы натуру людску сѣмо приведѣте,
 Близъ меня на престолѣ сѣмо посадѣте:
 Славою и честію азъ ту увѣнчаю;
 Яко моя другиня будетъ, тако чаю.

Сяди, натура людска, сѣмо на престолѣ
Азъ ти жизнь, оставлѣти не имамъ оттолѣ.

НАТУРА.

Жизнь, съ небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, натура брѣнна,
Яко челоувѣчество тако возлюбилось: —
Съ тобою пребывати всегда сподобилось.

ЖИЗНЬ.

Прими вѣнецъ пречестный первый ти на главу
Вѣчну буди, имуща всегда о мнѣ славу;
Смерти же ты никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни въ жизнь вѣчну хощу взяти.

Лекція 18-я.

Крѣпость Божія.

Разными дарованьями челоувѣкъ почтенный
Отъ Бога, Егоже есть дланью сотворенный:
На что на памятай суетѣ владесе?
Противъ самаго Бога града вознесесе?
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенный.
Но, ахъ! кротость низвергохъ съ небснаго града
И предай того лютой во вѣкъ муцѣ ада
Сиде и челоувѣка, гордо вознесенна,
Сотворихъ съ Люцыпоромъ быти посажденна, —
Прода, проклятаго, иже сустою
Уловленъ, соплетенъ же злости слѣпотою,
Искаше Христа Бога рождонна убити:
Милъ бо себе большаго, неже Бога бити.
Кто есть велий, яко Богъ, Проде проклятый?
Свди нынѣ умалецъ, ада узы ятый.
Сиде всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грѣхами си и на крестѣ распиваетъ.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешь.
Вѣдай, что тебѣ или чесога чаешь.
Азъ емь крѣпка, яко левъ. Азъ ти сотру роги
Гордый ты за прочіи убью грѣхи многи.
Аще же кто агнее сердце уготовуетъ,
Вѣдай, яко левъ крѣпкій съ такими пожируетъ.

Агяцу, иже за тебѣ закланъ бытъ родися
Не якъ лвовый Иродъ, кротокъ поклонися.

Эпиграфъ.

Показавши измѣну міра сего лестну
Тебѣ, слышателяви нашему пречестну,
За любовные слухи всѣмъ благодарствуемъ,
Такожде нарощеннымъ Христомъ привѣтствуемъ!
Здравъ и благополученъ да долгоденствуешь,
Потомъ вѣчно на небѣ съ нимъ же да царствуешь
Всѣ едиными усты и сердца желаемъ,
Простѣте согрѣшившихъ въ дѣйствѣ, умоляемъ.

III.

С М Ъ С Ъ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ О ОБЩЕСТВѢ ДУХОБОРЦЕВЪ.

(Писано въ 1803 году).

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество, существованіе коего въ семъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ. Среди простаго народа, народа по большей части непросвѣщеннаго и привазаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи безъ познанія духа оной, вдругъ являются люди, не только отвергающіе все обряды и наружныя установленія грекороссійской церкви, но даже не пріемлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла и крови христовой подъ видомъ хлѣба и вина.

По натуральному слѣдствію таковыя люди не могли оставаться покойными какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны самаго правительства, тѣмъ паче, что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отовсюду терпѣли почти безпрестанныя гоненія: каждая встрѣча съ священникомъ, съ исправникомъ или засѣдателемъ влекла ихъ въ слѣдствія и, въ заключеніе, каждая встрѣча съ сосѣдами сопровождается была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждой ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительственное судило объ нихъ большею частію по донесеніямъ нижняго начальства и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственныя преступники.

Такимъ образомъ гоненія духоборцевъ не прежде должны были кончиться, какъ въ кроткое и мирное царствованіе Александра I-го.— Въ 1801 году находившіеся въ слободско-украинской губерніи для обревизованія оной сенаторы Лопухинъ и Нелединской—Мелецкій первые открыли передъ государемъ людей сихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и по представленіямъ сихъ ревизоровъ Его Величество, желая отдѣлить духоборцевъ какъ въ слободско-украинской, такъ и въ новороссійскихъ губерніяхъ живущихъ, Высочайше дозволилъ имъ сдѣлать переселеніе на Молочныя Воды.

Въ прошломъ 1804 году просили о подобномъ туда переселеніи и находящіяся въ тамбовской и воронежской губерніяхъ духоборцы, и имъ сіе переселеніе такъ же дозволено.

I. Происхождение духоборцевъ.

Названіе духоборцевъ дано имъ уже въ 1788 году и, вѣроятно, бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ Аивросіемъ. Сиязъ названіемъ конечно хотѣли означить тогда ересь, — содержащую ученіе духоборцевъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ названо иконоборческою ересью; но духоборцы сами, производя названіе сіе отъ духа, къ объясненію онаго говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. И такъ по ихъ истолкованію надлежало бы называть ихъ духободрами. — Прежде того правительство называло ихъ иконоборцами, а ихъ ученіе иконоборческою ересью, такъ какъ они отвергаютъ между прочимъ и поклоненіе иконамъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молочанами и фармазонами; молочанами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мяснос, а слово фармазонъ есть испорченное и значитъ тоже, что — масонъ. — Что касается до нихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочихъ мірскими людьми.

Начало ихъ происхожденія имъ вовсе неизвѣстно, ибо они, какъ простолудины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе такъ же не сохранило между ними о томъ памяти. Они говорятъ только, что они происхожденія трехъ отроковъ: Ананіи, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходносора. Безъ сомнѣнія чрезъ то хотятъ сказать, что они такъ же страждутъ и готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоній и обрядовъ наружной церкви.

Общество духоборцевъ донныиъ было общество разсѣянное. Они нигдѣ не составляли изъ себя цѣлыхъ селеній, но въ разныхъ селеніяхъ жили только по нѣскольку семействъ. Сверхъ того они разсѣяны и по всѣмъ странамъ Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ полуденныхъ ея губерній; братья ихъ есть въ Архангельскѣ, въ Азовѣ, въ Георгіевскѣ, въ Ставрополѣ, въ Колѣ, даже въ Иркутскѣ и въ самой Камчаткѣ. Они увѣряютъ такъ же, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи, но въ Германіи они больше гонимы, нежели между магометанами.

Сношенія между находящимися въ Россіи бываютъ по случаямъ, когда вапримѣръ кому нибудь изъ ихъ собратіи случится быть въ тѣхъ

мѣстахъ за своими нуждами или по торговымъ оборотамъ: въ случаѣ жь нужды посылають иногда и нарочныхъ.

II. Образъ или жизнь духоборцевъ.

Если не касаться до правилъ исповѣданія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни. Въ 1792 году скатеринославскій губернаторъ Каховскій въ донесеніи своемъ къ бывшему тогда генералъ-прокурору Вяземскому между прочимъ представлялъ, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неуспынно о своемъ домостроительствѣ и суть благонравны. Государственныя подати и другія общественныя повинности они всегда пелли исправно, даже часто въ излишествахъ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ нмъ отъ сельскаго начальства притѣсеній всякаго рода. — Лѣность и пьянство не терпимы у нихъ до того, что зараженныхъ сими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Но какъ скоро касаются до такихъ обязанностей ихъ и дѣйствій, въ кои хотя нѣсколько входитъ вѣроисповѣданіе, то тутъ открывается совершенное несходство и даже противоположность ихъ къ сравненію съ прочими крестьянами. Духоборцы вовсе не ходятъ въ наружную церковь, не поклоняются иконамъ, во время молитвы не дѣлають на себѣ рукою крестнаго знаменія, не наблюдаютъ обыкновенныхъ постовъ и не участвуютъ въ веселостяхъ мірскихъ людей. Вотъ уже столькожъ причинъ, совершенно отдѣляющихъ ихъ отъ всякаго обыкновеннаго общества крестьянъ и такъ же служившихъ всегдшнимъ поводомъ и къ безпрестанному ихъ гоненію.

Духоборцы думаютъ, что всякая наружность въ дѣлѣ спасенія вовсе бесполезна и что наружная церковь, по причинѣ паденія истиннаго христіанства, сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ; и потому признають церковь единую, святую, соборную и апостольскую, которую Господь явленіемъ своимъ собралъ, осѣлѣлъ и осіяваетъ и украшаетъ дарованіями Духа Святаго, и которая потому есть собраніе вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ. Въ семъ увѣреніи они дѣлають между собою частыя собранія изъ своихъ собратій, однакожъ не имѣють для того особо назначеннаго какого либо мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ они никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для сего и особыхъ вакихъ либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякой день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія.

Впрочемъ собранія сіи болльшею частію бывають въ обыкновенныя церковныя и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ; потому, что если бы стали они работать во время сихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязанію въ пренебреженіи государственныхъ установленій.

Такимъ образомъ всякой изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе, когда захочетъ, приглася къ себѣ свою собратію. Если же такое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу или иногда приносятъ оную съ собою; ибо въ собраніяхъ они и ужинають. — Пришедъ въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга, — мужчины мужчинъ и женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно, при чемъ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлають они во имя Тріипостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отгнанія гордости: рука за руки берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутри себя.

Въ продолженіи собранія читають молитвы одинъ послѣ другаго, какія кто знаетъ, поють всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову божію. А какъ они всѣ почти не умѣють читать, а потому и не имѣють у себя и книгъ, то все сіе производится въ собраніяхъ изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ, они признають священника единаго, праведнаго, неживаго, несквернаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ, — Христа; Онъ же единъ и учитель ихъ. И такъ въ собраніяхъ поучаются они слову божію другъ отъ друга. Всякой можетъ говорить, что знаетъ къ назиданію своей собратіи: даже самыя женщины изъ того не исключаются; ибо, говорятъ они, и женщины имѣють разумъ, — *а свѣтъ въ разумъ*. — Молятся стоя или сѣдя, какъ случится.

По окончаніи собранія такъ же бываетъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ онаго, и послѣ того вся братія расходится по своимъ домамъ.

Все сказанное здѣсь о времени и мѣстѣ духоворческихъ собраній относится къ тѣмъ только духоворцамъ, кои жили, или живутъ еще разсѣянно по селеніямъ вмѣстѣ съ прочими крестьянами; что жъ касается до поселившихся на Молочныхъ Водахъ, то они дѣлають собранія свои на открытомъ воздухѣ въ двухъ кругахъ, — кругѣ мужчинъ и кругѣ женщинъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоворцевъ добродѣтель есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый

нѣніе свое почитаетъ общимъ. — По переселеніи ихъ на Молочныя Воды они доказали сіе и на самомъ дѣлѣ: ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ, что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазейна; каждый братъ беретъ изъ общаго нѣнія все, что ему ни понадобится.

Страннопріимство такъ же не послѣднія между ими добродѣтели, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ничего ни за постой, ни за пищу. Впрочемъ дабы братія ихъ не могли со временемъ развратиться отъ пристающихъ у нихъ стороннихъ людей, то для сего построены на Молочныхъ Водахъ особой общественный домъ, гдѣ должны останавливаться всѣ таковыя проѣзжающіе. Здѣсь такъ же пристають и угощаются свѣтскіе начальники на счетъ общества, и тутъ же хранится у нихъ общественная сумма.

Къ ближнему духоборцы сострадательны: самыя мѣстныя начальства при всѣхъ взводимыхъ на нихъ клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ высшимъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту: ибо никогда почти не бьютъ онаго.

Строго такъ же наблюдается между ими почтеніе дѣтей къ плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя сіи старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и сіе исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключасомомъ потерявъ уже духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ и другимъ братіямъ. Но прежде такового исключенія, каждый изъ братіи, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобной поступокъ, по точному смыслу священнаго писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; если проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщаетъ при двухъ или трехъ братьяхъ; если не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи, но если и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однако же примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братіи, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ оное безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякаго принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣлавъ

притомъ по возможности и имуществомъ. Впрочемъ исключенные изъ ихъ общества и сами собою отдѣлившіеся могутъ и опять приняты быть въ оное, если совершенно раскаяются предъ нимъ въ своихъ проступкахъ и оставляютъ развратную жизнь; чему такъ же не рѣдко бывають примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ купецъ занимается купечествомъ и земледѣлецъ земледѣліемъ, но какъ большая часть изъ нихъ суть земледѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣліе; нѣкоторымъ образомъ предпочитаютъ даже сіе благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ ихъ совершенно нѣтъ никакихъ старшинъ, кои бы управляли и распорядили обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ; письменныхъ постановленій и правилъ такъ же нѣтъ у нихъ никакихъ. Суда по обыкновенному духу простаго народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы кажется быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ таковаго безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ Водахъ до трехъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ.

Что касается до управленія семействъ въ частности взятыхъ, то слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ еще въ возрастъ дѣтей конечно требуютъ уже другаго порядка. Въ каждомъ семействѣ естественно долженъ быть старшій и сей старшій есть родитель по плоти. Долгъ его есть промыслить о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону божію. — Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ; а въ случаѣ неспособности сего послѣдняго въ управленію семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія дѣтей у духоборцевъ самой простой и единственной. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родители начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ; пересказываютъ имъ что нибудь изъ священнаго писанія и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ; когда же дѣти выучатъ уже нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя или молитвы и поютъ съ прочими псалмы.

Впрочемъ и крожъ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему нибудь полезному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удержатъ отъ зла, если то въ немъ замѣтитъ.

При такомъ воспитаніи духъ родителей мало по малу переходитъ и въ ихъ дѣтей, образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется, и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ и очень естественно, что между множества дѣтей каждой безошибочно отличить можетъ всѣхъ духоворческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, такъ какъ колосье пшеницы между овсомъ.

III. Ученіе духоворцевъ.

1. Главнѣйшій догматъ исповѣданія духоворцовъ есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истинноу. Всякую наружность, яко не-нужную въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ.

2. Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорятъ только о себѣ, — что они закона божія, вѣры Иисусовой. Извѣстный въ нашей церкви символъ вѣры они читаютъ и все содержащееся въ ономъ признаютъ за истину, но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

3. Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единого, неисповѣднаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу Отцу, разумомъ Богу Сыну, волею Богу Духу Святому, такъ же: первое лицо, свѣтъ — Отецъ Богъ нашъ; второе лице, животъ — Сынъ Богъ нашъ; и третье лице, упокой — Святъ Духъ Богъ нашъ; изображеніе Трїипостаснаго Бога въ натурѣ: Отецъ высота, Сынъ широта, Духъ Святой глубина. Сіе же берутъ и въ нравственноу смыслѣ: Отецъ высокъ и никто не можетъ выше его возлаголить; Сынъ широкъ разумомъ, глубины никто не можетъ испроповѣдать.

4. Понятію, которое они имѣютъ о Христѣ, основано на евангельскомъ ученіи; они признаютъ пришествіе Его во плоти, дѣланія, ученіе и страданія; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что ни содержитсяъ въ Евангеліи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ Христосъ долженъ въ насъ зачатся, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ семъ-то полагаютъ они процессъ новаго рожденія, или обновленія человека. Они говорятъ, что самъ Иисусъ былъ и есть Евангеліе вѣчное, живое и посылалъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ самъ есть слово и пишется токмо на сердцахъ.

5. Вѣруютъ, что кромѣ Бога и Христа Его нигдѣ нѣтъ спасенія; но если Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и онъ самъ спасти человека не можетъ.

6. Ко спасенію человека нужна несомнѣнная вѣра во Христа; но вѣра безъ дѣлъ жертва, такъ какъ и дѣла безъ вѣры; вѣра живая одна, и есть сердечное принятіе Евангелія.—

7. Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: «Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.»

Крещеніе сіе совершается тогда, когда человекъ покаяется чистымъ желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его и онъ уже думаетъ только о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумнію, есть одно и тоже. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго, или крещеннаго свыше суть дѣла новаго человека.

Въ протчемъ крещеніе сіе имѣетъ по ихъ мнѣнію 7-мь состояній, или степеней: *первое* крещеніе есть оставленіе грѣховъ; *второе* помазаніе мѹра, то-есть познаніе міра или разумнія пути господня; *третье* рѣченіе слова господня, или глаголь божій; *четвертое* елосвященіе, или освященіе молитвы; *пятое* исповѣдываніе духовное; *шестое*, причащеніе духовное; *седьмое* кровемученіе, или смиреніе. Кровь означаетъ покрываніе слова божія. Сія же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Естьли кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ они полагаютъ седьмую степень духовнаго крещенія, или новаго рожденія, тотъ живетъ уже въ Богѣ и таковыи духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ бесполезнымъ и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

8. Они полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицаетъ ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи соответственно его дѣламъ. Сіе послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

9. Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу небесному, благому и милосердому, оставляющему все наши согрѣшенія молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всеми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоворцевъ великимъ преступленіемъ: если ли по троекратномъ увѣщаніи таковой не усобѣдится, то они его отвергаютъ изъ общества.

Они сильно оуждаютъ то, когда человекъ называетъ себя грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвалы и ложнаго смиренія и какъ

бы извиняя тѣмъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человекъ палъ, то тотчасъ долженъ встать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ паки не впасть въ подобный грѣхъ.

10. Что касается до причащенія, то они причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ христовымъ тайнамъ, но оставленіе грѣховъ, духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова божія, которое есть Хригосъ и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, проніяцаетъ человѣческой разумъ сквозь костей и мозговъ. Тайнство причащенія тѣла и крови христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, не приѣмлютъ; говоря, что хлѣбъ и вино входятъ во уста — какъ обыкновенная пища, и ничего душѣ нашей не пользуютъ.

11. Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости, и смиреніи духа.—Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

12. Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя; мы должны только имъ подражать, что и называютъ они «призывать ихъ дѣло», впрочемъ они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ всѣ безъ разбора святыми.

13. Бракъ у нихъ не почитаютъ тайнствомъ и совершается — по одному взаимному согласію молодой четы. Поелику нѣтъ между духоборцами никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамиліи, то родители вовсе не мѣшаютъ у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ также не бываетъ никакихъ, довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ; тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Иногда однакожь случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ какъ скоро мужчина позннетъ дѣвицу, то онъ не можетъ уже отказаться, имѣть ее и своей женою; въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію легиуемо подвергнутся и прелюбодѣи, если бы случилась оные.

Разводъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ; ибо сіе было бы такъ же прелюбодѣйство. Но если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то сіе конечно зависитъ отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены, и жена по смерти мужа, могутъ паки вступать въ бракъ даже до трехъ разъ, чему однакожь почти не бываетъ при-

мѣровъ; они говорятъ: «христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать».

14. Усопшихъ поминаютъ они добрыми дѣлами, и никакого уже другаго поминовенія по нихъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянетъ въ царствіи Своёмъ. Такимъ образомъ они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти бесполезнымъ. Впрочемъ кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; такъ же никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается сіе одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда сдѣлались они явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

15. Сотвореніе перваго человѣка исповѣдуютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, то-есть: что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. По душѣ до паденія онъ былъ чистъ и непороченъ и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или по ихъ выраженію, онъ былъ въ смирennemъ тѣлѣ. Паденіе перваго человѣка полагаютъ они въ преступленіи заповѣди божеской. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корени, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Сіе объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человеческой говорятъ, что она есть сила; — сила въ Богѣ, — а Богъ въ человѣкѣ.

16. Разсуждая о грѣхѣ наследственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію рождаются злыя и дѣти; но притомъ утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

17. Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси, и что души праведныхъ въ рудѣ божіей, а потому не прикоснется къ нимъ мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада, что грѣшныя души во тьмѣ ходятъ, чающе себѣ скорой гибели, и что адъ состоитъ на злобѣ. О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдится и дѣломъ погибнетъ, что дѣло каждаго приводитъ въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

18. Что жъ касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшныхъ на судъ съ ихъ тѣлами, то духоборцы въ сужденія о семъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

19. Вообще они неохотно или и вовсе не входятъ въ изъясненіе таинственныхъ вещей съ людьми мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изреченіи Спасителя, сказавшаго: не мечите бисера предъ свиньями. Они говорятъ, что теперь еще не время открывать сіи вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ. Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія христова отвѣчали, что, судя по дѣламъ въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

20. Дабы челсвѣку спасти душу свою, то для сего не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ; они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь господень и исполнять его.

21. Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа сатанинская, гдѣ самъ сатана и діаволъ присутствуетъ.—Плясуны какъ на театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусямъ, которые весной съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но всѣ остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

22. Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не поставляютъ никакого грѣха; напротивъ того говорятъ еще, что челсвѣку христіанину прилично жить чисто и опратно, чѣмъ они и сами по ихъ увѣренію отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ; нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ сямъ убранствамъ. Тоже думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины и образа служатъ украшеніемъ дома и глѣзны для глазъ, но поклоняться имъ отнюдь не должно и есть грѣхъ смертельный.

23. О бритьѣ бородъ и употребленіи табаку, они говорятъ, что послыку ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ ни въ другомъ не полагаютъ ни малѣйшей важности. Если бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то бы они безъ всякаго затрудненія согласились бы себѣ оныя выбрить.

24. Когда духоборцы жили въ Россіи скрытымъ образомъ, то необходимость конечно заставляла ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды и установленіе грекороссійской церкви; но послыку внутренно они ихъ ни мало не уважали, то, дабы не обнаружить об-

раза своихъ мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали особыя свои назначенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ; напримѣръ, рассуждая о просфорѣхъ, они говорятъ, что *первая* просфора есть согласіе православной вѣры; *вторая*—любовь нелицемѣрная; *третья*—поученіе въ правомъ достоинствѣ; *четвертая*—принятіе святыхъ таинъ; *пятая*—просвѣтитель.

Приобыкнувъ къ такому гіероглифическому выраженію мыслей, они придаютъ нравственныя значенія и ко многимъ другимъ предметамъ. Такъ напримѣръ: къ каждому дню седмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ наставленій.

- Понедѣльникъ* — Вся дѣла господня повѣдай.
Вторникъ — Второе рожденіе челоуѣка.
Среда — Зоветь Господь людей ко спасенію.
Четвертъ — Читите Господа во Святыхъ Его.
Пятница — Пой, прославляя имя Его.
Суббота — Бойся суда господня дабы не погубить душу свою въ неправдѣ.
Воскресенье — Воскресни отъ мертвыхъ дѣлъ и приди къ царствію небесному.

Седьмъ небесъ означаютъ у нихъ седьмъ евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ; *первое* небо есть смиреніе, *второе*—разумнѣе, *третье*—воздержаніе, *четвертое*—братолобіе, *пятое*—милосердіе, *шестое*—совѣтъ, *седьмое*—любовь; тамъ живетъ и Богъ. Подобно сему двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у нихъ въ видѣ двѣнадцати друзей. — Снѣ друзья суть:

1. *Правда.* . . Она челоуѣка отъ смерти избавляетъ.
2. *Чистота.* . . Она челоуѣка къ Богу приводитъ.
3. *Любовь.* . . Идѣ же любовь, тамъ и Богъ.
4. *Труды.* . . . Тѣлу честь и душѣ вспоможеніе.
5. *Послушаніе.* Скорой путь ко спасенію.
6. *Неосужденіе.* Безъ труда челоуѣку спасеніе.
7. *Разсужденіе.* Всей добродѣтели свыше.
8. *Милосердіе.* . . Отъ того челоуѣка самъ сатана трепещетъ.
9. *Покореніе.* . . Самаго Христа Бога нашего дѣла.
10. *Молитва съ*

постомъ. Они челоуѣка съ Богомъ соединяютъ.

11. *Покаяніе.* . . Нѣтъ такого закона и заповѣди свыше.
12. *Благодареніе.* Радостно Богу и ангеломъ Его.

Кто пойметъ спѣхъ дванадцати друзей, за того челоуѣка заступятъ дванадцать ангеловъ и понесутъ душу его въ царство небесное.—

Для образца предлагаются здѣсь и двѣ молитвы, изъ тѣхъ какія читають у нихъ въ собраніяхъ.

1.

Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сиду во адъ, Ты тамо еси; аще возьму крыль мои рано, вселюся въ послѣднія моря, тамо рука Твоя наставитъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрящу вѣчный животъ, аще не въ Тебѣ, Создатель мой? Къ кому пойду и гдѣ обрящу много утѣшенія, радость, пристанище, покой душѣ моей? Къ кому пойду отъ Тебе, Господи Боже мой? Ты бо глаголы вѣчнаго живота имаши въ себѣ. Ты еси источникъ живота, подателя всѣхъ благъ твоихъ. Возжада къ Тебѣ душа моя, возжада къ Тебѣ мое сердце, Боже живота моего! Усладимся пресвятаго Твоего имени, пресладкаго Господа моего Иисуса. Да утѣшена имъ будетъ душа моя, да уязвенно будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣйшее во всемъ житіи моемъ паче Твоего Пресвятаго Духа, будутъ сладки словеса Твоя гортани моему и устамъ моимъ паче меда, оправданія Твоя вожделенны мнѣ будутъ, Господи, паче злата, каменія честна, много слаще паче меда и сота.

2.

Какъ Тебо мы имемъ любить, Господа своего? Ты бо еси животъ мой; Ты бо еси спасеніе мое, слава и похвала; Ты бо еси мое богатство, вѣчное сокровище, Ты бо еси моя надежда и упованіе; Ты бо еси мое радованіе, вѣчной покой. Лучше ли мнѣ любить вещь суетную, или вещь безъизвѣстную, превратную, или вещь погибельную, ложную, нежели Тебе, истиннаго живота моего? Животъ Ты еси, мое спасеніе, сего ради всю надежду мою, вся упованія моя, вся желанія моя, вся воздыханія моя къ Тебѣ единому полагаю; Тебе, Господи, взыщу всѣмъ сердцемъ моимъ, всю душею моею, всѣмъ помышленіемъ моимъ; къ Тебѣ единому во углубленіе имаю вся внутренняя, членови мнози; къ Тебѣ единому изліюсь, весь буду въ тебѣ, а Ты во мнѣ. Увѣмъ и познаю Тебе во истинномъ во единомъ истиннаго Бога Господа, Егоже послалъ Иисуса Христа, во святѣ Твоемъ узримъ свѣтъ благодатію Твоего Пресвятаго духа.

25. Духоборцы, пріѣзжавшіе въ прошломъ 1804 году въ С.-Петербургъ для испрошенія своимъ собратіямъ дозволенія къ переселе-

нію на Молочныя Воды, при обратномъ ихъ отъѣздѣ въ свои мѣста предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, будучи вопрошаемы: не лучше ли имъ провести праздникъ въ С.-Петербургѣ и послѣ онаго уже отправиться въ путь, сказали: «для насъ все равно потому, что праздникъ съ нами внутрѣ насъ».

Когда же увѣщевасмы были, чтобы поселясь на Молочныхъ Водахъ жили они тихо и скромно и никого бы не старались обращать въ свою секту, то отвѣчали, что все, что надобно, уже посѣяно, что сѣять для того они больше не будутъ, и что теперь наступило время жатвы, а не посѣва.

О НАРОДАХЪ НА СТРАШНОМЪ СУДѢ

ПО ОДНОМУ ЛИЦЕВОМУ СБОРНИКУ XVII ВѢКА, НОВГОРОДСКОЙ
СОФІЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Эпизодъ о народахъ, собравшихся на послѣднее судище передъ Небеснымъ Судією, едва ли не самый характеристическій и замѣчательный въ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда и въ описаніяхъ этого сюжета въ толковыхъ подлинникахъ ¹⁾. Въ дополненіе къ общезвѣстнымъ подробностямъ этого эпизода предлагаю любопытнѣйшій вариантъ по одному сборнику конца XVII вѣка, принадлежащему новгородской софійской библіотекѣ, подъ № 1430, въ листъ, на 57 листахъ (нынѣ въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи).

Этотъ сборникъ, весь въ лицахъ съ объяснительнымъ текстомъ, безъ начала и безъ конца, вѣроятно, составлялъ часть Синодика съ повѣстями ²⁾. Описаніе страшнаго суда въ лицахъ помѣщено въ этомъ сборникѣ между повѣстями и другими назидательными статьями, изъ нихъ нѣкоторыя взяты изъ русскихъ источниковъ, что придастъ особенную цѣну Софійскому сборнику сравнительно съ другими того же рода.

Чтобы познакомить читателей съ любопытнымъ содержаніемъ этой рукописи, предлагаю общее обзорнѣе всѣхъ статей ея въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ, а въ описаніи страшнаго суда войду въ большія подробности.

¹⁾ См. мои Историч. Очерки, II, стр. 133 и слѣд.

²⁾ Слѣд. тамъ же, I, стр. 622 и слѣд.

1) Чудо св. Варлаама о пономарѣ, о моровомъ повѣтрѣи и о пожарѣ въ Новгородѣ. Слѣч. въ мѣсѣхъ Историческихъ Очеркахъ II, стр. 271 и слѣд.

2) Въ лѣто 6961, о взятіи Царяграда.

3) Маргаритъ. Слово 7, листъ 472. *Всякъ человекъ суета естъ.*

4) Св. отца Еудогія о томъ же (?).

5) Слово отъ Старчества. Известная повѣсть о томъ, какъ душа не выходила изъ мертвѣго тѣла одного праведнаго человека до тѣхъ поръ, пока не была вызвана оттуда самимъ царемъ Давидомъ помощію звуковъ псалтыри. Надъ этою сценою изображены мытарства, по обычаю, въ кругахъ, привѣшенныхъ къ извивающейся линіи, а не составляющихъ звенья адской змѣи, какъ вообще было принято у насъ въ старину изображать этотъ предметъ.

6) Страшный судъ, начиная съ оборота 11-го листа. Этотъ предметъ изображенъ не цѣлкомъ, въ одной картинѣ, но раздѣленъ на слѣдующіе эпизоды, отдѣльно одинъ отъ другаго:

— Иоаннъ Предтеча и другія священныя лица молятъ Небеснаго Судію о христіанахъ.

— Горній Иерусалимъ.

— Престолъ Господень съ иѣриломъ праведныхъ.

— Ангелъ трубитъ въ трубу надъ гробами умершихъ.

— Праведники и грѣшники проходятъ рѣку огненную.

— Вострубилъ Михаилъ Архангелъ, и земля и море въ видѣ символическихъ женщинъ отдають жертвенцовъ. Слѣч. въ мѣсѣхъ Историч. Очеркахъ, II, стр. 137—138.

— Народы, сошедшіеся на страшное судище, рисованы на 14-мъ листѣ, раздѣленномъ на четверугольники въ четыре ряда, по три въ рядъ. Всего 12. Въ каждомъ четверугольничѣ особый народъ, писанъ въ видѣ толпы.

Первый рядъ: *Русь*.—*Жиды*, съ подписью: «Св. Моисей пророкъ взя Пилата и указаше ему Христа, крестъ и копію». Слѣч. въ Историч. Очеркахъ, II, стр. 141—142.—*Ляхи*.

Второй рядъ: *Литва*.—*Крымляна*, съ бритыми лбами. — *Турки*, съ обритыми бородами и безъ усовъ.

Третій рядъ: *Еліны*: въ нѣмецкихъ короткихъ кафтанахъ, съ разрѣзами на полахъ, въ голландскихъ пышныхъ боркахъ, въ шляпахъ съ полями, въ штанахъ и въ башмакахъ съ чулками по козѣно. — *Агаряне*.—*Колмыки*, съ усамн.

Четвертый рядъ: *Лопляна*.—*Жмоделя*.—*Кезелбашене*.

Въ подлинникахъ приводятся на страшный судъ слѣдующіе десять народовъ: 1) Жиды, 2) Литва, 3) Арапы синіе, 4) Индіане, 5) Из-

князьяне, *Песнь Главы*, 6) Турки, 7) Срацины, 8) Нѣмцы, 9) Ляхи, 10) Русь. См. Истор. Очерки, II, стр. 134. Это, какъ кажется, древнѣйшая редакція. Ее подновляетъ Новгородскій Софійскій сборникъ присовокупленьемъ народовъ, съ которыми входила Русь въ сношеніе въ теченіе своей исторической жизни. Эти народы: *Крымляна, Колмыки, Допляна, Жмойдскя, Кезелбашене*; что же касается до *Еллинъ*, то, судя по костюмамъ, надобно полагать, что ими означены *Пльцы*, то-есть, вообще *нехристь, басурманн*; потому что все языческое и иновѣрное наши предки называли то нѣмецкимъ и басурманскимъ, то еллинскимъ.

За листомъ съ изображеніемъ народовъ слѣдуетъ:

— Ангелъ ведетъ праведныхъ въ рай.

— Ангелъ напускаетъ на грѣшниковъ бурю, то-есть, вѣтеръ съ громомъ и молніею. Вѣтръ изображенъ, согласно преданіямъ древнехристианскаго искусства, въ видѣ мальчика, съ сѣніемъ вокругъ головы, дующаго въ трубу. Этого символическаго мальчика держитъ на рукахъ ангелъ. Слич. въ Историч. Очеркахъ, II, стр. 205. Точно такъ же изображаются вѣтры въ видѣ мальчиковъ, несомыхъ ангелами, въ лицевыхъ апокалипсисахъ, XVI—XVIII вѣка.

— Муки грѣшникамъ, въ отдѣльныхъ четверугольникахъ. Между прочими встрѣчается и *Милостивый блудникъ*, привязанный къ столбу. Около него ангелъ. См. Историч. Очерки, II, стр. 140—141.

— Мытарства, въ видѣ круговъ, соединенныхъ другъ съ другомъ двумя черточками, означающими таушіяся хвостъ змія.

— Праведниковъ несутъ ангелы въ рай, а грѣшниковъ низвергаютъ въ вѣчныя муки.

— Адъ въ огнѣ.

За эпизодомъ о страшномъ судѣ продолжается рядъ повѣстей и назидательныхъ статей, а именно:

7) Повѣсть священноинокъ Симеона Суждальца, како римскій папа Евгенийъ составилъ осмый соборъ съ своими единомышленники.

8) Житіе св. Антонія Римлянина.

9) Св. Андрея Юродиваго. О невѣсть. — Како Θεодора мучитъ 15 лѣтъ спархъ.

10) Книга о вѣрѣ. О взятіи Цариграда отъ Римлянъ. Начало: «Въ лѣто 1204-е Французове и Латиницы, а имянно Балдве Фландеръ со шными» и т. д.

11) Книга Андрея Цареградскаго Христа ради юродиваго. О кончкѣ и о Антихристѣ. — Опять идетъ рядъ изображеній загробной жизни страшнаго суда.

Ф. Буслась.

ПОВѢСТЬ О ЧУДОТВОРНОМЪ ОБРАЗѢ БОГОРОДИЦЫ, НАХОДИВШЕМСЯ ВЪ ВЫДРОПУСКѢ.

(Сообщена П. А.)

Предлагаемая здѣсь повѣсть заимствована мною изъ сборника XVII вѣка, принадлежащаго Публичной Библіотекѣ (Отд. I. Q. № 239; Толс. II. 277). Кому случалось пересматривать наши старинныя сборники, тому извѣстно, какъ много заключается въ нихъ повѣстей и сказаній этого рода. Едва ли не каждый образъ, не только чтимый цѣлымъ народомъ, но и какою нибудь отдѣльною областью, имѣетъ свое сказаніе, которое усердно переписывалось благочестивыми предками и служило любимымъ предметомъ чтенія. Какъ смотрѣть на нихъ тому, кто въ памятникахъ старинной письменности ищетъ прежде всего живаго отношенія ихъ къ дѣйствительности? какое мѣсто занимаютъ они въ ряду послѣднихъ и въ чемъ состоитъ ихъ литературное значеніе?

Въ непосредственномъ отношеніи ихъ къ дѣйствительной жизни сомнѣваться нельзя, потому что въ своей совокупности они выражаютъ собою характеръ народнаго вѣрованія, того религіознаго настроенія, которое было господствующимъ въ старину, которое и теперь сохраняетъ свою силу тамъ, гдѣ старина крѣпко держится преданія. Здѣсь вопросъ не въ оцѣнкѣ, съ современной точки зрѣнія, характера этого общаго въ старину религіознаго настроенія, а въ томъ, что оно значило для своего времени, для своей жизни. Если мы будемъ оцѣнивать значеніе литературныхъ памятниковъ по степени и характеру выраженія въ нихъ общаго сочувствія народа къ ихъ содержанію, того, къ чему направлялись и около чего сосредоточивались народныя симпатіи, по выраженію духовныхъ интересовъ, духовной пищи, которыми въ ту или другую эпоху народъ воспитывался и возбуждался къ дѣятельности; то безъ сомнѣнія не откинемъ въ литературномъ значеніи повѣстей и сказаній о чудотворныхъ иконахъ, даже независимо отъ заключающихся въ нихъ нѣрѣдко элементовъ народной поэзіи. Въ этомъ смыслѣ самыя чудотворныя иконы представятся намъ памятниками, къ которымъ, такъ сказать, тянуло религіозное чувство народа, которые собирали въ себя весьма значительную долю его религіознаго сознанія и изъ которыхъ народъ въ свою очередь черпалъ силу и воодушевленіе, нѣрѣдко рѣшавшія успѣхъ его истори-

ческих подвиговъ. Не будемъ здѣсь упоминать объ историческихъ событіяхъ, относящихся и къ внутреннему устройству жизни народа и къ ви́шней его дѣятельности, въ которыхъ эти памятники принимали живое и непосредственное участіе. Повѣсти же и сказанія объ этихъ памятникахъ въ этомъ смыслѣ представлятъ намъ, повторяю, выраженіемъ сосредоточеннаго около нихъ религіознаго чувства народа. Уваженіе къ нимъ и благоговѣйное перечитыванье ихъ должно было обратнo дѣйствовать на поддержаніе и возбужденіе того же религіознаго чувства. Чудесное, въ большей или меньшей степени заключающееся во всѣхъ сказаніяхъ этого рода, не могло не дѣйствовать на фантазію народа, и должно согласиться, что это дѣйствіе, какъ бы мы ни смотрѣли на содержаніе самыхъ сказаній, было для него благотельно въ томъ смыслѣ, что оно вполне доступнымъ для него способомъ отрывало его отъ подавлявшей его иногда дѣйствительности, переносило его въ другой міръ, указывало ему на присутствіе подлѣ него, въ видимомъ ему предметѣ, божественной силы и тѣмъ укрѣпляло его и ободряло на борьбу съ жизнью. Въ этомъ заключается вліяніе поэтической стороны сказаній, которое также должно оцѣнивать не по современнымъ намъ эстетическимъ воззрѣніямъ, а потому, чего искалъ и что находилъ въ нихъ для себя народъ въ старину.

Литературная обработка, въ какой обыкновенно встрѣчаются въ старинныхъ сборникахъ эти сказанія, получена ими наибольшею частью въ XVI или XVII вѣкахъ, а потому отличается всѣми приемами господствовавшаго тогда направленія: витѣватостью, искусственностью, риторизмомъ, подборомъ готовыхъ фразъ и оборотовъ, книжнымъ языкомъ, что въ совокупности сообщало особый складъ, особую литературную форму всѣмъ произведеніямъ религіознаго содержанія этого времени. Такая литературная форма, со всѣми своими готовыми и общеувоенными приемами, естественно должна была стѣснять свободу и въ самостоятельномъ изложеніи мысли и въ искреннемъ выраженіи чувства, а потому весьма трудно было изъ этихъ приемовъ выбраться и свѣжей мысли и искреннему чувству. Если и можно указать на немногія сказанія этого рода, въ которыхъ сильное и искреннее воодушевленіе предметомъ иногда преодолевало затрудненія со стороны формы и находило для себя соотвѣтствующее выраженіе, то къ нимъ относятся развѣ тѣ изъ нихъ, для авторовъ которыхъ принятый ими на себя добровольно трудъ не былъ урочнымъ и постояннымъ занятіемъ, особенно тѣ, въ которыхъ авторомъ является лице мірское, не принадлежавшее къ расплодившемуся тогда классу писателей.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что судьба по крайней мѣрѣ существенной части содержація этихъ сказаній сходна съ судьбою произведеній народной поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что главное содержаніе каждаго изъ нихъ, еще задолго до полученія окончательной литературной обработки, постоянно обращалось въ народъ, постоянно пересказывалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно дополнялось и распространялось, пока не являлось уже болѣе или менѣе приготовленнымъ для опредѣленной литературной формы. Факты для послѣдней были уже давно готовы, обставились болѣе или менѣе распространенными въ народномъ духѣ подробностями, такъ что писателю оставалось только сообщить всему видъ цѣльнаго и связнаго сказанія съ приличными распространеніями уже во вкусѣ господствовавшихъ тогда книжно-литературныхъ приемовъ.

Въ частности предлагаемая повѣсть замѣчательна и какъ образецъ литературной обработки произведеній этого рода, и по личности писателя, принадлежавшаго къ княжескому роду. Мы не знаемъ подробностей о жизни и образованіи автора кромѣ того, что предлагаетъ наша повѣсть. Князья Звѣнигородскіе, потомки Рюрика, имѣли своимъ родоначальникомъ князя Андреяна Мстиславича, внука Михаила Всеволодовича Черниговскаго († 1246). Такъ какъ авторъ составилъ свою повѣсть по рассказамъ Феодора корчемника, навѣкшаго добродѣтели отъ Соловецкаго игумена Филиппа (поставл. въ митрополиты 25 іюля 1566 г.), то отнести время его жизни ко второй половинѣ XVI вѣка ¹⁾. Въ повѣсти онъ является человекомъ вполне усвоившимъ господствовавшую тогда литературную форму и притомъ проникнутымъ искреннимъ благочестіемъ. Замѣчательна повѣсть и по чертѣ, характеризующей походъ Іоанна III противъ Новгорода: «послѣ воинства того перею не сущу ту у церкви, но безъ пѣнія бывшу» (Сравни. Карамз. VI. 38 и слѣд.).

Что касается до образа, находившагося въ Выдропускѣ во время составленія повѣсти, то извѣстно, что теперь тамъ только списокъ съ нея, а самый подлинникъ давно уже перенесенъ въ Торжокъ и находится въ Новоторжскомъ Преображенскомъ соборѣ. Старожилы Выдропуска не помнятъ времени этого перенесенія и питаютъ глубокое уваженіе къ списку. Въ описаніи города Торжка находится слѣдующее любопытное извѣстіе объ этомъ древнемъ образѣ: «большой крестный ходъ 18 числа іюня установленъ съ незапамятныхъ временъ

¹⁾ Прозваніе автора *Токматонъ* есть испорченное *Токмаковъ* и авторомъ повѣсти былъ Юрій Івановичъ Токмаковъ, находившійся у наряда въ войскѣ Грознаго во время похода его противъ Пѣльцевъ. (Карамз. IX. пр. 412. Сравни. Акти Арх. Эксп. I. 353).

въ честь чудотворнаго образа Божіей Матери, именуемой Одигитріи Выдронусской или Муромской. Когда этотъ чудотворный образъ Божіей Матери стоялъ въ церкви села Выдронуска, то въ XVI столѣтіи, 18 числа іюня, каждый годъ носимъ былъ въ городъ Торжекъ съ крестнымъ ходомъ и обратно черезъ нѣсколько дней былъ относимъ. Въ бытность сего чудотворнаго образа въ городъ Торжекъ, въ Преображенскомъ соборѣ отправлялась непрестанная въ честь его служба, и самый образъ былъ носимъ по домамъ усердствующими гражданами. Со временемъ этотъ чудотворный образъ по какому-то случаю остался навсегда въ городъ Торжекъ въ Преображенскомъ соборѣ¹⁾. Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о другомъ образѣ — Умиленія Божіей Матери, который, какъ говорится въ повѣсти, сопровождалъ образъ Одигитріи въ его обратномъ пути изъ Мурома въ Выдронускъ, находился нѣкоторое время въ Выдронускомъ храмѣ, а потомъ «не обрѣтется в церкви, но обрѣтется пакы в муром'стѣи области, в храмѣ великаго чудотворца Николы, на своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ». Не есть ли это обстоятельство позднѣйшая поэтическая амплификація сказанія и не былъ ли этотъ образъ вмѣстѣ съ образомъ Одигитріи перенесенъ въ г. Торжекъ? По крайней мѣрѣ въ этомъ же описаніи города Торжка находится слѣд. извѣстіе: «въ Срѣтенской церкви имѣется образъ Божіей Матери съ предвѣчнымъ на рукахъ младенцемъ, иконнаго писанія, мѣстный въ иконостаѣ, именуемый Умиленіе Божіей Матери, не въ давнія времена обложенный серебряною позолоченою ризою, по устному и всеобщему преданію старожилыхъ прихожанъ и гражданъ, древній и чудотворный. Къ сему образу все граждане и прихожане имѣютъ великую вѣру, какъ къ древнему и чудотворному; почему бываемая отъ сего образа чудесныя исцѣленія многія и нынѣ передаются устно. Ему празднество совершается въ сей церкви въ первое воскресенье послѣ праздника первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. На поляхъ при семъ образъ написано, что сей образъ принесенъ былъ изъ Двинской земли въ Черную гору, въ царствованіе ц. и в. к. Θεодора Іоанковича; а въ Торжекъ онъ былъ перенесенъ изъ села Выдронуска. Болѣе ничего достовѣрнаго о семъ образѣ неизвѣстно» (стр. 129 — 130).

Л.

Поэсть душеполезна о чудотворномъ образѣ пресвятыя богородици, иже в новгородской области в веси нарицаемей выд-

¹⁾ Историческо-статическое описаніе города Торжка, составленное іеромонахомъ Младодоромъ. Тверь. 1860. стр. 103 — 104.

ропуске¹⁾. в храме святая великая 'мученика христова Георгія²⁾, списано благовернымъ княземъ Евпріемъ звенигородскимъ, иже именуется токматомъ, благослови отче.

Страшна повѣсть и дивно чудо, недоумѣнно сказаніе и неизреченнѣ глаголѣ и непостижимѣ хошу вамъ, боголюбцемъ, повѣдати. Но ты, владычице, помирившую душу мою, еуже омрачихъ страстными своими дѣлы свѣтлаго солнца, иже славѣ мати, просвѣти свѣтомъ, иже просвѣщаетъ сынъ твой христосъ, свѣтъ истинный, и духомъ пресвятымъ разшири уста моя и наполни премудрости и разума, да твоею помощію, царице, возмогу повѣсть сию чудную писанію предати.

Бысть убо в лѣта царства благовернаго и христоролюбиваго царя государя і великаго князя иоанна василевича, всея русіи симодержца; и ходившу ему нѣкогда ригию на великий новъградъ, подѣ свою державу взяти, — понеже великий новъградъ в то время бысть въ своей воли. Во области же великаго новаграда на пути есть село зовомо выдропускъ, сже нынѣ многими знаемо; в томъ селѣ храмъ бысть во немъ святаго великаго стристотерца и мученика славнаго чудотворца георгія, иже отъ каппадокии; в томъ же преславномъ и чудномъ храмѣ стояше икона у царскихъ вратъ, образъ пречистыя богородицы и приснодѣвы маріи честнаго и славнаго ея одигитрия, сирѣчь крѣпкия заступницы. Благочестивому же государю царю и великому князю иоанну василевичу всея русіи вся воля ему и хотѣння добрѣ управившу, і все ему желаніе свершившу, і великий новъградъ во область свою прияху, и съ великою честью и с побѣдою і с пѣнью и со многими богатствомъ ему к царствующему славному великому граду москвѣ возвратившуся, такоже і всему воинству его идущу испять комуждо во свояси, нѣкий же воинъ царева полку, области града мурома, дерзнувъ взяти изъ церкви великаго мученика христова георгія на выдропуске образъ пречистыя владычицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея одигитрия, стояше ту

¹⁾ Село Выдропускъ находится на Петербургско-Московскомъ шоссеиномъ тракѣ, на половинѣ дороги между городами Торжкомъ и Вышимъ Волочкомъ, на р. Тверцѣ. Настоящее названіе есть испорченное изъ весьма замѣчательнаго древняго названія — *Выдыбожскъ* (выдыбай боже), сохранившагося въ древнихъ напечаткахъ и въ описаніи пятихъ Новгородскихъ, и свидѣтельствующаго о глубокой древности этого села.

²⁾ На мѣстѣ этого храма, на лѣвомъ берегу Тверцы, теперь стоятъ часовня съ образомъ св. Георгія и съ источникомъ прекрасной воды. Имянная же церковь, построенная въ прошломъ вѣкѣ, находится нѣсколько ниже по Тверцѣ, на правомъ ея берегу.

у царскихъ вратъ, о нейже нынѣ повѣсть предлежитъ; и принесе ея в вотчину свою, во область муромскую, идѣже бѣ житие его, і постави ю в селѣ своемъ во храмъ великаго чудотворца никола. І мало нѣкое время преиде, случися в субботу, что предѣ недѣлю святыхъ и равноапостольныхъ женъ мироносицъ, послѣ утренняго пѣнія, повелѣ той воинъ перею пѣти канонъ и молебень пренепорочнѣй владычицъ пресвятѣй богородицъ, еже есть акаѣнствъ наричется, с кондаки и якосы ея; по отпѣтїи же сего благодарнаго великаго канона акаѣнста, повелѣ воинъ перею приложити другїи молебень и рече: пой ми канонъ полонянке, еже пречистѣй богородицъ одигитрию, юже полонихъ в новгород'ской области ¹⁾. Перей же повелѣнное имъ сотвори, и начаша пѣти канонъ, и прочтоша евангелїе, пѣвцы же рече: слава тебѣ господи. О великое чудо! внезапно трусъ бысть в храмъ томъ, и прииде вихрь і громъ великъ, і потрясеса мѣсто і храмъ весь, и разступися покровъ церковный, и невидимую силою подъяся образъ отъ мѣста, і изыде отъ мѣста верхомъ церковнымъ. Воинъ же той, черей и вси людїе отъ страха падоша і лежаша на многъ часъ яко мертвы; егда же возбнувъ и поискавъ на многъ часъ образа пречистыя богородицы і не обрѣтоша. І нача воинъ плакати и рыдати, и рече: охъ увы мнѣ! согрѣшихъ злѣ: како нарекохъ плѣнницею свободну сущу и свободившаго отъ вѣка рождествомъ своимъ отъ плѣсненна дїавола и отъ адовыхъ нѣдръ весь миръ? І плачася грѣховъ своихъ на многъ часъ, і отложивъ воинскїи санъ и вземъ на ся смиренна образъ, полагаеть обѣтъ еже пти пѣшу с великимъ трудомъ в постѣ і в покаянїи в новгородскую область, в село нарицаемое выдропускъ, до церкви святаго великаго мученика христова георгїя, идѣже онъ взя чудотворный образъ, да тамо плачется грѣховъ своихъ. В той же день и часъ, в первый часъ дне, солнцу восходящу, и утру бывшу свѣтлу и тиху, нѣкто селянинъ села выдропуска, именемъ флоръ, изыде на ниву сѣяти лу, и яко сѣющу ему, и се внезапно бысть мимо его шумъ, яко носиму дыханїю бурну в церкви святаго великаго мученика христова георгїя; онъже отъ сраха того стояше усумнѣ'ся, дивяся преславному чудеси. нѣкий же человекъ села выдропуска понамарскую службу имѣише и живяше близъ церкви тоя, праведенъ сый і бояйся бога: обычай бо бѣ ему по вся дни входить в церковь святаго георгїя і кадити в' церкви стоящыя иконы, понеже послѣ воинства того перею не сущу ту у церкви, но без пѣнія бывшу; і вииде в церковь по обычаю пока-

¹⁾ Немногіе старожили села Выдропуска ещо помнятъ объ этомъ названїи иконы полонянкою, но причины названїа не знаютъ.

дети оставшия отъ воинства святыя иконы, и зрѣть дивное чудо и радости исполнено, образъ пренепорочной и пречистой богородицы, честнаго и славнаго ея одигитрия, на престолѣ во олтари ницъ лежащъ, юже не церкви взялъ воинъ и снесе в вотчину свою муромскую, і другой образъ с нею пришедшъ пречистыя жъ умиленія. Человѣкъ же онъ, покидивъ в церкви святыя иконы и видѣвъ тѣ святыя иконы, недоумѣниемъ объять бысть, радости же и веселія исполнися и рече в себѣ: вѣмъ по истинну, яко сий чудотворный образъ ратниі пѣлнша, и поколико дней вхождахъ в церковь сию покладити святыя иконы и никакоже не видѣ чудотворнаго сего образа. Человѣкъ же той, отъ очию слезы испущая, душею радуяся, тѣломъ же трепеща и умомъ дивяся бывшему чудеси преславному, и в радости, шедъ, повѣда мужемъ живущимъ о мѣстѣ томъ, глагола: приидите со мною і видите преславное чудо божіи матере, *еже бысть* исперва в церкви чудотворца георгія, чудотворный образъ пресвятыя богородицы одигитрия, иже вѣдѣи вами знаемъ и чудеса многая *точаща* приходящимъ с вѣрою, о *нейже* азъ вамъ нынѣ повѣдаюти. Бысть в лѣта отецъ нашихъ за грѣхи наша пожаръ великъ на мѣстѣ семъ, храмъ же великаго мученика христова георгія до основанія згорѣ со вѣсмъ зданіемъ церковнымъ, послѣ же того великаго пожара начаша рощичити церковное мѣсто и обрѣтоша образъ сей в пепелѣ к земли ницъ лежащъ, благодатию божіею сохраненъ, ничимже вреженъ бысть отъ огня, но токмо мало с тылу дска посяде. послѣжде же пленѣнныя сего не обрѣтеси чудотворный сей образъ в храмъ нашемъ, но восхищенъ войны; днесъ же азъ многогрѣшный придохъ в церковь съ ѳлпняномъ покладити святыя иконы и обрѣтохъ чудотворный той образъ во олтари на престолѣ, ницъ лежащъ к престолу: невидимо приде в весь нашу, в храмъ святаго георгія, и нынѣ азъ видѣхъ очима своими. Селяне же, слышавъше, и скоро текоша во храмъ видѣти чудо божіи матере, с женами и з дѣтьми и со младенцы, с великимъ тщаніемъ, и обрѣтоша по словеси *по намаревъ*; и бысть радость велика в веси той о чудеси заступницы богородицы, еще же отъ радости и слезамъ пролитуию бывшу многу. Стыивый же на поли ленъ человекъ онъ повѣда невидимый бывший мимо его шумъ; слышавше же людие, наипаче дивншася о чудеси. Жены же принесоша малыя дѣтища пеленами повиты, и из нѣдръ своихъ помѣтающе предъ образомъ на помостѣ церковномъ, плачуще и вопиюще: о всемилостивая еси богородице! не прогнѣвайся на ны грѣшныя до конца. И плачуще великимъ воплемъ, другъ друга утѣсняюще и другъ друга пріемлюще: Умиласердиси теплая заступнице на рабы своя, не насъ ради грѣшныхъ, но сихъ

ради младенцевъ, еже не имуть грѣха, пощади и ны, владычице! Слышавше же окрестныя люди, иереи и диякони, и вси людие, стекошася на великое то чудо; отпѣвши же вечерню и утреню, и освятивша воду, и о молебныхъ литургию отпѣвши, воздавше благодарение всемялостивому богу и пречистѣй богородицы, и рѣша иереи и старѣйшины вси тоа: благодаримъ бога и пречистую богородицу, яко еще не оставили мѣста сего и не забыли еси насъ в скорбѣхъ нашихъ. И прииша утѣшенне велико и, воздавша благодарныя молитвы, отъидоша в дома своя с радостию великою. И оттолѣ в веси той, прочее же и во всей новгородской области, начаша людие богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче же и тѣлесными потребами, вся земля обилемъ кипя в сѣменныхъ приплодѣхъ и в скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сие богъ дарова и пречистая богородица. Азъ же мню, еже ницъ лежашу икону ко престолу, яко любовь имущу к мѣсту тому и изволи быти в храмъ великаго мученика георгия; не точию же той, но и другой образъ с нею пришедшъ пресвятая богородицы умиления, мѣрою яко лактя единого. Той же образъ умиления пречистая прииде из мурома и пребысть ту на выдропуске в храмъ тоякъ, и паки не обрѣтесе в церкви, но обрѣтесе паки в муромѣстѣй области, в храмъ великаго чудотворца никола, на своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ. Той же воинъ муромецъ, слыша отъ иерея и отъ стража церковнаго, яко образъ пречистая богородицы умиления обрѣтесе в церкви на своемъ мѣстѣ, и притекъ в церковь чудотворца никола, нача плакати и молитися, припадая, помость церковный слезами поливая и умиленными словесы моли господи бога и пречистую его богоматерь, и рече: о пречистая госпоже богородице! гдѣ бы и како еси стѣмо возвратися? како изъ грѣшный явлюся предъ лицемъ твоимъ владычице, а повнень сынъ? охъ увы мнѣ, како заступнищу всему миру назвахъ половнянкою? И плакася на многъ часъ предъ образомъ пречистая богородицы, и пѣвъ молебная; и тако разгорѣвся божественнымъ ревненьемъ, воинъ той рече в себѣ: мню по истиннѣ, яко изыде чудотворный образъ пречистая богородицы во своя си, идѣже бѣ и прежде, занеже изъ грѣшный злѣ согрѣшихъ, яко плѣнницею назвахъ. И в той часъ не возвратися в домъ свой, и вземъ благословенне у ерея, понеже бѣ ему отецъ духовный, и отлагаетъ санъ воинскій и лѣпотныя ризы, и, воспринимъ смиреннаго образъ, касашесе пути пѣшъ. Жена же и дѣти плакашеса, моляше его, дабы послушалъ ихъ и отложилъ обѣщанне свое; онъ же никакоже внимаше глаголомъ ихъ, но, взявъ с собою единого раба, и поиде с нимъ в путь, и в велицѣ трудѣ и постѣ и молитвѣхъ и слезахъ преиде путь, и достиже

на уреченное мѣсто повгородския области, села выдропуска, церкви великаго мученика георгія. И узрѣвъ образъ пречистыя богородицы одигитрія стоящъ на своемъ мѣстѣ, яко солнце свѣтящеся, онъ же отъ страха паде и лежа на многъ часъ яко мертвъ; наипаче стбитися главою своею о помость церковный и умилѣи плакати, милости прося, и каятися грѣховъ своихъ, и рече: о всемилостивая еси владычице богородице, крѣпкая помощнице и всему християнскому роду стѣна и прибѣжище и заступленне! утоли свой праведный гнѣвъ и не отверти лица своего отъ мене, неключимаго раба своего! ище недостойнъ есмь не токмо милости просити, или на образъ твой зрѣти, но и входа церковнаго сего недостойнъ *сущи*; но надѣся на милость благоутробія твоего, молю тя, помилуй мя многгрѣшнаго и непотребнаго раба твоего! о пресвятая дѣво! како не пожже мя огонь, и како не пожре мя земля? о великое чудо, како не обрѣтеся камень во устѣхъ моихъ, и како не увизе языкъ мой, еже дерзнухъ взяти образъ твой пречистый? не азъ бо тебе везохъ в домъ свой, но ты, госпоже моя, мене отнесе мя. И стоя плача три дни и три ночи в велицѣхъ умилени и пици никакоже вкушаше, и толико отъ труда изнеможе, яко и обжирати нача. Людие же стекошася отъ многихъ странъ веси той и видѣша толкий его трудъ и дивншася, и повелѣша пѣти божественную литургию. По отпѣтїи же божественныя службы носия радость в сердце война, и обрадовися душою и мало удержася отъ слезъ, и причастися к просвирѣ, и приемъ пицу укрѣпился. И начина людие вопрошати его, кося страны еси и что *суть* пришествіе твое, и что есть вина плача твоего, видѣхомъ бо тя в велицѣхъ печали. Онъ же имъ вси случышася повѣда, и вопрошашо селянъ тѣхъ о пришествїи пречистыя богородицы чудотворнаго образа; они же ему повѣдаше чудо, како божнею благодатию избавленъ чудотворный той образъ отъ пожара и како прииде отъ пѣвения. Воинъ же той и ту живушїи людие воздвиза хвалу господу богу и пречистѣй его матери, и быть радость велика на мѣстѣ томъ в чловѣцѣхъ.

Азъ же сие великое и предивное и неизреченное чудо слышахъ отъ пѣвкого богобоязноваго и благоговѣйнаго мужа, именемъ есодора, нарицаемаго корчемника, во иночествѣ же нареченъ бысть Феодосїй и удивихся и прославихъ боги пречистую его богоматерь, и писанию предахъ, да никако забвенна глубиною покрывется, и без писання и без памяти будетъ. Сейже Феодоръ много лѣтъ житие имѣаше в веси той близъ храма святаго георгія, и притекая к церкви той и припадая ко пречистѣй богородицѣ чудотворному ея образу в чистѣй совѣсти во вся дни живота своего, и в мирѣ живой держа правило чернеческое неиз-

менно по вся дни, и отъ рожденія чюжему браку не прикоснувся, и отъ младен'ства нмй совѣтъ духовный, и добродѣтели навѣкъ отъ соловецкаго игумена филиппа, именованнемъ козычева, иже послѣжде божією благодатию былъ на москвѣ на велицѣмъ престолѣ митрополитомъ; онъ же сіе повѣда ми, еже извѣстно слыша отъ родителей своихъ и отъ многихъ свидѣтелей. Той же Теодоръ помолился богу и в лѣто 7073 году поновн образъ сей, и обложи серебромъ и златомъ и украси боголѣпно, и постави в церкви святаго великаго мученика георгія, идѣже и донынѣ стоить, божією благодатию много исцѣлення и милость подаючи в различныхъ недузѣхъ с вѣрою приходящимъ. Мы же вѣрніи отцы и братіе, старіи и юніи, мужие и жены и всякъ возрастъ, слышавше повѣсть сию, такожде потщимся с великимъ усердіемъ и тщаніемъ притекати к церкви, во смиренніи и в чистой совѣсти, со страхомъ и любовью, и припадая к чудотворнымъ образомъ, якоже к самому христу и пречистой его матери и к великимъ угодникомъ его, и просити милости, о христвѣ іисусѣ господѣ нашемъ, емуже слава со безначальнымъ его отцемъ и с пресвятымъ, благимъ и животворящимъ его духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. —

АПОЛОГЪ ОТЪ ПРАВОУЧЕНІЯ КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИ-СКАГО ¹⁾.

Книга 4. Г. 1.

(Сообщенъ А. Е. Викторовымъ.)

Сядищу коту в нѣкоемъ презрядномъ вертоградѣ, облизующюся, да отъ прилипшаго к нему праха очистится, — противу ему тогожде времени в близъ бывшомъ тамо блатѣ свинія валяющаяся глгозаше к себѣ: «О коль презрядное мнѣ сіе ложе и мягкая постеля! О коль прелюбезнѣйшее мнѣ здѣ пребываніе, коль велеіе плоти моея угожденіе, коль пресладкое в тинѣ сей увеселеніе! Честіте есть горь ливанскихъ и источниковъ дамосковыхъ и парнонитскихъ (?) баній здравѣ».

Коть же, сіе слышавъ, вознегодова и рече ко свиніи: «Чтѣ се есть, идѣже лежиши?» Отвѣща ему свинія: «блато и калѣ». Тогда котъ ру-

¹⁾ Предлагаемый апологъ найденъ нами въ одной рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Kolejный Лѣтописецъ Дмитрія Ростовскаго. Апологъ написанъ на переплетномъ листѣ, современнѣйшій рукописи почеркомъ; самая же рукопись писана въ 1758 году. А. В.

глася, и ней рече: «Вонстиняу свинія еси, понеже сирадними и скверными утѣшаешися и веселишися вещами». Свинія же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты удити мыши твоя! Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «во правду, якоже видю, добръ Соломонъ глаголетъ: не обличай безумна, да не ненавидитъ тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устроениемъ естества того ради поставленъ есмь, да не излишно дѣлютъ человекѣмъ пакости. И тебѣ скверной, аще разумѣши, отъ того же естества учиненъ есть исправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха, тебе также учу очищатися отъ всякой нечистоты, аще внемлещи словесемъ моимъ. Суждуже творящяя людямъ пакости мыши, егда ногти моими уловляю я и козю, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу колье благоприятна и любезна чистота есть въ душахъ и естествахъ: Онъ бо ю себѣ во пребываніе вѣчное созда, ибо пречистѣйшее и (пречистѣйшій?) миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречистаго естества производитъ и плоть младенца, заченшагося во утробѣ материнѣ, чисту возвращаетъ, пречудными цвѣты землю украшаетъ и дражайшія бисеры отъ глубины моря, золото же и серебро отъ нѣдръ земныхъ производитъ. Почто убо ты свинія в нечистотахъ услаждаешися? Не вѣси ли яко и во многъ естествѣ, еже отъ Бога разумомъ почтено, погибаетъ, аще плоть нечистотами оскверняется. Совѣтую убо тебѣ, аще хоцещи чисто жити: бѣгай кака и смрада, и, шедъ въ чистую воду, абіе умойся.» То рекъ котъ ко свинімъ и умолча; а свинія пребысть в клятвѣ тинномъ, не слушая полезнаго ея совѣта.

ПИСЬМА СУМАРКОВА, ЩЕРБАТОВА И НОВИКОВА КЪ Г. В. КОЗИЦКОМУ.

I.

Изъ представленій Козицкаго Императрицѣ.

Дѣвица Ирина *Крашенинникова* представляетъ, что послѣ смерти отца ихъ профессора Крашенинникова осталось шестеро дѣтей и мать въ крайней бѣдности. Мать скоро потомъ скончалась, оставя ихъ безъ всякаго призрѣнія и пропитанія. Она уже осмой годъ служа по людямъ работою рукъ своихъ съ великою нуждою питается, но нинѣ достигнувъ до совершенныхъ въ замужство лѣтъ и желая тѣмъ отчасти свободжена быть отъ своей бѣдности, проситъ вашего Императорскаго Величества, дабы взирая на такое ея состояніе и на

усердныя отца ея заслуги, извѣстную пользу отечеству учинившаго, соблаговолили снабдить ее высочайшею милостію на исправку для приданого.

Ея Императорское Величество изволила указать выдать изъ кабинета, освѣдомившись о ея состояніи столько, сколько дѣвицамъ отъ двора замужъ выдаваемымъ, обыкновенно дается. О чемъ и писано къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, 1769 года, Февраля 1 дня.

II.

Милостивый мой Государь Григорій Васильевич!

Приложенное при семъ къ Государынѣ письмо, въ которомъ писано о театрѣ здѣшнемъ прошу всепокорно Ея Величеству вручить и вздохательствовать рѣшеніе, а я скоро поѣду въ деревню. Въ письмѣ семъ моего интереса нѣтъ, а есть публики интересъ. — Н. Н. мой нижайшій поклонъ. Любите меня столько, сколько я васъ люблю, а сколько я васъ люблю, вы это знаете.

Вашего выскородія

вѣрный другъ и покорнѣйшій слуга.

А. Сумароковъ.

4 іюня 1769 Москва.

(Получено 16 іюня; рукою Козницкаго.)

III.

Всеимпостивѣйшая государыня.

Зная(ю), что Вашему Величеству исправленіе нравовъ Вашего подданнаго народа всегда присутственно. Театръ есть училище бродягамъ по жизни человѣческой. Мое стремленіе съ тридцать лѣтъ ко театру, въ чемъ я и неосождаемый въ наши времена показалъ успѣхъ. Театръ я давно хотѣлъ оставить ради множества препятствій. Покойной Волковъ тому свидѣтель, что Ваше Императорское Величество возвратили мнѣ Мельпомену и Талію въ Россію при возвращеніи общенароднаго спокойства. Я въ прошедшій годъ много трудился въ сочиненіяхъ, отъ чего началъ очки употреблять и понинѣ стражду зрѣніемъ. Старость ко мнѣ приступаетъ, бѣдность меня окружаетъ, злодѣй мой Арк. Бутурлинъ душу мою тревожить и день отъ дня мать мою отъ меня отводитъ и дѣлаетъ мнѣ безпокойства безконечныя день и ночь, не памятуя божественнаго монарша повелѣнія, дабы подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва безчеловѣчныхъ поступковъ воздержаться, хотя я и всѣми мѣрами уклоняюся отъ варварскихъ его нападеній; но при всѣхъ безпокойствахъ о театрѣ, дабы онъ въ Москвѣ не разрушился, ежели не дается антрепренерамъ привилегія, а мнѣ разглашено, что оная мнѣ не дается, ибо де

театръ не фабрика. Фабрика театръ, но еще и самая полезнѣйшая, да и Нѣмецкій театръ имѣлъ привилегію. Мнѣ чается, Государыня, что Семира и Синавъ и Трузоръ больше привилегія достойны, нежели *Gespräch im Reiche der Todten*, да мои же драмы у насъ національныя. — Сказываютъ то, будто отъ Г. Елагина антрепренерамъ то объявлено во отомщеніе, что Титовъ не правитъ театромъ. Титовъ огорчилъ и публику и актеровъ худымъ смотрѣніемъ и распорядкомъ. Русскимъ маскараровъ не , а театра безъ сей помощи уставить не можно. Мнѣ маскарары ничто, но безъ нихъ театра содержать нельзя, а Бельмонти даетъ народу утѣшенія очень хорошія и не такія, какъ обманщикъ Локателли. Гр. Петръ Семеновичъ такъ изъяснился мнѣ, что я онъ и вся Москва благодарны будутъ, когда Бельмонтию надлежащая привилегія дастся, а мой интересъ, что я не имѣя надъ театромъ помощи и не желая оныя, ежели Елагинъ не выѣхаетъ, помощію Гр. Петра Семеновича привесть театръ въ самое лучшее состояніе, а его сіят. Гр. Салтыковъ моихъ совѣтовъ опровергать не будетъ. И такъ я помощію свою, только отъ Елагинъ не ждался, получу успѣхъ. Актеры здѣшніе по письму Елагина, безвременно высланы изъ дома, хотя имъ въ ономъ жить вѣрно и по именному Вашего Величества указу. Они въ отчаяніи и только я ихъ удерживаю, чтобы они не отчаявались и надѣялись на материнскую милость обладательницы. Иныя поѣхали въ Петербургъ, будучи подговорены, будто изъ чужова государства, а здѣсь театръ надобитъ, нежели въ Петербургъ, ибо и народа и глупостей здѣсь больше. Ста Молиеровъ требуетъ Москва, а я при другихъ дѣлахъ по моимъ упражненіямъ одинъ только. Времени кладу я себѣ еще три года на сочиненія; но естли сіе послѣднее мое къ театру усердіе останется суетно, то я принужденъ буду по долгомъ отъ Мельпомены и отъ Талин терпѣніи по театру замолчать вѣчно. — Исполните, Государыня, всей Москвы, Гр. П. Семеновича и мое, яко основателя, рачителя и автора драмъ, желаніе къ пользѣ и чести нашего вѣка, а сей театръ ущерба коронной казнѣ не..... Вольтеръ во своемъ ко мнѣ письмѣ говоритъ такъ: *il faut alsolument des souverains qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils changent les climats, ils font naître les roses au milieu des neiges.* — C'est ce que fait votre incomparable Souveraine. Je croirois que les lettres qu'Elle m'honore me viennent de Versailles et que la Vôtre est d'un de mes confrères de l'Academie Française. — Я не ласкаю себя удостоиться, какъ Вольтеръ, поцѣловать въ письмѣ ту дражайшую руку, которую онъ имѣлъ щастіе часто цѣловать, хотя и никогда не видалъ Вашихъ очей, но почитаю себя челоѣкомъ той же степени,

нижайше прошу указать кому нибудь на сіе мое предложеніе. Удостойте меня Вашего Величества благоволеніемъ, дабы я хотя чрезъ послѣдняго Вашего раба могъ получить отвѣтствіе, а я въ моемъ предложеніи своего прибытка не имѣю, а умноженія себѣ славы не требую, будучи ею уже довольно насыщенъ. Желаю единыи пользы моему отечеству, а быть адвокатомъ не только Мельпомены и Талии въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ, такъ моя дерзость простибельна, а въ какомъ состояніи актеры и чѣво хочетъ Бельмонти, я при семъ прилагаю изображенія полныи ясностію. — Прошу Вашего Величества о милостивомъ и полезномъ рѣшеніи не для себя и не за себя и желалъ бы, чтобы возставитъ театръ до отъѣзда моего въ семь лѣтъ ради поправки моего ослабшаго здоровья въ деревню, отъкуда, не знаю еще, возвращуся ли я живъ; ибо вѣкъ мой окончивается, а безъ меня никто театра не воставитъ во скорое время, но доколѣ я живъ, а особливо, доколѣ не сѣкла меня смерть косою Арк. Бутурлина, преодолевающаго всѣ силы мои и на котораго отъ Бога и отъ вашего величества прошу праведныи обороны, буду всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ

Вашего Императорскаго Величества

всемижайшій и всеподданнѣйшій рабъ

Александръ Сумароковъ.

Юля 4 дня 1769

Москва.

IV.

Письмо Елатина къ Козицкому.

Государь мой Григорій Васильевичъ.

Въ отвѣтъ на ваше письмо сообщаю. Актеры Московскіе по прошенію г. полковника Титова жили съ полученнаго мною отъ Ея Императорскаго Величества всевысочайшаго дозволенія въ Лафертовскомъ домѣ. Позволено имъ было жить только до тѣхъ поръ, пока г. Титовъ смыщетъ или построитъ для нихъ домъ; флигель, въ которомъ они жили, отданъ былъ на руки ему г. Титову. А какъ онъ далъ мнѣ писменно знать, что въ разсужденіи недостатковъ ево содержать онъ театра не можетъ, и домъ ему для житія комедіантовъ не надобенъ, то и приказано отъ меня принять его живущему въ немъ надзирателю, по той описи, по которой ему г. Титову отданъ былъ. Ибо никто ко мнѣ до сихъ поръ не отозвался, кому бы онъ надобенъ былъ, и кому бъ препоручить его можно было, дабы въ томъ же состояніи принять его впредь для надобностей казенныхъ, въ какомъ онъ стдается. А хотя бы кто его и требовалъ, то и тогда бы безъ особливаго Ея Императорскаго

Величества повелѣнія отдать его для комедіантовъ было не можно; ибо онъ данъ былъ г. Титову для исправленія его состоянія, а не для комедіантовъ, которые на иждивеніи антрепренера жить обязываются. Я съ должнымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Государь мой
вашего высокородія
покорный слуга Иванъ Елагинъ.

Іюня 7 дня, 1769 г.

V.

Милостивой мой Государь!

За письмо покорно благодарствую. — Я болѣзнь и въ деревнѣ теперь. — Письмо мое покорнѣе прошу вручить, какъ и прежде, за которое нижайше приношу благодареніе. — И. И. Мотонису мое почтеніе, а я едва вижу, итакъ мои глаза испорчены и думаю, что и я скоро буду Омромъ въ разсужденіи глазъ, какъ итъкой Вас. Петровъ въ разсужденіи высокаго склада къ чести нашего вѣка, а я въ честь себѣ то почитаю, что меня любить и почитаетъ Гр. Вас. Козницкій, котораго есмь

покорнѣйшій слуга и вѣрный другъ
А Сумарковъ.

Изъ Серпуховскаго уѣзда
іюля 24. 1769.

(Отм. Коз. «Получено авг. 2. ч. Обвертъ ея Величеству поднесенъ авг. 3 дня, отвѣтъ же по высоч. повелѣнію посланъ 4 авг.»)

Всемилоствѣйшая Государыня!

На всенижайшее мое Вашему Императорскому Величеству о установленіи здѣшняго театра предложеніе, и нѣкоторое отвѣтствіе чрезъ Г. В. Козидкаго получилъ. Писанное рукою Вашего Величества ко Гр. П. Семеновичу Салтыкову письмо я видѣлъ. Гр. П. Семеновичъ, по оному совѣту со мной, сколько было можно, итъчто ко приступу установленія театра учредилъ. Съ оберполицеймейстеромъ здѣшнимъ я многое къ хорошему порядку расположилъ, и по согласію съ Гр. П. Семеновичемъ я сіе дѣло основалъ бы совершенно, ежели бы только побочныхъ препятствій тому не было, а особливо въ разсужденіи сихъ слѣдующихъ вещей, которыхъ кромѣ Вашего Величества рѣшить никто не можетъ. — 1. Г. Вырубовъ, котораго я въ лицо по сіе время еще не знаю, требуетъ четвертой части дохода на воспитательной домъ, хотя доходы театральныя понинѣ еще менше, нежели расходы. Здѣсь же не Парижъ. Тамъ и много авторовъ театральныхъ

и много любителей театра, между которыми много и знатоковъ, народа тамъ больше, а Москва всево тово лишена, и только люди еще во вкусъ приводятся, да и дворъ обыкновенно въ Петербургъ, а не въ Москву, а Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Молиеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать; ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревской къ совершенству театра еще не достаточны, *et le reste des acteurs est une chose très petite; donc il faut créer et les auteurs et les acteurs.* А и Дмитревскій, не имѣя основанія отъ моего наставленія, тщетно бы въ Парижѣ видѣлъ Лекена; ибо языкъ Французской съ нашимъ въ декламацин, какъ снѣгъ съ огнемъ или хотя немного и поменше. — Зборъ на воспитательной домъ странно учредается здѣшними онаго надзирателями, ибо присланной унтеръ-офицеръ стоялъ во время представленія Вышеслава между кулисовъ, переходя съ мѣста на мѣсто, а каково это бѣдному автору, прилагающему всѣ силы къ театру, и каково мнѣ это тяжело было, это можно вообразить: театръ не Парнаскимъ мѣстомъ, но нѣкою таможеню казался и отнималъ у меня охоту о драмахъ и помышлять, а я досадывалъ на тѣ часы, которыя меня къ Мельпоменѣ послали и вмѣсто разгоряченія своей Музы я чувствовалъ охлажденіе и омерзеніе и раскаяніе, что я о Россійскомъ Парнассѣ толико старался, не щадя своего здоровья и глазъ, которыми я отъ прошлаго года едва вижу и будучи крайне болѣвъ ими въ моей деревнѣ, отколъ я мысленнозираю ко брегамъ Невы и вижу и Россійскую Монархиню, и Россійскую Палладу, къ которой огорченная моя взываетъ Муза. Автрепренеры и актеры, Гр. П. Семеновичъ, Мельпомена и Талія со мною согласны, но нѣтъ театра, о чемъ будетъ сія статья. 2. Вышеславъ и Лихононецъ представлены здѣсь были. Публика была довольна весьма, актеры мною научены были и уже не такъ играли піесы, какъ прежде, будучи научаемы Титовымъ или паче имъ во всемъ порчены, а первая актриса столько во своемъ поведеніи испорчена, сколько она ко декламацин способности имѣеть. — Театра безъ вашего указа не даютъ кромѣ двухъ разовъ, когда піесы мои играны, и то П. Семеновичъ ради моего прошенія исполнилъ, а новой театръ поспѣеть не скоро. — Дивно это, что безъ меня театръ былъ отданъ Россійскимъ актерамъ и Титову, а отъ того новое препятствіе. — 3. Актеръ Базилевичъ еще до моего знакомства съ ними изъ Москвы почти збѣжалъ, и слышно, что Елагинъ ево или принялъ уже или принять хочеть, а отъ того здѣсь новыхъ комедій быть не можетъ, ибо некому роли служъ играть, а въ Петербургѣ довольно и Шумскова. — Ежели все

сіе будетъ рѣшено, такъ я, къ сентябрю возвратяся изъ моей деревни, потружуся о театрѣ, а по театру собственно все исправно быть можетъ, ибо, какъ я уже нѣсколько изобразилъ, Музы, намѣстникъ здѣшній, полицеймейстеръ, антрепренеры и актеры со мною въ крайнемъ согласіи. Ежели и повелѣніе Вашего Величества тому соотвѣчать будетъ, такъ я уповаю, что Вы, Государыня, увидѣвъ здѣшній театръ, скажете про меня спасибо ему, а сіе слово весьма лестно моему любочестію, ибо мое любочестіе единственно въ томъ состоитъ угождать Вамъ, отечеству и себѣ. Въ прочемъ моево прибытка нѣтъ, хотя театръ будетъ, хоть нѣтъ. Мое о словесныхъ наукахъ стремленіе велико. Ахъ! если бы много не было препятствій, да еще сильное вспоможеніе! котораго желая, вручаю себя Вашего Императорскаго Величества всевысочайшей милости и щедрому свѣтценыи Вашей особы покровительству

Вашего Императорскаго Величества

всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ

Александръ Сумароковъ.

Изъ Серпуховскаго уѣзда

1769 іюля 24.

VI.

Милостивый государь мой

Александръ Петровичъ!

Получилъ я вчерашняго дня отъ Вашего Превосходительства обервъ къ Ея Величеству и имѣлъ счастье сего дня вручить оный. По прочтеніи изволила мнѣ приказать Всемилостивѣйшая Государыня написать къ вамъ 1. что касается до сбора четвертой части театральнаго дохода о томъ поговорить сама съ И. И. Бецкимъ. 2. Тамошній театръ состоитъ во власти Гр. П. С., онъ можетъ съ онымъ учрежденіе сдѣлать по своему разсужденію. 3. Какъ всѣ антеры вольны обязательства дѣлать съ кѣмъ и гдѣ похотятъ, то у нихъ сего и отнимать не должно. За благоприятное ваше ко мнѣ письмо покорно благодарствую. Сожалѣю о вашей глазной болѣзни и желаю вамъ скоро отъ оной избавиться для вашей и для общей пользы. Николай Николаевичъ свидѣтельствуесть не какъ прежде холостой, но уже женатый. Деревенскую жизнь вкушая, продолжайте любовь вашу дружбу къ городскому, который навсегда пребудеть

Милостивый Государь мой

вашего превосходительства

покорный и вѣрный слуга Г. Козицкій.

С.-Петербургъ

1769 г. Августа 4 дня

VII.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичъ!

Я, зная къ себѣ Вашего Высокородія благосклонность, приѣмлю смѣлость васъ просить, дабы приложенное при семъ письмо, адресированное на имя Ея Императорскаго Величества вручить въ собственныя Ея руки; въ чемъ полагаю надежду на васъ, яко на человѣка, желающаго благодѣянiя каждому дѣлать; пребываю съ искреннымъ почитенiемъ

Милостивый государь мой
Вашего высокородiя
всепокорный слуга князь Михайло Щербатовъ.

Спб.

Маia 22 дня 1773 года.

VIII.

Копiя.

Всемилоствiйшая Государыня!

Никогдабы я не дерзнулъ собственною моею прозьбою утрудять Ваше Императорское Величество, есть ли бы къ самому сему побуждѣнъ не былъ, не столь желанiемъ моего благосостоянiя, сколь искреннимъ усердiемъ быть въ состоянiи съ вѣщшею способностiю службу мою продолжать. Я осмѣливаюсь предъ Монархиннею, соединяющею качества великаго Государя съ качествами человѣколюбиваго философа, состоянiе мое объяснить. Родители мои и жены моей, которая его имѣнiю есть единая наслѣдница, съ посредственнымъ достаткомъ оставили намъ въ наслѣдiе примѣръ во всякомъ случаѣ — пользу отечества и усердiе къ своимъ Государямъ за первѣйшiй долгъ почитать; они, служа до конца жизни своея, не обогатились и хотя соединенныя ихъ части и могли бы нѣкоимъ образомъ благосостоянiе мое сдѣлать, но долгъ, который я заплатилъ за тѣстя моего, нажитой имъ въ Англiи, неустроенные какъ сго, такъ и отца моего деревни, въ которыхъ, препроводя всю свою жизнь въ службѣ своихъ Государей, никогда не бывалъ, не токмо въ началѣ могли меня содержать, но требовали еще отъ меня денегъ на поправленiе свое, такожь нечѣстiе собственнаго дому завели меня во многiя издержки. Не скажу я, Всемилоствiйшая Государыня, чтобъ сiи приключенныя мнѣ убытки не могъ я возратить со временемъ, ежели бы неотлучное мое пребыванiе въ моихъ деревняхъ не отвратило меня отъ послѣдованiя моихъ намѣренiй; но усердiе къ службѣ такой Государыни, которая толико тщится учинить народъ свой совершенно счастливымъ, привели мнѣ въ забвенiе собственное мое состоянiе, дабы токмо домышлять о томъ, не могу ли и я великимъ намѣренiемъ Вашего

Величества въ чемъ споспѣшествовать, и есть ли сила разума моего до чего не достигала, по крайней мѣрѣ до сего часу совѣстію моею оправданъ есмь, что во мнѣ все нужное усердіе непрерывно было къ прославленію имени и пользы Вашего Императорскаго Величества и отечества моего. Между же тѣмъ временемъ умножившаяся моя фамилія, ибо девять человекъ дѣтей имѣю я: по желанію моему учинить дѣтей моихъ достойными служить съ пользою отечеству и времени, въ которое они имѣютъ счастье быть рождены, также и желаніе исполнить во всемъ тѣ должности, которыя отъ Вашего Величества на меня наложены, къ новымъ меня издержкамъ и долгамъ обязывали. Все сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, учинило, что наконецъ я болѣе сорока тысячъ долгу нажилъ на себя, которой не вижу теперь уже способу инако сплатить, какъ токмо развѣ сократя себя и дѣтей своихъ на такое житіе, которое несомнѣнно съ моимъ состояніемъ, но зная состояніе человеческое и не бывъ любитель роскоши, не отрекся бы, Всемилостивѣйшая Государыня, я и самое сіе исполнить, есть ли бы не опасался, что сіе можетъ воспретить мнѣ дѣтямъ своимъ нужное воспитаніе дать и отвлечи отъ службы Вашего Императорскаго Величества; не допустить меня вступающаго еще на степень донинѣ не довольно мнѣ мое усердіе показать. Въ таковыхъ обстоятельствахъ, по долгомъ колебаніи между справедливымъ страхомъ обезпочить Вашу Августѣйшую Особу и страхомъ отнять у себя способы быть только полезнымъ, колико бы можетъ статься я быть могъ и не оказать усердіемъ моимъ къ Августѣйшей Вашей особѣ всю ту благодарность, которую я чувствую,—наконецъ приѣмлю снѣжность, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на состояніе единого изъ усерднѣйшихъ Вашихъ подданныхъ, воззри на сію многочисленную фамилію, пылающую тѣмъ же жаромъ усердія къ Вашей особѣ, каковой родившіе ихъ ощущаютъ и, помогши нашему состоянію, учини насъ болѣе способными быть оказать наши услуги и ревность къ отечеству. Прилично одной столь великой Государынѣ самолично безъ всякихъ упрежденій внимать прозбы своихъ подданныхъ; прилично Вамъ единымъ, считающей часы жизни своєю благодѣяніями и великими дѣлами, обновить состояніе упадающаго роду и не заслуги, которыхъ я иль за непмѣнимъ случая, иль паче за малою моею способностію не учинилъ, но искреннее и пылающее усердіе милосердіемъ своимъ ободрить, въ которомъ, взирая на ваши великія дѣла, всегда утверждаюсь. И пребывая съ наиглубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего

Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Михайло Щербатовъ.

С.-Петербургъ

Маѣ 22 дня 1773 года.

IX.

Милостивый государь мой

Князь Михайло Михайловичъ!

Письмо ваше имѣлъ я счастье поднести Ея Императорскому Величеству. Всемилостивѣйшая государыня изволила оное принять милостиво, и мнѣ дано высочайшее повелѣніе написать къ вамъ, чтобъ вы сами сюда пріѣхали; Самодержица наша желаетъ съ вами по оному въ разсужденіи состоянія вашего тамъ прописаннаго изъясниться; и изволила сказать, что помочь вамъ всячески будетъ стараться. Я же со всегдашнимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ есмь

Милостивый государь мой

Вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою Григорій Козицкой.

Царское село

1773 года Маѣ 22 дня.

X.

Всемилостивѣйшая государыня.

Подносимаго всеподданнѣйше Вашему Величеству сего Церковнаго Словаря произведеніемъ было Высочайшее Ваше о надобности истолкованія церковныхъ реченій напоминаніе, учиненное словесно по списхожденію нѣкогда мнѣ еще какъ бывшему Вашему всеподданнѣйшему Оберъ-Прокурору Синода. Сохраняя въ незабвенной памяти Вашего Величества слова, которымъ не меньше какъ и дѣламъ Вашимъ вѣчность долженствуется, предложилъ я сіе Высочайшее Ваше желаніе потрудившемуся въ семъ предпріятіи собранію, которое въ сходственность и въ поревнованіе Высочайшей Вашей къ Россійскому слову любви, общественно со мною изданіе сея книжки приняло за первой къ пользѣ Отечества трудъ. Исправленіе Россійскаго языка есть главный предметъ трудящагося общества и на какомъ основаніи оное при Императорскомъ Вашемъ Московскомъ Университетѣ учреждается, о томъ краткое извѣстіе купно съ приносимую книгою повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Счастливъ я буду несказанно и сіе вновь учреждающееся собраніе, естли сіе первое послѣднаго труда его приношеніе удостоится Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благопріятія и Всеми-

достигнѣйшаго покровительства, которому оно и себя всеподданнѣйше препоручая, остаюсь

Всемилоствѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Иванъ Меллссино.

Въ Москвѣ
Ноября 11 дня 1773 года.

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ

о учрежденіи и состояніи вольнаго Россійскаго собранія въ Москвѣ,
со 2 августа 1771 по 10-е ноября 1773 года.

Побудитель къ заведенію сего собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ есть Его Превосходительство Тайный Совѣтникъ и онаго Университета Кураторъ Иванъ Ивановичъ Меллссино и о намѣреніи сего заведенія объявлено было въ іюнь мѣсяцѣ 1771 года печатными, каковой при семъ прилагается, листами. Почему сверхъ университетскихъ членовъ многіе изъ обрѣтающихся въ Москвѣ знатныхъ особъ и другихъ любителей Россійскаго слова объявили желаніе свое быть участниками сего предпріятія. Августа 2 дня, того же года учинено открытіе Россійскаго собранія прочтеніемъ рѣчи учредителя онаго Ивана Ивановича Меллссино о самомъ семъ учрежденіи, и разсуждаемо было о распоряженіяхъ сего вновь начинающагося заведенія; вслѣдствіе чего между прочимъ опредѣлено: 1) засѣданіямъ онаго собранія быть каждую недѣлю по субботамъ отъ 4 до 7 часовъ пополудни, 2) всѣмъ имѣющимъ участіе въ университетской конференціи имѣть также участіе и въ семъ собраніи, 3) начальствовать въ ономъ яко предсѣдателю одному изъ гг. Кураторовъ Университетскихъ, а намѣстнику быть г. Директору онаго Университета. Почему и объявлены Предсѣдателемъ Иванъ Ивановичъ Меллссино, а намѣстникомъ Михайло Васильевичъ Приклонской, яко единственныя и наиспособнѣйшія особы къ доставленію необходимой всякаго рода помощи сему собранію отъ Университета; 4) секретаремъ быть одному безсмѣнному и при немъ двумъ погоднымъ, къ чему въ первые и избранъ краснорѣчій профессоръ Г. Барсовъ; 5) дѣйствительныхъ или присутствующихъ членовъ быть до 51 особы, а почетныхъ или отсутствующихъ числу неопредѣленному, и всѣмъ онымъ давать печатные патенты съ приличными украшеніями, а принимать ихъ вновь по представленію отъ кого нибудь изъ присутствующихъ членовъ, или по письму ихъ самихъ къ собранію или къ предсѣдателю, или по представленію ихъ трудовъ; 6) при раз-

личныхъ мѣвнїяхъ всѣ дѣла рѣшить баллотированїемъ, 7) сочиненїя и переводы свои членамъ читать самимъ, или чрезъ годовыхъ секретарей, при разсужденїи жѣ объ оныхъ сочиненїяхъ и переводахъ: сочинителямъ не присутствовать, развѣ потребуетъ отъ него какое либо изъясненїе, 8) отсутствующимъ особамъ присылать свои сочиненїя съ девизомъ и подписывать на имя вольнаго Россійскаго собранїа, 9) въ память сего учрежденїа быть ежегодно августа 2 дня торжественному засѣданїю, 10) быть казначею избираемому отъ собранїа, отъ котораго и должное наставленїе ему быть имѣть дано, 11) о всѣхъ разсужденїяхъ и опредѣленїяхъ собранїа секретарю вести дневную записку, которую сверхъ его подписывать предсѣдателю и нрѣстнику.—Но бывшимъ въ Москвѣ несчастїемъ отъ заразительной болѣзни вскорѣ престѣклося исполненїе сихъ распоряженїй на долгое время; а по совершенномъ прекращенїи всѣхъ опасностей дѣланы разные опыты къ сочиненїю общаго Россійскаго словаря; разсматриваемъ былъ словарь церковный, который уже и напечатанъ, и писаны письма почти ко всѣмъ Преосвященнымъ Архїереямъ и къ другимъ духовнымъ особамъ о сообщенїи собранїю рѣдкихъ словъ въ нихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ мало извѣстныхъ, такожъ лѣтописей и извѣстїй историческихкихъ, каковыя сообщенїя отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и получены, которыя, такъ какъ и другїя сочиненїя и книги отъ нѣкоторыхъ членовъ собранїа и отъ другихъ доброжелателей полученныя хранятся при этомъ, для употребленїа въ способномъ случаѣ.

XI.

Оглавленїе:

Древняя Рос. Вивлюенка,
издаваемая помѣсячно
Николаемъ Новиковымъ.

Часть 1.

Мѣсяць Январь.

Въ Спетерб. 1773 года.

На другой страницѣ:

Ея Величеству

Екатерины великой,

Императрицы и Самодержицы Всероссійской:

(истинной матери Отечества, законодательницы премудрой, побѣдительницы враговъ Имперїи Россійскїа на землѣ и на морѣ, распространительницы славы Россійскїа, воскресительницы Музы, покро-

вительницъ Наукъ и Художествъ, защитницъ Правосудія и Истинныи и содѣтельница блаженства Россійскаго,)

Сіе изданіе со всеглубочайшимъ почтеніемъ посвящаетъ въ новый 1773 годъ всеподданнѣйшій рабъ Николай Новиковъ.

Рукою Козмиака:

Издатель сея книги, которой заглавіе здѣсь приложено, проситъ всеподданнѣше высочайшаго дозволенія на посвященія оныя всеагустѣйшему Вашему Императорскаго Величества имени.

Рукою Императрицы Екатерины:

Мой совѣтъ есть, естли Авторъ мнѣ приписать хочеть свое изданіе то вымарать изъ титела все то, что свѣту показатся можетъ ласкательство, и подчеркнула на титула все излишество.

XII.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичъ!

Издавая древности Россійскія о обрядахъ, у предковъ нашихъ въ употребленіи бывшихъ, полюбілось мнѣ болѣ прочаго, что именники въ день своего Ангела приносили даръ государямъ, и я захотѣлъ оному обыкновенію послѣдовать. Они въ день именинъ своихъ хаживали къ государямъ съ пирогами, называвшимися *именинными*: и сами государи, увижая сіе обыкновеніе, хаживали съ пирогами же къ патріархамъ; и сіе, мнится мнѣ, введено было въ употребленіе для означенія, что человѣку при рожденіи его хлѣбъ есть самонужнѣйшая вещь, и что всякій человѣкъ наиболѣ всего долженъ имѣть попеченіе о хлѣбопашествѣ, а дворяне еще и наиболѣ прочихъ, потому что они ни что иное, какъ люди, которымъ государь ввѣрилъ нѣкоторую часть людей же, во всемъ имъ подобныхъ, въ ихъ надзираніе. Далъ бы Богъ, чтобы почтенныя мои собратія сему повѣрили! Посему именинникъ хлѣбъ или пирогъ, яко наилучшій и необходимѣйшій для продолженія человѣческаіа жизни даръ, Ангеломъ его въ тотъ день нпзпосланный, приносилъ къ государю и, подавая оный, какъ будто говорилъ: «Государь, вотъ нужнѣйшая вещь для продолженія человѣческаіа жизни, вотъ истинное твое и всего государства богатство, я приношу тебѣ въ даръ хлѣбъ въ знакъ моего изобилія и трудовъ, употребленныхъ мною во весь минувшій годъ для приведенія въ цвѣтущее состояніе земледѣлія». А сами Государи, подавая патріарху пирогъ, означали тѣмъ, что они хлѣбопашество въ своемъ имѣютъ покровительствѣ. Я не могу слѣдовать сему похвальному обыкновенію въ принесеніи Ея Императорскому величеству, знаменитѣйшей изъ всѣхъ Россійскихъ государей покровительницъ земледѣлія и хлѣбопашества, хлѣба или пирога, какъ дворянинъ, отдаленный

отъ деревни своей и слѣдовательно отъ надзираія за хлѣбопашествомъ, но какъ издатель рѣдкихъ рукописей, осмѣливаюсь въ день моего Ангела, посредствомъ вашимъ поднести Ея Императорскому величеству въ даръ печатную книгу, рѣдкостію своею заслуживающею вниманія. Посредствомъ вашимъ снабденъ я отъ Ея Императорскаго Величества, рѣдкими рукописями для продолженія моего журнала, и тѣмъ самымъ ободренъ въ трудахъ моихъ; посредствомъ вашимъ хочу я изъяснить и всеподданнѣйшую мою къ Ея Величеству благодарность. Я совершенно буду обрадованъ въ вышній день, если вы примѣте на себя сей трудъ и если это угодно будетъ Ея Величеству.

Впрочемъ я пребываю съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Милостивый государь мой

вашъ вѣрный слуга

Н. Новиковъ.

Въ Санктпербургѣ

1773 года. Маія 9 дня.

(На обложкѣ этого письма рукою Козицкаго: «Въ именны свои всеподданнѣйше подноситъ Вашему Величеству въ даръ печатную книгу, рѣдкостію своею заслуживающею вниманіе»).

XIII.

Собственноручная другая записка Новикова: «Записка для припамятованія для написанія въ письмѣ къ г. Миллеру.

1. Копіи съ грамотъ.
2. — съ трактатовъ.
3. — съ посольскихъ наказовъ и описаній посольствъ.
4. — съ церемоніаловъ въ Архивѣ находящихся и другихъ достопамятныхъ вещей, по разсмотренію Г. Миллера, къ печатанію годовыхъ.»

XIV.

Копія рукою Козицкаго:

Господинь Коллежскій Совѣтникъ Миллеръ.

По разсмотренію вашему изъ Архивы, которую вы разбираете для удовольствія публики къ изданію въ печать можете сообщать г. Новикову копіи съ описаній посольствъ, съ разныхъ обрядовъ или чиновъ и другихъ достопамятныхъ вещей не меньше какъ и любопытныхъ, о чемъ онъ насъ просилъ.

Е.

С.-Петербургъ

1773 года Окт. 26 дня.

XV.

Милостивый государь Григорій Васильевич!

Болѣзнь моя препятствуетъ самолично принести просьбу мою, почему принужденъ объяснить оную чрезъ сіе: 1) подать Ея Величеству посланную при семъ книгу *Золотыхъ Часовъ* 1-ю часть, отъ имени нашего общества; 2) приложенное при семъ объявленіе о подпискѣ на *Вислювику* для будущаго года рассмотреть и сообщить ваше мнѣніе, и 3) если возможно будетъ, испросить одобреніе Ея Величества въ разсужденіи изданія извѣстій о родахъ княжескихъ и дворянскихъ, ибо безъ сего я не осмѣлюсь приступить къ сему, не вѣдая, угодно ли то будетъ Ея Величеству. Впрочемъ для меня кажется сіе весьма важнымъ и полезнымъ предметомъ, потому особливо, что ничемъ такъ преуспѣть не возможно къ собранію полной книги родословной, какъ симъ изданіемъ. Многіе дворяне въ Москвѣ о семъ просили меня и общались присылать книги родословныя, чего въ другое время и получить не возможно.

Обыкновенная ваша ко мнѣ благосклонность и вспоможеніе въ семъ предпріятіи заставляеть меня ласкаться, что вы и сію просьбу мою не оставите тщетною, почему прекратя сіе пребываю

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ и искреннимъ слугою Н. Новиковъ.

Октября 30 дня 1773 года.

XVI.

Всемилоостивѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго В-а отъ 26 окт. повелѣніе о сообщеніи г. Новикову копій съ посольствъ, разныхъ обрядовъ и другихъ достопамятныхъ и любопытныхъ вещей сего 4 ч. имѣлъ я счастье со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ получить. Къ исполненію сего указа тѣмъ ревностию, всемилоостивѣйшая Монархия, приступаю чемъ явшае пріемлете Ваше Величество попеченіе о удовольствіи публики изданіемъ на свѣтъ такихъ вещей, кои для любителей и творцовъ Россійской исторіи сколь пріятны, столь и полезны быть должны.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ
Герардъ Фридрихъ Миллеръ.

Изъ Москвы,

7 ноября 1773 года.

XVII.

Милостивый государь Григорій Васильевич!

Приложенный экземпляръ ноября мѣсяца покорнѣйше прошу поднести Ея Величеству, переплетенныя въ атласъ еще не готовы; а

весьма торопился выходомъ изъ печати сего мѣсяца, но типографія Академическая пересилила мои старанія.

Я осмѣливаюсь просить васъ о увѣдомленіи меня чрезъ почту о времени возвращенія вашего въ Петербургъ, ибо въ разсужденіи Вивлюевки на будущій годъ я имѣю просьбу мою вамъ принести. Впрочемъ поруча себя обыкновенной вашей ко мнѣ милости пребываю

Милостивый государь
вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Новиковъ.

Ноября 17 дня
1773 года.

Рукою Козицкаго «Ноябрь поднесенъ и отвѣствовано, что въ началѣ будущей недѣли думаю быть въ городѣ и что сдѣлается неизвѣстно».

Копія съ письма Козицк. къ Адаму Вас, Олсуфьеву въ коемъ проситъ выдать ему изъ кабинета по высоч. приказ. 1000 р.— не сказано за что.

Все рукою Новикова: «1773 года Ноября 3 дня всемилостивѣйше пожалованныя мнѣ Ея Императорскимъ Величествомъ тысячу рублей получилъ отъ его высококород. Григорья Васильевича Козицкаго.

Порутчикъ Николай Новиковъ.

XVIII.

Росписка Новикова.

1774 г. января 1 дня Всемилостивѣйше пожалованныя мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества двѣсти червонцовъ Голандскихъ принявъ я отъ его высокоблагородія Григорія Васильевича Козицкаго и сію росписку далъ Порутчикъ Николай Новиковъ.

XIX.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ.

Сообщаю при семъ два экземпляра Юлія мѣсяца, который только что вчера съ отпечатался, и причиною тому пьянство наборщиковъ. Изъ сихъ двухъ экземпляровъ покорнѣйше прошу одинъ поднести Ея Императорскому Величеству; другіи же для васъ.

Сообщаю я еще новую изъ Москвы полученную мною оду, которая въ разсужденіи рѣдкости своей достойна имѣть мѣсто въ книгохранителъницѣ, ибо какъ меня увѣрили, что ихъ печатано только нѣсколько десятковъ.

Наконецъ сообща сіе, пребываю съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Милостивый государь
вашимъ вѣрнымъ слугою Николай Новиковъ.

Юлія 6 дня 1774 года.

XX.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Сообщаю къ вамъ два экземпляра і листа Еженедѣльнаго сочиненія вновь выходящаго; изъ которыхъ если изволите счесть за надобное прошу покорнѣйше поднести Ея Императорскому Величеству; другой же экземпляръ для вашей книгохранильницы.

Впрочемъ я имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ слугою Н. Новиковъ.

Юлія 8 дня 1774 года.

(Козицкій писалъ отъ 10 іюля С. М. Козмину и просилъ представить Императрицѣ Древнюю Россію. Визл. іюль и 1 л. Еженед. соч.).

XXI.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

При семъ сообщаю третьяго листа *Кошеляка* два экземпляра, одинъ, если первые изволили поднести, то и сей покорнѣйше прошу поднести Ея Величеству, другой же для васъ: впрочемъ если имѣете свободное время, то осмѣливаюсь просить о увѣдомленіи меня, удобны ли сіи листы Ея Величеству, ибо сіе одно и есть моею цѣлю, что бы всегда дѣлать ей удобное. Сіе бы самое увѣдомленіе послужило мнѣ ободреніемъ къ продолженію оныхъ.

Книги: офицерскія упражненія и Путешествія Белевы на сей нѣдѣль переплетутся, которыя какъ скоро изготовятся къ вамъ сообщу, пребывая всегда

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Николай Новиковъ.

Іюля 22 дня 1774 года.

XXII.

Милостивый государь Григорей Васильевичъ.

Не сочтите долгое молчаніе неблагодарностію ко всѣмъ милостямъ оказаннымъ мнѣ въ бытность вашу въ Петербургѣ; они вѣрно впечатлены въ мое сердце и благодарность моя къ вамъ вѣстѣ съ жизнію моею прервется; причина же сему болѣзнь моя: болѣе двухъ мѣсяцовъ страдалъ я отъ груди и глазъ, но нынѣ благодаря Бога чувствую великое облегченіе отъ оной.

Сообщаю при семъ два экземпляра VIII части визлюенки для васъ, третій же покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Величеству.

Новостей здѣшнихъ никакихъ сообщить вамъ не могу кромѣ того, что отъѣздъ Двора произвелъ въ дѣлахъ моихъ такое замѣшательство,

что я не знаю, какъ могу окончить вылююнку на нынѣшній годъ, ибо не только что не прибавляются подписчики, но и другихъ книгъ почти совсемъ не покупаютъ.

Приложенное здѣсь объявленіе о подпискѣ на *Сокровище Россійскихъ Древностей* покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Величеству и употребля стараніе ваше въ пользу моихъ изданій, оказать еще новый опытъ вашихъ ко мнѣ милостей. Безъ сея же помощи я нахожусь въ крайнемъ принужденіи бросить всѣ мои дѣла неокончанными. Что дѣлать, когда усердіе мое во оказаніи услугъ моему отечеству согражданами моими такъ худо пріемлется!

При семъ прилагаю еще напечатанной мною книжки одинъ экземпляръ для васъ, и три на простой бумагѣ для Ивана Семеновича; такъ же сообщаю и чистыя листы съ портретомъ, принадлежащія до *Сокровища Россійскихъ Древностей*.

Впротчемъ прося о продолженіи вашихъ ко мнѣ милостей и благосклонности, такъ же и о удостоиваніи меня отвѣтами, пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію

Милостивый государь

(Новик. рука) вашъ всеусерднѣйшій и вѣрный слуга
Николай Новиковъ.

Марта 26 дня.

1773 году.

Ею ярлыкомъ: «Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе милостивой государынь Екатерины Ивановны».

Объявленіе.

Издатель древнія Россійскія вылююнки предпріялъ сообщить во свѣтъ новое изданіе подъ именемъ *Сокровища Россійскихъ древностей*. Во ономъ печататься будутъ:

1-е Описанія о построеніи всѣхъ въ Россіи соборовъ, монастырей и приходскихъ церквей, когда и кѣмъ оныя построены, что въ нихъ достойное примѣчанія и такъ же собраны будутъ всѣ надписи надгробныя и прочія достопамятности.

2-е При каждой части сего изданія будетъ портретъ одного изъ Россійскихъ Государей въ медальномъ видѣ, съ приобщеніемъ краткаго описанія жизни того Государя.

3-е Сообщаемы будутъ гербы Россійскихъ царствъ, княжествъ и прочихъ городовъ съ ихъ описаніями.

4-е Если обстоятельства допустят, то сообщены будут древнія Россійскія монеты, съ описаніями.

5-е При каждой части сообщаемы будут извѣстія о выданныхъ на Россійскомъ языкѣ книгахъ, касающихся до Исторіи и Географіи Россійскія.

Всѣ сіи части снабжены будутъ по возможности историческими и географическими примѣчаніями.

Подписка дѣлается на 8 частей, каждая часть состоитъ будетъ изъ 15 листовъ и выходить въ свѣтъ будетъ чрезъ два мѣсяца. Которыя особы подпишутся и заплатятъ напередъ деньги, тѣмъ уступаемы будутъ всѣ 8 частей за 6 рублей; то есть каждая часть по 75 копѣекъ; продаваться же будетъ каждая часть по рублю.

По окончаніи же сихъ первыхъ осьми частей, если сіе изданіе будетъ принято благосклонно, тогда оное и еще продолжаться можетъ.

Подписка на сіе изданіе начнется съ сего объявленія, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Миллера, живущаго въ Луговой Милліонной улицѣ, а въ Москвѣ у книгопродавца Ридигера въ Академической книжной лавкѣ у Комиссара Барисюкова и у переплетчика Никиты Дмитріева, живущаго близъ Кузнецкаго моста.

Цена какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ будетъ одинакая.

XXIII.

Отпускъ письма Козинкаю къ Козмину (докладчику Екатерины II.)

Милостивый государь мой

Сергей Матвеевичъ.

Прошу покорнѣйше вашего превосходительства представить Ея Императорскому Величеству новышедшія переводныя отъ собранія книги: 1) Діодоровой библіотеки IV-тую часть. 2) Цицероново сочиненіе о утѣшеніи. 3 и 4) Двѣ Геллертовы комедіи. 5) Егожь басенъ и сказокъ часть 1-вую: а сверхъ сихъ отъ госп. Новикова VIII-ную часть древней Россійской вивлюенки и прилагаемое здѣсь отъ него жъ объявленіе о подпискѣ на *Сокровище Россійскихъ Древностей*. И не соблаговолитъ ли повелѣтъ Всемилостивѣйшая Государыня подписаться на нѣсколько экземпляровъ сей послѣдней книги и на сколько? прошу покорно меня увѣдомить. Еще утруждаю васъ и сими прошеніемъ, чтобъ доложить Ея Величеству, какъ находятся у меня нѣкоторыя апелляціонныя челобитныя, не будетъ ли Высочайшаго благоволенія на то, чтобъ оныя повелено было мнѣ было отослать къ Его превосходим-

тельству генералу рехтмейстеру. Я же съ достодолжнымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ сямъ всегда

Милостивый государь мой
вашего превосходительства
покорѣйшимъ слугою
Григорій Козицкій.

Москва. 1775 г.

Маія 4 дня.

—
XXIV.

Отпускъ письма Козицкаго Новикову.

Государь мой

Николай Ивановичь.

При письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 26 марта сего года полученныя мною VIII ч. древн. Рос. вивліюпки и объявленіе о подпискѣ на книгу: Сокровище Россійскихъ Древностей не могъ я самъ за болѣзнію моею имѣть счастіе Ея Императорскому Величеству представить, а по прошенію моему поднесена первая и второе представлено Ея Велич. чрезъ его превосх. Серг. Матв. Козмина. Всемил. государыня высочайше изволила указать мнѣ подписаться для Ея Величества на шесть экземпляровъ означенной въ вышеупомянутомъ объявленіи книги, также Сергей Матвѣевичъ просилъ меня чтобъ и ему подписать на одинъ экземпляръ да для меня одинъ, за кои восемь экземпляровъ считая по 6 рублей за каждой изволила при семъ получить 50 рублей ассигнаціи при семъ прилагаемой. За присланные же отъ васъ мнѣ два экземпляра VIII ч. вивліюп., чистые листы съ портретомъ, принадлежащіе до Сокров. Рос. Древн. и 1 экземпляръ напечатанный вами книги да 3 экземпляра сей послѣдней батюшкѣ Ивану Семеновичу ¹⁾ какъ я, такъ и онъ вамъ покорно благодарятъ, въ прочемъ я и понынѣ все еще боленъ и желаю вамъ въ трудахъ вашихъ лучшихъ успѣховъ пребы-
вая на всегда

вашимъ покорнымъ слугою
Григорій Козицкій.

Москва.

1775 г.

Маія 11 дня.

¹⁾ Тестъ Козицкаго.

ДОНЕСЕНІЕ О МАСОНАХЪ.

Вашему Императорскому Величеству
вспреимлосерднѣйшей матери Отечества.

Въ силу Именнаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества объявленнаго мнѣ нижайшему, чрезъ Его Сіятельство графа Александра Ивановича Шувалова, дабы объявленной мною находящейся секте Массонской обстоятельное доказательство, на чемъ оное основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества,—того ради храня свято ваше Монаршее повелѣніе, предлагая присемъ именной списокъ съ прописаніемъ оной секты, со всеглубочайшею моею рабскою подданностію

доношу:

Всякаго званія чина людей, желающихъ ложа удостоить въ разныя времена, чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей объ ономъ вышереченныхъ съ ясными доказательствами увѣрить, что оное ни что иное какъ ключъ дружелюбія и братства (въ подл. *жуд*), которое безсмертно вѣки пребыть имѣетъ, и тако нашедшихся ихъ сообщества называемымъ просвѣщеніемъ оныхъ удостоиваетъ.

1.

Ложа, которая для посвѣщенія принятымъ, имѣетъ быть въ полномъ собраніи, имѣя къ тому особливо приготовленную палату, въ которой учрежденія нижеслѣдующія.

2.

Палата обита чернымъ сукномъ и по оному сукну на стенахъ рискнуты цвѣты бѣлыя, во образъ звездъ и посреди оной палаты поставленъ столъ подъ чернымъ сукномъ, и на ономъ столѣ лежитъ мертвая голова и обнаженная шпага съ заряженнымъ пистолетомъ; то во оную приведуть и огонь вынести должно, и оной пришедшій сидитъ противъ онаго стола; а оная мертвая голова вдѣланная на пружинахъ имѣетъ движеніе, и такъ до онаго касается.

3.

Потомъ изъ оной выведя вонъ, снявъ платья и обобравъ всякаго званія металлъ и разувъ правую ногу и снявъ рукавъ рубахи съ лѣвой руки и завязавъ глаза, поставя за двѣ палаты передъ ложею, потомъ отъ ложи чрезъ присланнаго метра съ двумя компаніонами спрашиваютъ: сколько лѣтъ и гдѣ въ службѣ, и когда оное отобравъ, то обнажа шпаги введутъ во оную ложу, въ которой присутствуютъ Гранметръ, имѣя главное свое мѣсто прямо отъ входа, противъ дверей за столомъ сидя въ креслахъ, и оной столъ покрытъ бархатомъ пунцовымъ, на столѣ обнаженная жъ шпага и циркуль, и оной столъ именуется престолъ; отъ онаго жъ стола до самыхъ дверей на полу послана клеѣнка, на которой начертаны мѣломъ храмъ Саламоновъ и вокругъ оной предстоятъ находящіяся во ономъ сектѣ масоны, и тогда гранметръ онаго приведшаго внове для посвященія велитъ предать тремъ мытарствамъ, по повелѣнію котораго съ обнаженными шпагами принявъ подъ руки трое кругъ всѣхъ предстоящихъ масоновъ и обведя два раза съ возженными свѣчами, съ употребленіемъ при томъ силою вѣтрѣ и въ воздухѣ огня, и потомъ взведя на особливую къ тому приготовленную гору, имѣя повелѣнія отъ гранметра, дабы онаго скинуть съ горы по неисполненію сему оной представляется предъ гранметра и присягаетъ оному ни инаго какъ Создателю нашему Христу съ прилежаніемъ къ тому печати Салимоновой, которая кладется на лѣвомъ плечѣ и потомъ циркулемъ проколовъ грудь стираетъ самъ текущую кровь платкомъ и развязавъ глаза повелѣваютъ у гранметра цѣловать лѣвую ногу три раза, по окончаніи же сего доказывая, увѣряютъ, что храмъ Саламоновъ не инако есть какъ святое таинство, и защитникъ онаго силою своею есть гранметръ, что же касается о величествѣ сея ложи, то симъ послѣдняя доканчиваю, она содержитъ въ себѣ три светила, первое свѣтило гранметръ, второе небо, третіе свѣтило звезды; и у онаго жъ гранметра въ подножіе луна, на которой стоитъ правой ногой, украшеніе жъ оной ложи разумъ и просвѣщеніе самаго гранметра, что жъ касается особо о гранметре при собраніи ложи, о его власти, то не инако, какъ за совершеннаго законодателя и храма Саламонова защитника и святителя признавають.

Всемиловѣйшая государыня!

Вашего Императорскаго величества особливо премного милосерднѣйшей матери и защитницѣ ко мнѣ предъ всеми бѣдному всеподданнѣйшій и послѣдній рабъ

Михайла Алеуфьевъ.

Регистръ.

Грамметрамъ и Масонамъ.

а именно:

Романъ Илларионовичъ Воронцовъ.

Бригадиръ Александра Сумароковъ.

Кадетскаго корпуса капитанъ Мыслино.

Остервальдъ.

Свистуновъ.

Щерфильевъ.

Преображенскаго полку: князь Михайло Дашковъ.

Сержантъ Сергей Пушкинъ.

Семеновскаго полку:

Николай Карташовъ, Федоръ Мамоновъ

князь Михайло Щербатовъ, Князь Влади-

миръ Галицынъ, князь Алексѣй Галицынъ,

Петръ Тапильской, Иванъ Кропатовъ, ка-

питана Волкова двои дѣтей.

Конной гвардіи:

князь Сергей Трубецкой, Иванъ Ребен-

деръ Иванъ Пустошкинъ, Григорій Ку-

ляпка, Иванъ Балтинъ, князь Федоръ

Галицынъ, Николай Апраксинъ.

Игерманландскаго

полку:

поручикъ Митвѣй Кожевниковъ, поручикъ

Петръ Посниковъ, генералъ-вагенъ-мей-

стеръ, князь Семенъ Мещерскій.

Петръ Александровичъ Бутурлинъ.

Камеръ-пажъ Петерсонъ.

Изъ музыкантовъ:

Мадонисъ, Вида, Шнурфельдъ, Вакари

италианецъ.

Кадетскаго корпуса:

танцмейстеръ Пеле.

Купецъ Миллеръ.

И тако по недавнему моему объ ономъ сектѣ знаніи болѣе числа людей оказать не могу, а изъ вышеписанныхъ всякой можетъ наиболѣе особо показать Вашему Императорскому величеству по ихъ давности въ ономъ, кто имъ извѣстны со всѣми обстоятельствами.

Примѣчаніе.

Года нѣтъ, но судя по почерку, должно отнести къ первымъ годамъ царств. Елисаветы Петровны до 50 г., вѣроятно всего 1746 г., ибо записка Олсуфьева находится въ одномъ дѣлѣ съ зап. и допрос. графу Николаю Головину, который по возвращеніи своемъ изъ за границы, былъ призванъ къ А. И. Шувалову. Ему было объявлено отъ Им-

ператрицы: «хотя она довольна причины имѣть о поступкахъ вашихъ совершенно сумнѣваться, однакожь по природному своему матернему великодушію, въ разсужденіи вашихъ молодыхъ лѣтъ милосердствую и не желая, чтобъ вы Ея Императорскаго величества всевысочайшей милости вовсе лишились, всемилостивѣйше уповаешь, что вы впредь себя исправите и сущимъ вѣрнымъ подданнымъ Ея Имп. вел. рабомъ по прилежной своей должности, во всякихъ случаяхъ оказывать станете. И того для имѣете вы отсюда далѣе въ Москву въ домъ вашъ ѣхать такъ, какъ бы вы, по полученіи на то позволенія, прямо изъ чужихъ краевъ туда ѣхали, не заѣзжая въ Петербургъ, куда и служителей своихъ отсюда не пускать и никому о томъ туда ни письменнымъ, ниже другимъ какимъ образомъ подъ лишеніемъ живота знать не давать». Н. Головина подозрѣвали въ сношеніи съ прусск. королемъ; прѣѣхавшій съ ними полковникъ Остенъ показалъ на него, что онъ несетъ письмо Прусс. королю къ его секрет. Варендора, имѣть отъ него и другія важныя комиссіи. Между прочихъ ему былъ заданъ слѣдующій вопросъ: «Здѣсь заподлинно извѣстно, что вы во Фрамазонскомъ ордени вступили и такъ вамъ о семъ безъ утайки объявить надлежитъ, также и о тѣхъ всѣхъ показать, которыя здѣсь во ономъ находится, не выключая никого, да и то открыть какія уставы или законы въ ономъ наблюдаются».

На этотъ вопросъ Голов. отвѣчалъ — «Я признаюсь, жилъ въ этомъ ордени и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ ономъ же ордени находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано. Графъ Николай Головинъ».

Головину было сдѣлано два допроса; второй неизвѣстно когда, а первый 25 февр. 1747 г.

На особомъ листкѣ:

Гранъметра, орденъ голубая лента, у нея тройкая красная съ зелеными каймами, на оныхъ лентахъ полуцыркуль и триугольникъ, а надеваютъ чрезъ плечо, а Александровскую на камсолѣ.

ИСТОРИЯ О БѢГСТВУЮЩЕМЪ СВЯЩЕНСТВѢ.

Сочиненіе Ивана Алексѣева (1755).

Но малъ убо воистинну сей божественный человѣческому роду даръ на исправленіе дадеся — исторіи о древнихъ вещѣхъ и дѣлахъ полагати, въ безсмертную тѣхъ память и въ пользу многихъ. Коликиа бы дражайшія пользы хотѣли погибнути отъ насъ, аще бы преславныя дѣла честныхъ мужей исторіями не подтвердилися! Нынѣ же не тако; но благія ревности и предивная дѣла боголюбивыхъ мужей, аки свѣщи возсіявшія въ міръ, писанію предаватися обыкоша, даже, сія разгибающе, ревностнии преуспѣвають въ силѣ, немощнии исправляются и къ лучшему преуспѣвають, а лѣннии чувство своего небреженія воспріемлютъ. Дерзнуже глаголати: исторіи древнихъ дѣлъ, пачеже правочительныхъ и правильныхъ, вѣсть человѣческіе нравы исправляти и къ Богу приводити внимающихъ. Тѣмъ же Павелъ и глаголетъ: *Помните наставники ваши.* Но како ихъ мощно поминти, аще исторій о нихъ не возымамы? Сего ради азъ многое и неумышленное тщаніе возымѣхъ — исторію сію о бѣгствующемъ іерействѣ обрѣсти, выны ради спсѣвы: понеже частое вопрошеніе ко іерейству сему отъ насъ бываше, почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ. На сіе отъ нихъ скорое и удобное всякому во отвѣтъ слово: отци наши первѣйшии іереи сіе ввели и благословили, и тѣхъ благословеніемъ дѣйствуемъ. Тѣмъ же нужда ми бысть исторію сію начати отъ первыхъ временъ премѣненія и, повѣсть сію описуючи, коегождо отъ священныхъ чиновъ даже до нашихъ временъ и показуючи всѣхъ тѣхъ дѣла, аки на длани перста, во еже отъ древнихъ признати настоящихъ. Но понеже всѣмъ небрежно баше о семъ (чтобы описать самѣхъ тѣхъ и дѣла ихъ), аще и мнози во устѣхъ ихъ имутъ, обаче память о нихъ аки искра въ непель погибати хотяше. И намъ убо поздно на се възсканіе случися пріити, яко совершенно въдушихъ едва обрѣсти: не малъ трудъ на се воспріяхъ, испытуя нѣки

отъ инокъ и бѣльцевъ искусныхъ, како кто отъ древнихъ священниковъ съ новодогматствующими поступаше и отъ тѣхъ какъ кого пріимаше и коимъ образомъ сіи новорукположенцы введошася. И елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ, нынѣ во единъ сотъ сем исторія связахъ и предъ очи всѣхъ предложити намѣренъ есмь. Аще ли кто болѣе сего вѣсть, да приложитъ; аще ли ни, то за благо сіа да пріиметь, о чемъ здѣ предлагаемъ.

И первѣ реку о отцѣхъ соловецкихъ, благочестія ради изрядныхъ страдальцевъ. Посылаемъ бо бысть исперва къ нимъ по царскому указу и по совѣту Никона патріарха новорукположенный архимандритъ Іосифъ, отъ собора духовныхъ, на мѣсто Никанора, бывшаго въ нихъ архимандрита, съ новыми догматы. Отци же соловецкіи не токмо догматовъ тѣхъ не пріяша, но и архимандрита бездѣльна вспять отслаша. Оному же прибывшу къ Москвѣ, на гнѣвъ велій царя подвиже. Сего ради царь вѣкомого воеводу Ігнатія со онымъ архимандритомъ въ соловецкую обитель ко отцемъ паки посла, придавъ ему сто человекъ воиновъ, повелѣвая, да въ степень оную пріимуть архимандрита отци, аще ли ни, то силою да сотворитъ воевода. Видѣвшіе же отци таковое бѣдство, на нихъ нашедшее, положишася вси на подвигъ мученичества. О чемъ особливо пространная исторія написана.

По сихъ воспріимемъ повѣствованіе о Іовѣ попѣ, благочестія ради по многимъ странамъ скитающемся. Сей убо Іевъ исперва быше литовскія земли, отъ родителей шляхетскихъ рожденъ, отца имаше именемъ Тимофеа. И вегда посланъ бысть Филаретъ, митрополитъ ростовскій, по совѣту духовнаго и мирскаго чина, отъ Москвы къ королю въ Литву, лѣта 7119, для прошенія сына его на российское царство (въ коемъ прошеніи за слово крещенія сына его прогнѣванъ король, удержав сего митрополита въ неволи на много время). И тѣмъ временемъ Филаретъ преосвященный пріобрѣте сего Іева. И егда свободенъ бысть отъ короля, взя съ собою сего Іева, еще въ юности суца. И прибывъ съ нимъ въ российское государство, при келіи его державъ время, (и смиренныа его ради поступи) облече его во иноческій образъ. И бысть сей Іевъ искусенъ инокъ, проходя иноческое дѣло, живя во всякихъ добродѣтеляхъ и послушаніи изряднѣ. Видѣвъ же его Филаретъ (уже патріаршескій престолъ имѣя) такими добродѣтели и разумомъ Іева украшенна, посвяти его во іерея. И въ сицевомъ чину Іевъ твердъ умъ стяжа и сердце боголюбиво, чесо ради по просьбѣ его отпусти его на собственное жительство, давъ ему благословеніе, да, идѣже можетъ, собереть себѣ духовная чада и научитъ иноческой философіи. Отшедшу же сему Іеву, прежде жи-

тельство возмнѣ въ тверскомъ уѣздѣ къ Новуграду, при градѣ Старицы, проходи тамо безмолвное житіе, духомъ гора Господеша, сгоже тамо тверскій митрополитъ довольно знааше, якоже услышннѣ по сяхъ. Видяще же людѣ сіе его добродѣтельное житіе, мнози начаша къ нему собиратися на жительство. И снцевыа ради вини нужда бѣше ему поставити монастырь, иже и донннѣ той нарицается монастырь Раковъ. Нѣднн же глаголють, яко, отходящу ему отъ Москвы, научи себѣ нѣкое дѣтище, именемъ Іоасафа, и нннѣше его въ послуженіе свое, о немъ же будетъ послѣди слово. Но яко сей Іевъ зѣло любя безмолвное житіе, того ради въ новосодѣланномъ монастыри устрои братства начальника, а самъ отъиде оттуду, и поселился не зѣло далско, (въ томъ же уѣздѣ тверскомъ) на утишин. Но како мощно свѣщи, свѣтло горящей свѣтомъ добродѣтелей, во тмѣ утантися? И тамо единъ по одному, увѣдавъ его пребываніе, притекаху къ нему, требующе его разума на путь спасенія наставлятися. И снце ту мнози въ жительство собрашася, коего ради множества нужда ему бысть другій монастырь соорити, иже и донннѣ нарицается монастырь Никольскій; и въ семъ монастырь сей Іевъ поживе до Никона патріарха. Внегда же настати новымъ догматомъ въ Россіи и снхъ ради староцерковное преданіе держанимъ утѣснитися, дойде и до сего монастыря іевлева нужда приневоленія къ новымъ догматомъ: тогда немогій ту Іевъ пребывати, отъиде въ рыльскій уѣздъ и живяше при городеньствѣ. Но помалу и малу и тамо, аки древу стоящу ему на высотѣ добродѣтелей, мнози подъ сѣнію его птицы словесннн желующе обитати, ихъ же ради и третій монастырь, нарицаемый Льговъ, лѣта 7177 содѣла. И сіе бысть во дни царя Алексія Михайловича и патріарха Іоакима. Сія же вся ему содѣя и споспѣши, во еже наздати толикія ограды и въ нихъ собрати словесннн овцы, и толикой ннческой философіи преданіямъ обучи, не что нно, токмо оное святѣйшаго Филарета благословеніе и взрядннн его разумъ, чрезъ неже Всевышняго поспѣшество въ томъ ему бысть. Но понеже широко новымъ догматомъ раздающннся и прещенію повсюду належащу, тѣсно бысть сему Іеву въ томъ монастыри пребывати, изыде изъ тоя обители, прехода крыясь по мѣстомъ, приде къ Дону и поселился тамо при Чирѣ рѣцѣ. И видѣ братство къ нему собирающесе, построи и тамо четвертый монастырь и въ немъ постави церковь. И тоя поставленіе смертію своею запечатлѣ, остави ю неосвященну, живѣ вѣще ста лѣтъ. Старець опасннн бѣше благочестія хранитель и отецъ чадъ духовннхъ взрядннн и любовннн снхъ питатель илекомъ ученія, отъиде отъ сего свѣта временна въ вѣчннн, во изду трудовъ своего странствія, печаль и плачь остави послѣдующимъ ему.

По смерти же сего Іева, ѣкій баше на Тяхвинѣ игуменъ, именемъ Досифей, и той, новыхъ ради догматовъ и належащаго принужденія, остави свой монастырь и пространство житія поиде тѣснымъ путемъ, укрываясь по различнымъ мѣстамъ, въ нѣдрахъ своихъ храня древній церкви разумъ, въ нейже баше крещенъ и рукоположенъ истинно. И тако прииде на Донъ къ мѣсту оному новосодѣланнаго монастыря Іевомъ. Людіе же, по Іевѣ оставшіися, видѣвше такового отца приходъ къ нимъ, не меньша суща добродѣтелию и разумомъ Іева, радостное ему привѣтство творяще, приѣмлюще его и приходъ его облобызающе, вторыя радости виновный, вмѣняюще пришествіе его іевлево быти воскресеніе, — и аки живописаненъ Іеви образъ поставляющъ явленъ быти имъ Досифей. Внегда же вселитися ему во іевлевъ монастырь, видѣ ту церковь новосодѣланную, еще не посвященную; (по прошенію же ту живущихъ), посвати ю съ присутствіемъ ѣвского діакона Герасима, живша во Льговѣ при Іевѣ ономъ. И въ той новопросвѣщенной церкви служилъ пять лѣтъ, принося безкровныя жертвы. Но яко не можетъ градъ укрытиса, верху горы стоящъ: по многимъ странамъ вѣдома та церковь и дѣйство ихъ сотворися. Убося сего сей Досифей, тѣмъ и не дожидаячися отъ архіерея какихъ посылокъ, потщася гонзнути мучительскихъ рукъ: оставя церковь и монастырь, преиде оттуду за Астрахань, къ хвалынскому морю, и поселися тамо близъ Кумы рѣки, живъ во ономъ мѣстѣ лѣта ѣкая богоугодно, сохраняя древнее благочестіе непреклонно къ противному разуму, общества всякаго со иновѣрными удаляся, не по угодію плоти презирая настоящаго вѣка вещи, весь Богови приложися, тѣсными пути ходя, образъ показуя небеснаго званія, преиде отъ сея скорбныя жизни въ вѣчный покой. Но о коликихъ плачъ и рыданіе послѣдующимъ себѣ остави! паче неже іевлева плача въ толкомъ оземствованіи, въ толкомъ удаленномъ странствіи, спрыхъ, бѣдныхъ и непризорныхъ толкѣй отецъ чадолюбивый, толкѣй пастырь изрядный и руководитель истиннаго пути, на таковой пустыни ихъ остави, еликаго уже надѣятися не можаху! Плакаху надъ нимъ мужи, рыдаху боголюбныя жены, юноши слезяху, и всѣмъ отъ очію слезныя источники исхождаху о бѣдствіи своемъ. И тако предаша тѣло его гробу честно: кос тѣло погребенное въ нетлѣннѣ прославлено бысть, скорбящимъ во утѣшеніе и во извѣстіе его спасенія. По времени же ѣвскомъ, оставшіися дѣти его духовныя, не могуше ту жити о себѣ, пойдоша оттуду на Кубань, взявше съ собою тѣло досифеево, якоже иногда израильяне кости іосифовы. Но яко неподобательно взяша оно, — подсыпавше бо подъ тѣло его множество сребра, коего отецъ живъ сый отвращашеся, — того ради божей судъ лиши его отъ нихъ.

Идушимъ бо имъ путемъ онымъ, нападе на нихъ Татарове, обозъ ихъ разбиша, а при тѣлѣ томъ, обрѣтше сребро, взяша, и тѣло оно на части разсѣкоша и по полю на сивѣдніе звѣремъ и птицамъ разметаша, кои части послѣди донскіе казаки, собравши, къ своимъ мѣстамъ приложше, погребоша. И тако таковыхъ іереевъ тамо преста быти.

Но грядеиъ нынѣ ко инымъ странамъ глаголати. Настоящу въ Москвѣ вселю на старовѣрцы гоненію, а наипаче вини ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о космѣждо священномъ дѣйствіи съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное установленіе положено и писано, то свитокъ наречено, кое при служебникѣ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуда всякъ священнодѣйствующій и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ бѣше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, вида сія налѣжанія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отыти въ стародубскіе предѣлы, (бѣше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, егоже въ нѣкоихъ напастехъ укрываше). И угодно бысть всемъ совѣщаніе то: оставше жительства своя, пондоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всемъ сущимъ съ нимъ показа и на прошенія ихъ ко агаману куркускому Ламакъ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительства мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, числомъ 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тыя, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; конхъ страшныхъ прешеній не могуше носити, многіе народы оставляюще свои природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуда населеня Бѣлый Колодезь и Синей, Замышево, Шеломы, слободы. И по сихъ приде еще нѣкій попъ изъ Бѣлсва, именемъ Стефанъ, такожде, якоже и Козма, имѣя на себѣ крещеніе и поставленіе старое, мужъ великія ревности благочестивыя исполненъ, въсыкая себѣ тихаго и безмолвнаго житія, всякаго покоя тѣлеснаго и славы бѣган. Тѣмъ (времени зовущу) службу по обычаю простыхъ для собранія творише, литургіи же никакоже касаяся и ниже прочихъ танихъ дѣйствоваше, овая же тако ненавидя, яко аще бы кто къ нему отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второ крестя, на общеніе не пріимаше. Новорукоположенцовъ за освященныя не виѣншаше и дѣтемъ о нихъ впрѣдъ запрещаше. Исперва

сей Стефанъ въ Замышевѣ живяше, и потомъ, въ заселенную съ сыномъ его Димитріемъ, въ слободу Митьковку на жительство перейде. И сія вся поселенія въ стародубскомъ полку, въ царство царя Алексія Михайловича быше. Живущу же Стефану въ Митьковкѣ, приде указъ о новорожденномъ сему царю сынъ Петръ Алексіевичъ въ Стародубъ, идѣже быти на той часъ сыну стефанову случися, и слыша чтомый сей указъ, умершу царю Алексію Михайловичу, на мѣсто его дщерь его Софья Алексіевна приниши скипетръ царства великороссійскаго. И сія слышавше таковыхъ слободъ стародубскихъ населеніе, повелъ послати къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику указъ, (на кой часъ уже не оный Гавріилъ, но Симеонъ полковникъ въ Стародубѣ быше), въ космъ указъ повелѣвая, дабы такіе забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматомъ приводили. Такову же указу разгласившуся, ревнителіе древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася. Слабѣйшіи же, не хотяше стяжанія и домовъ лишитися, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкому въ томъ пребывающу, утихнися тѣковая зѣлость гоненія, и бысть тишина; паки собрашася гониміи. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающу, обше вси совѣтъ (съ Козмою и Стефаномъ) положиша отъйти въ Польшу. И тако усовѣтовавши поидоша и поселишася въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ. Стефанъ насельникъ бысть ту, идѣже послѣди монастырь и церковь бѣ, а Козма на край слободы къ Халцу. И сице уселившися, на молитву кійждо со своимъ въ храмѣхъ простыхъ собирахуся и пѣніе церковнаго чина кромѣ литургіи совершаху. Гоненію же въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и зѣропаственная населяхуся, и въ мѣсто древствъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая въ вертоградъ и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человекъ, ииже населися Косецкая, Романово, Леонтіево. Нѣдци же глаголють, яко по населеніи Косецкія слободы отлучися Козма отъ Стефана и живяше на Косецкой. Понеже Козма іерей быше сынъ нѣкоего утѣшенія, и человекъ быше свободныя мысли, града Москвы изволи на позываніе народное къ службѣ приобрѣсти колокола, и уставъ звонъ. Стефанъ же попъ быше прикрутъ и твердъ вѣрою, памятуячи Россійское себѣ гоненіе, зѣло сокрывая себе, любя подъ нѣкимъ спудомъ жити и въ невѣдомствѣ. Тѣмъ и зѣло сваришася въ ономъ

звонѣ на Козму попа, глагола: Мы (рече) не славится сѣю забѣгохомъ, но отъ новинъ и гоненій укрытися, и въ тайныхъ сокровищахъ сихъ цѣло и испорочно соблюсти древнее, а онъ гласъ издаетъ, чтобы призвати на ся пакы гоненіе. Но сидевое между нми раздѣленіе ревности единой оставляется, благовѣрія же ничто касасемо. Якоже и Козма иногда съ Доміаномъ посваришася о иицѣ, обаче обои быша небеснаго званія, а не раздорицы святны церкви. Времени же нзкоему минувшу, отъиде Стефанъ отъ Вѣтки въ Доевъ, ревнитель сый велій староцерковныхъ преданій, и живяше въ слободѣ Карповкѣ на утишин, славы чловѣческія бѣгая, духомъ горя, присно взыскупяй горнаго, и въ той слободѣ жизнь свою сконча. При смерти дѣтемъ своимъ духовнымъ ни о чемъ тако наказоваше, точію о семъ, да блюдутся новинъ и древнія церкви преданія опасно да соблюдутъ. И глагола, да всячески отъ новаго рукоположенія сохрानять себе, и да изволятъ тако умроты, нежели отъ тѣхъ косо дѣйства пріятниками быти и въ томъ наказаніи отъиде на вѣчную жизнь, о чемъ мнози свидѣтели и до днесь обрѣтаются.

Въ десятое убо лѣто, по настатіи заграничныхъ слободъ, нача мѣсто Былевъ, рѣки и пути, людьми населятися, кое мѣсто отъ Вѣтки 20 верстѣ къ границѣ. Во второе же лѣто населенія Былева, прииде къ нмъ черныи попъ Іоасафъ, (о немъже прежде рѣхъ, быти ему келейникомъ у священнопока Іева вышепомнутаго) и постави визъ по пути при рѣцѣ келію, отстояніемъ отъ былевскія слободы пять верстѣ, и пребываше въ той келіи уединенъ, проходи безмолвное житіе. Баше же въ народѣ веліе сомнѣніе о немъ, и злословіе на него мещуще, нарицаху его не Іоасафомъ, но Асапомъ, вигы ради сея, яко сей попъ ище и стараго баше крещенія, обаче о рукоположеніи подозръ нмаше, о немъже сказати ни деть есть. Пребывающу бо Іеву въ монастырѣ Льговѣ, (о немъ же выше) при немъ же и сей Іоасафъ живяше, уже иноческимъ одѣяніемъ облеченъ. Нмаше же сей Іевъ съ тверскимъ архіерсемъ веліе дружество, кой архіерей, аще и нмаше крещеніе и рукоположеніе староцерковнаго преданія, однако же по новымъ книгамъ служеніе совершая. Къ нему посла Іевъ сего служителя своего Іоасафа, прося да посвятитъ его по старымъ книгамъ. Но яко еще не весьма новое въ нихъ баше укоренено, посвати Іоасафа тверскій архіерей по чину древнему, о немъ же проси Іевъ. И тако Іоасафъ воспрія рукоположеніе, прииде пакы ко Іеву. Егда же Іеву отъити на Донъ, ошася въ монастырѣ Льговѣ сей Іоасафъ и іеродіаконъ Герасимъ. Но яко тѣсно баше ту житіе отъ новодогматствованія, разыдошася: Іоасафъ отъиде на Амону рѣку въ пасеку, и по инымъ мѣстамъ кряся прииде на Былевъ, его

же рукоположеніе оно, (стоящій при Стефанѣ людіе) слышавше, яко аще и по старымъ ставленъ, но отступника, гнушахуся рукоположеніемъ того, и тако ругательно его поношаху и злословяху. Видѣвъ же Іоасафъ тако отъ народа себе хулима и презириема, пути ится къ оному помянутому Доснѣю на Донъ, (еще ему тогда въ животъ бывшу, и отецъ его духовный сей Досифей быше, негли камо пребывая съ нимъ по отлученіи Тихвина тако ему бысть). И пришедъ на Донъ Іоасафъ, прося отца своего Досифеа да онаго ради народнаго соблаженія въ того рукоположеніи не повелитъ ему священнодѣйствовать. Что же той на его прошеніе сотвори? не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ; и паде жребій на Іоасафа священнодѣйствовать. И тако извѣщень бысть о себѣ Іоасафъ, отъиде отъ Дону, и прииде паки въ рыльскій предѣлъ, и живаше на рѣцѣ Амони при деревенькахъ, и оттуду въ пограничный городъ Трубчевскъ отшедъ, и потомъ въ Сумы малороссійскій городъ, къ полковнику въ пасеку, а изъ сего во Обояншину въ шигальскую буду, а изъ сея паки на Былевъ прииде и поселися уже отъ Былева въ низъ по пути 7 верстъ. Во времени же семъ не малая быше былевскимъ въ священнодѣйствіи нужда; того ради пришедше къ оному Іоасафу, просяху его, да преселится близь слободы ихъ. Іоасафъ же быше благонравенъ и легокъ во обычан, не помяну ихъ первыя досады, преклонися на прошеніе ихъ, прииде, и поставиша ему келію при слободѣ Былевѣ. Къ нему же мнози на пѣніе собирающеса, духовитъ себѣ наслаждаху. Подъ сіе время умре Козма попъ живой на Косецкой, о немъ же нѣщии сказуютъ, яко погребе сего Козму Іоасафъ попъ. И тако Вѣтка опуствъ отъ іерейства. Приспѣваюшу нѣкогда дню свѣтоноснаго воскресенія, но отъ немѣнїя іерсея, не малое вѣтковскому народу наступаше стѣваніе. И положьшеса общимъ совѣтомъ, на таковой день праздника владычна, призвати отъ Былева сего Іоасафа. Того ради пришедши къ нему лучшіе люди, просиша его, да приидеть онъ къ нимъ на Вѣтку, во общую радость, въ день толикаго торжества службы совершити. Той же, яко благопріятенъ сый къ людемъ, не презрѣ толикаго ихъ дальнаго труда и усерднаго прошенія, поиде съ ними къ Вѣткѣ, и обычными пѣніи почтивъ торжество, хотя паки возвратитися къ Былеву. Народи же вси собравшеса падающе къ ногамъ его и просяще со умиленіемъ, извѣщающе толикія и таковыя своя нужды въ немъ, да не отъидеть отъ нихъ, ниже да сирыхъ тѣхъ оставить, аки овцы непризорне ходящихъ. Видѣвъ же Іоасафъ, яко тѣи бяху смятени душами и оставленіи аки овцы не имущіи пастыря, милосердовавъ о нихъ, оставя Былевъ, преселися на Вѣтку жити, въ мѣстѣ онаго

предреченнаго Стефана. И на Вѣткѣ сей Іоасафъ живя, видѣвъ елико дала времени, толико множашеся народъ, а таинству святыхъ еucharистіи оскудѣвающу, собравъ стадо свое словесное, предложивъ нужду святаго причащенія, и глагола, яко подобаетъ сего ради церкви быти. Людіе, се слово услышавше, благословиша предложеніе се, и вси заша обѣты на трудъ созиданія церкви. И по разрешеніи въ радости сердце яшася вси дѣла, кійждо древо на строеніе тоя представляше. И тако множество дровъ на показанно мѣсто навезоша. И состроися сіи церкви при Іоасафѣ. И тако пребывъ Іоасафъ на Вѣткѣ пришелъ 5 лѣтъ, умре, остави сію новосозданную церковь непосвященну, старости глубокия достигъ, иноческаго житія добръ изученъ. Похваляютъ его нѣции нравы, яко быше тихъ, благоувѣтенъ, разсужденія изряднаго, возраста мѣрнаго, благолапно стѣнною украшенъ, всѣхъ отъ образа могой благочинію научити, ревнитель сый и подражатель во всемъ первымъ отцемъ умершимъ, токмо едине порокъ въ ставленіи пріа, староцерковнаго же ради преданія много преселеній имѣ, и много странствуя о томъ преиде отъ здѣшнихъ.

Вѣстно же буди о сихъ, любезный читателю, яко пять сихъ іереевъ, Козма, Стефанъ, Іевъ, Досифей и сей Іоасафъ, приходяще отъ Великороссіи, кромѣ Досифея, службы простыя пояху, не требующе отъ нихъ іереевъ на священнодѣйство благословеній, тѣхъ архіереевъ удовлетворяюще пребываху, отъ нихъ рукоположени быша, а воздательныя благодати во іереехъ не исповѣдающе. Приходящихъ убо отъ Великороссіи новокрещенныхъ повторяху своимъ крещеніемъ: новорукоположенныхъ же никако пріемлюще іереевъ, но и заповѣдающе всѣмъ по нихъ наставшимъ не пріимати таковыхъ. О чемъ свидѣлствуютъ вси, якоже иноческаго чина, тако и мірскаго людіе древніи, а наипаче подтверждаетъ сіе наше слово, отвѣтовъ діаконovýchъ вопросъ 48, и книжица діаконovýchъ о сравненіи согласіе 11.

Но грядемъ къ сказанію о Θεодосіи іереи. Кой Θεодосій быше крещенія и поставленія древняго: рукоположенъ бо бысть Іосифомъ патриархомъ московскимъ, во градѣ Рязьскій въ церковь Василия неокесарійскаго, никольскаго монастыря. Утѣсненъ же бытъ тамо новодогматныхъ введеніемъ, отшедъ отуду, приде на Донецъ рѣку, и живяше тамо въ пустыни. Нѣкогда же ему вхавшу съ трудникомъ своимъ по Донцу, впаде въ руки бѣлгородскаго архіерея розсыльнымъ. Они же, емше его, представиха архіерею. И той много удивися привести его къ новопреданіямъ, но не возможе. Посла его къ Москвѣ къ патриарху Іоакиму, идѣже отданъ бытъ въ градскій судъ. И тамо томимъ мѹками и принуждаемъ, не покорився, посланъ бытъ

въ ссылку подѣ началъ въ монастырь кириловъ. И тамо сидѣвъ семь лѣтъ, въ темницѣ нужней и водней, отъ унынія писаше книги, которыя тѣсноты не стерпѣвъ, склонися къ новотворнымъ догматомъ, [на кой присяги еще не бяше] и приставиша его ко чтенію синодика. Малому же времени въ томъ минушу, тайно подѣхавше итѣци, увезоша его въ поморье, и оттуду въ Керженецъ на бѣльмашѣ. И сущи ту отъ иноческаго чина молиша, да не оставитъ ихъ при духовной нуждѣ. Онъ же отрицаяся сего дѣла, предлагая имъ оно къ новотворнымъ пристатіе. Тѣи же припадающе къ ногамъ его, просяще его со слезами, обще вопіюще къ нему: на насъ буди грѣхъ сего паденія, о отче! Видѣвъ же онъ всеусердное тѣхъ моленіе и слезы, преклонися на прошеніе ихъ и въ нуждахъ крещенія, исповѣданія и постриганія не оставляше ихъ. И по нѣкоемъ времени съхванъ отъ нихъ въ Калугу, и тамо въ празднои церкви въ день великаго четвертка, ношю литургію совершивъ и ко удовленію причастія агнецъ запасный сотвори. Увѣдано убо бысть о семъ Θεодосіи на Вѣткѣ, яко въ Калугѣ пребываетъ, нужды ради своея великія; отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего инока искуснаго Нифонта въ Калугу просити сего Θεодосія грамотами, да придетъ на Вѣтку, предлагаяще ему народное собраніе и великія своя нужды во іерействѣ. Нифонтъ съ посланными грамотами достигъ града Калуги, подвде Θεодосію сія, къ нимъ же и просительная своя словеса приложи. Соизволи прошенію ихъ Θεодосій, преиде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтствы възблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, лпкующе купно и веселящеса, на вступленія того вси увядшіи печалію, весело хождяху. Пришедъ убо на Вѣтку сей Θεодосій, видѣвъ многъ народъ стекающа на общую молитву, и толяко, яко оной новостроенной церкви не вмѣстити ихъ, приложи радѣніе и повелъ оную церковь Іоасафомъ содѣланную, въ длину и въ ширину подѣ крыльями распространити. И тако разширентъ ей бывши, проси Θεодосій калужанъ да обрѣтающіися церковный канастасъ и со олтарными дверми купивъ, отъ построенныя церкви царя Іоанна Васильевича оставшіяся, въ новосодѣланную церковь на Вѣтку пришлютъ. Они же по просьбѣ его присланнымъ отъ Θεодосія вся сія вдаша, имже Θεодосій изрядиъ украси церковь. И еще украсеннѣи церкви бывши, призва Θεодосій отъ Рыльска брата своего, попа бѣлаго Александра новоставленна, его же послѣди во иноческій облече образъ, и еще другаго попа бѣлаго же новое поставленіе имуща, именовъ Григорія, отъ Москвы призва. И съ сими двома, безъ діакона, Θεодосій освяти церковь, во ния По-

крова пресвятыя богородицы, въ нюже антимиѣ положенъ баше оный, кой Меланія старѣица Бѣлевска, привезла еще ко Юасафу попу. Нѣци о семъ антимиѣ глаголють яко на ономъ антимиѣ не баше еще написанія, виегда Θεодосій храмъ освящаше, тогда и подписалъ бысть, и подписалъ его, сказуютъ, Аванасій уставшикъ сице: Освятися олтареъ священноинокомъ Θεодосіемъ, и прочая. На толикую убо славу новоосвященныя церкви, вси народи во всѣхъ странахъ радости исполншася, на нюже отвсюду приходяще людие, видѣти толикий храмъ церкви желающе, егоже ради и паче людие, оставляюще дома, въ толикий путь труды воспринмаху. Господіе честнии о зданіихъ своихъ вознерадѣша, и госпожи честныя течаху на оное жительство, дѣвы отхождаху родителей своихъ, на вѣчную чистоту вдающеся, иноческимъ одѣваніемъ покрывахуся. Откуду безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явися.

Но яко толику множеству стекшуся народу, мирское житіе проходящимъ, велія наста нужда въ тайнѣ брака. Чесо ради отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего старца въ Калугу, и оттуду привезоша Бориса, бѣлаго попа, такожде крещеніе имуща старое, а рукоположеніе новое. И сего священнонокъ Θεодосій благослови церковныя тайны по древнему совершати. Кой попъ въ Вѣтки многое время поживъ, прейде оттуду въ Воронокъ слободу. По семъ умре священнонокъ Θεодосій, старости достигъ глубокой. Похваляютъ его нѣци правы, яко баше смиренъ, и благопріятенъ, ирость, зависти лишень, мира церковнаго хранитель, единъ порокъ имѣя, во еже отъ немощи долговременныя темницы, для слободы, къ новымъ догматомъ пристати, присемъ же и новорукоположеннымъ дверь отверсти и начало подати онымъ священнодѣйствовати, откуду поступающимъ по немъ, уже и новокрещеныхъ и новорукоположенныхъ поповъ приемлюгъ, и дають власть священная дѣяти, не яко прежни іерем. Обаче сей Θεодосій, яко же и прежни, новотворныхъ крещеніе повторяше своимъ крещеніемъ и въ семъ согласоваше древнимъ іереемъ, предъ нимъ бывшимъ. Настоящимъ же по немъ, въ приемъ хиротоніи новыхъ согласуютъ Θεодосію, а въ крещеніи новотворныхъ иначе поступаютъ. По Θεодосіи оста Александръ, и друзи новорукоположеннии, и по сихъ преста древняго рукоположенія іерейство. Показуется же отъ грамоты Александра діакона, яко во дни Θεодосія и муро древнее окончася, о чемъ пространное имѣется посланіе.

И таковой убо нужды новорукоположенными іерем на многая лѣта простирающейся, восхотѣша народы изъ сего новопрїятія извинуты въ древнія рукоположенныхъ обычаи. Иначе же не возмого-

ша извинутиси, токмо да посвященъ имъ будетъ како либо отъ новыхъ епископъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ.

Что же о томъ и сотвориша? владшеся обще радѣтельствомъ во исканіе се, и не обрѣтоша къ нему удобства, точію въ волохской земли, въ ней же удобоприступни себѣ яскаго митрополита Антоніа обрѣтоша. Къ нему же тамо живущіи старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ изъ нихъ человѣка во епископа. Онъ же на се соизволи, и повелѣ подати доношеніе. Кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и прочимъ совѣтникомъ его. И вси радостно соизволяху на то и обѣщавше церковь каменную имъ дати.

По семъ еще въ лѣто господие 1731 вѣтковскаго монастыря игуменъ іеромонахъ Власій, отъ всего собора, о томъ же къ господарю волховскому грамату писа сице: Благородному и высокопочтенному во благочестіи сіятельнѣйшу и прочая; ниже: Въ прошломъ 1730 годѣ, преосвященному всея Молдавіи и прочихъ странъ куръ господину Антонію подали доношеніе, и прочая,—въ коемъ посланіи просиша, да повелитъ митрополиту отъ Вѣтки посланнаго человѣка посвятити. Временемъ же сего належаиіи и патриархъ цареградскій въ Яссы прибысть, мужъ высокаго ученія. И сему явлено бысть доношеніе и граматы, и персональное отъ старовѣрцовъ [обоего согласія вѣтковскаго и діаконова] прошеніе. Патріархъ убо пріятствова ихъ сія вся, обаче отвѣтствова имъ, яко азъ единъ безъ прочихъ вселенскихъ патріарховъ совѣта не могу сотворити. И обѣща имъ на то скорый отвѣтъ изъ Царяграда прислати. По малъ же времени отшествія патріарха, присланы быша изъ Царяграда 12 пунктовъ въ Яссы, гречески писаны. Но яко словенски учившимся не возможно читати, просиша, да преведены будутъ на славенскій языкъ. Сему же сотворшуся, единъ вѣтковскаго согласія похити оныя, къ Вѣткѣ вдася. Діаконова же согласія невѣдуше о томъ преводѣ, просиша митрополита, да повелитъ превести пункты на славенскій языкъ. Видѣвъ то митрополитъ, возмиъ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе. Они же, познавше лукавый вѣтковскихъ подлогъ, скршыся отъ лица митрополита, да не бѣдиъ ихъ животь погибнетъ. И на томъ преста взысканіе то.

Пункты же оныя присланныя 12, бяху въ таковомъ разумѣ. Да хотѣй ставитися исповѣданіе дасть, новотворныя догматы хранить и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити.

Не по многихъ сего случая, бѣше нѣкій чернецъ въ Кіевѣ, имѣяй отъ митрополита кіевскаго не малую милость, почему (вмѣсто игуменства) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію. И

увѣрився украсть изъ секрета съ письма архіерейскаго печать львовскаго и галицкаго. И сочинившу воровскія писма, будто по прошенію ихъ поѣхавъ тайно до Яссъ на посвященіе архіерейское. И въ Яссы пріѣхавъ, привезъ великія подарунки господарю Михайлѣ и митрополиту Георгію, и объявивъ листъ за руками, аки бы града Чигирина людіе просятъ его на епископію. И господарь велѣлъ митрополиту его поставитъ. Пріѣвши же сей Епифаній архіерейства чинъ, поѣхалъ отъ Яссъ аки въ Чигиринъ, но объявился на Украинѣ въ Польшѣ. И тамо испроси у потѣздаго офіціала львовскаго епископа, чтобъ ему на Украинѣ жить, и сорокъ церквей поповъ ставитъ. И егда отъ архіерея велѣно яти его, онъ убѣгъ за Дитиръ, и въ Кіевъ ятъ, вданъ былъ подъ караулъ. И по отпискѣ въ синодъ, а изъ синода въ Яссы, повелѣно сего Епифанія отъ чина епископскаго обнажить: и обнаженъ бысть въ Кіевѣ и расстриженъ и плетями наказанъ, посланъ бысть въ ссылку, въ поморскія страны. И прѣѣхавше Ярославль, на лѣсу отбитъ и за границу въ нѣкія пустынки привезенъ, и тамо пребысть недѣль съ десять, и на день преображенія господня въ Вѣтку взятъ и безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство опредѣленъ, лѣта 7242. И тако на ономъ возведеніи бывъ, многихъ въ діаконы и въ попы поставилъ. По малѣже возсвѣдѣтельствованъ и обрѣтенъ сей быти новыхъ догматовъ чловѣкъ. Откуда Вѣтковцы, чувство пріѣвше, за епископа его не почтоша и отъ ставленныхъ имъ грамматы начаша отбирати. Увѣдавъ же то прочіе попы, отбѣгоша съ грамматами въ разная мѣста, и донныи въ великой чести священная дѣйствуютъ. А Епифаній (минимый епископъ) въ вѣтковское разореніе въ Кіевъ скорбенъ взятъ и тамо умре и безъ пѣнія.

По семъ въ лѣто 7258 явился въ подольскихъ странахъ нѣкій чловѣкъ отъ Великороссіи, именемъ Анонгогенъ: бывъ иногда діаконъ, нарицаше себе епископа. И по старовѣрцамъ грамматы своя разсмлаше, велика себе нѣкоего именуя, и весьма хитро пиша, призывая къ себѣ забѣглыхъ поповъ и прочихъ знатныхъ (вѣтковскаго и діаконскаго согласія), обѣщаваяся имъ поставити или діаконъ или поповъ, или самаго епископа. И сія слышавше, потрясошася мнози, удивляющеся внезапному его появленію, притекающе на вѣдніе его. И тамо оному архіерейская дѣйствующю, нѣкихъ во діаконы и въ попы рукоположи. Нѣкто же баше чернецъ Аноимъ, мужъ забѣглаго ума, и удивленъ въ томъ многимъ, но своенравенъ и безсовѣтенъ. Сей иногда за древняя въ Москвѣ много пострада, но и велие безуміе отъ любоначалства на себѣ показа, имже ослѣпе нача себе глаголати попа, о чемъ до того вѣдущіи его отнюдь ни въ мысли нияху.

И тако нарицаая себе, притече къ нему, нарицающемуся епископу Анеиногену и отъ него во архимандрита постависи; возвращаяся оттуду, восприя жительство между Гомією и Вѣткою, при Сожѣ рѣцѣ въ пустыни, и тамо обитель собираше. Послѣ же и во епископа заочно сей Анеимъ отъ Анеиногена, (возгладъ имя на Федима, епископа поставляшаго Григорія неокесарійскаго), постависи; но прельстися. Ибо въ тое мнимое его поставленіе уже Анеиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися. Обаче нѣкоимъ слѣпымъ Анеимъ за епископа вмѣнися и дѣйствова епископская и во діаконы и въ попы поставляше, кои попы имяху не малыя подзоры; ихъже онъ постави, и до нынѣ священныя дѣйствуютъ.

Тѣмъ же не вѣмъ, кому здѣ дивитися: народному ли нечувствію, или толикой страшной дерзости Анеимовъ? яко толикій мужъ вѣдущій и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначаластва связанъ тако паде, и многимъ смѣхъ на себе привлече, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себѣ обязательство оному даде, во вся дни почитати и покарятися тому и прочая. Велію науку собою показа внимающимъ, что дѣетъ любоначаластво, и коимъ копцемъ любяція мирскія чести овѣнчиваютъ. Послѣ бо сего дерзновеія Анеимъ отшедь, и тамо по нѣкоимъ странамъ прехождая апостольствуя рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла восприя: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вланъ. И той остриже ему главу и брану въ темницу затворити повелѣ. И тако прокаженъ, едва оттуду утече, и въ нѣкоихъ мѣстахъ скрыся. Не мнѣмъ же и сіе здѣ глаголати, что въ нынѣшнее настоящее лѣто 7263 содѣся. Гомельскіе и вѣтковскіе по заграничю жители, къ нимъже приложишася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающіися въ слободахъ, написаша бо тѣмъ челобитныя просяще, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится во епископа имъ человекъ, на совершенства антимиса, мура и на произведеіе поповъ, при томъ же и да благословятъ возградити сугубыя обители. И той же по сей челобитной еще извѣстнаго нѣсть, ибо на семъ престаемъ глаголати.

Окончаніе.

Доселѣ убо сію исторію о бѣгствующемъ іерействѣ, наченъ отъ первѣйшихъ лѣтъ, въ наже староцерковная премѣненія показашася, произведохъ предлагая, како соловецстѣи храняхуся отъ новшествъ рукоположенныхъ, не примѣше онаго присланнаго къ нимъ архимандрита, и каковъ бѣше оный Стефанъ великій ревности и Козма, поимъ: иже

всѣчески новшества охраняхуся, ни крещенія, ни рукоположенія тѣхъ приимаху. И не токмо сія сами не приимаху, но и послѣдующимъ себѣ во исходѣ души своея наказоваху, да никто же ни по какой нуждѣ отъ новшества рукоположенныхъ приметъ. И сице творяху не токмо сія, но и прочіи. Свидѣтельствоваша сія приказанія оставшіяся тѣхъ іереевъ дѣти духовныя, въ коемъ приказаніи и скончашася. Свидѣтельствуютъ сія и днесъ живіи, слышавше и видѣше тѣхъ дѣтей, дѣломъ и словомъ приказанія сохранившихъ и въ томъ отъ сего вѣка отшедшихъ. Аще ли Іоасафъ и повелѣно бысть Іевою отъ тверскаго архіереа поставитися во іереа, но въ семъ нѣсть разгласія съ соловецкими отцы: ибо они подѣ исповѣданіемъ новыхъ догматъ ставленаго не приимаху; сей же Іоасафъ во исповѣданіи и поставленіи древняго обычая рукоположенъ и приѣтъ бысть въ дѣйства. И ниже оное іоасафово поставленіе на образецъ можетъ быти нынѣшнихъ взыскателей, сихъ ради винъ. Первая вина: яко той архіерей тверскій имаше на себѣ крещеніе и рукоположеніе древнее. Вторая вина: яко и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаше. Что свидѣтельствоваша и новгородскіи Савѣ: Аще (рече) и новымъ касаяся, но весьма въ соупніи. Третья вина: яко всѣхъ согласій разсудительнымъ таковыхъ съ новшества рукоположенными не сравниють и не абіе сихъ отвергаютъ. Четвертая вина: яко сицевыхъ и каноны не лишаютъ еще благодати. Глаголетъ бо Никонъ на первое правило великаго Василія: яко первімъ отступльшимъ имуть благодать рукоположенія. И сихъ ради винъ къ новостемъ приставшимъ, а наипаче искру любви еще древнихъ имущимъ, не подлежатъ всеконечному отверженію. Тѣмъ и дѣйствующи что въ любви древнихъ, благодатно содѣваетъ, для приѣмлющія той персоны. Аще же первыхъ поповъ дѣти духовныя за оное поставленіе Іоасафа и гаждаху, убо и недостойніи суть кары.

Тѣмъже вся сія исторически о отцѣхъ древнихъ предложивше, и словомъ ихъ дѣла видѣвше, повратимъ очи свои на нынѣшнее іерейство и видимъ, сообразны ли суть тѣмъ, на нихъже они уповаютъ? ни. Реку же о семъ сице: Аще бо оныя отецъ соловецкихъ и тѣхъ древнихъ іереевъ отъ праха земнаго Господь Богъ зѣнцы ихъ отрѣшилъ ихъ ревности благовѣрїа возставилъ бы, и между сихъ настоящихъ ереевъ поставилъ: не аки ли бы злато посреде глинъ възблещали, и аки ангели посреде плотскихъ челоувѣкъ воспрославили бы ся и видѣли бы сихъ подѣ именемъ тѣхъ іерейства показующихся? Въ колкое уже безобразіе и незлѣпство настоящее іерейство приде! Онѣи іереи быша ревнители благочестія древняго, сікъ чествованія мірскаго. Онѣи утѣшающеся въ дусѣ; сіи же въ брѣстѣ. Онѣи упованію

свое имуще на Бога; сія же на злато и откупники свои. Онии прилежаще бесѣдамъ духовнымъ; сія же бесѣдамъ мірскимъ. Онии вѣру праву и догматы истинны соблюдаху: сія же трапезамъ вѣру непреложну имуть. И что о сихъ реку? онии іереп истинниі бяху; сія же истинныхъ іереевъ токмо имена содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ. Онии аки пчелины матки быша; сія же шершни жалы своими на поготовѣ имуще, да како любо противныхъ себя узвять, уранять, изгонять. О іерейства сего чудеснаго и своевольнаго, всеу хвалится отцами, всеу во устѣхъ имя носятъ! И сія убо слышавъ, православный читателю, аще чюство доброе имаша, отъ древняго слышанія, не мало настоящимъ удивилися, въ колкое небреженіе, въ колкое своевольство и безобразіе прииде познати можеша. Кое уже снисхожденіе ихъ видимъ, не далече дверей отступленія, яко не велико уже посредство содѣвается. И сему что виновно есть, не обрѣтаю. Токмо въ широкія врата единому другому предваренія, яко бы рещи: единъ законы плотскими не воздержно ходя слѣпоту научи, въ блатѣ страстей погрязе. А нѣмняся свѣтомъ разума ходя, той же вавилонской чаша желая, законы мамоныа подставляетъ, и вѣру столовую снабдѣваетъ. Тѣмъже и купно единъ другого въ злобѣ и надежды благія не вѣтъ откуда обрѣсти, яко вѣтъ врата широкая любезна и многія усердствуютъ въ ня входити, тѣсная же дверь благовѣрія презирается. И како кто можетъ добре законъ Божій церковный хранить? ни како. Читаемъ бо во исторіи стрѣлцкой, яко въ лѣто 7195 восхотѣша стрѣльцы древлецерковная возвратити и за то души своя общающе положить, о чемъ мнози не малыя труды показаша. Но егда сіи стрѣльцы съ нѣкоими посадскими разумѣйшими, по царскому повелѣнію, съ Хованскимъ княземъ, на разговоръ ко Іоакиму патриарху посланы; тогда кія отъ нихъ на патриаршія напитки вергошася, тѣи вси подъ руку патриаршу пойдоша кромѣ любящихъ трезвость. И студъ воздержнымъ сотвориша, а наипаче егда тако о древностехъ старяющимся стрѣльцамъ, присланъ бысть отъ двора царска человекъ, возвѣщающъ имъ милость царску, на всякой десятокъ по ушату пива простова и подѣльнаго и по мѣрѣ меда и вина. И се слышавше онии, оставиша той совѣтъ и по напитки побѣгоша, и въ томъ питіи мудрость ихъ поглощена бысть. И забывше объты свои ради покоя тѣлеснаго отпадоша истинны. Не вѣтъ же воистинну, что хочеть быти и въ насъ, яко всяко раченіе преста, а плотскій покой верхъ воспріемлетъ. Къ комужо еще злѣйше явися: во вѣсѣхъ слободахъ кабацкихъ домовъ умножися, на совершенное отгнаніе добраго разума, а исправляющаго о томъ нѣсть. Минимъ бо духовнии вмѣсто законовъ церков-

ныхъ, сами сребролюбю и тѣлеснымъ прибыткомъ раби быша, желающе въ семъ вѣцѣ покоя и славы и суще враги креста Христова сотворшася. Тѣмъ и аки пси обьородѣша, не могуще на всяко беззаконіе лаяти, отъ коего молчанія людскую выгоду себѣ приобрятають, и въ единомъ множествѣ закона похвалу имуть. Отъ чего не малая есть боязнь, да не оныхъ стрѣльцовъ иракъ и насъ покрыеть: ибо не новое то гонящимъ во слѣдъ плотскаго мудрованія отпадати Божія правды. Пишетъ Бароній, яко въ гоненія древняя мнози Христа отвергошася, а первыхъ сіи, иже пространно живяху и благая мира любляху. Отъ чего Боже сохрани насъ и помилуй, и даруй намъ по стоамамъ твоимъ ходити, и церкви твоея святыхъ слушати, и со святыми избранными твоими угодити, и Тебѣ славу возсылати во вѣки, аминь.

ПИСЬМО М. Н. МУРАВЬЕВА КЪ КАРМАНОВУ ¹⁾

Государь мой!

Чтобъ увѣрить Васъ, что я друзей моихъ и въ Петербургѣ помню, чѣмъ могу я лучше начать маленькую нашу переписку какъ не бесѣдованіемъ о такой матеріи, которую Вы лучше другихъ слушать любите? Вы догадаетесь, что я говорю здѣсь объ исторіи. Я почту себѣ за великое удовольствіе, ежели напоминаніями моими (онѣ не будутъ рѣдки) буду столько щастливъ, что иногда возбужду вашу склонность къ оной, когда паче чаянія затрудненія должности здѣлають вамъ къ ней отвычку. Простите, что я сужу по себѣ: я лѣнивъ; однакожъ для поощреній друзей моихъ иногда тружуся. Такъ думается, что и вы для своего пріятеля (вѣтъ Вы не отречетесь отъ этого) иногда примите перо поздно вечеромъ, чтобы написать какія нибудь приключенія Тверскія. Видите какое я приѣмлю участіе во всемъ томъ, что касается Твери: сверхъ того, что у меня остались въ немъ залогн, которые меня часто заставляютъ ее вспоминать, не

¹⁾ По черновому подлиннику, находящемуся въ бумагахъ М. Н. Муравьева, которыя поступили изъ древлехристіанскаго Погодина въ Императорскую Публичную Библиотечку. Письмо относится къ 1776 году.

былобъ ли это неблагодарно, чтобы, проживши въ ней цѣлыя десять мѣсяцовъ столь бесполезнымъ гражданиномъ, еще и изъ памяти ео истребить? Знакомство вѣше, Г. М., которымъ я ей обязанъ, отнюдь не забыто мною въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мнѣ дѣлають Тверь пріятною. Видите, что оно приключаетъ мнѣ удовольствіе и въ Петербургъ. Я ничего больше не требую, ежели Вы столькожъ охотно вспомните вашего петербургскаго пріятеля. Я имѣю здѣсь щастіе обращаться со многими изъ тѣхъ, которые наиболѣе дѣлають чести писменамъ нашего отечества. Не подумайте, чтобъ привычка ихъ обхожденіе могла увеличить въ глазахъ моихъ мое собственное достоинство; напротивъ того она мнѣ показываетъ всечасно, сколько далека я отъ нихъ. Извѣстной вамъ издатель Россійской древней вивліюфики пригласилъ меня къ изданію одного ежемѣсячнаго сочиненія, которое будетъ по большой части изъ переводовъ, касающихся вообще до правоученія и исторіи и котораго первый мѣсяцъ будетъ печататься въ Сентябрѣ. Вы можете себя представить, что я говорилъ съ нимъ и объ васъ. Онъ просилъ у меня рукописи вашей Тверской исторіи и она теперь у него. Мы съ нимъ разсуждали о необходимости имѣть людей способныхъ замѣчать всѣ прилѣчанія достойныя вещи и приключенія въ городахъ. Родъ новаго сочиненія, которое его теперь занимаетъ, очевиднымъ тому доказательствомъ. Заглавіе онаго есть: Сокровище Россійскихъ древностей. Первая часть, которая почти вся отпечатана, заключаетъ въ себя описаніе трехъ первѣйшихъ Московскихъ соборовъ, зачиная съ Архангельскаго. Вы бы сдѣлали ему великое удовольствіе, еслибы также сообщили какія нибудь

ЗАПИСКА ДОЧЕРИ Н. И. НОВИКОВА ВЪРЫ НИКОЛАЕВНЫ, ИСПРАВЛЕННАЯ РУКОЮ КАРАМЗИНА.

Оставшіяся спроты послѣ поручника Николая Новикова въ горестнѣйшемъ состояніи осмѣливаются пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, испрашивая Всемилостивѣйшаго вспоможенія. Родитель нашъ въ 1792 году по секретному повелѣнію взять былъ въ Шансесбургскую крѣпость: бывшее въ управленіи

его имѣніе Типографической Компаніи, при учрежденіи которой употребленъ былъ имъ собственный не малый капиталъ, взято было въ вѣдѣнство Московскаго приказа общественного призрѣнія. На оставшуюся родовую деревню положено запрещеніе, которою управлялъ родной дядя нашъ, по причинѣ нашего малолѣтства.

Въ 1796 году блаженныя памяти Государь Императоръ по вступленіи на престолъ Всемилостивѣйшимъ указомъ ноября 6-го повелѣлъ освободить его и все отобранное имѣніе возвратить; но оно по поданному отъ него прошенію отдано было главному кредитору надворному совѣтнику Походяшину для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ. По возвращеніи своемъ родители нашъ увидѣлъ себя лишеннымъ всѣхъ почти способовъ къ содержанію себя съ семействомъ одними доходами съ оставшейся небольшой подмосковной деревни. Употребляя различныя средства къ поправленію состоянія своего, принужденъ былъ заложить упомянутую деревню, въ 150 душахъ состоящую, въ Московскій Опекунскій Совѣтъ въ 10000 рублей серебромъ. Часть сей суммы употреблена на поправленіе домашней экономіи, а остальные деньги издержаны на покупку хлѣба для прокормленія людей по случаю бывшаго здѣсь хлѣбнаго неурожая.

Между тѣмъ возвысившаяся цѣна серебра принудила его дѣлать новыя займы для уплаты въ Опекунской Совѣтъ. Въ 1815 и 16 годахъ хлѣбные неурожаи и прежде бывшія здѣсь военныя безпокойства довели его до послѣдней крайности.

По кончинѣ его остались я съ старшимъ братомъ и сестрою, которыя тяжело больны эпилепсіею и такъ разстроены оною, что не могутъ ни въ какія дѣла входить. Къ умноженію горестнаго положенія нашего въ Бронницкомъ Уѣздномъ Судѣ находятся два векселя, поступившіе ко взысканію, по одному изъ оныхъ угрожаютъ уже намъ опіею деревни. Приближающійся срокъ платежа въ Опекунской Совѣтъ за два года устрашаетъ насъ также лишеніемъ послѣдняго убѣжища. Въ такомъ бѣдственномъ состояніи, гдѣ могу обрѣсти покровителя и защитника, кромѣ свыше благословеннаго отца своихъ подданныхъ, великодушнѣйшаго во всей вселенной моего Всемилостивѣйшаго Государя? Возсылая моленія къ Подателю всѣхъ благъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь повергнуть предъ милосердымъ Монархомъ горестное прошеніе злополучныхъ сиротъ, слезами сердце ихъ преисполненное.

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ.

(Сообщено А. П. Аванасьевымъ.)

Печатаемые здѣсь заговоры заимствованы мною изъ одной рукописи, заключающей въ себѣ *травники* (или *цвѣтники*, какъ названо въ другомъ мѣстѣ) и *лѣчебники*. Рукопись эта писана разными почерками позднѣйшаго времени и, судя по сдѣланнымъ на ней надписямъ, по частымъ грамматическимъ ошибкамъ и по самому содержанію, она несомнѣнно возникла и обращалась въ нашемъ грамотномъ простонародіи. Такъ на одной страницѣ означено: «выписано города Юрьева Польскаго въ селѣ Симѣ 1838 года», на другой: «писала сей заговоръ муромская мѣщанская дочь» и проч.

Народные *травники*, сколько ни случалось намъ ихъ пересматривать, всѣ болѣе или менѣе сходны: это перечень названій различныхъ цѣлебныхъ, по мнѣнію знахарей, травъ, съ весьма сбивчивымъ и неточнымъ описаніемъ ихъ наружнаго вида и мѣстностей, гдѣ онѣ растутъ, съ указаніемъ, какъ ихъ добывать и каковы ихъ лечебныя свойства, и съ значительною примѣсью суевѣрій. Г. Харитоновъ въ статьѣ своей о «врачеваніяхъ, забавахъ и повѣрьяхъ крестьянъ архангельской губерніи» (Отечеств. Зап. 1848 г., № 5, Смѣсь) привелъ нѣсколько любопытныхъ выписокъ, которыя достаточно знакомятъ съ характеромъ и составомъ подобныхъ тетрадокъ. Мы съ своей стороны приводимъ слѣдующее сказаніе о таинственномъ цвѣткѣ папоротника: «Есть трава *черная папороть*; растетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, какъ у простаго но(не?)чернаго папоротн, а съспода большіе листы; около стебля земля, а на стеблѣ шишка черная, какъ кочетокъ или крюкъ, а въ ней пухъ, и она вся черная; а шишка треугольная, а цвѣтъ на ней чтѣ серебро — ночью видно его хога въ какую писанную (sic) ночь. А цвѣтеть она наканунѣ Иванова дни въ полночь — однимъ часомъ отцвѣтаетъ, а цвѣтеть, точно какъ огонь горитъ или пылаетъ. Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ

не просто—съ надобностями: а именно: взять на Васильевъ вечеръ, т. е. наканунѣ новаго года вечер(ом)ъ, перволучный огарокъ, чтобы онъ съ обонхъ концовъ обожженъ былъ, да на свѣтлое Воскресенье воску огарокъ отъ той свѣчи, которую попъ въ рукахъ со крестомъ носить и кадить людей, да отъ запрестольной Божіей Матери образа воску или огарокъ отъ свѣчи.» Въ Иванову ночь идти къ тому мѣсту, гдѣ растетъ трава папороть, «а надо очертиться онымъ огаркомъ (лучины), а подъ траву наслатъ бумаги чистой или полотна бѣлаго чистаго; а очертаться кругомъ, говорить: Таланъ божій, судъ твой—да воскреснетъ Богъ... Бываютъ тогда великіе страхи, что уму человѣческому непостижимо; въ то время приходятъ множество демоновъ и великіе страхи творять, (хотять) ее взять, понеже она очень имъ противна. Если кто ее возьметъ, то никакой дьяволъ и ворожея и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дьявольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и ни съ какой своей пакостію отъ него не укроется: все будетъ видѣть и знать... Цвѣтъ ея, когда отцвѣтетъ, осыпнется на то, что послано, и ты тотъ цвѣтъ смети перушкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи вышенисаннымъ воскомъ въ перѣ: тотъ цвѣтъ навсегда дѣлать будетъ. А если не залѣпишь, то (нечистые) унесутъ у тебя—для того людямъ не даютъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ... Тотъ цвѣтъ носи на лѣбъ: узнаешь и увидишь—гдѣ какая поклажа лежитъ и какъ что положено и сколь глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки, для того, что ты уже демоновъ увидишь; а съ нимъ тебя жестоко бояться стануть, и когда ты куда ни пойдешь на какое мѣсто, если (нечистые) тутъ на мѣстѣ есть, то они отходятъ съ того мѣста стануть, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить—не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ или дѣлается, и какъ, куда и въ коемъ мѣстѣ; просто сказать—все будешь знать, хотя и въ чужіе города и ниня государства дороги и пропуски: тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, куда хошь: никто тебя не увидитъ, что хошь—дѣлай! (Когда) въ путь ѣхать, то возьми той травы корень и положи въ воду, и мойся той водою, испей еѣ, да поставь судно на землю. Если спать станешь, то въ головы поставь; то никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ—никакой воръ и разбойникъ; понеже кругомъ около тебя великая вода будетъ что озеро, а ты на островѣ будешь. Тотъ-же цвѣтъ носить на головѣ—все видѣть и знать станешь, и вельми счастливъ будешь и достоинъ всякому начальству, во всякой чести будешь. Станутъ тотъ цвѣтъ нечистые духи у тебя торговать, и ты имъ скажи: не продаю! а если продашь, то проси у нихъ съ начальнѣйшаго князя колпакъ,

въ которомъ камни драгоценныя; и если они его дадутъ, вельми славень, и хитръ и храбръ, и богатъ, и знатенъ будешь чрезъ тѣ камни А когда цвѣтъ брать станешь, тогда увидишь воду ¹⁾) и всякіе страхи—не кричи и назадъ не гляди и не говори изъ, только молитву твори: Да воскреснетъ Богъ! и прочія молитвы; а если противъ ихъ молвишь, то несомною пагубою—злою смертью постраждешь. И изъ черты не выступай и руки не подавай. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ цвѣтами—трава папороть.»

Любопытно бы было во 1-хъ точнѣе опредѣлить происхожденіе травяниковъ, во 2-хъ указать, на сколько народная наблюдательность уловила дѣйствительныя лечебныя свойства травъ и цвѣтовъ; но для рѣшенія этихъ вопросовъ наука почти ничего не сдѣлала. Въ недавнее время г. Тарачковъ (см. Воронежскую Бесѣду) заинтересовался собраніемъ свѣдѣній, издавна живущихъ въ нашемъ простонародьи, и постарался объяснить народныя названія различныхъ травъ, употребляемыхъ знахарями; но и онъ, къ сожалѣнію, на травники не обратилъ вниманія. Вѣроятно, тетрадки эти, такъ дорого цѣнимыя между грамотными поселянами, не попадались ему въ руки.

Лѣчебникъ, занесенный въ описываемую нами рукопись вмѣстѣ съ наставленіями: какъ лѣчить ту или другую болѣзнь, предлагаетъ разные совѣты, полезныя въ домашнемъ быту (*напр.*, какъ склеить разбитую посуду, какъ истреблять клоповъ и блохъ, какъ успѣшнѣе разводить пчелъ и проч.), объясняетъ фокусы (какъ пропустить въ бутылку яйцо, какъ ухитриться, чтобы яблоко само каталось по столу и т. п.) и указываетъ симпатическія средства (какъ увѣдать женскую тайну, какъ сдѣлать, чтобы воръ не могъ уйти изъ дому и пр.)²⁾. Тутъ много заимствованнаго изъ печатныхъ источниковъ, но много внесено и изъ повѣрій, обращающихся въ народѣ. Между прочимъ читаемъ о змѣѣ: «Весной убить змѣю и разрѣзать ей брюхо, и положить въ брюхо три горошины и зарыть въ землю. Когда выроститъ цвѣтъ, то сорви его въ полночь или въ полдень и положи въ ротъ—и будешь знать что у человека на умѣ; а цвѣтъ закатать въ воскъ въ чистотѣ».—«Змѣиная голова: зубами ея наколоть на рукъ и будутъ отъ того шишки—не юденъ будешь въ солдаты; а послѣ потереть канфарой, то (шишекъ) не будетъ.»

¹⁾ Т. е. наводненіе.

²⁾ Подобный лѣчебникъ уже былъ описанъ во 2-й части Пермскаго Сборника подъ неправильнымъ заглавіемъ: «Домашній обиходъ, рукописный сборникъ XVII вѣка.»

Наряду съ разными лѣчебными средствами предлагаются и *заговоры*; изъ нихъ нѣкоторые писаны тайною азбукою. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія этой азбуки, мы успѣли добраться до ея ключа и прочитали загадочныя строкки.

Извлекаемъ изъ нашей рукописи всѣ вошедшіе въ нее заговоры:

1. На собираиіе Адамъ-травы.

На утро сице глаголи:

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; Боже, очисти грѣхи моя, безъ числа согрѣшихъ—Господи, прости сія.

Достойно есть; псаломъ 50-й—Помилуй мя, Боже! Вѣрую во единаго Бога; Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, молитвъ Пречистыя твоея матери и всѣхъ святыхъ помилуй!

Благослови сію траву копати, а земля-мати благослови своего мнѣ плоду взяти, а ты, трава-Адамъ, на что я тебя копаю—и ты буди къ тому пригодна во вѣки. Аминь.

2. Какъ приворотить дѣвку.

а. Истопи баню жарко и взойди въ нее; когда взопрешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на прлякиъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ:

На морѣ на-кіяиѣ, на островѣ на Буяиѣ, стояло древо; на томъ дрѣвѣ сидѣло семьдесятъ какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви), эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣси и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужь ты, худъ бѣси! и кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь,—сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (*имрекъ*) по мнѣ (*имрекъ*) и зажги всѣ печенки и легкое и всѣ суставы по мнѣ (*имрекъ*). Будь мое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки!

Вели прлякиъ свѣсть.

б. Взойди въ баню и глаголи трижды со емманиемъ на прлякиъ:

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. На морѣ-на кіяиѣ, на островѣ на Буяиѣ, на рѣкѣ на Ярданѣ, стояла гробница; во той гробницѣ лежала дѣвица. Раба божія (*имрекъ*)! встань-пробудись, въ цвѣтное платье нарядись, бери камень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабѣ божіемъ (*имрекъ*), и такъ зажигай крѣпко и дайся по мнѣ рабѣ божіемъ (*имрекъ*) въ тоску-въ печаль; какъ удавшему (удавленнику) въ петлѣ, такъ бы рабѣ

божіей (*имрекъ*) было тошно по рабѣ божіемъ (*имрекъ*); какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабѣ божіей (*имрекъ*) было тошно по рабѣ божіемъ (*имрекъ*)—какъ душа съ тѣломъ разстается, во вѣки—аминь. Утвержаю Ісусомъ Христомъ и Пресвятою госпожею Богородицею и всею небесною силою во вѣки, аминь. Всегда и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь, Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь.

Дай прѣдникъ състь ей.

с. Лягу я рабѣ божіей (*имрекъ*) помолясь, и встану благословясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота—въ чистое поле, подъ частыя звѣзды, подъ лунь(луну?) Господень. И лежатъ три дороги и не пойду ни направо, ни налево; пойду по средней дорогѣ, и та дорога лежитъ въ темной лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуетъ и горюетъ тоска, печалуется (печалится). И посылаю я тоску въ рабу божію (*имрекъ*): взойди въ ея въ бѣлое тѣло, и въ ретивое сердце, и въ русы власы, въ кровь горячую—въ руду кипячую, чтобы она по рабѣ божіемъ (*имрекъ*) тосковала, и все бы она обо мнѣ думала; въ питѣ бы она не запивала, въ ѣсти бы она не заѣдала, во снѣ бы не засыпала, а завсегда бы она меня раба божія на умѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу помѣхи нѣтъ, такъ бы и мо(е)му наговору помѣхи не было. Аминь, аминь, аминь.

3. *Въ защиту отъ нечистой силы.*

Наговори на воскъ и прильпи на крестъ, отъ враговъ своихъ.

Знаменуйся рабѣ божіей (*имрекъ*) крестомъ животворящимъ—оде-снью и ошую, спереди и созади; крестъ на мнѣ рабѣ божіемъ (*имрекъ*), крестъ надо мною, крестъ предо мною, крестъ за мною, крестъ діавола и вся враги побѣждаша. Да бѣжать бѣсове, вся сила вражія, отъ меня раба божія (*имрекъ*), видуще яко молнію—кресную силу опаляющую. Близъ мене Христосъ и вся сила небесная: Михайла и Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ—архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, господни силы, и нерушимы страшные серафимы, и святые ангелы-хранители, преданные мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему отъ святаго крещенія. А далече отъ мене діаволъ съ своею темнообразною силою стоитъ, и со всѣмъ человекомъ прогнанъ бысть, третью стали и шестидесятью ангелы стали божиі (*sic*). Молитвъ ради пречистыя твоея матери, Господи Ісусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя грѣшнаго раба твоего (*имрекъ*)—всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

4. Отъ зубной боли.

а. Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господни храмина, тебѣ не гаривать, у раба божіа (*имрекъ*) зубамъ не бѣлѣвать—отынь до вѣку, во вѣки, аминь. Святой Духъ—аминь!

Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена—прійди и откажись щепочку и положи на зубы; какъ разъ проговоришь—изба поклонись.

б. Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ божій (*имрекъ*), есть у него въ зубахъ черви, и ты оныхъ выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу.

И проговоривши, крапиву привязать кверху, и отелзать въ третій день.

в. Въ полночь, какъ стануть бить часы двѣнадцать, въ то время сходи къ церкви и укуси трижды коренную паперть, и три раза скажи:

Какъ камень сей крѣпокъ, такъ закаментъ и мои зубы—крѣпче камня!

И три раза плюнь, и поди прочь не оглядывайся, и прочти три раза: Вѣрую.

г. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви стоятъ мать пресвятая Богородица и преподный Антипій, зубной изцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ божіихъ о рабѣ божіемъ (*имрекъ*): какъ у васъ угодники божіи зубы не болѣли, такъ бы у раба божіа (*имрекъ*) зубы не болѣли — во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

Наговори на соль или рѣдьку и на сучекъ ели.

д. Каниъ, Каниъ, Каниъ! вели спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ—такъ бы у раба божіа (*имрекъ*)—нѣтъ. Во имя Отца и сына и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

Наговори на соль и клади на зубы.

е. Если пойдешь некарочно улицей или дворомъ и найдешь кость съ зубами—баранію щеку, то перекрестись три раза и проговори трижды: Отче нашъ; потомъ говори еще три раза:

Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой бѣдъзи; а я тебя избавлю отъ мокроты.

И возьми эту кость и подоткни ее въ горнищу идъ въ судое мѣсцо, и будешь здоровъ.

5. *Отъ жабы въ зорль.*

Въ городѣ Ерусалимѣ, на рѣкѣ на Ярданѣ, стоитъ древо кипарисъ; на томъ дрѣвѣ сидитъ птица орелъ, щиплетъ и теребитъ когтями и ногтями и подъ шеками, и подъ жебрами у раба божія (*имрекъ*) жабу. Во имя Отца и сына и Святаго Духа, аминь. Святой Духъ—аминь, Святой Духъ—аминь, Святой Духъ—аминь!

Сей заговоръ отъ жабы когда станешь говорить, тогда тычь среднимъ пальцемъ на правой рукѣ въ жабу; проговори трижды.

6. *На удачную охоту.*

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго; аминь. Ложусь я рабъ божій (*имрекъ*) ввечеру поздно-напоздно, благословясь и перекрестясь; встаю рабъ божій (*имрекъ*) поутру рано-парано, и умываюсь треденной водой, и утираюсь шптымъ бранымъ тонкимъ полотенцемъ; пойду рабъ божій (*имрекъ*) изъ избы дверьми, изъ воротъ (двора?) воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье, въ зелену дубраву, и стану и эту збрую ставить на бѣлыхъ на ярыхъ зайцевъ. Какъ-же кататся ключи, протоки во единой ключъ, такъ же бы катились и бѣжали всякне мои драгоценные звѣри; сѣрые, ушастые и долгохвостые волки, и черные медвѣди, и красныя брунастыя (?) лисцы, и бѣлые ярые зайцы и зайни (зайчихи); назадъ бы они не ворочались и по сторонамъ бы не обѣгали. Позади носить Михайла архангелъ и Гаврилъ архангелъ со всею небесною (силою). Во вѣки вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе.

Сей заговоръ глаголи трижды.

7. *Какъ заваривать кровь.*

а. На морѣ на окіанѣ лежитъ камень Алатырь; на томъ камень Алатырь есть два орла орловича, два брата родные — они рубятся, сѣкутся острыми саблями; промежду ихъ ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Такъ бы у рабы (*имрекъ*) не было ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Аминь, аминь, аминь.

б. На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояла избушка; въ этой избушкѣ двѣ дѣвицы: одна плела шелкомъ, а другая льномъ. Ты, шелкъ, не рвися я ты, ленъ, не рвися; а ты, кровь, переймися у раба божія (*имрекъ*). Аминь, аминь, аминь.

с. На морѣ на окіанѣ, на святой рѣкѣ на Ерданѣ, бѣлъ горючъ камень выплываетъ; а на томъ камень сидятъ три дѣвицы, прекрасныя мастерицы, въ рукахъ держатъ палцы, вся рѣки, вся источники; вся

ручными раны зашиваютъ. Тѣло нѣмо, кость отъ камня, жилы отъ древа шелковника. Порвиса (не рвиса?) горючь (камень), кровь уймися и запекся аки у мертваго. Аминь, аминь, аминь.

И дунь три раза на то мѣсто, откуда кровь идетъ.

8. Заговоръ противъ нищелѣй, стрѣлъ и всякаго оружія.

Есть море желѣзно, на томъ морѣ желѣзномъ былъ-камень Алатырь; на томъ камнѣ сидитъ мужъ желѣзень царь — высота его отъ земли и до небеси, заповѣдаетъ своимъ желѣзнымъ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, стоитъ подпершись (?), заказываетъ своимъ дѣтямъ: укладу ...¹⁾ красному и желѣзному, каменному и простому, и проводокъ—желѣзу лантому, стали и мѣди красной и зеленой, свинцу и олову, чугууну и серебру и ядрамъ (подите вы), ядра каменные и желѣзные въ мать свою землю мною меня раба божія (*имрекѣ*), а стрѣлы строганыя въ древо-въ березу, и въ сосну, и въ яблонь, и въ рябину, и въ черное древо и въ перь, а перья во птицу-въ свою мать, а изъ нея въ рыбу, а рыба въ море²⁾.

9. Чтобы власти и суды были милостивы.

Господи, благослови отче! одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрываюся облакомъ, препояшуся поясомъ Пресвятыя Богородицы. Милостивая заступница! свяжи уста и языкъ и гортань у князей и у боярей, и у правителей, и у всякихъ властей, и у приказныхъ служителей.

10. Отъ трясавицы (*лихорадки*).

а. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами всепресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами святаго архангела Рафаила и преподобнаго отца Изосими соловецкаго и молитвами святыхъ девяти мучениковъ, иже въ Книжцѣ чудо сосрѣтоша — двою-надесять³⁾, и рече имъ святой архангелъ Рафаилъ: что вы окаяннѣйши и како имена ваши? И онѣ окаяннии отвѣчаста ему: мы единого отца дщери-царя Ирода, и егда отецъ нашъ Иродъ отсѣче главу Іоанна Предтечи — и тогда земля пожре насъ живыхъ и пріять насъ къ себѣ сатана; по умертвіи же отца нашего Ирода посла насъ въ миръ, людей вашихъ мучить рода человѣческаго. И посемъ намъ всѣмъ имена суть: 1-я Зябуха, 2-я

¹⁾ Неразбрано.

²⁾ Сравни съ 18-мъ заговоромъ во 1 г. Сказаній русскаго народа, Сахарова стр. 22.

³⁾ Трясавицъ.

Гвѣтница, 3-я Плѣтѣя, 4-я Мѣсора, 5-я Шашая, 6-я Чорная, 7-я Тѣнная, 8-я Дяда, 9-я Ладо, 10-я Омуга, 11-я Утѣха, 12-я Переянда. И посемь архангелъ Рафангъ биша ихъ жѣзломъ немилостивно и даша имъ по тысящи ударовъ; и онѣ окааннїи рѣкоша ему: аще гдѣ будетъ твое имя написано, и мы къ тому челоуѣку не прикоснемся. Имя рабу божию *такому-то, такихъ (-то)* годовъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

В. Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ. Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ, Спаси, Господи, и помилуй раба божїя (*имрекъ*) отъ трясавичной болѣзни—во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь. Яко съ нами Богъ—съ рабомъ божіемъ (*имрекъ*), буди на мнѣ крѣпкая и крестная сила заперта и заключена крестною силой (*sic*) и животворящимъ крестомъ Господнимъ, и святыми анѣлами: архангеломъ Михаиломъ и Гаврииломъ, и молитвами пресвятыя матери, и молитвами святаго славнаго пророка Предтечи, Крестителя Іоанна, и молитвами Артемїя Веркольскаго чудотворца, и молитвами святаго Мирона-чудотворца. Отыдите отъ меня раба божїя (*имрекъ*) проклятыи дванадесать Продовы дщери: Трясавица, Огневица, Знобѣя, Пералея, Горькуша, Крикуша, Черькѣтъ (?), Пухлѣя, Желтѣя, Дрехлѣя, Дремлѣя ¹⁾, и не приходите ко мнѣ рабу божию (*имрекъ*) дванадесать дщереи Продовыхъ ни по утрамъ, ни въ полдень, ни къ вечеру, ни въ ночь, ни въ полуночь, ни въ..... ²⁾, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Имрекъ* дома нѣту—я Василїй буду отписывать (*последняя фраза трижды*).

Писать натоцакъ.

11. *Чтобы сдѣлать (свекровь, мачиху или друг.) милостивою.*

Взять съ трехъ могилъ земли и говорить:

Будь раба божья такъ, какъ маломощная овца (*или*: такъ, какъ мертвецъ лежитъ во гробѣ — безотвѣтна и бездыханна), и такъ бы она раба божїя не думала, не говорила и не отвѣчала предо мной (*или*: предъ ними) ни во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Обойди кругомъ ся и сыль (землю) или подѣ пороги посыль.

Будь рука рѣпаная, кожа воловья, мясо коневья(с)—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Сей заговоръ служитъ для илы—въ руку запускать.

¹⁾ Дванадцатой по упомянуто.

²⁾ Неразобрано.

ВЫПСКА ИЗЪ ПИСЬМА ДОЧЕРИ Н. Н. НО- ВИКОВА ВЪРЪ НИКОЛАЕВНЫ КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Къ сожалѣнiю моему не могу представить достаточнаго объясненiя на предлагаемые вами вопросы. Будучи въ малолѣтствѣ во время несчастiя покойнаго родителя моего (о! ежели бы я тогда была въ совершенныхъ лѣтахъ, безъ всякаго сомнѣнiя пала бы къ стопамъ Императрицы, дабы мнѣ дозволено было раздѣлить заточенiе его) не могу обстоятельно знать о причинахъ онаго. Извѣстно только, что дѣло сiе производилось по Тайной Экспедици. Въ оставшихся бумагахъ нахожу нѣсколько копiй съ писемъ къ разнымъ лицамъ и прошений, подаваемыхъ въ разные времена. Въ одномъ изъ оныхъ, къ князю Куракину, собственною его рукою писанномъ, помѣщены слова блаженной памяти Государя императора Павла I, сказанныя въ 1796 году, когда родитель мой по освобожденiи своемъ удостоился быть предъ лицомъ Его Импер. Величества и между прочими Всемилоостивѣйшими выраженiями услышать и слѣдующее: *„Я даю тебѣ мою руку и слово, что и копѣйка твоя не пропадетъ,—дай только мнѣ время и вѣрь моему слову!“* Но рановременная кончина его оставила сiе Всемилоостивѣйшее обѣщанiе и надежды родителя моего неисполненными. Неоднократныя подавалъ прошенiя Ея Величеству, вдовствующей Государынѣ, въ одно изъ коихъ доносилъ сими словами: «Да будетъ единственнымъ моимъ ходатаемъ у Вашего Императорскаго Величества священное сердцу моему воспоминанiе имени блаженной и вѣчной славы достойнаго Государя императора Павла Петровича, Вашего дражайшаго супруга, моего же Всемилоостивѣйшаго Государя, отца и избавителя, котораго рука нѣкогда отвергла двери темницы моей. Его правосудiе и прозорливость проникло сквозь завѣсу клеветы и признало невинность; Его истинно отеческое милосердiе обѣщало полное удовлетворенiе всего раззоренiя моего» и проч.

Позвольте мнѣ прибавить къ сему, что я прошу помощи единственно изъ Высочайшаго милосердiя, а не по заслугамъ родитель-

скимъ, о чемъ и думать не могу,—и моимъ ли слабымъ способностямъ описывать оныя? Горестныя обстоятельства принудили меня искать пособія у монаршаго престола. Имѣя на попеченіи своемъ больныхъ брата и сестру священнѣйшею обязанностію поставляю употребить всѣ средства къ доставленію имъ спокойной жизни. Вамъ не безызвѣстно также въ теченіи многихъ лѣтъ продолжавшаяся дружба покойнаго родителя моего съ истиннымъ благодѣтелемъ нашимъ, почтеннѣйшимъ Семеномъ Ивановичемъ Гамалесемъ и супругою покойнаго профессора Московскаго университета Ивана Егоровича Шаарца, которая всегда заступала у насъ мѣсто матери и которая въ бывшее несчастіе съ батюшкою потеряла совершенное раззореніе и теперь не имѣетъ никакого состоянія для содержанія себя. По одному векселю, находящемуся въ уѣздномъ судѣ, уже угрожаютъ намъ описью деревни. Не должна ли я оправдать полную довѣренность къ себѣ незабвеннаго родителя моего употребивъ всѣ силы къ сохраненію убѣжища, симъ священнымъ предметамъ долготѣтнаго попеченія его? Но что человѣческія силы безъ помощи Всевышняго? На Него единаго возлагаю упованіе свое.

СЛОВА И ПОУЧЕНІЯ, НАПРАВЛЕННЫЯ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ И ОБРЯДОВЪ.

Предисловіе.

Печатавъ нѣсколько собранныхъ нами словъ и поученій, касающихся языческихъ вѣрованій и обрядовъ, считаемъ не лишнимъ указать тѣ рукописи, изъ которыхъ предлагаемыя поученія заимствованы.

Въ числѣ этихъ рукописей важнѣйшее мѣсто занимаетъ Пансіевъ сборникъ, писанный въ концѣ XIV вѣка, прекраснымъ уставомъ. На эту рукопись обратилъ вниманіе ученыхъ профессоръ Шевыревъ, просматривавшій ее въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, которому она принадлежала. Въ настоящее время этотъ сборникъ, вмѣстѣ со многими другими рукописями Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря принадлежитъ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи и значится подъ № 34. Первые семь листовъ давно были утрачены; но рукою XVI вѣка вписаны и потомъ вплетены въ рукопись. Утраченное начало первой статьи Пансіева сборника писецъ XVI вѣка утѣстилъ на 6 листахъ, захвативши только полъстраницы седьмага листа, такъ что остальные полторы страницы остались бѣлыми. Рукопись начинается словами: Книга скорникъ починаемъ о господи поученія съ оцѣ, какъ ѿче. Начиная съ восьмага листа, идетъ внизу слѣдующая подпись: „Низа Стефана Басилькича Комрина 6920 года.“ слѣд. уже въ 1412 году въ рукописи не доставало первыхъ семи листовъ. Но подпись эта, по подчерку и черниламъ, кажется мнѣ подозрительною: едва ли она не произведеніе позднѣйшаго времени. Какъ бы то ни было, палеографическіе признаки заставляютъ отнести рукопись къ XIV вѣку, хотя она писана не на пергаментѣ, а на бумагѣ. Рукопись на 202 листахъ; въ ней утрачены многіе листы и между ними послѣдніе. Важнѣйшія особенности яз-

ка въ статьяхъ Писіева сборника указаны профессоромъ Буслаевымъ въ его «Исторической хрестоматіи древнерусскаго языка». Изъ Писіева сборника мы печатаемъ здѣсь: 1) *Слово ѿкоего христоролюбца ревкителя по правой вѣрѣ*, занимающее въ рукописи об. 28 листа—35 л. и 2) *Слово святаго Григорія избобрѣтелю въ толцѣхъ о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клани*, занимающее въ рукописи л. 40—42 об. Эти же статьи мы печатаемъ по новымъ и болѣе обширнымъ спискамъ замѣчательнаго сборника, принадлежавшаго прежде библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора № 1285, а теперь находящагося въ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи. Сборникъ относится къ концу XV вѣка, писанъ въ листъ, въ два столбца, полууставомъ; всѣхъ листовъ 168. Въ немъ находится нѣсколько статей одинаковыхъ съ Писіевымъ сборникомъ и, между ними, *слово христоролюбца* и *слово св. Григорія*. Варіанты этихъ статей, представляемые Новгородскимъ спискомъ, такъ важны для изученія славянскій старины, что мы печатаемъ ихъ вполнѣ рядомъ съ текстомъ ихъ по Писіеву сборнику. Открытіемъ этихъ варіантовъ наши ученые обязаны профессору С. Петербургской Духовной Академіи П. А. Чистовичу, который указалъ мнѣ на нихъ. Печатаемъ ихъ подъ №№ II и IV.

Слово Григорія Богослова по этому новгородскому списку обильнѣе, чѣмъ другіе до сихъ поръ извѣстные списки его, указаніями на языческіе взрванія и обряды Славянъ. Кромѣ того окончаніе *слова* по этому списку представляетъ слѣдующее любопытное указаніе на его литературное происхожденіе: «досюдѣ многохъ написати даже несоша ны цесарю граду, а мы высѣдше нъ корабля идохомъ въ святую гору. нъ то бяше велико слово. нъ дотоудѣ написахъ.» И такъ наша статья есть только выписка изъ большаго слова Григорія Богослова и при томъ слова, сопрядавшагося толкованіемъ (изобрѣтено въ глѣдѣхъ его», какъ говоритъ заглавіе). Въ самомъ дѣлѣ наиболѣе чистая изъ русско-славянскихъ редакцій статьи представляетъ довольно близкій переводъ *Слова Св. Григорія Богослова на богоявленіе юсподне*. Для сравненія славянскаго слова съ греческимъ прототипомъ мы печатаемъ ихъ рядомъ, подъ № V¹⁾. Но статья наша выписана на пути въ святую гору и слѣд. изъ какого-нибудь югославянскаго перевода словъ св. Григорія Богослова съ толкованіями. Въ сборникѣ Московской Синодальной Библіотеки,

¹⁾ Греческій текстъ предлагаемъ по изданію Минья въ *Cursus patrologiae completus, series graeca*, том. 36 р. 335 sqq.

1423 года, № 307, содержащемъ въ себѣ Сербскій требникъ и номоканонъ находится на л. 417 об.—421 Сказаніе о скерлиныхъ крѣзѣхъ балинскимъ съѣже имѣна тѣхъ въ прѣкомѣ савѣтѣ григоріа егослова, на егославнѣ. ѡмоужѣ зачело. пакы іс мѡи пакы танигто.»

Въ пергаменномъ XIV вѣка спискѣ славянскаго перевода словъ св. Григоріа ¹⁾ первое слово на богоявленіе читается почти тѣми же словами, какъ и наша русская передѣлка. Для сравненія нашей статьи съ древнеславянскимъ переводомъ Григоріа Богослова предлагаемъ подъ № IV рядомъ съ нею выдержки изъ послѣдняго, означая точками мѣста Слова, не находящіяся въ русской передѣлкѣ и потому опущенныя нами. Толкованія Никиты Ираклійскаго, сопровождающія слово Григоріа, мы также не считаемъ за нужное печатать здѣсь, потому что они не имѣли никакого вліянія на русскую передѣлку Слова. Прибавимъ, что отдѣльныя толкованія Никиты Ираклійскаго на каждую главу слова въ указанной сербской редакціи значительно сокращены и изменены. Сербская редакція толкованій кромѣ того ограничивается только тѣмъ отрывкомъ «обширной бесѣды» Григоріа, въ которомъ указываются языческія суевѣрія и въ этомъ отношеніи совершенно совпадаетъ съ объемомъ русской передѣлки Слова. Сербская редакція толкованій оканчивается словами; «а за нынѣ когы кто мѡужѣтъ изрѣци. кѡакы ко чѡкъ евого кога имѡашѣ. нѡи почитахѣ зѣтрѣи, ѡкнѣ же зѣмѣ. гады. ан лѡкѣ. же и имѡа разлнчнѡ.» Этими замѣчаніемъ уже давался поводъ къ пополненію толкованій указаніями на славянскія суевѣрія, указаніями, которыми дорога намъ русская передѣлка и изъ которыхъ нѣкоторыя могли явиться уже у южныхъ Славянъ.

Въ той же рукописи помѣщены и слѣдующія двѣ краткія статьи, входящія въ связи съ печатаемыми нами примѣтками: 1) на оборотѣ 33-го листа.

Кхиро что ѣ трѣкокладенѣ идольскоѣ. ежѣ рѣ стѣи елѣмѡи не примѡи приношенѣ ѡ трѣкокладѣла идольска.

Не поганымъ гѣтъ ихъ крѣтымъ. Мнози ко ѡ хрѣтымъ. трапѣзы ставѣтъ идоломъ. и наполнѡтъ черпала еѣсомъ. кто соутъ идѡи, ѣе пер-

¹⁾ Рукопись Московской Синодальной Библіотеки, № 954.

ѡмъ идася рожаницѣ. ѡ нихже великимъ прркъ исана гать велелеано копнеть
 река. ѡ горе стакацимъ трапезу рожаницамъ. и исполняюще черпанья
 дѣмоно. се вси кы яко хворостъ къ шгни изгорите. и пакѣ ре не мо-
 жете пити трапезы сотонины. и трапезы хтокъ. и пакы не можете пити
 цашѣ сотонины. и чашѣ гни. тже ре да не разгнѣкланъ га. Я се кто-
 роѣ енаамъ. и локошкѣ и да ице са не на икѣ молать да итан призыва-
 ючъ идоломольцѣ какы. тоже ткорна не токмо хуудни люе. нз и кгаты
 моужинъ жены. се же есть крелмъ злѣе иже есть прикладати трерь стынъ
 къ. къ идолетѣмъ трапезѣ.....

2) На об. л. 34. Давидкиинскаго ебора.

Вже нмъ покѣда ангалъ. церкви Давидкиинскыя. ткоримое дѣло злыми
 чакѣкы и гаше ангалъ. Горе. горе чаккомъ тако ткорациемъ. иже есть не-
 пакнсть бгоу. и на гнѣкз къ. иже ѡ неразумнѣ дѣише. неподокное и
 непотребное. мнаница чѣ ткорацие гжи къ. стакацие трапезу кроуничъ-
 ными гатѣмъ. и сыр. и чѣрпала наполняюще кина докрокоснѣго. и ткорач-
 ие трерь ржасткоу. и подкакание дрестъ дрестгоу идати и пкоть. и мнатъ
 са десро ткорацие. и хкалоу тѣмъ кзданцие кацинъ чистинъ еиже есть кечъ-
 стнѣ и хула. кинсю рекше ржастка. Иѣ чксть се дкци гжи къ. не бо
 есть са ткоримое къ сакоу бгоу. и къ похкалоу къ.....

Слово Григорія Богослова напечатано кромѣ того по рукописи
 XVII вѣка полууставной, въ листъ, принадлежавшей Кирилло-Бѣло-
 зерскому монастырю, теперь же находящейся въ библиотекѣ С. Пе-
 тербургской Духовной Академіи, № 43/1120. Въ этомъ сборникѣ най-
 денъ мною новый списокъ *Слова о Даниилѣ Заточникѣ* (См. III
 томъ «Лѣтописей»).

Слова, напечатанныя подъ №№ VI, VII, VIII, заимствованы
 изъ рукописи, принадлежавшей библиотекѣ Новгородскаго Софій-
 скаго собора, № 1262, теперь находящейся въ Петербургской
 Духовной Академіи. Рукопись эта въ листъ, относится къ XIV
 вѣку, писана въ два столбца, небрежнымъ уставомъ, то на перга-
 ментѣ, то на бумагѣ: случается, что одна статья начата на пергамен-
 тѣ и кончена на бумагѣ и наоборотъ, тѣмъ же почеркомъ. Сбор-

никъ отъ начала до конца писанъ одною рукою. Некоторые статьи вписаны два раза и притомъ не всегда въ одинаковомъ видѣ; писецъ, можетъ быть, писалъ съ разныхъ списковъ. Такъ напр., напечатанное у насъ подъ № VI *Слово о томъ, како първое молами спровади съ идоли и требы имъ клали* и приписанное въ сборникъ Іоанну Златоусту, повторяется въ томъ же сборникъ на л. 93—94, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и безъ заглавія. Важнѣйшіе варианты этой послѣдней редакціи (В) мы подвели въ выноскахъ къ № VI. Здѣсь вся первая половина *Слова* опущена и по послѣдней редакціи оно начинается словами: *Послушайте гл҃ыхъ мола хоци еи оуказати изкесто ѿ ст҃хъ книгъ. Югда ко не еси гл҃ани кр҃тъмни. кр҃тъмни с҃уть. Но точю именованъ наричате кр҃тъмни. но ас҃тати са нагымъ нарокомъ. Конецъ статьи въ послѣдней редакціи уходитъ, какъ и начало въ другое слово, о знаменіяхъ втораго пршествія. Послѣ словъ: кѣ мира да кудеть с ками читаемъ: Но да и ѿ си сло сдѣ ѿдамъ. Мало поскѣдоказъ. ѿ знамѣннихъ сконцаним и оустану. Ссылка слова на Іоанна Златоустаго не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы отвергнуть принадлежность изложенныхъ въ словѣ суевѣрій Славянамъ: съ одной стороны подобныя ссылки были въ нашей древней литературѣ обычнымъ приемомъ освятить важность сочиненіи; съ другой, если въ произведеніяхъ Іоанна Златоуста и есть слово такого же содержанія; то наша статья представляетъ его въ видѣ совершенно измѣненномъ и принаровленномъ къ вѣрованіямъ и обрядамъ славянскимъ. Для сравненія этой статьи съ подлиннымъ словомъ Златоуста печатаемъ подъ № VII послѣднее въ славянскомъ переводѣ (по той же рукописи Софійской бібліотеки № 1262). *Слово отъ св. Евангеліа*, напечатанное нами подъ № VIII и помѣщенное въ описываемомъ сборникъ на об. 29—30 л., есть очевидно русское сочиненіе. На это прежде всего указываетъ неопредѣленность и невѣрность его заглавія, потомъ то обстоятельство, что оно помѣщено вслѣдъ за статьей русскаго сочиненія, именно за извѣстнымъ поученіемъ, приписываемымъ Луки Жидятъ и напечатаннымъ въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (I, 16) Р. Тимковскимъ. Въ Новгородскомъ сборникъ это поученіе озаглавлено: *Слоко поученне иермаковъ* и начинается словами: *Се кратнѣ сию запокедъ ирѣкѣ изкесто должны есмы. еси кр҃тъмни държати. кѣрвати еи**

единъ съ. И такъ древнѣйшій списокъ извѣстнаго поученія, попавшійся намъ въ этомъ сборникѣ, не имѣетъ въ надписаніи имени Луки Жидаты. Но оно названо поученіемъ *іерусалимскимъ*, можетъ быть, потому что писецъ нашелъ въ его заглавіи имя Луки Жидаты. Возвращаясь отъ этого эпизодическаго замѣчанія къ *Слову отъ св. Евангелія*, замѣтимъ, что последнее извѣстно намъ по полууставному списку XVI вѣка въ сборникѣ Троицко-Сергіевой Лавры, въ 4-ку, № 784, принадлежавшемъ какому-то игумену Сильвестру. Слово занимаетъ здѣсь листъ 14-й и первую страницу 8-го листа (листы переплетены въ этомъ мѣстѣ ошибочно) и озаглавлено: *ѡ разсѣженіи грѣхѣхъ тѣлесны. и душевны. и ѡ постѣ*. Оно помѣщено здѣсь между словами, очевидно, русскихъ сочинителей. Варианты Троицкаго списка указаны въ выноскахъ къ № VI.

Съ вышеприведенною выпискою о рожаницной трапезѣ слѣдуетъ сравнить слѣдующую замѣтку, находящуюся въ описываемомъ Новгородскомъ сборникѣ, № 1262, на листѣ 47: *Се куди кѣмъ кѣдомо яко историн иеретикъ. наоучи трапѣзу каасти рожаницную. мьна кцю чакородицу. Стинже ѡци лодикинскаго ебора. слышаше о англа. Зане кѹ неликоткоримое то. и стѣи кѣци. Писаниемъ покѣлѣша не творити того. Да к то послушаше заповѣдани стѣх ѡцъ спиз боудеть ащеи кто не послушашеть ѡлученъ да боудеть.*

Н. Тихомировъ.

(По рукописи Пансіова Сборника XIV вѣка.)

Слово нѣкое ѹлюбца. ревническа по правои вѣре г҃и вѣ.

Ако Іаѡмъ фсхитавникъ. замалыи ѣрѣи жерца. Ідољсина ѹслово. г҃и. І рѣ рскиѹи норскивоихъ но г҃ѣ всесдржителн тѣи сеі не мога терпѣти крѣпикъ. ко дксектно живѹиѹи. І вѣрѹюте к исрѣма. І к хорси. І к мокошь. І к снлѣ. І кс рѣглѣ І къ килѣ. Іхжс ѹслово. г҃и. ѡ. сестрѣниѹи. гѣтѣ искѣглѣ. І мнѣ бнѣши. І тѣи покладѹи кѹхѹте ѹиѹ терсѣи. І кѹрѣи ѹиѹ рѣжѹю. І ѡгискѣ молѣтѣ. зокѹиѣс ѣго склѣрожиѹсѣи. І ѹснѣовитѣ. бѣиѹ жс ѣго творѣѣ ѣгдѣжс оѹ кого бѹдѣи ннрѣ. тогда же кладѹю кѣ дрѣ І к ѹлши. ѹи нѣю ѡ Ідолѣхъ скоѹхъ. вселѣиѹи ис хѹжѣи сѹ срстнкоѹи. ин жидоѹкъ. Іжс к вѣрс І ко крѣиѹи тѣи творѣѣ. не токио искѣжн по І кѣжн. нѣонокс І кннжннѹи. аѹиѣ ис творѣѣ того кѣжн да нѣюте І нѣдѣ. молсноѣ то брѣшио. аѹиѣ не нѣюте ин вѣдѣ да видѣ дѣлннѣ Іхъ зѣла. аѹиѣ ис видѣте да слышѣте. І не хотѣте ѹиѹ поѹѹитн. ѡ тѣокоѹи бо прѣрѣкѣ рѣтѣ. ѡкѣмсиѹ сѣрѣс людиѹи снѣхъ. оѹшннѣ тѣжко слышѣлѣ. ѡѹиѹи скоѹи сожннѣлѣ. нѣксѣлѣ к рнмѣлѣиѹи рѣс. ѡтѣрѣтѣ гнѣкѣ бѣиѹи с нѣѣѣ на ксѣс ксѣрѣстѣѣс. І на нспрѣлѣдѹ ѹлѣѹю. скрѣѣлѣюиѹи. Істнннѹи к нспрѣлѣдѣ. слыѹ гѣ рѣиѹи мнѣози нѣлѣтѣиѹи нѣгѣннѣлѣ кннѣоградѣиѹи моѹи. нѣлѣтѣиѹи сѹ кннжннѹи. н кннѣоградѣиѹи кѣрѣлѣ. ѹлѣиѹи кѣ вѣрсѣи нѣгнѣлѣю. лнѣиѹи нѣлѣтѣиѹи. оѹѹителн ксѣзѣиѹиѹи. аѹиѣ ис І лншѣтѣиѹи прокѣлатѣго молснѣлѣ. ѹи сѣлѣбѣи дѣлѣола. то достѣоѹиѹи ѡгнѣю нсплѣннѣюиѹи. снѣжс оѹѹителн бѹдѹюиѹи ѹиѹиѹи нѣдѣгнѣтѣлѣ. аѹиѣ Іхъ ис ѡбѣрѣтѣтѣиѹи ѡ дѣлѣиѹи того сѣоѹиѹиѹи. гѣтѣ бо прѣрѣкѣ ѡ лнѣлѣиѹи искѣрѣтѣиѹи. людиѹи ннѣходѣиѹиѹи ко крѣиѹиѹи. І оѹѹиѹиѹи добрѣхъ дѣѣ. да ѡбѣрѣтѣтѣиѹи нѣи. болѣиѹиѹи тоѣс. І кѣдѣѹиѹи скнѣдѣннѣиѹи тѣоѣлѣ. се жс молѣиѹи кннжннѣо. нѣксѣлѣ рѣиѹи гѣре ѹлѣѣѹиѹи тоѹи. Іжсѣ

¹ Ис приписано сверху позднѣйшею рукою.

СОБЛАЗНИТЬ ШИРЬ. РѢ ГЬ ІЖЕ ДОБРѢ ИЛОУИ ХТО. ТО ВЕЛИКЪ ИЗРЕТСА (sic!) КО ЦРТѢИ НѢИСМЪ. ИВЕСА РѢ К РИШАМО. АЩЕ ИНОГИ ИВСТАВНИКИ ИМАТЕ Ш ХЪ. НО НЕ ИНОГИ ШЦѢ Ш ХЪ БО ІСЪ АЗЪ КЪ РОДИХЪ. СЪКЪИИНСМЪ. МОЛОЖЕ КЪ СА. ПОКНИЦИ МИ БУДЪ. І ПОНОКЕ КНИЖНИЦИ БУДІТСѢ. ШЪ МОКНИЦИ ИВЛЪ КСАИКОМУ ОУЧИТЕЛЮ. ОУЧИТѢ ЛЮ ИА ДОБРО. І ШБРАЦНИТЕ ІХЪ Ш АСТИ ДАВКОЛА. К ВЪРС ІСТЪИИКЪ. СЛУЖИТИ ИСТИИНОМУ БУ. ДА І КЪ РѢТЕ ПРѢ БИЪ ПРРУКЪИИЪ. ГЛМЪ. СС АЗЪ И ДЕТИ МОА ИЖЕ МИ ДАЪ СНИ ГИ. И АЗЪ ИА РОДИХЪ ОУСУВЪСМЪ. ТОГО РА НЬЕТЕ ЦАТЕ І ДАРЪ СМАТЕ Ш НИХЪ. АЩЕ ЛИ НЕ ХОИТЕ ОУИ ІХЪ. ТО НЕ ПРИИШАІТЕ ИЪ НО СЪИЛЪСКОМУ СЛОКУ. АЩЕ ИМАНИ ШКО СКОЕ ДУКАКО. ТО ИСТЪИКИ СЪ КОИЪ. АЩЕЛИ РУКУ ТО ШЪЦНИ Ю. АУУШЕ БО ШДИНЪ ОУДЪ ПОГНЕИЪ. НЕЖЕЛИ ВСЕ ТЪЛО. НЕ МОЖЕТО ПОГНЕИУ ПРАКСДИИ. ПРО ЕСЪЗЪКОИИИКА. КОС ПРИУАСТЕ ХРТОУ ¹ С ВЪСОМЪ. ТАКО І СЛУЖАЦИНЪ БУ. КОС ПРИУАСТЕ КЪ СЛУЖАЦИНЪ ВЪСОМЪ. І ОУГОДЪИ ДАВКОЛА ТВОРАЦИНЪ. ИВЕСА КО КОРСИФЪСМЪ РѢ. БРАИ ИВЕСА КЪ ПОСАВЪИ НЕ ПРИИШАІТСѢ. КЪ ВЛУДИКО. НИ К РЪЗОИЦЕСМЪ. НИ ГРАЕНТЕЛЕСМЪ. НИ КОРУМЪИТОМЪ. І КЪ СЛУЖАЦИНЪ. КУИРО. НО ДОЛЪЖИИ СЪТЕ Ш ШИРА СЕГО ІЗЪТИ. РЕКНИС ОУИРС. МИНЪ ЖЕ ИВЕСА КЪ С ТАКОВЪИ НИ ПИТИ НИ ИСТИ. НО ІЗЪСРЪИТЕ ТАКОКЪ. ТАКОКИ БО ЦРТКА БИИ НЕ ИВСАДЪ. ШКАМЕНЪ КО СРЪЦЕ ІХЪ К НЕІСТОКО ИВЪИВЪТЪ. І ВЪИША СЛУГИ КУИРО. ТАКОЖ БО ИИИЪ СЪДОША БО ЛЮС ПИТИ І ИСТИ. НЕ В ЗАКОНЪ НО КО ОУПОІ И БЪИША ИВЪИНИ. І ВЪСТАША ІГРЪ И СОБЛУДИША СО БАНЖИНИИ СВОИИИ ² І ТОГО ДИИ ПОГНЕИ ІХЪ. В. І. Х. ЗА СКОЕ НЕІСТОВОЕ ИВЪИВЪТЪ. ТОГО РА НЕ ПОДОВАЕ КРЪТЪИНОМЪ ИГРЪ ВЪСОВЪСКИИ ІГРАТИ. СЪЖЕ СЪТЪ ИВАСИИКЪ. ГУДСИИЪ. ИЕСИИ ШИРЪСКИА. І ЖЕРТЪИ ИДОЛЪСКИА. СЪЖЕ МОЛАТЪ ШГИСЪКЪ ПОВЪИНОМЪ. І ВЪЛЪ. І МОКОШИ. І СИМУ. І РАГАЛУ. І ПЕРЪИУ. І РОДУ. І РОЖАИЦЪ. І ВЕСЪИ ТЪИЪ ИЖЕ СЪ ТЪИЪ ПОБИИ. СЕЖЕ ОУСУВЪСЪ ИВЪИ ВЪИВЕСА ИА КОИЦЪ ВЪКА ДА НЕ ВО АЖЮ БУДѢ РЕКАИ. КРЕЩАЮЩЕ ШРИЦЕСИ СОТОНЪ И ВЕСЪИ ДЪЛЪ СГО. И ВЕСЪИ ³ ЛИГЪ СГО І ВСЕГО СТУДА СГО. ДА ШБЪЦАХОМЪ ХЪИ. ДА АЩЕ СА ШБЪЦАХОМ ХЪИ. ТО УСУИ ЕМУ НЕ СЛУЖИИЪ. НО ВЪСОМЪ СЛУЖИ. І ВЕСА ОУГОДЪИ ИЪ ТВОРИИЪ. ИА ИАГЪБУ ДИИИЪ СКОИИЪ. НЕ ТАКО ЗЛО ТВОРИ ПРОВОТО НО І ИЪШАСМЪ ИЪКИИ УИСТИИ ИЛЪКИ. СО ПРОКАТАИИЪ. МОЛСИИЪ. ИДОЛЪСКИИ. ІЖЕ СТАКА ИИИШЕ КУТЪА. ИИИЪ ТРАИЦЪИ. ЗАКОИИЛГО ШБЪДА. ІЖЕ ИРИЦАЕТЪ ВЪЗАКОИИИИА ТРАИЦЪА. ИВЪИИИИА РОДУ І РОЖАИЦЪ. И КЪ ПРОГИЕКЪИИЪ БУ. САИ БО ГЬ РѢ НЕ ВСАКЪ КИЪ КО ЦРТКИЪ МОЪ. РЕКЪ ИИ ГИ ГИ НО ТВОРАІ КОЛЮ

¹ Писано по оскобленному: хртоу. ² Нѣкоторыя буквы поставлены по догадкѣ на истлѣвшихъ мѣстахъ. ³ Въ рукописи ошибкою: ивсхъ.

II.

(По рукописи Новгородской Софійской Библіотеки конца XV вѣка,
№ 1285.)

Сеже и́зложено ѿ многословесны́хъ книгъ. нѣк-
нымы хри́столюбывцемъ. ревни́телемъ по правѣи́
вѣрѣ. на разроушени́е льсти непризнани́хъ. на
оукорзъ творящимъ таковы́и. на поучени́е право-
вѣрнымъ. и́ на приудетье́ боудущаго вѣка. по-
словающимъ книгъ оныхъ. свѣтыхъ. и́ творящихъ
дѣломъ покая́нныи къ ѿбтавленію грѣхуохъ.

Акоже и́маи́ осзителии. здалахъ и́срѣи́ и жерцьѣ и́долскыи. уисломъ и́ко до трисотъ. и́ рѣ рєкноуи́ порєкнокахъ по гдѣ бѣже мосьи кєсдержители. тако и́ стѣи не мога тырѣти. хрѣстѣи́и дѣкєтно живѣи́и. и́же соуше хрѣстѣи́и. и́ вєроуи́ють къ єроуи́а. и́ къ хѣрєа. и́ къ снѣа. и́ къ рѣггд. и́ къ мокошь. и́ къ вилы. и́же уисломъ тридєсатє сєстрєи́ицѣ. глѣють ѿжани́и и́скєггдєи. и́ то кєс ткорать богы. и́ богыиани. и́ тако кддѣють и́иъ трєбѣ. и́ корокли и́иъ молать. коуры рѣжють. и́ ѿгнєки молать же са. зѣоуше єго склєрєжнѣиы. и́ уєснокинокъ. бѣомъ же ткорать и́ єгдд боудєть оу кого и́иъ. тогда кддѣть къ вѣдрѣ. и́ къ уише. и́ и́иють кєсєлѣи́сєа. ѿ и́долєхъ свои́хъ и́ єгдд же оу кого и́хъ боудєть брѣкъ и́ ткорать сѣ боуѣиы. и́ сѣ сонѣаи. и́ сѣ и́ногыи уюдєсѣ єтєовьскыи и́ и́но- жє сєго горѣє єсть. оустрои́кѣиє срѣмотѣ моуѣжєскоую. и́ кѣкрдѣ- кдѣицє къ вѣдрѣ. и́ къ уише и́ и́иють. и́ кѣиєсѣиє ѿсморѣи́кѣють. и́ ѿкдѣи́кѣю. и́ ѿєлоуи́ють. не хоуѣиє соуѣтє жиоєкъ. и́ срєтнѣкъ. и́ болгаръ. и́же къ кєрѣ и́ къ хрѣсєи́и соуше. а тако ткорать. не

ни дружьбы съ инши держите. по сѣдлѣнскомуу словоу. ѿже рс.
 лице ѿмашни ѡко твоѣ лоукаво. истѣкинн ѣ. лице ли роукоу то ѡбщени
 ю. лоуцс бо ѣсть дѣ ѡдинъ оудъ погыбеть. неже все тело. не
 можеть бо погыбнуть прасдиннхъ. про беззаконника. коѣ приуастьс
 свѣтоу къ тьмѣ. коѣли приуастьс христосоу съ бесомъ. такоже и
 слоужащиихъ христосоу. коѣ приуастьс къ слоужащиихъ ѿдолошъ.
 ѿ оугодна дѣлколомъ творащиихъ. пилелъ корсифошъ рсус. крѣс
 нислѣхъ вѣшъ къ послантѣмъ нисланинъ. не прѣтѣматиса вѣшъ къ блондн
 никомъ. ѿ и лихосѣщемъ. рсксше къ рѣзоншѣщемъ. и къ гравѣтс
 лемъ. ѿ къ корѣушнтошъ. ѿ къ ѿдолослоужителемъ. коѣже соутъ
 ѿдолослоужителн. то соутъ ѿдолослоужителн. неже стѣвать транецоу
 рожаницашъ. короклѣ молать. виллѣшъ. ѿ ѡгнскн. подѣ ѡвниомъ и
 проусе ихъ проклатство. ѿ пилы рсус нинѣ нислѣхъ вѣшъ. не при
 цѣшантесса. лице ти есть братъ такъ. ли блондникъ. ли рѣзон
 шѣщъ. ли корѣушнтъ. ли пѣлнница. ли слоужитель коуширсекъ. с та
 коушн ни ѡсти. ни нити. пѣкѣрѣжѣс залго ни смѣхѣхъ вѣсѣ. тако
 кий бо не мѣслѣдѣтъ цѣтка бѣжѣи. положи бо ихъ ѡкѣмѣненью не
 ѿстоунос пѣлннство. ѿ быша слоугы коуширомъ. ѿкоже нинѣшѣ.
 сѣдоша бо люди ѡсти ѿ нити. не къ законъ. ѿ вѣстѣши игратъ.
 ѿ стѣблѣушнш. ѿ томъ уаѣт пѣдоша ѣ. ѿ рѣ. ѿ погыбоша зѣ свое
 мѣстоукоѣ пѣлннство. того ради не подобѣтъ хрѣстыаниомъ. къ пи
 рѣхъ. и на складѣлахъ. бесокѣскыхъ игръ играти. лице ли то не брѣкъ
 илриуетса. нѣ ѿдолослоужениѣ ѿже ѣсть пилсѣл. гоудѣлѣ несни бѣ
 сокѣскый. сонѣли. боуѣвин. и всѣ жертвѣ ѿдольскѣ. неже молатса.
 ѡгнскн. виллѣшъ. мокошнн. симоу. рѣглоу. нсроуноу. хѣрсоу. родоу
 и рожаницашъ. ѿ всѣмъ проклатымъ бѣгомъ ихъ. се же оуѣсннѣ
 мѣшъ нинѣсѣса на концѣ кѣкѣ. тѣмъже мѣнѣнѣса стоути. дѣ са не
 надѣтъ. тѣмъже кѣзѣлюбѣсннн. вѣглѣтѣ жѣртвѣ ѿдольскоѣ ѿ трѣко
 клѣсннн. ѿ всѣмъ слоужбѣмъ ѿдольскнн. дѣ не къ лѣю боудемъ
 рсклн крѣшлѣюшсѣсѣ ѡрицѣсѣсѣ сотоны. ѿ всѣхъ дѣлѣ ѣго ѿ всего
 стоудѣ ѣго. ѿ всѣхъ лиглѣ ѣго. ѿ всѣхъ слоужбѣ ѣго. и все
 го стоудѣ ѣго. тако же ѿ ѡбѣщѣлхомса хѣн. дѣ лице са ѡбѣщѣ
 лхомъ хѣн слоужити. то усмоу не слоужншъ сѣмоу. нѣ бесомъ слѣ
 жншъ. ѿ всѣ оугодна ѿшъ творншъ на пѣроукоу дѣшъ своѣн. не
 тако же простотою зѣлѣ слоужншъ. нѣ снѣшлѣсѣмъ съ ѿдольскою тра-

Въ рукописи: дѣлкомъ.

незбою трасѣтѣи бѣа. съ рожанницами. въ прогнѣванне кѣоу. самъ
 бо гѣ рече. не всакъ вѣннѣ къ црѣнѣ. река ми гѣ гѣ. нъ тко-
 раи колю ѡѣа мого и нлксѣ рече нвдѣхъ ѡблѣкъ простърѣ
 нздо всѣмъ мнромъ. и вѣроснхъ гѣа. гѣ что естъ. и рѣ ми. се
 естъ мѣтка уѣкувскѣ. слышсно съ беззаконѣ. того ради рѣ гѣ. не
 можеть рѣкъ ѡднѣмъ работати дѣла господниома. единого кѣзвѣ-
 накннѣ. а друѣаго козѣментѣ. тако и мы брѣсѣ. дѣккола кѣзвѣнѣ-
 кннѣ. а хрѣстосѣ кѣзлѣнѣ. конь бо хрѣстѣкомъса. и его хлѣкъ
 ѣмъ. и сѣо уѣшю нѣсѣмъ и оумрѣсѣмъ и зѣрѣи выклѣмъ ѡ немъ. ре-
 кнѣсѣ. салѣа тобѣ гѣ ѡ кѣсѣмъ длнѣмъ намъ тобою. не токо въ сѣсѣ
 вѣкъ. нъ и въ боудѣщнѣи нѣсѣ. И нлкъ рѣ нлксѣ. что оубо трѣкы
 нлдоуѣ стрѣмъ вѣсомъ. не вслю же влѣкъ ѡбѣщннѣкомъ быти вѣсомъ.
 не можете бо ннѣи уѣнѣ гѣкъ и уѣнѣ вѣсѣ. не можете бо прнѣлѣстнѣса
 трансѣ гѣн и трансѣ вѣсѣ. да не разѣгнѣннѣмъ бѣа. таже рече. аѣо
 кто нокѣтѣ влѣкъ. ѣко се трѣсѣано коумнромъ. не вѣднѣе того дѣла
 нокѣдѣкнѣшаго. аѣсѣ кто нокѣтѣ влѣкъ. ѣко се трѣсѣано коумнромъ не
 вѣднѣе того дѣла нокѣдѣкнѣшаго. аѣсѣ бо мѣстѣ. и аѣсѣ вѣстѣ. кѣсѣ
 салѣкоу бѣжнѣю ткорнѣсѣ. гѣа бо естъ дѣсѣла. и конѣннѣ сѣѣ. таже рѣ.
 кѣсннѣ лѣтѣ естъ. нъ не кѣсѣ нѣ пользоу. аѣсѣ урсѣко брѣннѣоу. и
 брѣннѣоу урсѣкоу. и тѣ бѣ да оумрѣзѣннѣ. и нлкъ нлксѣ рѣ. братѣ
 ѡнѣстнѣмъ собѣ ѡ кѣсѣкнѣмъ скнѣрнѣмъ нлѣтнѣмъ. и дѣснѣкнѣмъ. ткорѣсѣ
 стѣннѣю къ стрѣсѣ бѣжнѣи. кѣсѣмъ бо влѣкъ нодокѣтѣ стѣннѣ. нрѣ соуднѣ-
 ромъ хрѣстосѣкнѣмъ. да прнѣмѣсѣмъ кождо нлѣкъ. протнѣкоу дѣлошѣ. кѣо
 же сѣсѣмъ створннѣ. лн добрѣ. лн злѣ. кѣдоуѣсѣ оубо стрѣхъ гѣнѣ. по-
 что кѣспнрѣсѣмъ разоумно гѣлѣумрѣннѣ. и кѣдоуѣсѣмъ нѣ бѣооумнѣмъ оу-
 уснѣсѣмъ. къ сѣснѣнѣ. нлѣтѣжѣсѣ на нлѣсѣ сѣсннѣ. и на свѣдѣннѣ.
 ѣко не кѣтѣсѣ гѣю. кѣдѣ. бо кѣо прнѣвѣртѣснѣ хоцѣтѣ быти. нлѣсѣ-
 го же и мого сѣсннѣ. аѣсѣ бо кѣхѣнѣ слннѣ сѣ ѡсѣоужлннѣ. не кѣ-
 хѣнѣ ѡсѣжѣннѣ былн. соудннѣ же ѡ гѣа нлѣкнѣнѣ сѣснѣ. да не сѣ нлѣ-
 кѣлнѣмъ оосѣжѣннѣ боудѣсѣ. брѣтѣсѣ не вслю нлѣкъ не кѣдѣтнѣ кѣсѣ-
 дѣ сѣѣ. нъ и ннѣмъ боудѣтѣ на пользоу. хотѣннѣннѣ нооумнѣсѣа къ
 сѣсннѣ да кѣстѣ мнѣгѣ нѣсторѣсѣ. ѡ сѣтнѣи дѣкколѣ. прнѣслнѣ къ
 прнѣстоноу скѣтоу. гѣ нлѣсѣго ѣсѣа хѣлѣ. и прнѣлнѣ мѣтѣ. неже тн ѡннѣ.
 нъ и кѣ. и кѣ тнѣоѣсѣю рече. кѣмъ. кѣо добрѣ законъ. аѣсѣ кто зѣ-
 конъ нѣ ткорнѣтѣ. кѣо прѣкѣднѣкоу законъ не лѣжнѣтѣ. беззаконнѣмъ
 же. и нѣспокорнѣмъ. и протнѣкѣннѣса зѣрѣкоу оусѣмъ. и нѣсѣ-
 тнѣкнѣмъ хоуѣлѣннѣ стѣлѣ нѣслнѣннѣ. и разѣроушлѣоумнѣ зѣпокѣднѣ
 стѣмъ ѡѣѣ. салѣкы бѣжнѣ не нлѣслѣднѣтнѣ. хлѣла снѣ естъ свѣдѣннѣи на-

ми́сья. І недопомсти́и поро́дъ. І фини́скоѣ кезу́иоѣ пы́мьство по-
уи́тлю. ꙗко бѣ. ѿ семелнио. трепокладси́ѣ гроу. І молли́мь. І
вилу. Іже е́сть выль ꙗдохъ. ирица́сѣи килъ. е́гоже погуби дѣиля
пѣркѣ ꙗ киллосе. фланкѣиже ꙗфюфѣи. утѣ́ сраи́иля оуды. І
клялю́тъ ѿиъ. ѿ тресы ѿиъ клядѣ. ѿ ми́х болгаре мѣуни́иѣ. ѿ сраи-
иыъ оудъ ѿстекшию сквернѣ. кѣилю́тъ рскѣице снѣъ кѣи́сьиѣиъ
ѿицилю́тъ грѣси. тлѣрскѣи дѣторѣзѣиля. ꙗдолѣ ѿ истрѣице. лѣ-
коньскѣи тресѣицили кроѣ. просѣжѣиля рѣици ѣюже мѣжю. скѣдью
бгнѣю снѣюже дѣиу кѣиляю. І мокашѣ утѣ́. І малли́ио кѣици поуи-
тлю. рскѣи кѣицини ислѣслокоѣ тѣиоѣ мѣсо. ѿиъ мѣицирлю́ бѣи.
дѣлѣиуѣскѣи корожи. ѿи кѣицилино жѣиоѣство. І воллѣицили пропокѣ.
илю́зи сѣрѣиции. хлѣдѣискѣи бѣстроиоуици. І родопоуицилѣ І ѣскрѣу-
скѣи сѣи. І удрѣ. ѣзѣицикѣ. бѣфроиоки сквернѣи кѣици І коциоуици.
ицирофѣи ицикѣ. ирица́сѣици ирицѣици. проклатѣ́ же ѿсѣрѣдѣ рожѣи.
ици бо е́го рѣжюици І того сѣиоицилѣ вы́х собѣ. І тресы. сѣиу сѣици
творѣхѣ ѿкѣиции. ѿ тѣхъ ѣзѣицикошѣ хлѣдѣи. мѣуици тресы ѿиъ тво-
рици кѣицици. роду І рожѣициѣ. порожи́иоу проклатѣго бѣ ѿсѣрѣ.
сѣго же ѿсѣрѣдѣ. скѣжю кѣици сороѣицискѣи. ꙗко не дѣиѣи проходоиъ
проѣде. но сѣицирѣиѣи. того рѣ́ сороѣици ицию ѿхоѣдѣ. І болгаре. І
тѣрѣиции хѣици. ѿкѣдѣ ѣзѣицикошѣ бѣици кѣици тресы. атрѣицидѣ. І
артѣицидѣ. рскѣице роду І рожѣициѣ. тѣициѣже ꙗгѣицианс. тѣко І долѣкѣици
доѣде сѣ словѣ. І ти илѣици тресы кѣици роду І рожѣициѣ. прѣже
ицирѣици бѣ ꙗхъ. ꙗ ицирѣе того кѣици тресѣу. оуицирѣ́ І бѣсѣгѣициѣ. но
сѣиъ кѣицисѣиѣ ицирѣици ѿрицицилѣ. ꙗ по хѣ́ бѣ ицилѣ но І ицие но оу-
кѣициици мѣлатѣ́ сѣиу проклатѣиоу бѣ ицирѣици. І хорсѣу. І мокоици. І
килѣу. І то творѣ́ ѿтѣлѣ. сѣго не могѣ́тъ ицицици. проклатѣго стѣицисѣиля.
ꙗ. ꙗ тѣицисѣици ицирѣицисѣици роду І рожѣициѣ. кѣицику прѣлѣсѣице кѣи-
ици кѣицицииош. І ил хѣлѣу сѣиу кѣицииоу. ѿ ил гѣицикѣ бѣ. ꙗ сѣгѣи-
цианс утѣ́ ѿ тресы клядѣ. иилу І ѿгѣицикѣ. рскѣице иилъ илѣоуицикѣ. І
рѣицицилѣ кѣицисѣи. ѿгѣици творѣ́ сѣиоуициоу сѣицици. І жѣициѣе того рѣ́
ѿкѣицииѣи. иолѣдѣициѣ утѣ́. І клялю́тъ ꙗ илѣоуицикѣ. ѿбѣрицикѣицисѣи.
снѣе новѣсѣице кѣицикѣ е́сѣице. но ици дѣициоци рѣ́. ѿ ициога ицио
ицирѣхѣо.

1 За эти́мъ слово́мъ въ рукописѣи и́тъ ни абзаца, ни заглавія, хотя
начинается новая статья.

IV.

(По рукописи Новгородской Со-
фійской Библиотеки № 1295.)

(По Синодальной рукописи XIV
вѣка, № 954.)

Слово свѣтго гонгорны вго-
словца. нзхѣврѣктено вх
чхларѣ. ѿ тѣ како прѣ-
коѣ погані оуце изымш
служилн пдоло и иже и
никъ мнози творачѣ.

Слово свѣтго оца наго
грнгорны бѣслова. еппа
вхлша наизилнзѣк. на
свѣтѣ крѣцнне.

Видите ли ѡкальнюю снѣ и
свѣрльную слоужьбу сткраще-
уюю ѿ свѣрльныхъ изымъ. сѣли-
ми ѡкальнии. бладевыи жертвы.
оуусьсь дѣшолсь. и зѣобрѣ-
тено потворсьсь тѣмьлго вѣ-
сл. и кощюилнъ злымъ владомъ
трѣсь. зловѣрннн. иначе соустоѣ
истинною. слоужаще калнающса
идоломъ. и тѣкоѣ оухъсннѣ вѣ-
совьско твораче. имъ же снхъ уд-
да ѡнѣснса. исутинымъ жертвы.
дывола служеннн и владеннн
трѣсь. крнтьскаго ѡкальнлго оун-
тсла. молнеда проклатлго срд-
чннѣскаго жерца. и слннѣскаго
любве. боуьсннлго плссклнн.
скрнлннн звочнн. пласлннн. сото-
нннл. фразьскыи слоньнцл. и
гоуслн. поуьскннн. и змлрл. иже
вѣсатса жроуьс. мѣрн вѣсовь-
скнн. афроднѣ богынн. короуьнѣ.

Г. Слзда вѣдѣ утотл. зломнл
же истѣмьнл. иллогоднмн покро-
нн ползюуьчн. и поплосмъ телсу-
нмь посткляющн ѡскернлющлмса.
сдл на снцю тлннѣ прикодате слн-
нн. нхже влди мнѣкса жерты и
тлннмъ вѣсовьско изобрѣтѣсь тѣ-
мо. и мнслсннн потворѣ злл вѣ-
сл. лѣтомъ номоглмо и кощю-
ною владомо. ннъ же бо агы
истннннмъ покллмлются. лѣт ко-
щюны покрьлѣю.

Д. Ис дымвх се стѣмьл. и
крдсьнн крнтьскаго мѣтла. ише
и снннн игодууь. нн кнрннѣтстнн
звччн и плссчн. и пласннл вѣ
ѡрѣжѣ вѣ плзюуьчюса.

Е. Нн фрнглсклл крокннл и
свѣрлнл. и корѡвлннн снко же
ѡ нрѣ ульчн вѣсатса. жрѣще мѣрн
бѣжѣстен. . . нн дѣл нл вѣсхл-
тлссл.

Чороуна же боудста и антихрѣца
 шти. и артеמידе. проклатѣи. днѣ-
 мисса. стегноражлиню. и недопо-
 шенный порода. и бѣъ моужеженъ.
 и финкйское бездоумное пьимыство.
 поунтлють емо бѣа. и ссыслимо
 трѣбокладснѣс. громи. и молзньи.
 и киллоу. бѣоу киллоскомоу. сто
 же рлзѣи данило прѣкъ. тѣмъ же
 бѣмъ трескоу калдоуѣтѣ и ткорать. и
 слокснѣскый изыкъ. киллзнь. и мо-
 кошъи. дикѣ. исроуноу. хърсоу. ро-
 доу. и рожлици. оупирснѣ. и беср-
 гынаиъ. и ирснлзтоу. и керьтаус-
 са нють снѣоу въ роуэхъ. и ѿгиски
 склрѣжницю молатса. и пилкыи. мѣъ
 ткорать. и въ тѣстѣ мосты дел-
 ютъ. и колодауѣ. и нил многоли
 же оуѣхъ. фалликады. и въ ѿбразъ
 створснѣ. и киллаютса нилъ. и
 тресы нилъ калдоуѣтѣ. словѣнс же.
 нл склдьблхъ въкллдыкляоус срлмо-
 тоу. и уссноикнтокъ въвѣдрл. нють.
 ѿ фюфильскихъ же. и ѿ арлкитѣ-
 скыхъ иислнѣи. млоууишсса бол-
 глрс. ѿтъ срлннхъ оуѣхъ. иста-
 клириую сккѣрмоу въкоушлють. и
 соуѣтѣ всѣхъ изыкъ сккѣрнѣше и
 проклатѣише. тлѣрьсклм. дѣто-
 рѣзданъи. иже ѿ пѣркснѣцѣ. лл-
 коньсклм. трѣнцинал крокъ. про-
 сшлссиллм рлмнн то нхъ снн-
 тснѣи. и тоу млжють склтию. бо-
 гыню. снѣю же дѣоу ткорать. и
 мокошь утоуѣтѣ. и кыллоу. и шлл-
 кылъ иже еста роууиный блоуѣхъ.
 пслопоко. тѣмноѣ масоткорѣ иже
 маснѣрлс бѣмъ ткора с лзубны.

Ѣ. Днонис стегноражлиню не-
 сношнѣи порода. лнн имѣгда гла.
 въ ирснѣкѣ. и бѣъ мѣужснѣ. и лнкѣ
 пьимыи. и кой. ѿслабѣишсѣ. фи-
 кѣнско бездоумство ссго ута. и
 ссыслимо трѣснокснѣс килласмо.

Ѥ. И афродиты блудныи оуды
 таныи. пѣлл иже сккѣрнѣиъ. емо
 же ти глѣю. и бѣлнннн утоиъ ии
 фаллици. ии ифѣфалл сѣлнннн ѿб-
 рлзы и дѣлз.

Ѧ. Ии такрьсклм уюжегѣлениъ
 и ллконьскѣи брлдѣюфнѣ. трѣннѣ-
 нлмъ крокъ. проуссаклм рлмнн. ти
 сс тоуѣю злѣ кропалннссл, ииъ
 же утѣтса бѣшнн. и снже. дѣи.
 тнже бо и шллкнню утоша. и бѣ-
 сстѣ поутошл.

Ѧ. Кдѣ ли положннн пслопоко
 масотворснѣи. ллзубны бѣмъ ил-

ли трипода. далфивускаго. коро-
жа. ѿ розгомстаниа писалиа къ
кингдхъ. ли кляоуѣстова златоство.
уѣтоуѣтѣ мѣо бѣа. ѿ сѣмиьскоѣ кол-
хвоклинѣ и колхескноую проно-
вѣдъ. ѿ ил оузи сираданиа. ѿ
иныхъ же иныиже мзыкъ гонь-
зюуѣл. и хладдѣйскимъ астрономимъ.
и родопоунтанисѣ. ѿже сѣтъ шир-
толон. и фряжскыа сны. и уары
и оуэраут. и кѣшь. борзнокы. сквѣ-
рныиыа класи ѿже и всюдѣ соуѣт.
ѿ коцѣныа. интроол. мѣука иарн-
ца сѣмамъ праксидимъ. проклатого же
ѿсиридѣ. рожениѣ. мати ко сѣо
рѣжюци ѿказисѣ. ѿ того створи-
ша бѣиъ. ѿ трѣбы сѣоу сѣлимъ
творахоу ѿкляниши. ѿ ѿ тѣхъ илзы-
коша дрскѣ хладдѣи. ѿ илзуша
трѣбы творити своима бѣомъ. ро-
доу. ѿ рожаници. по того роже-
нию. проклатого. ѿ сквѣрныаго
бѣ иуѣ. ѿсиридѣ того же ѿсиридѣ
скажетъ книга лѣживѣиѣ и сквѣрны-
иѣиѣ. сраунисьскаго жьрца. шолме-
дѣ. ѿ бохмита проклатого. ѿко
ислѣпыиъ проходоуъ проидѣ. ро-
жѣисѣ. того рѣди ѿ кѣиъ сѣо ил-
рскоша. ѿтоуѣ илзуша шити гоу-
зницѣ. срлцини. ѿ болгарсѣ. ѿ тѣрк-
цесиз. и ѿ чѣнко иуѣ сѣтъ къ въ-
рѣ той. ѿ шытѣс то вѣлнѣаютъ
къ рѣтъ. ѿтоуѣдѣ же илзуша сѣлини.
стѣвити трапсзоу. родоу и рож-
аницамъ. тѣже сѣгюнтамс. тѣже
римлансѣ. дѣже и до словеснѣ дои-
дѣ. сѣ же словеснѣ илзули тра-
псзоу стѣвити. родоу. ѿ рожѣ-

стыцилѣисѣ. . . . ѿ колхвоклинѣ.
или трипода дѣлфивускаго прѣсѣд-
раиѣиѣ или клясталиио вѣржесноѣ
пѣтѣс.

лѣ. ѿ колхескыиѣ трѣсвиѣиѣ про-
повѣдѣ пронориѣ ѿ хладдѣйскыиѣ ас-
трономимъ. ѿ родоуѣтснѣиѣ. илѣсскыиѣ
шѣстѣиѣиѣ кляоуѣсѣо илѣс.

кѣ. ѿ сѣрлукыиѣиѣ шиниѣиѣ тѣи-
иѣиѣ уѣтѣиѣ. . . . илѣ орѣѣискыиѣ трѣ-
бы и тѣиѣиѣ.

гѣ. ѿ шифрокл мѣука праксид-
имъ. . . . илѣ осиридово дрлѣиѣиѣ
дрѣгѣиѣ илѣиѣтѣ.

нищамъ. персже пероуна бѣа ѿхъ.
 а перже того каади тресы оупи-
 рещь ѿ берсгыннмъ. по стѣмъ
 крѣсннѣ. пероуна бринуша. а по
 хѣ га бѣа ѣшла. изъ ѿ нима по
 оукранимъ ѿхъ. молатса прокла-
 томоу бѣоу ѿхъ пероуноу хѣрсоу.
 ѿ шокши. ѿ кнаамъ. изъ то тво-
 рать амы ѡтаѣ. ссго жс ис мо-
 гоутса лишити. илусише къ по-
 гльствѣ. джс ѿ досса. прокла-
 тлго того стлксннѣ. котрымъ тра-
 несзы родоу ѿ рожанищамъ. ил
 ирельствь крѣннмъ хртыномъ. ѿ
 ил хоулоу стѣмоу крѣсннѣ. ѿ ил
 гннмъ бѣоу по стѣмъ крѣсннѣ ус-
 рескоу рлкотини понокс оустаниша
 трспарь прикладати. ржтл бѣи.
 къ рожанищамъ трансзѣ ѡкаади
 дѣюус. таковыи нарицаетса крѣмо-
 гоузычи а ис рлен бѣнѣ. ѿ ил
 ан дѣѣ ѿ каадиотса илннсакинс
 жсноу. къ уѣлѣускѣ ѡбразѣ тварь.
 илмы жс ѿ се и сѣсѣ сѣнтанс трс-
 бы каадоутъ. иллоу. рѣцѣ. ѿ ѡг-
 нски. рескоуцис. илнъ иллодалксѣ
 бѣѣ. ѿ рлстнствл каасомъ. а ѡгнь
 бѣѣ сѣдл сѣхис жито. тогда спо-
 рыню творитъ. того рлди ѡкннѣ-
 ннѣ. полоуднѣс угоутъ. ѿ каа-
 диотса ил похѣдѣс ѡбратннше.
 досюдл бссѣдл си быствъ. досюдл
 погохъ илннсалти. джс иссои ил
 црѣю гѣ. а илмы кнссѣдше ѿсь ко-
 рблал. идохомъ къ стѣоу гороу.
 изъ то башс велико слово изъ до-
 тоудѣ илннсалхъ.

Дѣ. Ни сѣнкоже илла уѣтлн кѣ-
 дать иллодолнца. ѣко жс хллалъ
 ти и доборкалснл.

(Изъ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Петербургской Духовной Академіи. № 4/1110.)

Слово свѣтѣ Григоріа бѣго-
слова. Изъсѣбръкѣно въ то-
щѣ еѣго. О то кѣко первѣе
поганѣи ѣзыци кланяли-
сѣ идоломъ и грекы и при-
носилѣ. и и нѣкѣ то тко-
ратъ мнѣсі.

Витѣли окланноу снѣ и сквернѣю
слоубѣу. стѣраѣмѣу ѡ сквернѣ
ѣзыкѣ. ѣлѣни окланнѣи. владикѣ
жерткѣ. сѣченѣ дѣломъ изъсѣбръкѣно
потворѣнемъ темнаго вѣла. и ко-
щѣна злѣ кланомы трѣкы. злѣбръкѣи
мнѣши сѣгѣтеу истинѣю. слоубѣи и
кланяющѣса идоломъ. нѣкѣ сѣхѣшенѣ
вѣскѣкѣе торащѣ. мѣ сѣ чада ѡме-
щѣмѣа нѣчѣнѣкѣ жртѣкѣ. днѣкѣ слоубѣ-
ниѣ и кланѣнѣа трѣкѣ. крѣскаго сѣ-
чѣла окланнаго. и мамѣа проклѣ-
таго грѣшникаго жртѣа. ѣлѣнѣкѣа мѣкѣ-
кѣ. коукѣнѣаго нѣсканѣа сквернѣи

ΛΟΓΟΣ ΙΖ΄.

Εἰς τὰ ἅγια Φῶτα.

Γ'. Μὴ τις τοιαύτη κάθα-
σις νομικῆ καὶ σκιδώδης, προς-
κίρισις βαντίσμασιν ὠφελούσα,
καὶ σποδῶ θαμάλεως βαντίγουσα
τῶν κεκοινωμένους; μὴ τι τοι-
οῦτο μυσταγωγούσιν Ἕλληνες;
ὧν λῆρος ἐμοὶ πᾶσα τελετὴ καὶ
μυστήριον, θαμόνων εὖρημα σκο-
τεινόν, καὶ διανοίας ἀνάπλασμα
κανοθαίμονος, χρόνω βοηθούμε-
νον, καὶ μύθῳ κλεπτόμενον.
Ἄ γὰρ ὡς ἀληθῆ προσκυνούσιν,
ὡς μυθικὰ συγκαλύπτουσιν....

Δ'. Οὐ Διὸς ταῦτα γοναὶ καὶ
κλεπαὶ, τοῦ Κρητῶν τυράννου,
κἂν Ἕλληνες ἀπαρέσκωνται. οὐδὲ
Κουρήτων ἤχη, καὶ κρόται, καὶ
ὄρχήσεις ἔνοπλοι, Θεοῦ κλαίον-
τος ἤχην συγκαλύπτουσαι, ἵνα
πατέρα λάθῃ μισότεκτον. —

и фрѣцкыѣ смѣ, и чѣрнѣ и оуѣтрача
и кѣшь, ѣфрѣнскыѣ смѣрныѣ власни,
и кѣщѣрныѣ. митрола мѣка. нари-
цаема прѣведна. проклатѣго ѡсирѣда
роженіе. мѣти во ѣго рѣжюци и
ѡказіа. и того согкѣрнша вѣгома.
и трѣм ѣмоу смѣны тѣорахѣ ѡка-
ліиши. ѡ тѣѣе дрѣкле изкыкше
хлѣбѣ. начѣша трѣм тѣорити ке-
лини рѣдоу и роженіа. по роженію
проклатѣго и смѣрнѣго кѣ ѡсирѣда.
того ѡсирѣда смѣтитъ кнѣга сра-
цинѣга. ѣко мѣрѣлѣ прѣхѣдѣ прѣиде
смѣрѣлѣ. того рѣд срацини мѣють
ѡхѣдѣ и вѣлѣгарѣ и тѣрѣмени. и
комли. ѡнѣхѣдоу изкыкше ѣліни
кѣлѣсти трѣм. рѣдѣ и рѣниа. тѣче
ѣгнѣтанѣ даже и до смѣвнѣ ден-
де. ѣ смѣкѣни начѣша трѣм кѣлѣсти,
рѣдоу и роженіа, прѣ перѣна кѣга
нѣх. и прѣже тѣ трѣм кѣлѣли сѣ-
пирѣ и кѣрегнѣга. по сѣѡмѣ крѣпѣни
перѣуна ѡрѣноуша. а по хѣ вѣ ѣше-
са. нѣ и нѣѣ по сѣкрѣниа мѣлатѣ
ѣмоу. проклатѣмоу вѣгѣ перѣноу.
хѣрѣдѣ мѣкѣши. вѣлѣ и тѣ тѣорѣ
ѡтанѣ. сѣгѣ не мѣгоуѣт ѣа лишиѣти.
проклатѣго сѣгѣлѣнѣа ѡторѣмѣ тѣра-
пѣзы. нариѣнныѣ рѣдѣ и рѣниа. на
кѣкѣкоу прѣлѣтѣѣ вѣѣрныѣ хрѣтѣ
номѣ. и на хѣѣдоу сѣѣмоу крѣпѣнию

λοπος κρεουργίαν, πεινῶντας θε-
οὺς ἐστρωσαν, καὶ φιλοξενίαν πι-
κρὰν καὶ ἀπάνθρωπον; τοῦ δὲ
Ἐκάτης τὰ φοβερὰ καὶ σκοτει-
νὰ φάσματα... ἢ τρίποδος Δελ-
φικοῦ σοφίσματος, ἢ Κασταλίας
μαντικὸν π.μ.α.

Τοῦτο μόνον οὐ μαντευσάμε-
να, τὴν ἑαυτῶν σιωπὴν. οὐδὲ
Μάγον θυτικὴ καὶ πρόγνωσις
ἔντομος καὶ Χαλδαίων ἀστρο-
νομία καὶ γενεθλιαλογία, τῆ
τῶν οὐρανίων κινήσει συμφέ-
ρουσα τὰ ἡμέτερα, τῶν μηδὲ
ἑαυτοῦς ὅ τι ποτε εἰσίν, ἢ ἔσον-
ται, γινῶνα: δυναμένων. οὐδὲ
Θρακῶν ὄργια ταῦτα, παρ' ὧν
καὶ τὸ θρησκεύειν, ὡς λόγος.
οὐδὲ Ὀρφέως τελετὰ καὶ μυσ-
τήρια... οὐδὲ Μίθρον κόλασις
ἐνδοίκος, κατὰ τῶν μνεῖσθαι τὰ
ταυῦτα ἀνεχομένων. οὐδὲ Ὀσί-
ριδος σπαρχμοί, ἀλλή συμφα-
ρὰ τιμωμένη παρ' Αἰγυπτίσις.

и на грѣхъ коу. Паки и иже
и се игнорати чѣ и триемъ класоу.
или рѣци и огнемъ. рикоуше или
плододавецъ и раститель класо. и
огнь твора рикоуше. спорныи сѣща
ига зрѣе. того ради оканнии чтоу
полоунии и кланати на пани
скратисса. Ои поке кланка и.
ми лѣности радъ мало написаго.

.... οὐδ' ἔσα τὸν Νεῖλον ταῖς
τιμαῖς καθυβρίζουσι, τὸν καρ-
ποδότην, ὡς ἀνυμνεύουσι αὐτὸν
καὶ εὐταλοῦν, καὶ μετροῦντα
τὴν εὐδαιμονίαν τοῖς πῆχεσιν.

VI.

СЛОВО ОУГХ СЪГО ЕВАНГЕЛИИ.

И пакы рсуть гъ. Аще хоцеша помолитиса оубо твоему въ таниа.
И оубо твои куда та в таниа молащася въздасть тебе или предъ
ангелы свои и предъ всеми сѣми. Утоже есть в таниа. Иже что
кажеса дѣшнѣхъ грѣховъ и телеснѣхъ. И сннтемю. держати. по-
ститьса ме исхода ис поста. до исхода дѣш своа. и мѣтѣ смалютъ.
егда дѣш ис телеси исходити научати. Телесни бо грѣси илици и
дѣшнни илици. такоже и постъ иликъ дѣшнѣмъ. а иликъ телеснѣмъ.
телеснѣмъ бо грѣхъ телесьскы. а дѣшнѣмъ дѣсьскы. Телеснѣмъ постъ
постнѣссса таже ¹ асти. а дѣшнѣмъ поста инколиже ² прстати.
Но оби въ бѣдѣсмъ иже оиоуниѣти. Телесниже сѣтъ грѣси. оу-
бинствя. блѣди. уродлиствя. Поткорн. колшыка ³. идоужн ⁴. идолю-

¹ да. ² инколиже не. ³ ⁴ Этыхъ словъ нѣтъ.

служение ¹. трезвъ идоломъ бѣсомъ. по мѣзде ² лихониманне. еже
 есть всему худу ³ пимьство. и всего ⁴ нужно писати. А се дѣш-
 нин грѣси. хула. зѣни помышлѣн. ереси. злопомнилинне. зѣвнсть кѣв-
 вѣта и славнсть ⁵. прозорьство оуныинне Фудимне. исоупованне еже къ
 бѣ. иновтрѣе еже уюжю вѣрѣ хвалити. и приишшатиса къ ином вѣрѣ ⁶
 и глѣти. ие ирѣво глѣти. росокы дѣити обѣлыговати прѣвѣта и илѣ-
 тиса. и низго клѣтвы догонити и ротѣ водити. и къ ином вѣрѣ по-
 гимон ⁷ пристѣпити. и по кривѣщъ прю дѣити. и оуиитиса ѡстро-
 номини ⁸. и бѣровѣти в мѣтанне ⁹. и въ лживѣли писанинѣ. и въ елнѣ-
 скыя кннгы ¹⁰ въ блснотворѣя. и въ оустрацю ¹¹ и в мокошь ¹².
 и въ спосѣдець ¹³. птицин ухрове. Къ громинкѣ. и в коладинкѣ. и
 въ всѣ мартолон проклатын. и иже творять злы дѣи и улсы. да бѣ-
 деть ирѣсть ¹⁴ и нужа вѣлика писати. Да тыхъ грѣховъ не вси клѣтса.
 ни зѣ то сннѣсина приишуть ¹⁵. тѣмъже не вси сѣсѣтса по избранни.
 Кое то сѣтѣ избранни. Инокорликни. послѣшливини. ти бо волю бѣю
 дѣютъ. а сконхъ воля ѡтшѣтлѣшеса и бѣю дѣютъ. Ти сѣтѣ рѣли бѣни.
 Гѣ бо рѣсѣ иже сѣтѣ дѣи ¹⁶ водни. то сѣтѣ сѣкс бѣи. Се же илло
 илпнсѣхомъ. ѡ телеситыхъ грѣсѣхъ и ѡ дѣшкнѣтыхъ. нужа бо сѣтѣ много
 писати да сами пакн рѣсѣмотритсѣ.

¹ идоломолсѣе. ² I потому великое злое. ³ иже е всему худу мѣ.
 а дрѣжлѣ илтица всему худѣ пѣмьство. ⁴ всего того. ⁵ Этого
 слова нѣтъ. ⁶ ко. иновѣрнѣ ⁷ и коной вѣрѣ ипогной. ⁸ ѡстро-
 логы. ⁹ Ошибочно в мѣтаннѣ. ¹⁰ кощны и блснотворсѣе. въ
 страцю I бѣсѣ ¹¹ Этого слова нѣтъ. ¹² и въ сновидѣннѣ и въ
 громинкѣ и в коладинкѣ и въ итихъ глѣи и всѣ мартолон проклѣ-
 тын. ¹³ да бѣдѣ проклати. ¹⁴ дрѣжатъ I прѣснлю. ¹⁵ За тѣмъ
 прибавлено: бѣннѣ.

VII.

(По рукописи Новгородскаго Софійскаго собора, N 1262.)

Олоу сѣго оца нашего. іѡу златооустаго. архіеппа
 константина града. о томъ како първое поганин
 вѣробали вх идолы. И чрекуы нлихъ клали. И имена
 нлихъ нарекали. аже и нынѣ мнози тако творять.
 и вх крѣпчаньствѣ. соущѣ. а не вѣдють что
 есть крѣпчаньство.

Аплъ извелъ рѣ нмъже разумѣше бѣ. а не акы гѣ просланися. и
 похвалншѣ и истощншѣ и помышлѣхъ сконхъ. и оумне не смышленое
 срдце ихъ. и поутоша и служнша твари плусъ творца. сего ради пре-
 дастъ а бѣ въ стрѣн исѣтна. Мисы бо ихъ все премиснша. вѣчное
 требованис не къ вѣчное. Также и шжи ихъ разгордешеса. на
 блудъ похотенисы сконнхъ. Мужн с шжи студъ сдѣлающе. зламъ дваа
 твораце. Ако тако дѣюще достоинн сѣтъ смрти. Не тоилю то тво-
 рать смнн. Но и волю длютъ творащнхъ. тако рскше понове дѣють.
 повниющеса ннхъ. и не хоташе ихъ пооумнн. Моуамнень загра-
 днша оуста своа. На плгубу шлоуимншѣ. оугодила ннхъ творать. урсу
 рѣботють а не боу. акоже и аплъ глѣтъ. нмъже бѣ уроко и сламъ.
 въ студѣ лица ихъ. Како станете оу прѣлѣ бѣа дроздѣамн конающе
 и трасѣсеса акн клннхъ. и гѣ рсус. Горе влнхъ кожскѣ слепнн. ако
 шѣходите море и зснлю. И творннн и сднмого прншьлацѣ сѣа дѣери
 шннннн сѣгубннша клсѣ. Горе влнхъ кожскѣ слепнн. нн смнн вѣхо-
 дите но и хоташнхъ кнннн не дасте. уавунъ злешнше страха бѣа
 нескреженнсмъ и крѣпнна шкѣргошѣ. и прнстѣпнншѣ къ идолошѣ. и кз-
 уамн жрстн шолннн и грому. и слнцю и днхѣ. А друзнн перснну. хоу-

сѣ. вилды и шокони. оунирель и берегымаи. иже нарицають три
 ѿ. сестриница. а нини въ свирожитца вѣроуютъ. и въ артсиду. иже
 ивсталши ульѣи молатса. и кѣры ниль рѣжють. (Ѿ) оубогаи коурата.
 ѿже ис на уть стѣи породилъ. ни на уть вѣришь ульѣкомъ. По на
 жертву идоломъ рѣжютьса. и то блочникисе слии адать. И нити въ
 кодѣ поглиласи соуть. А друзин къ владзѣиъ приходяще молатъ.
 и къ коду исують вселару жертву приносасе. А друзин ѿгнѣи и
 влению и рѣкыи. и истоуиникомъ. и берегымаи. и въ дровл. не
 токможе пресе и поглиствѣ. По мнози и нити то-творѣ. А крѣпкити
 ся ирнующе. мосты. и проскѣты. и вѣдлинкы. и усресе ѿгнѣи скл-
 ують. инаще крѣпкити а поганьскла дѣла творать. илкъиъ шовъ тво-
 рать. и поелъ посреде слылють. и проповѣдающе илѣ и шолоко. и
 шлелл и цнцл. и вса потрескила бесошъ. и ил нець и льюще въ глии.
 штыиса ниль келл. Усхолъ и оуброуеъ вкшлюще въ шоленици. Бесиже
 злоубишиу ихъ сытющиса. поропрѣщуютса к поелу томъ. и следъ
 скон показють на пролѣснис ниль. (Ѿ)иже видѣкис то ѿходать.
 поведлюще другъ другоу. и то все проповѣдликисе слии адать и нию.
 иже иедостой ни неѿ исти. (Ѿ) злѣи днѣвола ирелъствѣ. иже ни
 поглини того не творать. А друзин вѣрѣють къ стрикѣ джѣкѣ. и
 иеренлоуѣ. иже вѣртауееса смѣ ниють в розѣхъ. захѣвше бѣ стко-
 рникнаго иѣо и зсилью. шора и рѣкыи и истоуиникы. и тлѣо кесслаѣсса
 ѿ идолѣхъ сконхъ. Не поминаще слока русеннаго слиѣе снасть на
 грѣшнѣица и на праведнѣица. дождъ дождити на праведнѣица и испра-
 веднѣица. и дѣшлаго илѣиъ всако ѿбнѣис ѿ плодъ зснѣицхъ. Илѣе
 ѿстакнѣисе жикотодлѣца гѣ. А къ днѣволу бѣжнѣиъ. иже не хоѣсть
 никомѣе спѣина. но съ собою хоѣсть въ днѣо адово къвѣсти.
 Аилѣе русе испирлѣшии себе гнѣкѣ къ днѣи гнѣкѣ шлеллѣица правед-
 нѣица судѣи бѣи. иже ѿдѣствѣ комоуждо по деломъ сго. акоже
 илѣиъ златооустѣи русе. Послушанте глѣицхъ крѣпкити. По токмо
 нитиисе ирнуютса крѣпкити. то льстатса илѣицхъ илрокомъ. Сло-
 комъ бо и слытѣсѣи¹ мнози сѣи² крѣпкити. а ѿбразомъ³ илло
 ихъ. (Ѿ)бразомъже акѣи и оуѣици акѣи. а дѣломъ предѣтели⁴. Сло-
 кѣсѣиъ бѣвоазнѣици. а дѣломъ⁵ исѣтѣици. Словѣсѣиъ илрѣи а ѿбра-
 зомъ слиици. Илрокомъ крѣпкити а дѣломъ⁶ стрѣлиници. Съсѣиис-

1 Эгихъ словъ въ епискѣ В иѣтъ. 2 Иѣтъ. 3 За тѣмъ: зѣло илло
 бо ихъ ествѣ. 4 Слокомъ же акѣи христосоки оуѣици. а ѿбразомъ
 предѣтели. 5 образомъ. 6 дѣлсствѣ.

шабоса съ странами ¹ и пакыкоша дѣла ихъ. Но истиня къ насъ са сконча пррѣте ². Кацн ко сѣтъ крѣдани, а послушающе, пощюихъ славискѣхъ, и баснии жидокьскѣхъ, и рѣтко ³ и почитаниа звездныхъ, и итица гласа, и удрокѣ, и колѣкочиникъ, и законна дѣни, и лѣтъ и снокъ, и ⁴ идѣзъ истоуиникъ свѣдѣл вжлгяюща, и коуири-скую жерткѣ адать ⁵, и кровь и оудакленину, и зварсмъ оудасно, и итицими оуигитоно. Многа има подокнала смѣхъ, како крѣдани изрѣснса ншоуѣ, а сице ткораше. Книшли дързнокиснсмъ, сикютъ изрнчатѣ крѣдани. Клколи сикютъ къ стѣмъ тлннѣ прити, а горше сѣце славнѣ. Послушанте ко пакн, кацн оубо крѣдани, а поглнхъ образъ носаше ⁶, и прокужлюще лице ⁷, или поглншсина или пдаслнна. Или изссказннкъ роукѣ сотонншоу, или оутеларъ жемьскую на шѣсхъ си ткораше ⁸. И нѣ ннѣ ннкосаже ползу изрнчатнса крѣданомъ. Акоже бо дѣца донележе хранитъ дѣтко, то по истинѣ кзы-вѣстѣса и сѣтъ, аснсан прѣлѣстнѣса нншъ плотншмъ, и дѣтко поубнѣтъ, то нѣ оубе дѣца, тако и изрнчлснмъ крѣданннмъ. Асн зквѣтъ прѣстѣннѣтъ, и обѣтъ попрѣтъ з соуднглѣское слово. Шнкржѣтъ, а поглнхъ дѣла дѣлатн мауиетѣ, ннннже оубнхъ изрнчлснса крѣданншоу. Акоже и кынс рекохомъ. Разумнѣте же всн кѣзлюблннн. Ако шлншн словесы всѣхъ смѣхъ шѣкргохомса глѣсѣ, шншлснса сотонн, и всѣхъ дѣлъ сго, и рѣ жѣ при всѣхъ да номышли что всѣхъ дѣлъ сго да блюди и номышли кому са шѣснрл, нн лнглѣу зсншоу, нн црѣю, нн кнзю кѣка ссго. Но црѣю црѣвоушннмъ, и кнзю кнзѣствоушннмъ тошѣже са и шѣснрл и нсноксда прѣдѣ шногымн посахъты, да оубе к рѣкѣ сго ты и словеса ткоа. Или к тошоудн сго прнходаша съ нсбесн ждснн сго, нссуцлнл нлнслншл кннгы ткоа, ннже поусетн сѣтъ прѣдѣ лнглѣы и улнкы. Тышже братѣ сѣхлннса поше нлнѣ ш поганнхъ стрлнз нслнннн. Послушанте шлѣ глѣрл, се же глѣ ш послѣшлшо, нс ходнш кншъ снсѣ, акоже и дрѣгѣла стрлнз ходатѣ, в нѣстошн оума сносго, штнннѣкншѣ разоушномъ, а кы нс тако нлннкоствѣ. Но разумнѣте хснш глѣла кѣзлюблннн, нс смѣшантѣсѣ, с дѣюшннн тлко. Мнози оушн-

¹ Прибавлено: рѣкѣше съ ерстиникъ. ² За тѣмъ: Кацн бо крѣдани а поглнхъ дѣла ткораше. Кацн бо крѣдани и ерстиньскѣхъ оушннн послѣшающе, и жидокьскѣхъ, и славнскѣхъ всѣхъ.... (за тѣмъ отодрано). ³ за тѣмъ отодрано и уже послѣ идѣтъ: и звѣздоушннѣ. И глѣошю законннхъ дѣни. ⁴ За тѣмъ: итица глѣ. ⁵ идѣше. ⁶ образъ ткораше. ⁷ Лица. ⁸ Ты ткорашншъ то нѣ.

тели изгмысли. и сѣе оумножитиса нмѣть. Но блюдитсѣя яко дѣе
 зан соуть. и крема слуги си избиряють. Но не поумднѣа аще и
 плстѣши волци боудѣть. Къ сннѣмъ бо и попоу кесѣдѣа аплѣ пакель
 гѣше. Яко ѿ слѣвѣхъ влѣхъ вѣстати нмѣть мѣжи гѣше развѣршениа.
 тѣже да не лѣстнѣ влѣхъ никтоже. изкиѣ ншми ѿбразъ ангакти. А
 измѣтра днавольскни. Тѣже и гѣ гѣше блюдитсѣа да никтоже влѣхъ
 не прѣлѣстнѣть. И азъ тоже глѣю да никтоже влѣхъ не прѣлѣстнѣть. ни
 ѿ вѣтшинѣхъ ни ѿ оустрѣнѣхъ. ни спѣхъ ни понъ. и ни дѣакѣ ни дѣа. ни
 излгностаннѣхъ ¹ ни ннѣ. аще кто боудѣть глѣан развѣршениа. Инже
 приходатъ к влѣмъ въ ѿдѣжлѣхъ ѿвцѣхъ. Изъ оутриже сѣть волци гра-
 битсѣи. нже нмѣть ѿбразъ бѣгоутѣа а слѣты и сго ѿвѣщютсѣа. да въ
 любенини не прѣлѣстнѣтсѣа. Но акоже и приасте глѣ иашего іа хѣл.
 в томѣже и ходите и бѣ мирѣ да бѣдѣть с влѣми. амнѣ ².

VIII.

(Изъ той же рукописи.)

ОЛО СѢГО ОЦА НАШЕ ІОУ ЗАЛУСТА.

Слѣшите оубо мнози сѣть слѣтѣськѣ крѣткни. А ѿбмѣаснѣ и дѣлѣ
 акты поглннн искѣрнни. Накѣкошѣ бо слннѣскѣ дѣати. ѿнѣ бо скон-
 цѣса пррѣтѣко. Яко есте кѣрннн. ѿбмѣкше кофюнтѣ и слннѣскѣа блснн
 жидовскѣа. и оуродословѣа и глѣчлѣсннѣ на оулицѣхъ. и на бесѣдѣхъ
 радѣ. Уары же и волхвоклннѣс и снокс и кровнѣдѣсннѣс и дѣлѣсннѣтѣ.
 Нннѣ исподокнлѣа многа дѣюще. Яко крѣтѣамнѣ есте аще си творите.
 и вѣко стѣла тлннѣтѣ снѣкѣте прнннѣлѣтн. А горшл бѣдѣщѣс кѣлннѣ. По-
 кѣтѣкѣсте бо поглннѣскѣа дѣлѣа тѣорнтн. пласлннѣ плѣсклннѣс. рѣкѣ со-

¹ ни на лгнѣсь. ² Амнѣ нѣтъ.

тонину. вѣсни. иианство. Блаудиа. гивекъ. ханствъ. и иида же иѣ аже ни гѣти ихъ здѣ. ткоран бо сиа како крѣланн есте. А горес искрпныхъ. Ѡвратне аше верни есте. то не сивилитеса с тано дяюцими. Аиѣ бо навелъ к посланиихъ своихъ тако иианса. съ тацеси ни исти ни нити. да ис приоксфинци ииѣ будете. Мнози бо сѣтъ оууаще злѣ. еше боле са оуиножитъ. Но блюдитеса иио днѣе хан сѣтъ. и крсема слѣги си иианствъ. Но ис уюдиса аше и настѣши колци боудѣтъ. Къ стѣснѣ бо аиѣ навелъ гѣше. Ико Ѡ самѣхъ влѣсъ будѣтъ неупи на погыбель оууаще. И гѣ гѣл блюдитеса да ииктоже еѣ да не прельститъ ис въследѣнтс хлѣмъ. Многи бо вѣрнии ткоратса а ис вѣдають что есть крѣланство. вко еста въ вѣрѣ и въ законѣ кзаконено. Но вижю оубо ис оуица токио неистовы что ис разѣимы но и старыа. Ѡ ииѣже велии тѣжю. Егда на беседахъ и на оуицахъ града. Вижю мѣжѣ Ѡ ссдинѣ уѣна. а хлѣа и исподобила вѣстѣюща. Или на позоры или въ пирѣ дѣти съ собою влѣкѣща. Ѡ вѣрнии вко са на погыбель дскте. Скисричи бо сс и зло. Ѡиѣ свои уада исдѣтъ на зло дѣло. А крѣланомъ бы подобно законѣ бнѣю своа дѣти оуити. а не пагѣкѣ. Аше же кто въспроситъ бесѣстѣднихъ тѣхъ стареуѣ. Како прѣри и апан пожан. и колико аиѣ и прѣкѣ. Ис вѣдѣтъ оубо и не оуиѣють ѡ томъ что рсфи. Аше ли ѡ ковѣхъ или ѡ птѣвахъ. Или ѡ иномъ Ѡ уемъ. То философи хѣтрси. Еше же и сс гѣтъ. Въ глѣмисни ие грѣха. Ѡ уѣиѣ далъ ти вѣ ножити крсема. да смю оугоднии и колю сго створиши и прѣкѣ дѣан. А ты же на иианство и на блѣдию. и на коа хлѣа вѣдѣса. Иже к испанствѣ. бѣ. Ѡ вѣрнии како са погыбель днѣмъ дссте. Русть бо к вѣмъ бѣ. Ноуто к пѣстошѣ крсема скос иѣжнша. Но үеисис ис вниглѣсте сѣо. Но ис сс ли еста въ вѣ. Аше гдѣ үеисис слоко продолжатъ. то мнози аки оу искоего зла с иѣжсѣю прѣдѣстоать. Або будѣтъ на беседа града. или на оуици или на игрици. то тѣ прѣвѣдѣте и далс. А будѣтъ нити то и иоци не спѣтъ. пагѣвила дѣан. Како бы крѣланн есте. а се ткоратсе. А горес поганыхъ. Сотонни бо хлѣмшасис. тон бо и позоры иаоуиѣлъ еста. смѣхоткорца. и коционанки. и игрѣца. Да тѣхъ хлѣми дѣлы и хрѣщам ихъ ногоуѣнтъ. Како бо позорѣюща ие тосже ли ткоратъ. Аше пѣстошникъ глѣмаса что изорѣсть. Тогда сии боле илсѣмѣются. Егоже бы дѣлѣ злословилго коционѣника вниѣсѣ Ѡгнатк. Но сии хрѣщис уюдатса. ти оууѣтса злѣ. Дрѣзни же иуды игрѣуемъ дають. Да темъ колни ѡгнь на свою главоу вжлѣають. Но аше бы ии зрели ии диканса ииѣ. То ѡставили бы тнѣ пѣстокаина. Но ис токио

двѣтса зраце. Но и словеси ихъ изыкли. Да егда зберутса к миру или ниде гдѣ. То подобно бы крѣпценомъ гѣти было. О пррѣустке о оуусини стѣхъ. то снн В того мѣсто вѣцлють. Се гѣть ѡисни ско-
 морохъ. Или ѡиъ нгрсуо. Да тѣмъ многы себе нѣти готовить. Вѣ-
 дѣще к шѣкѣ вѣзуню. Се бо нѣ крѣпценомъ. Аще нгръ и вѣсѣды дѣснѣ.
 и коцнош и злы грѣхы смѣхы и блѣдѣ творнѣ. А испрѣды ис
 ѡстлнсмса. И проучнхъ зловѣ. Но се мѣсть тѣхъ дѣло нже днаволи
 сѣтъ оугодннкн. нже нѣ ухлнннн жнзнн. но с бѣсы ѡсѣжснн бѣдѣтъ
 к нзгѣлшнннннн ѡгнѣ. когѣ жс нлшс:

